

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНГЛИЯ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

БАЙРОНА

LORD GEORGE GORDON BYRON

1788—1824

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Л. ЛОЗИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

ДОН-ЖУАН

инв. 1389

ПЕРЕВОД П. А. КОЗЛОВА
ВСТУП. СТАТЬЯ А. А. СМИРНОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА. MCMXXIII

121-23

Отпечатано 6.000 экз.
в Тип. Коминтерна
Гиз. 3338 Главлит. 5303
Петербург

ДОН-ЖУАН

DON-JUAN

(1818—1823)

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

„Дон-Жуан"—последнее и вместе с тем самое крупное из произведений Байрона: крупное и по об'ему, и по широте замысла. Это—обширнейшая и подробнейшая сатира на человеческую жизнь, ближайшим образом—на современную автору, но в известном смысле—на жизнь в целом, на человечество вообще,—сатира, в которой отдельные поэтические образы и картины переплетаются с собственными авторскими высказываниями—признаниями и оценками.

Первый толчок к замыслу подобного рода поэмы надо искать в настроениях, которые Байрон переживал в начале своего итальянского периода. Тяжелый душевный кризис, вызванный в 1816 году трагедией разрыва с женой (*см. вступительную статью к „Манфреду"*) *), разрешился к концу этого года, когда Байрон переехал из Швейцарии в Венецию. В силу довольно обычной психологической реакции, перегоревшая скорбь сменилась порывом жизнерадостности. Шумная и веселая венецианская жизнь опьянила Байрона, отдавшегося без удержа легким радостям и наслаждениям. С этого момента в творчество Байрона вообще проникает струя более светлого, бодрого, об'ективного отношения к жизни, в его поэзии появляется шутка, порою игривая, даже фривольная. Из этого настроения возник „Беппо",—сплошная шутка, лукавая и задорная. И кое-что из „Беппо" перешло и в „Дон-Жуана", особенно в первые песни его. Сам Байрон устанавливает связь между обоими произведениями в письме к своему другу, поэту Т. Муру от 19 сент. 1818 года: „Я закончил первую песнь поэмы в стиле и в манере *Беппо*, ободренный успехом этого последнего. Поэма моя называется *Дон-Жуан*: это будет легкая, веселая сатира на всякую всячину". В связи с этим, Байрон переносит из „Беппо" в „Дон-Жуана" и оживленную, капризную форму октавы, и новое использование приема „отступлений"—в назидательном духе, или в тоне непринужденной болтовни по внешнему поводу или вовсе без повода. Таков один элемент, участвовавший в сложении „Дон-Жуана".

---

*) Изд. „Всем. Литературы"—Байрон „Драмы", П. 1922.

Роль его, однако, весьма невелика. Рассказ для чистой забавности, смех ради смеха—были чужды натуре Байрона, он не мог на долгое время на них задержаться. Ему не могла не прийти мысль применить то и другое к иной, высшей цели. К какой же? К той, которая отвечала старой, заветной склонности его духа—к протестующему, сатирическому отношению к действительности. В самом деле, если горькое и мрачное чувство и отступило пред лаской жизни, общий взгляд на жизнь, нравственное миросозерцание Байрона от этого не изменились: он остался тем же поборником естественности, правдивости и свободы, ненавистником деспотизма, хищничества и лицемерия, царивших вокруг него. И вот, обратив веселый смех в горький сарказм, он направляет это оружие против своего давнего врага. Опыт в сатирической поэзии уже имелся у Байрона: вспомним его „Английских бардов и шотландских обозревателей" и „Чортову поездку" (1813). Но теперь Байрон придал своей сатире *универсальный* характер.

Это приводит нас к третьему моменту. С наступлением полной духовной зрелости,—а это совпало как раз с первыми годами пребывания в Италии,—Байроном все сильнее и сильнее овладевает потребность создать, взамен прежних произведений, „эпизодических" и обособленных, нечто завершающее, целостное, в чем бы он мог высказать себя всесторонне и сполна, и этим оставить после себя в литературе ясный и длительный след. Самым подходящим типом такого творчества явилась бы *эпопея*. Но об эпосе с *положительным* содержанием нечего было и думать в „критический", „переоценивающий ценности" век Байрона. К тому же сам Байрон был менее, чем кто-либо, способен обрисовать в положительной, конкретной форме свои пламенные, но смутные идеалы. Итак, естественной формой для его устремления оказывался *сатирический эпос*. А к этому присоединилось еще следующее: Байрон в ту пору, как свидетельствуют его письма, испытывает сильнейшую потребность высказать все то, что накипело в душе за долгие годы, поведать в форме живых, непосредственных признаний свои мысли и волнения, интимные радости и печали. Как раз в 1818 году задумывал он написать мемуары, и в том же году почти закончил свою автобиографию. Байрон жаждал включить и этот элемент в свою поэму, и для этой цели оказалась идеально емкой форма повествования с совершенно вольными, прихотливыми отступлениями разнообразнейшего характера, которая была им перед тем разработана в „Беппо".

Дважды на протяжении своей поэмы Байрон определяет „жанр" ее. В первый раз он называет ее „эпической сатирой" (XIV, 99; об „эпичности" своих описаний, в шутливой форме, Байрон упомянул еще ранее—VIII, 138), во второй раз—„бессвязными стихами, в роде болтовни, которою можно занять час-другой" (XV, 20). Нам остается лишь слить вместе оба эти определения.

Таковы главные элементы, из которых сложился „Дон-Жуан". Нельзя сказать, чтобы их соединение вело к полному внутреннему единству поэмы. А пестрота и сложность состава еще усилились оттого, что писалась она весьма продолжительное время и с большими перерывами. Начав писать поэму в Венеции 6 сентября 1818 года, Байрон около 20 января 1819 года закончил первые две песни, которые вскоре и издал отдельно, притом анонимно. Лишь 8 месяцев спустя возобновил он работу. Между концом сентября и 10 декабря 1819 г. возникла одна большая песнь, разделенная затем Байроном пополам—на III и IV. За этим—новый, почти годовой перерыв. Между 16 октября и 20 ноября 1820 г. была написана вчерне V песнь, отделанная весною 1821 года и изданная вместе с обеими предыдущими в августе того же года. И опять—промежуток, длящийся более года. Лишь в июне 1821 г. Байрон возвращается к „Дон-Жуану", чтобы отныне работать над ним упорно и без больших перерывов. К маю 1823 г. была закончена XVI песнь и набросано начало XVII (найденное лишь в новейшее время и впервые изданное в 1903 г.). Последовавший вскоре затем от'езд в Грецию прервал работу, и уже навсегда: поэме суждено было остаться незаконченной.

Длительные перерывы в работе об'ясняются частью плохим настроением, в которое приводила Байрона враждебная критика на первые, отдельно изданные песни, частью уговорами возлюбленной Байрона, графини Терезы Гвиччоли, бросить труд, „безнравственный" характер которого сильно ее смущал (Байрон не раз давал ей слово бросить поэму, но затем брал свое слово обратно, обещая лишь воздерживаться от слишком больших фривольностей), частью, наконец, временным отвлечением работой над другими произведениями.

На протяжении пяти лет, пока писался „Дон-Жуан", мироощущение Байрона в основном оставалось неизменным. Но в настроениях его бывали перебои. Периоды жизнерадостности чередовались с полосами сумрачности, вызывавшимися временными неладами с Терезой Гвиччоли, денежными затруднениями, неудачами в политической деятельности. Это не могло не отразиться на духе и манере отдельных песен. Сказывалась и изменчивость литературного вкуса и интереса, диктуемого подчас настроением минуты. В некоторых песнях (таковы по преимуществу первые песни) описывается ряд эффектных приключений и господствует тон беззлобной шутки, в других (главным образом—позднейших)—почти никакого действия и лишь картины нравов в едко-сатирическом духе. В результате, есть песни, между которыми различие—не меньшее, чем между первыми двумя и третьей или четвертой песнями „Чайльд-Гарольда",—а ведь они рассматриваются критикой, как отдельные произведения!

Несмотря на это, некоторое внутреннее единство в поэме все же есть. О нем у нас будет речь в конце. А сейчас обратимся к тому

внешнему единству, которым Байрон пожелал скрепить поэму плотнее, чем родственного ей по духу и манере „Чайльд-Гарольда“,—к единству героя и сюжетной рамки.

II

Сюжет „Дон-Жуана“—продукт свободного вымысла Байрона. Казалось бы, так естественно было и героя назвать каким-либо вымышленным именем, в роде того же „Чайльд-Гарольда“. Байрон, однако, поступил иначе. Его соблазнил,—чем именно, мы сейчас увидим,—образ одной старинной легенды, вдохновившей уже до него стольких поэтов. Легенда о Дон-Жуане принадлежит к числу тех немногих гениальных созданий вымысла, которые имели особенную судьбу в мировой поэзии. Подобно сказаниям о Прометее, о Роберте Дьяволе или Фаусте, в психологической схеме этого сказания таилось нечто не раскрытое до конца в первоначальной литературной обработке его, нечто способное к дальнейшему углублению и действовавшее оплодотворяющим образом на поэтическую мысль многих дальнейших поколений. Что же нашел Байрон в традиции, и как он ее использовал? Не прослеживая литературной истории Дон-Жуана в ее подробностях, отметим лишь главные этапы ее развития [1]).

Легенда о Дон-Жуане, повидимому, народного происхождения, зародилась не в Италии, как прежде думали, а в Испании, стране кипучих страстей и мрачных контрастов. Отдельные мотивы, вошедшие в ее состав, возникли еще в средние века, но законченную форму свою она приняла лишь к XVII веку. Первая литературная обработка ее принадлежит выдающемуся испанскому драматургу, монаху Габриелю Тельесу, более известному под псевдонимом Тирсо де Молина. В драме его „Севильский обманщик и каменный гость“ (ок. 1618 г.) впервые установилась схема сюжета. Дон-Жуан, знатный и богатый юноша, своевольный и безрассудно храбрый, отчаянный вольнодумец, смеющийся над божескими и человеческими законами, обуреваемый жаждой чувственных наслаждений, обольщает всех встречающихся на его пути женщин, чтобы, насмеявшись, безжалостно бросить каждую. На все увещания окружающих и напоминания об угрозе загробных мук он лишь со смехом отвечает: „Долгий срок вы мне даете!“ И вот однажды, глумясь над памятью кавалера, убитого им при неудавшейся попытке отнять честь у его дочери, он приглашает его статую

---

[1]) Исчерпывающий обзор истории легенды в ее литературных отражениях дан в работе G. Gendarme de Bévotte „La légende de Don Juan“, 2 t.t. Paris, 1911. Из нескольких очерков, имеющихся на русском языке, лучший принадлежит Алексею Н. Веселовскому, в его книге „Этюды и характеристики“; сжатый обзор фактов и библиографию вопроса см. в статье „Дон-Жуан“ в Энцикл. Словаре Брокгауза и Ефрона, 2-е изд., принадлежащей автору настоящего очерка,

к себе на ужин. Свершается чудо—статуя действительно приходит к нему. Следует ответное приглашение, которое Дон-Жуан дерзко принимает; он является на могилу убитого и там погибает от „пожатья каменной десницы", увлекающей его в ад. В последнее мгновение молит он об отсрочке, чтобы покаяться в грехах; „Поздно!"—звучит ему в ответ. „Нет такого долгого срока, который бы не истек",—такова мораль драмы, сильно окрашенной религиозной мыслью.

Этот испанский Дон-Жуан соединяет в себе два начала. С одной стороны, выступает на первый план его физиологическая грубость. Любовь сводится для него исключительно к моменту первого обладания, после чего он бросает женщину, как выжатый плод. Да и приемы обольщения примитивны у него до крайности: несколько банальных комплиментов и клятва жениться—вот и весь его арсенал. При случае, впрочем, он готов прибегнуть и к насилию. С другой стороны, есть своеобразное очарование в его дикой, похожей на одержимость, страстности, еще более—в его бешеной храбрости, в его чисто рыцарском чувстве чести и верности данному слову (правда, во всех случаях, кроме тех, когда дело касается обольщения женщины!): ведь и погибает он лишь оттого, что сдержал слово, данное мертвецу; не лишено, наконец, демонической красоты и его исступленное „богоборчество". Пьеса вся построена на ярком контрасте между этими отталкивающими и чарующими чертами в характере ее героя. Дон-Жуан Тирсо де Молины *драматичен* по преимуществу.

Итальянские комедианты, прельщенные внешней эффектностью сюжета, не замедлили использовать испанскую пьесу. Но в их сценариях весь трагический элемент был тщательно выключен, уступив место площадному комизму с простором для импровизованных прыжков и ужимок, вплоть до заключительной сцены, где черти со смешным воем и кривлянием уносят душу Дон-Жуана. Серьезная драма обратилась в *буффонаду*. Недалеко от этого тона ушли и две французские „трагикомедии" о Дон-Жуане, написанные вскоре затем Доримоном и Вилье по канве итальянских сценариев.

Новое в ценном смысле в разработку сюжета и типа героя внес Мольер, создавший своего „Дон-Жуана" пол-века спустя после появления драмы Тирсо де Молины, при чем источниками ему послужили названные французские пьесы. Мольер допускает уже больше отступлений в фабуле, чем его предшественники. Но главный вклад его в историю легенды—новая трактовка типа Дон-Жуана. Если в прежних версиях герой—знатного происхождения, это—лишь общая условность драматургии той эпохи. У Мольера впервые этой черте придано принципиальное значение, и она оригинально истолкована им. Его Дон-Жуан—типичный представитель того круга „либертэнов", лиц знатных, преимущественно придворных, развратников и вольнодумцев, который начал слагаться во Франции в эпоху Мольера. Именно

знатность и богатство и дают им возможность совершать их злые дела. Несмотря на сохранение трагического финала, пьеса Мольера—комедия, но комедия уже серьезная, типа *социальной сатиры*.

Конец XVII века и весь XVIII изобилуют новыми версиями легенды о Дон-Жуане на всех языках, но ни одна из них не вносит в трактовку легенды чего-либо значительного в идейном отношении. Подлинное возрождение ее совершается лишь в начале XIX века, когда ею занялись немецкие романтики. Ряд увлечений и измен Дон-Жуана они истолковали не как эгоистическую погоню за наслаждениями, а как порывы высокой души, вечно неудовлетворенной, томящейся по недостижимому идеалу. Подготовленное некоторыми малозначительными предшественниками, это новое понимание типа Дон-Жуана впервые проступает с полной ясностью у Гоффмана, новелла которого о Дон-Жуане написана около 1813 года. На этой почве произошло в нескольких версиях сближение Дон-Жуана с Фаустом, таким же искателем идеала. В связи с этим же оказались вынужденными отступления от традиционной фабулы, доходящие до того, что в некоторых версиях от легенды не осталось ничего, кроме имени героя. Таков новый этап—этап *идеализации* Дон-Жуана. Направление это нашло после Гоффмана ряд продолжателей, но мы оставляем их здесь без рассмотрения, ибо они выходят за пределы эпохи Байрона.

Каким путем познакомился Байрон с легендой? Трудно сказать, читал ли он какие-либо литературные обработки ее, кроме комедии Мольера. Но зато он хорошо был знаком с ней по театральным представлениям. Без сомнения, он видел пантомиму „Don Juan or the Libertine destroyed", игранную в 1809 году его приятелем, актером Гримальди, в одном из лондонских театров. Но и в самой Венеции около 1818 года он не мог упустить случая повидать либо оперу Моцарта, либо комедию импровизации о Дон-Жуане: обе они в ту пору не сходили со сцены итальянских театров.

III

Что же побудило Байрона избрать Дон-Жуана героем своей поэмы? Здесь прежде всего чувствуется задорный вызов. Идеализованный немецкий Дон-Жуан был еще неизвестен Байрону, как и вообще был мало кому известен за пределами Германии. И вот, старого Дон-Жуана—грешника и преступника, осужденного многими поколениями „благомыслящих" поэтов, это пугало мещанских умов с их робкой и лицемерной моралью, Байрон делает предметом своего сочувственного изображения! Пылкость, смелость, вольномыслие и презрение к общественному мнению делали образ Дон-Жуана симпатичным Байрону, ибо во всем этом было много родственного его собственной натуре. Притом же повесть о Дон-Жуане являлась удобной канвой для универсальной сатиры: пестрые приключения героя, его

перемещения с места на место и столкновения с разнообразными лицами давали возможность развернуть панораму человеческих нравов. На мысль использовать сюжет в целях социальной сатиры мог натолкнуть Байрона „Дон-Жуан" Мольера. Но при этом Байрон остроумно перевернул отношения: у Мольера об'ект сатиры—сам Дон-Жуан, у Байрона—среда, в которой он вращается.

Этих мотивов, однако, было, конечно, недостаточно, чтобы тревожить тень великого страстотерпца. Ведь, на первый взгляд нет ничего общего ни между типом, ни между историей Дон-Жуана Байрона и его фантастического прообраза. В самом деле, в фабуле все сходство ограничивается такими общими чертами, как происхождение героя из Севильи, знатность, обилие любовных приключений, да еще два эпизода: любовь к девушке, оказавшей помощь после кораблекрушения (Гайдэ песен II—IV соответствует рыбачка или поселянка в старых драмах) и, пожалуй, ночное столкновение с мужем Юлии (I, 183—186), похожее на карикатуру на дуэль Дон-Жуана с командором. Заметим, кстати, что обещание дать в конце поэмы „Панораму ада" (I, 200)—явная шутка. Да и в характере героя—что общего, кроме „склонности к любовным похождениям"? А если так, то не слишком ли тяжеловесной и далеко зашедшей шуткой было навязать современному герою это древнее мифическое имя?

Дело, однако, осветится по иному, если произвести внимательное сопоставление между Дон-Жуаном легенды и героем Байрона. И тогда обнаружится, что Байрону принадлежит новое и оригинальное осмысление и типа Дон-Жуана, и легенды о нем, тем более замечательное, что начатое немецкими романтиками „новотворчество" в этой области было ему неизвестно.

Начнем с того, что между Дон-Жуаном литературной традиции и Дон-Жуаном поэмы есть глубокий параллелизм, только не по сходству, а по *контрасту*. Дон-Жуан традиции—злой насильник, носитель темных, грешных страстей: это—богохульник и имморалист. Дон-Жуан поэмы—воплощенная мягкость и доброта; все его влечения и действия невинны и безгрешны; если сознательная мысль о боге или о нравственности никогда не возникает у него, то потому, что он, как чистое дитя природы, просто арелигиозен и аморален. Дон-Жуан традиции ставит себя сразу во враждебное отношение к обществу: он оскорбляет его и глумится над ним. Герой поэмы беспримерно податлив и уживчив со всеми; добродушно и ласково отдается он воле несущего его ветра („а Жуан, похожий хоть в этом на святого, умел поладить со всеми и жил весело, без печалей, и в лагере, и на корабле, и в деревне, и при дворе: он родился с той счастливой душою, которая редко унывает и скромно принимает участие в чужих горестях и забавах", XIV, 31), он—„идеалист... на реальной почве" (X, 20). Обща обоим на первый взгляд „склонность к любовным

похождениям"—но тут-то контраст и обнаруживается самым ярким и, добавим, забавным образом: похождения эти носят у них совершенно противоположный характер! Традиционный Дон-Жуан проявляет предприимчивость вплоть до способности совершить насилие, наш новый Жуан исключительно пассивен. Даже в тех случаях, как с Юлией и Гайдэ, когда в нем вспыхивает горячее чувство, это—лишь ответный пламень. В эпизоде с Дуду в гареме первое движение принадлежит не ему, а ей. Он, кажется, и не подозревает ревнивой мысли лэди Амондвиль о нем. Что касается султанши и Екатерины, то они просто „бросают ему платок", который он во втором случае с готовностью подхватывает, как несомненно сделал бы это и в отношении султанши (см. V, 141—143), если бы ему суждено было подольше пробыть в гареме; и немногим отличается от этого роль его в отношении к герцогине Фиц-Фольк. В связи с этим, никогда не покидает он сам своей возлюбленной, но всякий раз лишь внешние обстоятельства разлучают его с ней. Ясное дело, наш Жуан—не коварный изменник, а вернейший и покорнейший из любовников, не соблазнитель, а *вечно соблазняемый!*

Из Дон-Жуана получился таким путем „анти-Дон-Жуан", „Дон-Жуан на изнанку". И с этим интересно связываются два эпизода поэмы. Один был уже вскользь упомянут выше: это — ночная стычка с мужем Юлии,—словно карикатура на дуэль Дон-Жуана с командором. Второй—история с привидением, оказавшимся прелестной герцогиней: не вышучена ли в ней сцена с „каменным гостем", выходцем с того света? При таком понимании история Жуана оказывается забавной *пародией*, не особенно систематически проведенной, но все же четко намеченной несколькими штрихами, на повесть о легендарном испанском герое.

Если бы все дело ограничивалось этим, мы, опираясь на факты, признали бы за Байроном остроумный замысел нового, *комического* преломления легенды, подготовленного, быть может, тем, что Байрон знал легенду преимущественно в комических версиях. Но, кроме фактов, в поэме есть намеки, позволяющие поискать еще иного, более глубокого и сложного замысла.

Жуан Байрона никогда первый не проявляет инициативы чувства, кроме, повидимому, единственного случая—в отношении к Авроре. „Повидимому" относится к слову „чувства", ибо эпизод остался неразвернутым, и мы не знаем, было ли это мимолетным капризом со стороны Жуана, или сердце его было серьезно затронуто. Думаем, что скорее—второе (см. XVI, 12—13, 15, 92—93). Но если даже это только каприз, все же факт остается тот, что инициатива принадлежит Жуану,—а это для него и ново, и необычайно. И тут, именно к концу поэмы, мы замечаем, что Жуан не совсем уже тот, прежний Иная и тактика его в отношении Авроры: вместо былого наивного

порыва и пылкого признания—он осмотрительно ищет пути к ее сердцу: он ухаживает за нею, *соблазняет ее!* (см. XV, 77, 80, 82). Да он и вообще, если присмотреться, значительно изменился. Он стал много рассудительнее, осторожнее, спокойнее и *скептичнее* в отношении к окружающему. Он постиг „науку страсти нежной", а вместе с тем и несколько других еще „наук"...

Можно различить три этапа в душевной эволюции Жуана. Первый—на Средиземном море, в краях, где не иссякла правда и живость чувства—юная, невинная пылкость (песни I—IV). Второй—в деспотических странах, Турции и России—пассивная, спокойная отдача себя воле ветра (V—X). Третий—в Англии, стране чопорности и лицемерия—появление критического отношения к жизни и первый проблеск инициативы (XI—XVII). Каков был бы четвертый этап, если бы поэма была продолжена? Можно ответить без риска ошибиться: пресыщение и скептицизм, а с ними вместе, при „остывшем жаре страстей"—замена любовного восторга поисками разнообразия в наслаждении; в отношении же к обществу, вместо былого растворения в нем—противопоставление себя ему. И не ждал ли душу бедного Жуана в самом конце... ад: не бутафорский ад легенды, а реальный—*„бессмертной скуки ад"* [1])?

Уясняется глубокая мысль Байрона: его „анти-Дон-Жуан"—подготовительная ступень к настоящему Дон-Жуану. У него Дон-Жуан об'яснен *генетически* и притом, конечно, на почве „новотворчества"—не в легендарном плане, а в реально-психологическом—как герой *современный*. Правда, процесс превращения Жуана в самого себя из своей противоположности не показан с ясностью, и читателю предоставлено о существенных вещах догадываться. Но такова уж взятая Байроном в этой поэме литературная манера. О ясности плана он совершенно не заботится, да у него и не было никакого готового плана. В письме к своему издателю Мэррею от 16 февр. 1821 г. Байрон пишет, что думает заставить своего героя совершить круговую поездку по Европе и окончить дни во время французской революции: „Я только не вполне еще решил, покончить ли с ним в аду (!), или же в несчастном супружестве, не зная, что тяжелее". Указание—неопределенное, да и не связывавшее поэта, который несся по прихоти волн своей фантазии. Байрон не представлял себе даже приблизительных размеров поэмы. В начале он говорит о двенадцати песнях (I, 200), затем—о пятидесяти, ста и даже ста пятидесяти (!)... Столь же чужда ему забота и о психологическом натурализме, и даже о внешнем правдоподобии [2]). Что сказать

---

[1]) Выражение А. Блока (в цикле „Черная кровь"), также—одного из истолкователей легенды о Дон-Жуане.

[2]) Полное пренебрежение к счету времени: при отплытии Жуану—16 или 17 (I, 83) лет, а в имении лэди Амондвиль ему 21 год (XIV, 51, 54); между тем, с тех пор прошло не более полутора лет!

о матери, отправляющей своего 17-летнего сына „для исправления", после совершенного им немаловажного проступка, в далекое путешествие, под охраной его слуг? Правдоподобно ли такое соединение в нем всех добродетелей и достоинств, вплоть до необычайной храбрости под Измаилом? Откуда в этом мальчике такое умение держать себя при дворе? Суворов доверяет ему, первому встречному иностранцу, отвезти рапорт Екатерине, а эта последняя—дипломатическое поручение в Англию! Мягкий сердцем Жуан ни за что не хочет расстаться со спасенным им под Измаилом ребенком, и тут же бросает двух спасших его из гарема турчанок, чтобы более не вспомнить о них! Психологическая мотивировка обычно отсутствует. Байрон посмеивается над читателем, быть может, слегка пародируя стиль романов приключений.

Самый процесс „воспитания" Жуана лишь кое-где обозначен беглыми штрихами: таковы беседы, в которых он почерпает охлаждающие „уроки жизненной мудрости", с Джонсоном (V, VIII), позже—с лэди Амондвиль (XIV, XV). В общем же мы должны довольствоваться тем, что Байрон показывает нам эволюцию своего героя в ряде последовательных „разрезов". Промежутки заполнены длинными отступлениями. Проходит время, и когда взор наш снова обращается к Жуану, он оказывается уже изменившим свой облик. Так схематически выполнил Байрон свой замысел, формулированный им в том же письме к Мэррею, которое мы цитировали немного выше: „Я хотел постепенно, по мере того, как он становился старше, показать его gâté (испорченным) и blasé (пресыщенным), как и полагается ожидать".

Но что же так изменило Жуана? одни ли годы? Ответ ясен его „воспитателем" было само окружающее общество, с его условностями и мишурой, лицемерием и эгоизмом. И Джонсон, и лэди Амондвиль, от которых кое-что пристало к душе Жуана,—далеко еще не худшие представители этого общества. И опять, с внешней забавностью и с внутренней тонкостью, Байрон перемещает роли: Дон-Жуан—не преступник против общества (как в традиции), но сам—жертва его. Но если общество—виной всему, то сатирическое изображение его связывается с жизнеописанием Жуана. Так уясняется нам теперь идейное единство поэмы.

IV

В картинах жизни, обрамляющих сюжет, и в отступлениях сатирическая часть занимает главное место, и по об'ему, и по значительности своей. Сатира Байрона разнообразна и слоиста по составу. Общее переплетено в ней с индивидуальным или национальным об'ективное—с личным. Конечная тема ее—общие и вечные свойства человеческой натуры в оболочке эпохи и национальности.

Взгляд Байрона на жизнь в целом крайне мрачен. Человек—смесь эгоизма и порочности, жестокости и слабости. Всякое открытие или изобретение он употребляет во зло. Ум его ослеплен предрассудками, чувства—ничтожны. Излюбленный прием Байрона состоит в том, чтобы, обрисовав какое-нибудь с виду благородное движение души, тут же вслед затем разоблачить его низменную эгоистическую подкладку. Особенно безотрадна его философия любви (III, 2—16 и IX, 73—76): в ней все—обман или жалкий эгоизм. Каковы люди, таковы и учреждения их, и весь строй их жизни. С детства человек искалечен уже воспитанием, а обычаи и законы душат его личность и принуждают к лицемерию. Семья—очаг раздора, государство—воплощение насилия, правосудие—глумление над правдой. Каждый народ выделяется какими-нибудь особыми слабостями и пороками. Испания—суеверием и легкомыслием женщин, Турция—жестокими нравами, Россия—деспотизмом и раболепством, Англия... но можно ли перечесть пороки, которые находит Байрон, попавший на родную почву? Главными все же остаются—чванство, лицемерие, эгоизм, засилье финансистов.

Эта обстоятельность об'ясняется отчасти тем, что здесь затронуты личные моменты в чувстве Байрона. Личному элементу, действительно, уделено громадное место в его сатире. В портрете матери Жуана, „ученой женщины“ (I, 10—17 и 27—29), мы узнаем черты жены Байрона, в картинах воспитания английской молодежи ощущаем собственные печальные воспоминания о школьных годах, в выпадах против банкиров (XII, 5—6) и юристов (X, 14—15)—отголоски личных денежных и других неприятностей, в цельной картине английского светского общества—гневный ответ на все обиды и унижения, которым его самого подвергала родина. Нечего и говорить, что личные счеты с литературными противниками сведены в троекратном обзоре английской поэзии (Посвящ. 1—11 и 17; III, 91—100; XI, 55—59) и в отдельных мелких выпадах против критика Джефри (X, 11—16) или давнего врага Байрона—поэта Саути (X, 3 и 37; XI, 56). Но все темы сатиры покрывает и как бы растворяет в себе одна, постоянно повторяющаяся тема: о бренности славы людской, о ничтожестве, суетности всего земного (I, 218—219, VII, 1—7, 34; X, 35, 73; XI, 75—78).

Сатира Байрона богата оттенками, начиная с мягко-шутливого (таковы прелестные вариации „Престраннное созданье человек“, I, 128—133) вплоть до возбужденно-гневного. Полны горечи строфы VII, 41 и 44—45. Едкий сарказм звучит в „похвале лжи“, XI, 37—38. Юмор необычайной мрачности мы находим в шутках по поводу людоедства (II, 72—83) или в упоминании о женщинах, которые при взятии Измаила досадовали: „Зачем нет насилий!“ (VIII, 131—132). Искренний пафос легко появляется у Байрона, когда он касается давнишних, излюбленных тем своих: политического деспотизма

(Посв., 12—16; IX, 23—28) или ужасов войны и народных страданий (VIII, 3—5, 12—13, 123—126, 135—136).

Однакоже, сатира его обладает и существенными недостатками. Начать с того, что универсальной по настоящему ее нельзя назвать. Полем наблюдения Байрона является лишь *светский* круг общества—единственный, который он действительно знал,—ибо к остальным мало прикасался в жизни. Но такое ограничение сильно подрывает право на выводы о человеческой природе вообще. Характеристика отдельных народов поверхностна и шаблонна. Встречаются вообще длинноты и повторения. Главная же слабость сатиры Байрона—ее *схематичность:* часто, слишком часто он провозглашает моральное требование или обвинение, как общую мысль, не давая живой картины, конкретного образа того, что он бичует.

Вторым слоем, который необходимо строго отграничить от сатирического, является чистая шутка, смех ради смеха: это—тот элемент, который унаследован „Дон-Жуаном" от „Беппо" и который мирно уживается рядом с собственно-сатирическим. На грани обоих стоят вариации на тему „Отрадно..." (I, 122—127) и веселая сцена на корабле, когда нежные воспоминания Жуана о Юлии перебиваются припадками морской болезни (II, 19—20). С виду это—чистая юмористика, но можно вскрыть здесь и более тонкую, горькую мысль—о зависимости наших высоких чувств от жалкой, подчас унизительной, телесной слабости,—о ничтожестве человека. Но вполне безобидная пересмешка, а никак не сатира—в шутках о неудачном супружестве Мильтона, браконьерстве Шекспира и т. п. (III, 91—92). Байрон охотно делает предметом ее самого себя, когда, напр., рассказывает о действии на него различных напитков (IV, 52—53), о случайном приступе недомогания и т. п., вплоть до подтрунивания над своей былой „слабостью" к имени „Мэри" (V, 4) или своей нынешней разочарованностью в жизни (I, 213—217). В эту рубрику „шалостей пера" надо отнести и большинство попадающихся в поэме гривуазностей (напр., V, 28, 32—33; VIII, 131—132; IX, 46, 51; X, 40).

Продолжая далее обзор в направлении от отрицательного к положительному чувству, мы наталкиваемся на слой *нейтрального* описания и повествования, довольно обширный. Сюда по преимуществу применимо то, что называют *реализмом* „Дон-Жуана" и что трудно отнести к поэме, взятой в целом, ибо в иных своих частях она полна условностей. Яркими примерами спокойного, об'ективного живописания могут служить портрет и характеристика Дуду (VI, 52—55), эпизод с певцами, проданными в рабство (IV, 80—89), великолепное описание бури и мук гибнущих, с перебоями отчаяния и надежды (II, 84—90), наружности и убора Гайдэ (II, 116—121), пира ее с Жуаном (III, 61—77), Ньюстэдского аббатства, под видом замка Амондвилей (XIII, 55—72), многие сцены из осады Измаила (VII—VIII). Во

всем этом—ни тени сатиры, и подавно—ни пересмешки, ни романтической идеализации. Это просто—жизнь, как она есть и какою Байрон ее научился видеть, принимать и художественно отражать после душевного перелома 1817 года. Неоднократно даваемое и часто нарушаемое обещание изображать только „правду" (VIII, 86; XIV, 13; XVI, 2—3) здесь он сдерживает наилучшим образом. С некоторой натяжкой в эту же рубрику можно отнести, в силу их нейтральности, и те места, где Байрон болтает о всякой всячине, не окрашивая этого никаким особенным чувством: экскурс о фортификации (VII, 9—13), о теории Кювье (X, 52), об ирландском языке (VIII, 23—24) и нивесть о чем еще.

Четвертый и последний отдел составляют отрывки *романтического* и *идеалистического* характера,—ибо и эти чувства, вопреки заверениям Байрона о полной своей разочарованности и скептицизме, нашли отражение в поэме, как и вообще все, что жило и совмещалось в его богатой и сложной душе. Это—либо изображение совершенных по чистоте и красоте образов и моментов действительности, либо призыв к будущему мыслимому идеалу, либо, наконец, философские размышления над великими проблемами познания и бытия. Таковы: полная взволнованной нежности характеристика любви Жуана и Гайдэ (IV, 8—18 и 26—28), изображение того, как она в трагический момент из девочки вырастает в героиню (IV, 42—45), картина смерти ее (IV, 59—71), портрет Авроры (XV, 43—47 и XVI, 48) и изображение возвышенного чувства Жуана к ней (XVI, 107—108), порывы к свободе (VIII, 135), хвала жизни в природе (VIII, 61—67) и пламенный гимн ей (III, 102—104). Что касается до философских размышлений, то они носят в общем крайне мрачный характер. Загадка жизни и смерти, проблема души, вопрос о смысле жизни,—все это вызывает в Байроне мучительные сомнения и остается неразрешенным. Ему, правда, трудно примириться с мыслью об абсолютной смерти (V, 39), и он горячо защищается от обвинения в атеизме (III, 104): оба эти места—яркие иллюстрации его склонности к учению о всеобщей одушевленности природы. А все же все усилия метафизики тщетны (V, 32; XIV, 1), и наш удел—абсолютное неведение и неуверенность ни в чем (XIV, 3; XV, 88—90). Этот вывод не мешает Байрону в другом месте посмеиваться над крайним скептицизмом, приравнивающим осла мудрецу (VII, 5; IX, 17—18).

Подведем итоги обзору картин и отступлений поэмы. Их мастерство, неисчерпаемое остроумие и блестящий стиль поистине поражают. Но среди этой пестроты и разнообразия тонов легко потеряться, и хуже того—потерять основную нить поэмы. В своих отступлениях Байрон не хочет знать ни меры, ни порядка, внося в них, по собственным словам, „решительно все, что взбредет на ум" (IX, 41). Десятки раз он извиняется за отступления,—и тотчас же продолжает

развивать их, словно подтрунивая над читателем. При таких условиях тщетно было бы искать в поэме композиции в строгом смысле слова. Единственное, что еще можно было бы пытаться отыскать, это—центральный или кульминационный пункт в отдельных песнях. В первых песнях эти точки проступают довольно ясно: в I—сцена с мужем, захватившим врасплох любовников, во II—кораблекрушение, в III—пир любви Гайдэ и Жуана, в IV—смерть Гайдэ. Но в большинстве дальнейших песен и этот центр, повидимому, исчезает. И тут сказалась длительность в работе, отразившаяся на изменении манеры.

V

Каков же общий дух поэмы, говоря упрощенно—ее *тенденция*? Сразу по выходе в свет „Дон-Жуан" вызвал обвинение в безнравственности со стороны английских критиков; не одних, впрочем, английских: великий Гете тоже назвал поэму произведением „самым безнравственным, какое когда-либо порождала поэзия". С другой стороны, сам Байрон усиленно подчеркивал моральное ее значение: он „карает зло", „учит шутя, связав мораль с забавой", дает „нравственные уроки" (I, 207—209; IV, 5—7; IX, 10; XV, 93). Правда, тон всех этих заверений подозрительно игрив, вплоть до явной насмешки, (V, 2). Правда и то, что Байрон в других местах зовет свою поэму чистой забавой, игрой воображения, „мыльным пузырем" (XIV, 8). . .

Во всем этом нет противоречия. В поэме, конечно, нет и следа тенденциозной, суровой морализации: назидательный тон проповедника слишком чужд Байрону. Но, изображая жизнь без прикрас, как она есть, хотя бы в прихотливом беспорядке поэтического вымысла, поэт тем самым обличает ложь жизни и порочность людскую, и этим произведение его становится моральным. Беда лишь в том, что Байрон этой отрицательной картине жизни не может противопоставить никакого определенного положительного идеала. А в таком случае, столь универсальная сатира, развенчивающая все и не предлагающая взамен ничего, естественно может произвести деморализующее действие на читателя, не вооруженного прочно собственным идеалом, ибо провозглашает абсолютный *скептицизм* и *пессимизм*, и на этом ставит точку. Но до этого психологического эффекта нет дела поэту, который тверд в своей моральной позиции: он бичует зло и не приукрашает порока.

Не видел здесь противоречия и сам Гете, назвавший в другом месте поэму „безгранично гениальной". А это приводит нас к последнему вопросу. „Дон-Жуан", мы видели, состоит из нескольких слоев и планов. Но можно ли назвать „гениальным", или просто „выдающимся", произведение, лишенное полного единства? Мы выше стара-

лись показать, что поэма обладает идейным единством. Но это не есть еще единство *внутреннее, художественное*, какого мы требуем от поэтического произведения. В разобранной выше моральной тенденции поэмы его нельзя найти, хотя бы уже потому, что при этом выпадут все элементы, обозначенные нами как „нейтральные" и „романтические". Оно, однако, есть, и искать его надо в некотором *общем чувстве жизни* или „настроении", которое проникает всю поэму и связует ее.

Всякое идеалистическое направление в искусстве неизбежно приходит в тупик, если идет по своему пути с неукоснительной прямолинейностью. Это не только приводит к чувству отчаяния от неосуществимости идеала, но и убивает самое творчество чрез сознание его невыразимости. И потому искусство прибегает, как к отдушине, к психологическому преломлению: это—обходный путь, ведущий к той же цели. Таким-то образом емецкие романтики—современники Байрона—разработали свое учение о „романтической иронии" и прибегали к этому приему, когда слишком задыхались от чувства неосуществимости и невыразимости своего идеала. Прием этот состоит в подшучивании (часто с применением пародии) над собственным идеалом. Значение его—тройное. С одной стороны, насмешка, обернутая так, что она не убедительна, служит косвенным подкреплением идеалу; с другой, дается место струе вольной, непринужденной, как отдых, игре воображения; наконец, эта передышка, как интермедия в старинной драме, разрежает и облегчает настроение.

Байрон, по складу своему—натура иная, чем немецкие его собратья, не мог прийти к тому же приему; но он создал, и именно в „Дон-Жуане", интересный эквивалент его, служащий той же самой тройной цели. Не преломляя существенного в програмной части своей, Байрон прибегает к разрежающим чередованиям—перемещениям плоскостей. Так осмысляются и об'единяются иные элементы, кроме чисто-сатирического, привходящие в поэму. Безобидная юмористика, сливаясь незаметно, в силу внешнего сходства, с сатирой, разрежает утомительную сплошную напряженность ее. Нейтрально-реалистические отрывки—точки отдыха; в то же время они подкрепляют общий тон правдивости, на который притязает сатира. Романтические места представлены как случайные, исключительные для жизни эпизоды, и потому они не противоречат впечатлению универсальности сатиры; являясь „отдушиной", они, по закону контраста, усиливают действие сатиры.

„Если я смеюсь над всем, что смешно, то только потому, что не могу плакать" (IV, 4): вот—ключ к уразумению духа поэмы. За шуткой или идиллической картиной чувствуется тоска; юмор и успокоенный реализм смягчают горечь мысли. За внешним хаосом поэмы ощущается ритм чувства и умение использовать все средства для

выражения и передачи его. Без малейшего отказа от глубины и полноты скорбной мысли, она поэтически преодолевается и претворяется. Победа творческой жизненности над мрачностью миросозерцания—таково мироощущение Байрона за последние шесть лет его жизни. И оно же, отразившись сполна в „Дон-Жуане", создает цельность чувства жизни в нем, образует его художественное, органическое единство.

А. А. Смирнов

Примечания, помеченные в тексте цифрами по порядку, вынесены в конец книги. *Ред.*

ПОСВЯЩЕНИЕ

1.

Боб Са́ути! Ты поэт, ты в нашем хоре
Достойнейший, поэт-лауреат,
Хоть под конец ты превратился в Тори, —
Но нынче этим многие грешат.
Ну, а теперь ты где? В каком уборе
Эпический гуляет Ренегат?
С Лекистами [1]), без места иль при месте?
С гнездом «живых дроздов в печеном тесте;

2.

«Пирог разрезан, птицы стали петь»
(Из старой песни меткое сравненье),
«Для Короля изысканная снедь»
И для Регента чем не угощенье; —
Решил и Кольридж соколом взлететь,
Но в клобучке он чувствует стесненье, —
Он об'яснял нам тайны высших сил,
Но об'ясненья сам не об'яснил.

3.

Ты, Боб, довольно дерзок, знаешь, милый!
Поняв, что больше нет надежды, чтоб
Лишь ты один из стаи пестрокрылой
Был подан ко столу больших особ,
Ты, напрягая крылья свыше силы,
Летучей рыбой шлепаешься, Боб,
На палубу, не расчитав отваги,
Весь высохший, за недостатком влаги.

4.

И Вордсворт издал том, страниц в пятьсот,
С изображением своей системы,
Что мудрецов и тех с ума сведет.
Он дал ему название поэмы;
Быть может, если в бешенство впадет
Пес Ориона, согласимся все мы;
И тот, кто понял смысл его глубин,
Столп Вавилонский завершит один.

5.

Порядочного общества не зная,
Вы, в Кесвике, составили кружок,
Где, мыслями друг друга озаряя,
Решили, что готовит свой венок
Для вас одних поэзия святая.
Подобный взгляд от истины далек,
И я хочу надеяться, вы вскоре
Свои озера смените на море.

6.

Воззренья ваши жалки и смешны,
И мне претят столь низменные взгляды,
Хоть вы и славой все осенены
В придачу к блеску денежной награды;
Ведь плата—это только полцены.
Пусть от акциза Вордсворт ждет услады [2]),
Пусть все вы негодяи,—вы певцы,
И вам к лицу бессмертные венцы.

7.

Вы скрыли под лавровыми листами
И наглость, и, быть может, тайный стыд
Завистником я не являюсь пред вами;
Меня ни плод, ни ветвь не обольстит.
Вы гонитесь за славой и хвалами,
Но к славе путь и для других открыт.
Скотт, Роджерс, Кэмпбель, Мур и Крабб, те смело
В суде грядущем выиграют дело.

8.

Я не могу нестись за вами вслед:
Я пеш, а ваш Пегас имеет крылья;
Желаю вам успехов и побед,
Пусть ваши увенчаются усилья,
Но знайте: срама нет, когда поэт
Других заслуги хвалит. Знак бессилья —
Встречать всё современное хулой;
К бессмертию приводит путь иной.

9.

Как ни старайтесь вы—все нет причины,
Чтоб вам венец бессмертия был дан;
Пред славою вы тщетно гнете спины,
Потомства не введете вы в обман.
Случается, что из морской пучины
Великий муж всплывает, как Титан,
Но большинство бесследно исчезает;
Куда?—один лишь бог про это знает.

10.

Когда, сраженный гнусной клеветой,
К суду потомства Мильтон обратился, —
Его признал великим суд людской,
И пред его величьем мир склонился;
Но Мильтон не умел кривить душой
И с ложью в песнопеньях не мирился;
Чтоб Сыну льстить, он не клеймил Отца,
Тиранов ненавидел до конца.

11.

Когда б ослепший старец из могилы,
Как Самуил, опять явиться мог,
Чтоб деспотов похолодели жилы;
Живи он снова, бледен [3]), сед, убог,
Беспомощен и нищ, в семье постылой
Он бы склонился у монарших ног?
Иль согласился бы служить за плату
Он Каслри [4]), духовному кастрату? [5])

12.

Бездушный, мягкий, холеный злодей,
Рукой, в крови Ирландцев обагренной,
Он нож занес над родиной своей,
Убийством и резней не утоленный,
Пошлейшее орудье палачей,
Талантом лишь настолько одаренный,
Чтоб к старым путам подвязать канат
Иль поднести давно готовый яд.

13.

Грубейшие льстецы, и те не в силе
Превозносить его избитых фраз;
Им и улыбки даже на дарили
Его враги—всех языков и рас;
Хотя б нечаянно из этой пыли
Живой обмолвки просверкал алмаз,—
С его трудом труд Иксиона сходен:
Всегда бесцелен и всегда бесплоден.

14.

Кропатель отвратительных работ,
Он чинит, штопает, кой-где из'яны
Блюдя, чтоб устрашать своих господ:
Мысль—для стесненья, для взнузданья—страны,
Дабы возник конгресс или комплот,—
Оков всемирных проповедник рьяный,
Паяльщик износившихся цепей,
Для бога мерзностный и для людей.

15.

По духу судя, высохшее тело,
Послушное влеченью своему,
Лишь услужать и угнетать умело,
Всем проча цепь, любезную ему,
Творя свое Евтропиево [6]) дело,
Слепое к воле, знаньям и уму,
Бесстрашное—с бесчувственностью льдины;
В нем и бесстрашие—гнуснее тины.

16.

Куда бежать, чтоб не видать оков,
Затем что их носить я не намерен;
В Италию? В ней вспыхнул дух отцов,
Но краткий луч свободы был неверен;
Красноречивей голоса певцов—
Она в крови, и в свежих ранах Эрин.
В Европе—короли, рабы и мрак,
И Са́ути жив, чтоб петь их кое-как.

17.

Вам, сэр Лауреат, прошу я чести
Труд посвятить, правдивый и простой;
Конечно, здесь немного звучной лести,
Но я ведь прежний, «желто-голубой» [7]),
В политике я все на том же месте.
А ренегатство в моде, и в какой;
Геракл, и тот бы пошатнулся вскоре.
Ведь правда, мой сверх-Юлиан [8]), мой Тори?

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1.

Героя я ищу... не странно ль это,
Когда у нас что месяц, то герой!..
Его возносит каждая газета;
Затем, увы! является другой,
Чтоб доказать непостоянство света;
В таких я не нуждаюсь; выбор мой
Падет на Дон-Жуана, что до срока
На сцене гибнет по веленью рока.

2.

Принц Фердинанд, Гаук, Кеппель, Го, Вернон,
Вольф, Бургойн, Гранби, Кумберлэнд—украдкой
Блеснули час, как ныне Веллингтон.
Они прошли, на миг являясь краткий,
Как тени Банко, мимолетный сон,
Как «девять поросят единой матки»;
Французы Бонапарт и Дюмурье
В газетном также встретятся старье.

3.

Исчезли, испытав судьбы измены,
Дантон, Марат, Барнав, Клотц, Мирабо
И прочие. Свет любит перемены.
Жубер, Марсо, Гош, Ланн, Десэ, Моро,
Победами блеснув, сошли со сцены;
Как много, много рвется под перо
Таких имен, любимцев громкой славы,
Но трудно их вместить в мои октавы.

4.

Когда-то Нельсон богом был войны.
Но лавры Трафальгара позабыты
И вместе с ним в земле погребены,
В его гробнице вместе с ним зарыты.
Солдаты морякам предпочтены;
В опале флот, когда-то знаменитый;
Король не любит флота своего:
Забыты Джервис, Нельсон, Дункан, Го.

5.

Велик Атрид, но сколько не воспето
Вождей, как он, с возвышенной душой!
О них не прозвучала песнь поэта,
И спят они, забытые молвой.
Я никого не поношу за это—
Но так как век наш, жалкий и пустой,
Мне не дает героя для романа—
Я выбираю просто Дон-Жуана.

6.

Бывало, погружались в *medias res*
Поэты, эпопею начиная
(Гораций так учил.) В тени древес
С возлюбленной, о прошлом вспоминая,
Сидел герой. Пещера или лес
Скрывали их; порою кущи рая
Им заменяли ресторан собой,
И о былом рассказывал герой.

7.

Так действовать привычка заставляла,
Но я иного мненья. Мой рассказ
Да будет строен. Я начну с начала.
Пусть просижу над каждой строчкой час,
Но с той стези, что Муза раз избрала,
Я не сверну. Поэтому, держась
Заранее обдуманного плана,
С родителей начну я Дон-Жуана.

8.

Он родился в Севилье. Там живет
Красавиц рой, там сладки апельсины;
Пословица гласит: «Злосчастен тот,
Кто не был в ней». Роскошнее картины
В Испании навряд ли кто найдет;
Лишь Кадикс... но спешить нам нет причины.
Пред домом, где Жуан явился в мир,
Проносится река Гвадалквивир.

9.

От готов вел свое происхожденье
Отец Жуана—Хозе, гордый дон,
Гидальго чистокровный, без сомненья,
Чей древний род, с давно былых времен,
Ни с мавром, ни с жидом не знал общенья.
Конем никто так не владел, как он.
Итак,на свет он произвел Жуана,
Который сам.. но знать об этом рано.

10.

Жуана добродетельная мать,
Ученейшая дама, изучила
Всё, что на этом свете можно знать;
Лишь качествам ее равнялась сила
Ее ума, что мог бы мир обнять;
Она настолько всех превосходила
Высокой эрудицией своей,
Что мудрецы завидовали ей.

11.

Она на память Кальдерона знала
И Лопе. Мозг ее был как рудник;
Она бы роль актеру подсказала,
Когда на сцене тот бы стал втупик.
Способностей таких примеров мало,
Фенэгль [9]) пред ней бы прикусил язык.
Его искусство не имеет веса
Пред тем, которым славилась Инеса.

12.

Науку числ всем прочим предпочтя,
Всем добродетелям—величье духа,
Подчас умом аттическим блестя,
Она обычно выражалась глухо,
На темные высоты возлетя;
Короче, чудо для очей и слуха,
Она в нарядах понимала толк,
Носила дома шерсть, а в людях шелк.

13.

Читать молитву по латыни знала,
И греческий букварь ей был знаком;
Роман-другой французский прочитала,
Владея плохо этим языком;
Наречием родным пренебрегала,
Невнятно из'ясняяся на нем;
И превращала, обсуждая тему,
Слова в загадку, мысли в теорему.

14.

Цитируя слова священных книг,
Она всегда отстаивала мненье,
Что с английским еврейский схож язык;
Пускай отбросит тот свои сомненья,
Кто в тайники заветных строк проник;
Беру в пример ее же выраженье:
«Как странно, что еврейское: god am —
«Имеет сходство с английским: God damn!» [10])

15.

Все женщины на речи тароваты;
Она ж морщиной лба, движеньем век
И поучала, и вела дебаты,
Всё сам в себе решивший человек,
Как Ромили, всезнанием богатый,
Что так нежданно жизнь свою пресек, —
Еще образчик суетности света!
(Но, впрочем, суд признал «безумьем» это).

16.

Она была как бы ходячий счет,
Том мистрис Триммер, свод благих уроков,
Рассказ мисс Эджворс, снявший переплет;
Она не знала совести упреков;
Завистника коварный глаз—и тот
В ней не сумел бы отыскать пороков;
Она могла их видеть лишь в других,
Сама ж (что хуже) не имела их.

17.

Пред нею слава жен святых бледнела,
Которых знают наши времена;
Так много совершенств она имела,
Что ангела-хранителя она
Лишилась: он соскучился без дела.
С часами жизнь ее была сходна;
И в целом мире ей нашлась бы пара
Лишь в несравненном масле Макассара [11]).

18.

Но так как совершенству искони
Чужд этот мир, где, удалясь из рая,
Вкусили негу праотцы, чьи дни
Дотоль текли, невинностью сияя
(Хотел бы знать, что делали они,
Докучливое время коротая?),
То Хозе, как достойный Евин сын,
Различные плоды срывал один.

19.

Он смертный был веселый и беспечный;
Ученых избегал; я не таю,
Что правил им всегда порыв сердечный;
Не очень-то он чтил жену свою;
И жалкий свет, расположенный вечно
Мутить и государство, и семью,
Шептал, что он любовницу имеет
И даже двух. (Зло и одна посеет).

20.

Достоинств кучу зная за собой,
Высокое о них имела мненье
Жена Дон-Хозе; надо быть святой,
Чтоб терпеливо несть пренебреженье;
Ей святости хватало, но порой
Ей правдою казались подозренья...
С супруга не спуская зорких глаз,
Накрыть его случалось ей не раз.

21.

Мужьям, как он, попасть впросак не диво.
Он, чуждый осторожности, не мог
Удерживать сердечного порыва.
Минуты есть, когда застать врасплох
И хитреца легко жене ревнивой;
Тогда сшибить и веер может с ног.
Порою веер роль меча играет;
Но почему? зачем? никто не знает.

22.

Зачем берете вы людей простых
Себе в мужья, всезнающие жены?
Зачем ваш выбор падает на них,
Когда им чужд и скучен мир ученый?
Я скромен и безбрачен,—слов моих
Не обратить поэтому в законы...
Но вы, мужья разумниц, кайтесь в том,
Что вы у них всегда под башмаком.

23.

Дон-Хозе часто ссорился с женою:
За что? про это знать никто не мог,
Но многие старались стороною
Узнать причину распри. Я далек
От дел чужих, и любопытство мною
Считается за пагубный порок;
Но, сам не испытав семейной ссоры,
Люблю друзей улаживать раздоры.

24.

И я решился к ним проникнуть в дом
С благою целью. Тщетные старанья!
Какой-то бес препятствовал мне в том,
Так и не мог добиться я свиданья,
Хоть сторож их признался мне потом...
Но это что! есть хуже испытанья:
Их сын Жуан, пока стучался я,
Ведро помоев вылил на меня.

25.

Такого сорванца найти не скоро...
Кудрявый мальчуган, кумир семьи,
В родителях не находил отпора
И исполнял все прихоти свои;
Уменьшив пыл семейного раздора,
Гораздо б лучше сделали они,
Когда б его отправили в ученье
Иль высекли, давая наставленья.

26.

Они печально век влачили свой,
Развода не ища, но всё желая
Друг другу смерти. Грустной чередой
Текли их дни. Приличья света зная,
Они скрывали распрю пред толпой
Знакомых и друзей; но жизнь такая
Продлиться не могла, и час настал,
Когда пожар семейный запылал.

27.

Она врачам вдруг заявила мненье,
Что муж ее *сошел с ума*. Затем
Она просила, видя их сомненья,
Признать его *порочным*, но совсем
Не привела улик для обвиненья
(Что очень странным показалось всем),
Лишь говоря, что для людей и Бога
Она должна вести себя так строго.

28.

Она журнал его грешков вела
И на-показ достала писем ворох;
По городу она толпу нашла
Соратников в своих семейных спорах.
Поддержкою и бабушка была,
Уж заплетавшаяся в разговорах.
Все стали ратовать, следить, судить,
Тот—для забавы, этот—чтобы мстить.

29.

Она свою судьбу переносила,
Как истая спартанка, что обет,
Случайно овдовев, произносила
Забыть убитого. Пусть тьма клевет
Злосчастного Дон-Хозе поразила;
К тому, как честь его поносит свет,
Она с бесстрастием склоняла ухо,
И это свет считал величьем духа.

30.

Когда беда нагрянет—пробудить
В друзьях участье трудно, как известно;
Но своего добиться и прослыть
Притом великодушным—очень лестно.
Где ж в этом malus animus? Отмстить
Порою самому и неуместно;
Но разве я, скажите, виноват,
Коль за меня другие отомстят?

31.

Моя ль вина, иль ваша, если ссора,
При помощи одной иль двух клевет,
Вытаскивает вновь из кучи сора
Старинные грехи? Конечно, нет.
К тому ж скандал, воскресший для разбора,
Высоко назидательный предмет;
Об этом наша нравственность не тужит:
Ведь ей порок контрастом лучшим служит.

32.

Сначала хор друзей, потом родня
Мирили их, советами богаты;
Но ссора все росла. (Не знаю я,
Возможны ли иные результаты,
Когда мирят родные иль друзья?)
Развод им предлагали адвокаты,
Увы! им не достался гонорар:
Дон-Хозе умер, хоть и не был стар.

33.

Итак, Дон-Хозе бедного не стало,
Во цвете лет его похитил рок—
И так некстати. Смерть его прервала
Процесс преинтересный, как я мог
Понять из слов юристов, хоть немало
Неясностей их испещряет слог;
Он умер, и, забыв вражды причину,
Слезами свет почтил его кончину.

34.

Несчастный муж, заснув могильным сном,
Печаль друзей и адвокатов плату
Унес с собой. Его был продан дом;
Любовницы его, забыв утрату,
Утешились; одна сошлась с жидом,
С попом другая (слух молвы крылатой);
Третичной лихорадкой поражен,
Жену с ее враждой оставил он.

35.

А все ж его напрасно очернили
(Я хорошо с Дон-Хозе был знаком);
Коль над собой не делал он усилий,
Чтоб нрав сдержать и был страстней притом,
Чем Нума, по прозванию Помпилий,
Его винить несправедливо в том:
Он с дня рожденья желчи был подвержен,
К тому же в детстве был он дурно держан.

36.

Да, много, много выстрадал бедняк,
Когда, тоской тяжелою об'ятый,
Глядел на свой разрушенный очаг,
Где полегли разбитые пенаты.
Признаюсь в том (теперь не может враг
Возликовать, узнав его утраты):
Он выбрать мог лишь смерть или развод;
И выбрал смерть, что лучший был исход.

37.

Дон-Хозе не оставил завещанья,
И Дон-Жуан наследовал один.
Как опекунша, мужа состоянье
Инеса прибрала к рукам, чтоб сын
Богаче стал, закончив воспитанье.
Не вверить сына матери причин,
Конечно, нет: единственные дети
Воспитаннее всех других на свете.

38.

И вот она, умнейшая из жен
И даже вдов, воспитывать ребенка,
Как гранда, стала. (Хозе, знатный дон,
Кастилец был, она же—арагонка).
Готовясь в день войны прославить трон,
Стрельбу, фехтовку изучил он тонко
И мог бы, как бесстрашный богатырь,
И крепость взять, и женский монастырь.

39.

Особенно ж Инеса наблюдала
(Учителям наказ был строгий дан),
Чтоб в деле воспитанья выступала
Высокая мораль на первый план.
Она сама те книги выбирала,
Что должен был выучивать Жуан.
Почти что все ему давалось в руки,
За вычетом естественной науки.

40.

Преподаванью древних языков
Приписывалось важное значенье.
Науки, без практических основ,
Искусства, что не знают примененья,
Он изучал и не жалел трудов;
Но сведенья о тайнах размноженья
Ни от кого он почерпнуть не мог:
В нем опасались разбудить порок.

41.

Штудируя классических поэтов,
Как скрыть богов амурные дела?
Резвясь без панталон и без корсетов,
Наделали они немало зла,
Вполне чуждаясь нравственных советов.
Инеса мифологию кляла,
И защищать не раз пришлось пред нею
Как Энеиду, так и Одиссею.

42.

Назон—развратник, потерявший стыд;
Катулл грешит любым стихотвореньем;
Анакреон—распутный сибарит;
Сафо я не хвалю, хоть с увлеченьем
О ней известный Лонгин [12]) говорит;
Один Виргилий чист, за исключеньем
Безнравственной эклоги, той, где он
Поет: „Formosum pastor Corydon“.

43.

Безверие Лукреция опасно
Для молодых желудков. Верю я,
У Ювенала цель всегда прекрасна,
Но всё ж вполне хвалить его нельзя:
Он слишком откровенен в речи страстной
И не умеет сдерживать себя.
И что хоть бы кого-нибудь прельщало
В вонючих эпиграммах Марциала?

44.

Жуан их в том изданьи прочитал,
Откуда мудрый цензор все творенья,
Что дышут непристойностью, изгнал,
Но, чтоб свое загладить преступленье
И чтоб поэт не очень пострадал,
Их, в полном сборе, в виде приложенья,
В конце изданья поместил подряд [13]),
Что проще указателя в сто крат.

45.

Толпе солдат подобно их собранье;
Не надо их искать по всем листкам,
Когда они все в сборе. В назиданье
Учащимся, они пробудут там,
Пока не выйдет новое изданье,
Где их расставят снова по местам.
Они ж теперь, пугая наготою,
Как божества садов, стоят толпою.

46.

Рисунков ряд, далеко не святых,
Молитвенник старинного их рода
Собою красил. Текст священных книг
Так испещрять была когда-то мода.
(Как мог молиться тот, кто видел их?)
Его для своего лишь обихода
Оставила Инеса, чтоб Жуан
Не знал о нем; ему другой был дан.

47.

Инесою во всем руководимый,
Немало слышал он проповедей
И слов святых. Читал Иеронима
И Златоуста; знал Четьи-Миней,
Но Августин святой, высокочтимый,
На правды путь наводит всех верней,
Себя бичуя [14]), хоть (признаться больно!)
Его грехам завидуешь невольно.

48.

Жуану не давали книг таких,
И правильно, коль хорошо потуже
Держать детей. Инеса глаз своих
С Жуана не спускала. Что есть хуже
Служанок выбирала, и у них
Одни старухи жили. Так при муже
Она еще привыкла поступать;
С нее пример должны б все жены брать.

49.

Пред ним лежала светлая дорога;
Он лет шести был и красив, и мил;
Одиннадцати лет учился много
И не жалел для дела юных сил.
Казалось, будет жить он лишь для Бога;
Молясь, полдня он в церкви проводил;
Затем сидел за книгой иль уроком,
Учась добру, под материнским оком.

50.

Итак, он был красивый мальчуган;
Когда подрос, в нем страсть к труду созрела;
Сперва он был порядочный буян,
Но нрав его исправить мать сумела,
И тих, и скромен сделался Жуан,—
Так всем казалось. С радостью глядела
На юного философа она,
Хваля его везде, любви полна.

51.

Не верил я, да и не верю ныне,
Что мог Жуан сломить характер свой,
Что с ним управились, по той причине,
Что Хозе нрав имел весьма крутой.
Вы скажете, что по отцу о сыне
Нельзя судить; к тому ж они с женой
Не ладили: коварная догадка!
Я замолчу; по мне, злословье гадко.

52.

Итак, я замолчу, но если б сын
Был у меня, нравоученьям меру
Я знал бы и—скажу не без причин—
Ее бы не последовал примеру;
Наскучит катехизис всё один;
Нельзя преподавать одну лишь веру.
О, нет! мой сын попал бы в школу; в ней
Познал я жизнь, науку и людей.

53.

Увы! я позабыл язык Эсхила.
Но все ж скажу, что школа—сущий клад.
Там созревает мысль, там крепнет сила;
Хоть есть грешки за ней, но verbum sat.
Все то, что знаю я, мне подарила
Родная школа. Пусть я не женат,
Однако (утверждаю это смело),
Так мальчика воспитывать не дело.

54.

Вот минуло ему шестнадцать лет—
И в юноше красивом и высоком
Младенчества исчез последний след.
Но мать за ним, как прежде, зорким оком
Следила. Преждевременный расцвет
Казался ей ужаснейшим пороком;
Скажи ей кто-нибудь, что он созрел,
Наверное в ней гнев бы закипел.

55.

Инеса добродетельная зналась
Лишь с теми, кто был помыслами свят;
К ней часто донна Юлия являлась.
Назвав ее звездой, о ней навряд
Понятье дам. С ней красота сроднялась,
Как с морем соль, с цветами аромат,
С Эротом стрелы, пояс с Афродитой
(Я кончил строчкой глупой и избитой).

56.

Ее прелестных глаз восточный пыл
Присутствие в ней крови мавританской
Доказывал (Не очень-то ценил
Такую кровь аристократ испанский).
Когда, рыдая, скрылся Боабдил,
Гренаду сдав, на берег африканский
Переселились мавры. Из числа
Оставшихся в Испании была

57.

Ее прабабка. Странными судьбами,
Она, пленив гидальго красотой,
С ним сочеталась брачными цепями.
Его отцы сочли бы брак такой
Стыдом. Они гордилися связями
И на родных женилися порой,
Чтоб не утратить чистокровность рода,
Чем часто ухудшалася порода.

58.

И ожил род с поддержкой новых сил;
Кровь стала хуже, но красивей лица.
Заглохший корень вновь ростки пустил;
Исчезли: сын урод и дочь тупица;
Про бабушку, однако, слух ходил
(Но это, я уверен, небылица),
Что незаконных, иногда, детей
Дарить супругу приводилось ей.

59.

В потомстве, по указанной причине,
Порода улучшалась всякий раз,
Сосредоточившись в последнем сыне,
Родившем дочь. Понятно и без фраз,
Что речь идет о Юлии. И ныне
Я должен с нею познакомить вас,
Прелестной, чистой, грации приветней.
Замужнею и двадцатитрехлетней.

60.

В ее глазах, и черных, и больших,
Огонь сверкал. Любовь и гордость чаще,
Чем ненависть и гнев, читались в них
(Не знаю я, что глаз прелестных слаще!)
Порою сквозь ресниц ее густых
Просвечивал желанья луч палящий,
Но угасал с мгновенной быстротой:
Она имела дар владеть собой.

61.

Змеей вилась коса ее густая;
Как радуга, ее сгибалась бровь;
Дышала в ней восторженность живая;
Как молния, в ней пробегала кровь,
Прозрачный блеск на лик ее бросая;
Прильет, горя, и вот отхлынет вновь.
Сложенье, статность, рост—все в ней пленяло.
(Сложенных дурно женщин чту я мало).

62.

Пятидесяти лет был муж у ней...
(Слепой судьбы плачевная услуга!).
Не лучше ль взять двух молодых мужей,
Чем одного почтенного супруга;
Подобная замена тем нужней,
Чем ярче свет бросает солнце юга;
Я замечал, что самых честных дам
Невольно тянет к молодым мужьям.

63.

Все это очень грустно, без сомненья,
Но в этом солнца свет виновней всех;
Людскую кровь приводит он в волненье.
А мало ли на свете есть утех?
Ни пост не помогает, ни моленья:
Слабеет плоть и душу вводит в грех.
Где светит Юг, там не считают чудом,
Что свет зовет интригой, небо—блудом.

64.

Счастливей люди в северных странах,
Где стынет кровь, где стужей меры взяты,
Чтоб грех вредить не мог (в своих грехах
Святой Антоний, стужею об'ятый,
Покаялся [15]), где женщину в судах
Присяжные оценивают платой,
К которой любодей приговорен;
Коль согрешил—по таксе платит он.

65.

Альфонсо—звали Юлии супруга.
Он был и бодр, и свеж для лет своих;
Его жена в нем ни врага, ни друга
Не видела. Как много пар таких!
Не ссориться—для них и то заслуга
(Ведь розны взгляды и желанья их!).
Альфонсо был ревнив, скрывая это
(Ведь ревность любит прятаться от света).

66.

Как Юлия с Инесою сошлась—
Не знаю я. В них сходства было мало;
За просвещеньем донна не гналась
И никогда трактатов не писала.
Но говорят (все это ложь; не раз
Молва пустые звуки распускала),
Что муж ее Инесой был любим
И что она была в интриге с ним.

67.

Что будто бы их связь годами длилась
И, наконец, характер приняла
Невинности. Так в Юлию влюбилась
Инеса, что она ее взяла
Под крылышко свое и не скупилась
На ласки и хвалы. Свои дела
Вести она с таким уменьем стала,
Что и злословья притупилось жало.

68.

Не знаю, доходил ли шум молвы
До Юлии, могла ли самолично
Она хоть что-нибудь открыть, но вы
Ее всегда нашли бы, как обычно.
Она не знала, может быть, увы,
А может быть, ей было безразлично:
В догадках потерялся бы мой ум;
Она своих не выдавала дум.

69.

Встречаясь часто с мальчиком красивым,
Она его ласкала; спору нет,
Что ласки в этом возрасте счастливом
Невинны (Что ж, ей было двадцать лет,
Ему ж тринадцать). Но таким порывам,
Уверен я, дивиться стал бы свет,
Постарше будь они хоть на три года.
Быстра в развитьи южная природа!

70.

Их отношенья стали холодней,
Когда Жуан подрос. В минуту встречи
Никто из них не поднимал очей;
Отрывистее становились речи;
Я думаю, понятны были ей
Святой любви невинные предтечи,
Но чувств своих не понимал Жуан:
Не видев волн, кто знает океан?

71.

Но было нежным даже отчужденье
У Юлии. Когда ее рука
Его руки касалась на мгновенье,
Она, дрожа, в ней медлила слегка,
С пожатьем, легким, точно дуновенье
Чуть осязаемого ветерка.
То был лишь миг; но сладость этой ласки
Ему казалась сном волшебной сказки.

72.

Холодностью дышал ее привет,—
В ее лице не теплилась улыбка,
Но грустный взор таил любви обет,
И от волненья сердце билось шибко.
Невинность, обмануть желая свет,
Не прочь лукавить; тяжкая ошибка—
Уверовать в один наружный вид:
Любовь, как лицемер, всегда хитрит.

73.

Но заглушить ли голос страсти милой!
Чем неба свод угрюмей и мрачней,
Тем буря разразится с большей силой.
Сильна любовь; борьба напрасна с ней.
Она не раз, чтоб сердце тайну скрыло,
Являлась под личиною страстей
Ей чуждых: гнева, ненависти, мщенья—
Но слишком поздно, чтоб убить сомненья.

74.

Сокрытый вздох, тем глубже, что он скрыт,
И взор украдкой, полный тайной муки,
Румянец неожиданный ланит,
И радость встреч, и трепетность разлуки,
Всё это близость нежную сулит,
Всё это школа сладостной науки,
Которая бывает нелегка
Для малоопытного новичка.

75.

Тревог сердечных чувствуя обилье,
Она, бедняжка, сделать над собой
Решилась благородное усилье,
Чтоб честь спасти. Пред твердостью такой
Тарквиний сам, сознав свое бессилье,
Втупик бы стал. К Владычице Святой
Она с мольбой свои простерла руки...
Кто женские утешит лучше муки?

76.

Не видеться с Жуаном дав обет,
Она зашла к Инесе на мгновенье.
Дверь скрипнула. Не он ли? К счастью, нет.
Она Марии вознесла хваленье,
Хоть легкий вздох и вырвался вослед.
Дверь скрипнула опять. Опять волненье.
Теперь уж он. Но нет! Боюсь, в ту ночь
Она молитвы отложила прочь.

77.

Затем она решила, что постыдно
От зла бежать; что женщина должна
Бороться с искушеньем. Мысль обидна,
Что может пасть в борьбе со злом она.
В невинном предпочтении не видно
Опасности. Коль женщина верна
И долгу, и себе, добром богата,
Грешно ль мужчину ей любить, как брата?

78.

Случиться, правда, может (силен бес!),
Что сердцу трудно справиться с соблазном;
Тогда над ним победа больший вес
Еще имеет. Просьбам неотвязным,
Что дышут страстью, можно наотрез
Отказывать, смеясь над бредом праздным.
Я дамам молодым даю совет
Так действовать: методы лучше нет.

79.

К тому же есть еще любовь святая,
Что ангелов пленяет и матрон,
Что душу, чудный свет в нее бросая,
Живит. Кумир воздвигнул ей Платон.
«В моей груди горит любовь такая»,
Она шептала, веря в светлый сон.
Будь я замечен ею, без сомненья,
Одобрил бы такие размышленья.

80.

Любовь такая девственно чиста;
Ей можно предаваться без опаски;
Сначала ручку, а затем уста
Целуют нежно; робко строят глазки;
Но это уж предельная черта
Такой любви; ее мне чужды ласки,—
Предупредить, однако, должен всех,
Что за чертой условной встретишь грех.

81.

Любовь святую совесть не осудит;
Зачем же бедной сдерживать себя?
Она любить Жуана свято будет;
Любовь, желанья грешные губя,
В нем только грезы светлые пробудит;
Он многому научится, любя.
Чему? не мог бы я найти ответа,
Да и для ней загадкой было это.

82.

Решив, что путь, ей выбранный, ведет
К благим целям,—защищена бронею
Невинности своей,—приняв в расчет,
Что можно честь ее сравнить с скалою,—
Отбросила она тяжелый гнет
Докучного контроля над собою.
Была ли ей задача по плечу,
Об этом дальше рассказать хочу.

83.

Поставленный в счастливые условья,
Прекрасным ей казался этот план.
Пускай себе клевещут на здоровье,
Коль так хотят (Шестнадцать лет Жуан
Всего имел). Бессилен яд злословья
Пред чистым сердцем. (Жгли же христиан
Другие христиане, с убежденьем,
Что следуют апостольским ученьям!)

84.

И если б Дон-Альфонсо рок унес...
Какое наущенье вражьей силы!
Возможно ли поднять такой вопрос!
Нет, ей не пережить его могилы...
Но если мы допустим—inter nos...
(Вернее—entre nous; у донны милой
И мысль французский принимала склад,—
Да с рифмою мой стих не шел бы в лад).

85.

Но если мы допустим этот случай:
Жуан, когда он вырастет совсем,
Ей был бы партией, и самой лучшей;
Не поздно будет лет и через семь;
И (если уж внимать мечте летучей)
Он мог бы научиться между тем
Словам любви, но той любви, конечно,
Где все бесплотно, истинно и вечно.

86.

К Жуану перейдем. Тоской томим,
Не ведал он, что грудь его согрета
Огнем любви. В страстях неукротим,
Как мисс Медея римского поэта,
Он думал, что случилось чудо с ним,
Вполне необ'яснимое для света.
Не ведал он, что много светлых чар
Любовь с собой приносит часто в дар.

87.

Об'ятый и унынъем, и волненьем,
Среди лесов бродил в тоске Жуан
(Скрываться— скорбь считает наслажденьем);
Не сознавал он сердца жгучих ран.
И я порой мирюсь с уединеньем,
Но не как схимники, а как султан,
И, не нуждаясь в их святом примере,
Ищу его в гареме, не в пещере.

88.

«Любовь! твое владычество—в глуши,
«*Где слиты безопасность с упоеньем*;
«Здесь ты богиня любящей души».
Доволен был бы я стихотвореньем,
Мной приведенным тут [16]), не напиши
Поэт вторую строчку. С удивленьем
Смотрю на сочетанье странных слов,
Что затемняют смысл его стихов.

89.

Мне кажется, что он имел желанье,
Без задней мысли, возвестить о том,
Что мы не любим, в светлый час свиданья
Иль сидя за обеденным столом,
Когда нас беспокоят. Без вниманья
И «слитье» с «упоеньем» обойдем,—
Понятна этих слов живая страстность,—
Но без замка возможна ль «безопасность»?

90.

Близ светлых струй ручья, угрюм и нем,
На темный лес взирая, как на друга,
Жуан любил мечтать, не зная, чем
Рассеять мрак душевного недуга.
В тени лесов сюжеты для поэм
Поэты ищут; там же в час досуга
Стихи читать мы любим, коль они
Не сочиненьям Вордсворта сродни.

91.

Ища уединения охотно,
Жуан душой возвышенной своей
Гнался за каждой думой мимолетной.
Так много в нем рождалося идей,
Что, наконец (конечно, безотчетно),
Он стал смотреть на свет и на людей,
Умерив гнет тоски своей тяжелой,
Как метафизик Кольриджевой школы.

92.

Он думал о себе, о всем вокруг,
О человеке дивном, о светилах,
О том, как это все возникло вдруг,
О древних войнах, о подземных силах,
О точном измереньи лунных дуг,
О шаре для полетов, о могилах,
О том, как свет премудро сотворен;
О глазках милой также думал он.

93.

Так, мудро рассуждая, голос муки
Он заглушал и сладость находил
В таких мечтах. Отраден свет науки,
Блажен, кто ей все думы посвятил.
Но странно, если юноша без скуки
Мечтает о течении светил.
Вы скажете, что это плод ученья,
А я беру в расчет и возбужденье.

94.

Задумчиво глядел он на цветы;
В порывах ветра слышал вздох участья;
Он к нимфам обращал, порой, мечты,
К богиням, что дарили смертным счастье,
Являясь к ним в сияньи красоты.
В нем смутно пробуждалось сладострастье,
Невидимо летел за часом час,
И он обед прогуливал не раз.

95.

Порою взор его блуждал по строкам
Боскана, Гарсилассо. Ветерок
Перевернет страницу ненароком;
Так трепетала над загадкой строк
Его душа в волнении высоком,
Как будто ими чародей облек
Свои заклятья, ветру отдавая,
Как говорит легенда вековая.

96.

Напрасно в лес он направлял свой путь;
На думы всё ж не находил ответа;
Отрады не могли в него вдохнуть
Ни сладкие мечты, ни песнь поэта;
Он жаждал ласк, главу склонить на грудь,
В которой сердце нежностью согрето;
Он, может быть, мечтал и о другом,
Но я покуда умолчу о том.

97.

От глаз красивой Юлии кручина,
Которая в мечтателе жила,
Не скрылась; тайных мук его причина
Была понятна ей. Но как могла
Инеса у единственного сына
Не разузнать причин такого зла?
Не знаю, как понять ее молчанье;
Что видеть в нем: притворство иль незнанье?

98.

Хитрец нередко ловится иной.
Так муж ревнивый жалкую услугу
Себе готов оказывать порой,
Желая уличить свою супругу
В несоблюденьи заповеди той,
Что ставит целомудрие в заслугу.
(Которая она—нейдет на ум;
Ее ж назвать боюсь я наобум).

99.

Муж опытный ревнив, но он порою
В обман вдается, страстью увлечен;
Преследует того, кто чист душою,
Коварного же друга вводит он
В свою семью. Сойдется друг с женою—
Несчастный муж, бедою поражен,
Винит во всем, забыв благоразумье,
Порочность их, а не свое безумье.

100.

Так и отцы: недальновидней нет.
Следят, как рыси, а для них в тумане
Всё то, что знает целый Божий свет:
Подруга сына, милый друг мисс Фанни,—
Пока не рухнут двадцать долгих лет
Родительской заботы и стараний.
Рыдает мать, отец зовет чертей,
Дивясь, как мог он народить детей.

101.

Инесы непонятное молчанье,
Уверен я, скрывало лишь обман;
Притворство принимало вид незнанья;
Ей, может быть, хотелось, чтоб Жуан
Окреп душой, узнав любви страданья,
А может быть она имела план
Открыть глаза Альфонсу, в той надежде,
Что он жену не будет чтить, как прежде.

102.

Однажды... Это было летним днем...
Весна, в исходе мая, как и лето,
Волнует кровь, что в жилах бьет ключем;
Потоки ослепительного света,
Что солнце щедро льет, виновны в том.
Душа мечтами страстными согрета;
Томится грудь; огонь горит в крови.
Март—месяц зайцев, май—пора любви.

103.

В шестой июня день... Не вижу прока
В неточности, а потому всегда
Я числа выставляю и глубоко
Чту хронологию. По мне года—
Те станции, где колесница рока,
По странам пролетая без следа,
Меняет упряжь, как воспоминанья
Лишь даты оставляя да названья.

104.

О Юлии я поведу рассказ.
Как я уже сказал, в начале лета,
В седьмом часу, она сидела раз
В саду, достойном гурий Магомета,
Которых прелесть восхищает нас
В твореньях сладкогласного поэта
Анакреона-Мура. Дай-то Бог,
Чтоб нас пленять еще он долго мог!

105.

Но Юлия в тени душистой сада
Сидела не одна. Каким путем
Устроилось свидание? Не надо
Всё говорить, что знаем, и о том
Я умолчу: злословье хуже яда.
Вдали от всех, Жуан с ней был вдвоем;
Они бы поступили осторожно,
Закрыв глаза, но разве это можно?

106.

Лицо ее горело от стыда,
И всё ж она вины не сознавала.
О, хитрая любовь! Как ты всегда
Крепила слабых, сильных посрамляла
И мудрых уловляла в невода!
Над бездной донна Юлия стояла,
Готовая совсем в нее упасть,
А всё греха не признавала власть.

107.

Она была собой вполне довольна;
Так юн Жуан, что верности обет
Не трудно ей сдержать; смешно и больно
Бояться зла, когда соблазна нет.
В то время ей припомнилось невольно,
Что муж ее пятидесяти лет.
Жаль, что она об этом думать стала:
Любовь такие годы ценит мало.

108.

Коль говорят: «В пятидесятый раз
Я вам твержу»—то это признак ссоры;
Когда поэты, музою гордясь,
О ней порой заводят разговоры—
Стихов полсотни вам прочтут как раз.
Когда их пятьдесят, опасны воры;
Не жди любви, как стукнет пятьдесят,
Хотя полсотни фунтов—суррогат.

109.

Защищена невинностью святою,
Она греха бояться не могла;
Решив, что ей легко владеть собою,
Она Жуана за руку взяла;
Рассеянность была тому виною:
Она Жуана руку приняла
За собственную руку; в заблужденье
Ее ввело душевное волненье.

110.

Она затем склонилась головой
К другой его руке, что утопала
Средь темных волн косы ее густой;
Ее рассеянность изобличала,
Что дух ее охвачен был борьбой.
Зачем одних Инеса оставляла
Неопытных детей? Уверен я—
Не так бы поступила мать моя.

111.

Жуан ей руку жал. Ей сладко было
Ему на ласку—лаской отвечать;
Ее рука, казалось, говорила
(Конечно, платонически опять):
«Твоей руки пожатие мне мило».
Но Юлия, когда б могла понять,
Что есть опасность в том, от зла ушла бы,
Как от змеи иль ядовитой жабы.

112.

Жуан, в котором клокотала кровь,
К ее руке, в порыве увлеченья,
Прильнул устами. Первая любовь
Всегда робка, и он пришел в смятенье.
Но Юлия, не хмуря гневно бровь,
Лишь покраснела. Тайное волненье
Она хотела от Жуана скрыть,
К тому ж была не в силах говорить.

113.

И вот взошла луна в ночи пустынной.
Я пагубней светила не найду.
И тот, кто окрестил ее невинной,
Дал маху; ни единый день в году,
Хотя бы это был и самый длинный,
Свидетель не был столькому стыду,
Как три часа, когда ей все подвластно,—
А между тем, ее лицо бесстрастно.

114.

В тот сладкий час, когда природа спит,
Одетая волшебным блеском ночи,
Когда луна деревья серебрит,
И звезды, как бесчисленные очи,
Глядят с небес на этот чудный вид,
Душе с волненьем справиться нет мочи;
Собой владеть перестает она,
Любовного томления полна.

115.

Жуан был рядом с Юлией, в волненьи
Охватывая стан ее рукой...
Когда б она имела опасенья,
Не трудно было б ей уйти домой.
Но, вероятно, это положенье
Имело дар ее пленять собой...
Затем... но уж меня терзает совесть,
Что начал я писать такую повесть.

116.

Платон! людей не мало ты сгубил
Теорией своей, что будто можно
Умерить силой воли сердца пыл
И страсть сдержать. Твое ученье ложно,
Ты людям больше зла им причинил,
Чем все поэты вместе. Непреложно,
Что ты и фат, и шарлатан, и лжец,
Опасный сводник любящих сердец.

117.

Когда она очнулась, слезы градом—
Увы! не без причины—потекли
Из глаз ее. Возможно ли, чтоб рядом
Когда-нибудь любовь и разум шли!
Трудна борьба с соблазна тонким ядом.
Намеренья благие не спасли
Ее от зла. Ей твердость изменила;
Она шепнула: «нет!»—и уступила.

118.

За новую утеху Ксеркс сулил,
Как говорят, богатые награды;
За выдумку он много б заплатил.
На этот счет мои с ним розны взгляды.
В любви всегда я счастье находил,
И новых наслаждений мне не надо;
Я старыми довольствуюсь вполне,
Лишь бы они не изменили мне.

119.

Ты часто губишь нас, о наслажденье!
Но в душу проливаешь яркий свет;
Покинуть путь греха и заблужденья
Я каждую весну даю обет;
Но, к Весте мало чувствуя влеченья,
Я всё грешу—и в клятвах прока нет;
Всё ж мысль моя осуществиться может;
Зимой исправлюсь—стужа мне поможет.

120.

Здесь маленькую вольность разрешить
Я должен Музе. Не страшись, читатель!
Поверь, не в состояньи оскорбить
Твою стыдливость нравственный писатель.
Но правилам я должен изменить,
Которых я глубокий почитатель...
Когда пред Аристотелем грешу,
В своей вине сознаться я спешу.

121.

Не раз поэтам так грешить случалось—
И вот вообразить прошу я вас,
Что много месяцев с тех пор промчалось,
Как был июня день шестой у нас
(Без коего мне только б и осталось
Прервать бессодержательный рассказ).
Прошла весна; настала осень злая...
Мы в ноябре; не помню лишь числа я.

122.

Отрадно созерцать блестящий рой
Далеких звезд, внимая плеску моря,
Когда оно, сребримое луной,
Лениво катит волны, песне вторя,
Что гондольер поет в тиши ночной,
Забыв тяжелый гнет тоски и горя.
Немало навевает светлых дум
И сладкий ропот волн, и листьев шум.

123.

Отрадно, возвращаясь издалече,
Погладить пса, что стережет наш двор;
Отрадно, если в миг желанной встречи
От радости сияет милый взор;
Приятны слуху ласковые речи,
Жужжанье пчел и птиц веселый хор;
Невольно нас приводит в сладкий трепет
И нежный голос дев, и детский лепет.

124.

Как сладок винограда алый сок,
Когда сбирают гроздья! Наслажденье —
Забиться летом в мирный уголок
От города вдали. Отрадно мщенье,
Особенно для женщины. Мешок
С червонцами приводит в восхищенье
Скупца. Отец рожденью сына рад,
Моряк—добыче; грабежу—солдат.

125.

Приятно, коль достанется наследство
От дяди или тетки, что давно
От старости глубокой впали в детство,
Дыша на ладан. Тем милей оно,
Чем больше истощились наши средства,
Чем дольше ждать нам было суждено
Желанных благ, долгов наделав кучи...
Увы, как старики порой живучи!

126.

Стяжать отрадно кровью иль пером
Венок лавровый; сладко помириться;
Порой приятно ссориться с глупцом;
Порой вином недурно насладиться;
Всегда отрадно выступить бойцом
За жертву, что не может защититься;
Нам школа дорога; ей, может быть,
Забыты мы—ее ж нельзя забыть.

127.

Но заменить ничто не в состояньи
Восторгов, что дарит нам страсти пыл;
Когда Адам, отведав плод познаний,
Из светлого Эдема изгнан был,
Не мог он проклинать своих страданий;
Узнав любовь, он новый рай открыл.
О сладком яде память мы лелеем
В огне, что был похищен Прометеем.

128.

Престранное созданье человек!
Его прельщает только то, что ново;
Открытьями богат наш жалкий век,
Но лишь один расчет всему основой;
Обман дорогу правды пересек;
Нажива—вот магическое слово,
Которое с любовью шепчет мир,
Как встарь, воздвигнув золоту кумир.

129.

Открытий целый ряд наш век прославит;
Их породили гений с нищетой;
Один носы искусственные ставит,
И гильотину выдумал другой;
Один с большим искусством кости правит,
Другой ломает их—контраст смешной!
Чтоб старый свой недуг сменить на новый,—
Мы прививаем оспу от коровы.

130.

Картофель в хлеб мы стали превращать;
О гальванизме целые трактаты
Писали мы—но всё ж должны признать,
Что опытов ничтожны результаты:
Машин теперь такая благодать,
Что за труды бедняк лишился платы.
Мы спасены от оспы, говорят;
Когда ж ее исчезнет старший брат?

131.

Америка дала ему рожденье;
Когда же он воротится домой?
Там сильно возрастает населенье;
Пора бы мором, голодом, войной
И прочими дарами просвещенья
Его умерить рост. Вопрос иной—
Что порождает больше злых последствий:
Заразы яд иль гнет тяжелых бедствий.

132.

Порой изобретенья нам вредят;
Но всё ж их цель гуманна и прекрасна;
Полезен был бы Дэви аппарат [17]),
Да, жаль, он слишком сложен; не напрасно
Полярных стран мы изучали хлад;
Нам Тимбукту далекое подвластно:
Всё это людям пользы принесло
Не меньше, чем резня при Ватерло.

133.

Феномен человек и жизнь загадка;
Мне только жаль, что в наслажденьи грех,
Когда, сознаюсь в том, грешить так сладко!
Как ни живи—один конец для всех:
Всё смерть придет с своей улыбкой гадкой;
Ее ни власть, ни деньги, ни успех
Прогнать не могут. Что ж затем? Не знаю.
Вы также?—Так прощайте. Продолжаю.

134.

Мы—в ноябре, когда уж неба свод
Утратил блеск своей лазури нежной,
И горы, испытав ненастья гнет,
Свой синий плащ сменили ризой снежной,—
Когда бушует море и ревет,
Стараясь поглотить утес прибрежный
Клокочущими волнами, и день
Часам к пяти ночная гасит тень.

135.

Царила ночь над спящею землею;
Луну скрывали тучи. Вкруг огня,
Внимая ветра жалобному вою,
Сидела, греясь, не одна семья.
Камина сладкий свет! Как схож с тобою
Волшебный блеск безоблачного дня!
В вечерний час люблю я свет камина,
Веселый смех и пенистые вина...

136.

Настал полночный час. Отрадный сон,
Как надо думать, Юлия вкушала;
В глубокий мрак давно был погружен
Ее альков. Вдруг донна услыхала
Такой ужасный шум, что мертвых он
Поднять бы мог. Служанка в дверь стучала,
Испуганно крича: «Стряслась беда!...
«Сударыня, ваш муж идет сюда!

137.

«Скорее отоприте, ради Бога!
«Полгорода за ним стремится вслед;
«Могу сказать: нежданная тревога...
«Я стерегла, моей вины тут нет...
«На лестнице они; еще немного—
«И будут здесь; готовьтесь дать ответ;
«Он, может быть, еще успеет скрыться,
«Прыгнув в окно; да надо торопиться»...

138.

И муж вошел, с толпой друзей и слуг,
В руках державших факелы и свечи;
Имело большинство из них супруг,
И все стеклись, как воины для сечи.
Возможно ль допустить, чтоб даром с рук
Жене сходил обман? О том и речи
Не может быть. Одну не наказать—
С нее пример другие будут брать.

139.

Каким путем вселились подозренья
В Альфонсо—не берусь я об'яснить.
Но всё ж его постыдно поведенье,—
Как можно в спальню женину входить,
Без всякого о том предупрежденья,
С толпой вооруженной! Грустно быть
Обманутым; но разве легче горе,
Когда трубишь о собственном позоре?

140.

Близ Юлии, что плакала навзрыд,
Ее служанка верная стояла
И делала такой неловкий вид,
Как будто бы сейчас с кровати встала;
В ее лице читались гнев и стыд.
Я, право, не пойму, зачем желала
Доказывать собравшимся она,
Что донна почивала не одна...

141.

Хозяйка и служанка походили
На бедных женщин, убежденных в том,
Что человеку и нечистой силе
Им легче будет дать отпор вдвоем;
Которые поэтому решили
Ждать вместе, чтоб супруг вернулся в дом,
Сказав, щадя жены ревнивой нервы:
«Я, милый друг, ушел оттуда первый».

142.

Атаку донна Юлия сама
Вдруг повела. «Глазам своим не верю!
«Вы верно пьяны иль сошли с ума!..
«За что досталась я такому зверю?..
«Милее смерть, отраднее тюрьма,
«Чем с вами жизнь. Кто там стоит за дверью?
«Я подозренья в век вам не прощу...
«Ищите же!»—Он молвил: «Поищу!»

143.

И вот *он* стал пытливо шарить всюду;
Искали и *они* по всем углам;
Все перерыли; платья и посуду,
Искали по комодам и шкафам—
И что ж нашли?—белья и кружев груду
И пропасть тех вещей, что красят дам:
Гребенок, щеток, склянок, притираний,
Но толку не было от их стараний.

144.

Иные заглянули под постель—
Но там нашли не то, чего желали;
Ломали всё; чтоб видеть, нет ли где ль
Следов близ дома, ставни отворяли;
Но всё—увы!—не достигалась цель.
Их лица выражать смущенье стали...
Как странны иногда дела людей:
Искали под постелью, а не в ней!

145.

Их в это время Юлия язвила.
«Ищите же!—кричала им она.—
«Лишь в гнусных оскорбленьях ваша сила:
«Должно быть, я за то посрамлена,
«Что тяжкий крест безропотно носила;
«Но чашу мук я выпила до дна,—
«И бедной жертвы скоро стихнут стоны,
«Когда у нас есть судьи и законы!

146.

«Быть вашею женою за позор
«Считаю я. Вам безразлично это,—
«Вы муж лишь по названью. Делать вздор,—
«Скажите—не постыдно ль в ваши лета?
«Конечно, дряхлость старцу не укор,
«Но можно ль стать посмешищем для света!..
«Как смеете, тиран, наглец, злодей,
«Вы сомневаться в верности моей!

147.

«Глухого старика, грехов не зная,
«Я избрала себе духовником;
«Его терпеть не стала бы другая...
«Так непорочна я, что он с трудом
«В мое замужство верит. Жизнь такая
«Несносна мне; пойду иным путем,—
«Прошла пора терпенья и уступок...
«Возможно ль вам простить такой поступок!

148.

«Что, кроме зрелищ, бàлов и церквей,
«Став чуть ли не затворницей в Севилье,
«Я видела? Кто из моих друзей
«Играет роль кортехо [18])? Все усилья,
«Чтобы смутить покой души моей,
«Плодов не принесли. За что ж насилье?
«Сам граф О'Рèльи, храбрый генерал,
«Что взял Алжир [19]), мой холод проклинал.

149.

«Шесть месяцев вздыхал певец Каццани
«У ног моих. «Из всех испанских дам
«Безгрешны только вы»,—граф Корниани
«Мне говорил.—За что же этот срам?
«А граф Стронгстроганов? Его страданий
«Красноречиво я не передам.
«Ирландский пэр, что был отвергнут мною,
«Себя убил..... (Он умер от запою).

150.

«Двух грандов я совсем лишила сна;
«Епископов с ума сводить умела...
«За что же безупречная жена
«Должна страдать? Я утверждаю смело,
«Что вы—лунатик. Я удивлена,
«Что кулаков вы не пустили в дело...
«Как жалки вы с оружием в руках!
«Вы смех лишь возбуждаете, не страх.

151.

«Внимая наущеньям прокурора,
«В далекий путь как будто снарядясь,
«Вы скрылись, говоря: «вернусь не скоро»...
«Он от стыда поднять не может глаз!
«Обоим вам не смыть с себя позора.
«Но прокурор еще подлее вас:
«Не вашу честь он охранял ревниво,—
«Нет, цель его была одна нажива.

152.

«Когда он хочет здесь составить акт,
«Пусть пишет: вот чернила и бумага;
«Признать ему придется грустный факт,
«Что без причин вся эта передряга...
«Коль вами не совсем утрачен такт,
«Пусть удалится сыщиков ватага,
«Чтобы одеться девушка могла».
Та всхлипнула: «Я б им глаза прожгла».

153.

«Ищите и в передней, и в уборной!
«Прошу, переверните всё вверх дном!
«Там—дверь чулана; здесь—камин просторный:
«Как знать, быть может, спрятался он в нем.
«Но не шуметь, я вас прошу покорно,—
«Я спать хочу... Всё спит еще кругом.
«Умерьте пыл до отысканья клада;
«Его сама я буду видеть рада.

154.

«За что так поступаете со мной?
«Ваш образ действий просто непонятен.
«О, храбрый витязь! кто ж любовник мой?..
«Надеюсь, он умен и родом знатен?
«Как звать его? Красив ли он собой?
«Он верно в цвете лет, высок и статен?
«Коль запятнать мою решились честь,
«На то у вас причины верно есть.

155.

«Я думаю, он всё же вас моложе;
«А если он шестидесяти лет,—
«Вам, юноше, губить его за что же?
«И ревновать причины даже нет.
«(Воды, воды скорей!). Как горько, Боже,
«Что скрыть нельзя рыданий грустный след!
«О, мать моя! могло ль тебе присниться,
«Что с извергом я буду век томиться!...

156.

«К Антонии, прислужнице моей,
«Быть может, ваша ревность уж готова
«Придраться? Мы ведь спали вместе с ней;
«В том, кажется, нет ничего дурного.
«Но я прошу: стучитесь у дверей,
«Когда ворваться вздумаете снова,
«Чтоб время дать, приличия любя,
«Нам что-нибудь накинуть на себя!

157.

«Я кончила. Душевная тревога
«Мешает мне все счеты с вами свесть;
«Но ясно вам, как сердце может много
«Безропотно страданий перенесть...
«Пред совестью своей ответить строго
«Придется вам. Ее ужасна месть...
«Мне вас не жаль,—томитесь и страдайте!
«(Антония, платок скорей подайте!)»

158.

Она в подушки бросилась; сквозь слез
Ее сверкали очи. Так порою
Дождь падает при блеске вешних гроз.
Невольно поражая белизною,
Из-под ее распущенных волос
Сквозили плечи. Черною косою
Их оттенялся блеск еще сильней.
Волненье говорить мешало ей.

159.

Альфонсо был в смущении. Сердито
Антония шагала, гневный взгляд
На барина, с опешенною свитой,
Бросая. Кто же был скандалу рад?
Лишь прокурор, с улыбкой ядовитой,
Стоял; до гроба верный, как Ахат,
Он знал одно: была бы только ссора,
Настанет час судебного разбора.

160.

Он зорко за Антонией следил,
Поднявши нос и щуря глаз лукаво;
Он счастье лишь в процессах находил,
Не дорожа ничьею доброй славой;
Ни красоту, ни юность не ценил
И признавал за теми только право,
Которые, как должно, приведут
Законных лжесвидетелей на суд.

161.

Злосчастный муж стоял совсем сконфужен
И был, конечно, жалок и смешон:
Факт преступленья не был обнаружен;
На стороне жены стоял закон;
Невинностью ее обезоружен,
В своей вине раскаивался он...
Растерян и в смущении глубоком,
Безмолвно он внимал ее упрекам.

162.

Он начал извиняться перед ней,
Но от нее напрасно ждал ответа;
Рыданья, вздохи были все нервней,—
Истерики бесспорная примета;
Он Иова жену сравнил с своей:
Не хуже той язвить умела эта.
«Мне будет мстить вся женина родня»,
Подумал он, поступок свой кляня.

163.

Пробормотать он слов успел немного;
Антония его прервала речь,
Сказав: «Скорей уйдите, ради Бога,
«А то сеньоре в гроб придется лечь!»
Она притом на всех взглянула строго.
Альфонсо, что хотел скандал пресечь
И мало пользы ждал от разговора,—
Ругнув жену, из спальни вышел скоро.

164.

За ним ушел и сонм его гостей,
Безмолвно созерцавший перебранку;
Лишь прокурор толкался у дверей;
Он думал, как бы дело наизнанку
Перевернуть ехидностью своей;
Его нахальство взорвало служанку,—
Она сутягу вытолкала вон,
В его лице обидевши закон.

165.

О, грех и срам! Лишь все исчезли... Что же?
Как тяжело мне продолжать роман!
Иль слеп весь мир и небо слепо тоже,
Что может правды вид принять обман?
Для женщины ведь честь всего дороже.
Я продолжаю нехотя. Жуан,
Лишь только двери запереть успели,
Почти лишенный чувств, вскочил с постели.

166.

Он спрятан был; но это—тщетный труд
Вам об'яснять, как он от взоров скрылся;
Жуан был очень молод, гибок, худ
И в уголку постели приютился;
Легко он задохнуться мог бы тут;
Но если б он и умер, я б стыдился
Его жалеть: так слаще кончить путь,
Чем в бочке, словно Клеренс, утонуть.

167.

Жалеть его не стал бы я, конечно,
И потому, что был преступен он.
Прелюбодейство осуждают вечно
И нравственность, и церковь, и закон.
В года любви относятся беспечно
К таким грехам,—ведь бес тогда силен,—
Но в старости, когда расчетов время,
Как тяжело грехов прошедших бремя!

168.

Из Библии сравнение я дам,
Для поясненья женского коварства.
Когда Давид стал коченеть, врачам
Пришло на ум не применять лекарства,
А наложить, как пластырь иль бальзам,
Красавицу—и ожил он для царства;
Но, видимо, там был другой прием:
Давид воскрес, Жуан дышал с трудом.

169.

Но ведь Альфонсо возвратится снова;
Ему гостей не долго проводить;
Беда опять обрушиться готова;
Что делать, чтоб опасность отвратить?
Уж близок день, а можно ль без покрова
Глубокой тьмы успешно тайну скрыть?
Антония в смущении молчала,
А Юлия Жуана обнимала.

170.

Он волосы ей гладил. Их уста
Сливались в сладострастное лобзанье;
В тот сладкий миг влюбленная чета
Забыла и опасность, и страданье.
Но время уносилось, как мечта...
Антония пришла в негодованье:
«Нам не до шуток!—молвила она.—
«Я, сударь, в шкаф вас запереть должна.

171.

«Беда еще висит над головою,
«А вам на ум идет одна любовь;
«До смеха ли? Как справитесь с грозою,
«Коль барин встретит вас, являясь вновь?
«Всё это пахнет шуткою плохою:
«Того и жди, что будет литься кровь,—
«Он вас убьет, я место потеряю,
«А барыня спасется ли—не знаю.

172.

«Сударыня, я, право, вам дивлюсь!
«(Прошу итти скорей!). Соблазна много
«В мужчине зрелых лет, но что за вкус
«К смазливому ребенку! (Ради Бога,
«Проворнее влезайте!). Я боюсь,
«Что барин нас накроет. Вот тревога!
«(До утра потерпите как-нибудь,
«А там... Да вы не вздумайте заснуть!)»

173.

Тут Дон-Альфонсо прервал назиданья
Антонии, войдя на этот раз
Совсем один. Он распустил собранье
И ей велел, немедля, скрыться с глаз...
Могли ль теперь помочь ее старанья?
Как не исполнить данный ей приказ?
И вот, взглянув на барина нахально,
Она, задув свечу, ушла из спальной.

174.

Он помолчал немного и потом
Пустился в извиненья: он сознался,
Что пред женою виноват кругом
И что совсем он в дураках остался,
Сказав, что клевета виновна в том;
Но до причин поступка не касался,
И речь его, пустой и жалкий вздор,
Была лишь фраз бессмысленный подбор.

175.

Жена молчит, хотя ответить ловко
Она могла б и мужа осадить.
(У женщин есть особая сноровка,
Чтоб из воды сухими выходить.
Над мужем верх всегда берет плутовка,—
Ей разве трудно в ход и ложь пустить?
Жена упрек в преступной связи слышит,—
Она супругу тотчас три припишет.)

176.

Действительно, она б легко могла
Супруга пристыдить преступной связью
С Инесою,—ведь эта связь была
Известна всем; смешать Альфонсо с грязью
Ей, может быть, стыдливость не дала...
(Но, впрочем, нет,—пропустит ли оказью
Жена язвить супруга!). Может быть,
Хотелось ей для сына мать щадить.

177.

Могла еще другая быть причина:
Из ревности Альфонсо поднял шум,
Но никого он, с хитростью змеиной,
Не назвал; может быть, и на-обум
Он действовал; от матери до сына
Дойти легко (хитер ревнивый ум!);
А потому, чтоб имя скрыть счастливца,
Она безмолвно слушала ревнивца.

178.

Намек один—и обнаружен факт,
Что надо скрыть; в минуту затрудненья
Почти всегда спасает женщин такт.
(Для рифмы только это выраженье
Я в ход пускаю.) С правдою контракт
Зачем им заключать? Воображенье
Им заменяет истину собой;
К тому ж они так мило лгут порой.

179.

Мы верим им, когда стыдливой краски
На их ланитах виден легкий след.
К чему борьба? Слезой заблещут глазки—
И для борьбы у нас уж силы нет.
Сознаюсь в том, неотразимы ласки,—
К чему же спор? У дам всегда ответ
На всё готов; им здравый смысл не нужен:
Признай их власть, затем... садись за ужин.

180.

Прощенья муж просил. Жена нашла,
Что лучше мир, и, тайный гнев скрывая,
Окончить брань согласие дала.
Но на него эпитимья большая
Супругою наложена была:
С ним сходен был Адам, лишенный рая.
Он не жалел ни просьб, ни нежных слов—
Вдруг... наступил на пару башмаков.

181.

Что в башмаках? Какое в них значенье?
Он верно ничего бы не сказал,
Да в нем проснулись страшные сомненья:
Мужские башмаки он в них признал.
(Я чуть дышу от страха и волненья!).
Их, в бешенстве, Альфонсо в руки взял
И, убедившись в верности догадки,
За шпагою помчался без оглядки.

182.

К Жуану в страхе бросилась она,
Шепнув ему: «Скорей спасаться надо!
«От дома дверь едва притворена.
«По лестнице спустись. Вот ключ от сада.
«Ты проскользнуть успеешь. Ночь темна;
«Прохожих нет; всё тихо за оградой;
«Ты скроешься во тьме. Беги, беги!—
«Я слышу мужа гневные шаги!»

183.

Совет не дурен был, всё верно это,
Да слишком поздно был он принесен.
(Так опытность дается нам в те лета,
Когда уж нас не тешит счастья сон).
Еще прыжок—и возле кабинета
Жуан спастись бы мог. К несчастью, он
Столкнулся, впопыхах, с Альфонсо ярым
И с ног его свалил одним ударом.

184.

Потухла принесенная свеча.
Антония и Юлия в испуге
По комнате забегали, крича;
Но, как на грех, не появлялись слуги.
От бешенства, как дикий зверь, рыча,
Альфонсо жаждал мщенья; от натуги
И от борьбы Жуан рассвирепел—
Быть жертвою он вовсе не хотел.

185.

Альфонсо совершенно растерялся;
Упав, он шпагу выронил из рук
И только кулаками защищался.
Когда бы на нее наткнулся вдруг
Жуан,—в живых не долго бы остался
Злосчастный и озлобленный супруг...
О, женщины! как часто ваша страстность
Влюбленным в вас сулит одну опасность!..

186.

Жуан, чтобы скорее кончить бой,
Схватил врага в железные об'ятья...
У Дон-Альфонсо из носу струей
Кровь брызнула от этого пожатья;
Ударом довершил он подвиг свой
И вырвался на волю, бросив платья,
Как некогда Іосиф. Сходство с ним
Лишь этим выражается одним.

187.

Вот слуги осветили место схватки...
Без чувств лежала Юлия, бледна,
Как смерть сама; Антония в припадке;
Альфонсо, весь избитый, у окна
Стоял, дрожа. Лохмотья в беспорядке
Везде валялись; кровь была видна...
А Дон-Жуан, чтоб не случилось хуже,
Шмыгнул в калитку и замкнул снаружи.

188.

Я кончил песнь. Зачем вам об'яснять,
В каком ужасном виде, скрытый тьмою,
Что всякий грех готова поощрять,
Жуан пришел домой? От вас не скрою,
Что вся Севилья стала толковать
Об этом происшествии. С женою
Супруг решил покончить чрез развод—
И вот, процесс пустил Альфонсо в ход.

189.

Им занялась вся английская пресса;
Во всех газетах можете прочесть
Подробности скабрезного процесса;
На этот счет редакций много есть,
Что, без сомненья, полны интереса,
Хоть всех их разноречий и не счесть;
Но нет солидней стенограмм Гёрнея [20]),
Что ездил в суд, чтоб всё узнать вернее.

190.

Инеса, заметая свежий след
Громчайшего из городских скандалов
Испании за много сотен лет,
По крайней мере, со времен Вандалов,
Марии Деве принесла обет
Убрать свечами множество шандалов;
А сына, чтобы дать ему вздохнуть,
Отправила чрез Кадикс в дальний путь.

191.

Чтобы Жуан свои исправил нравы,
Он послан был в далекие края,
В надежде той, что новые забавы,
Его душе невинной мир даря,
Убьют в нем страсти жгучие отравы.
А Юлия в стенах монастыря
Влачила век унылый. Вот посланье,
Что выяснит вполне ее страданья:

192

«Вы едете; так надо, может быть...
«Я жертвой остаюсь; но сердца муку
«Я не хочу, не в силах даже скрыть;
«Но я не в праве осуждать разлуку;
«Возможно ли сильней меня любить?
«Волненье в дрожь мою приводит руку.
«Но не ищите слез унылый след:
«Мои глаза горят, но слез в них нет.

193.

«Всё в жертву принесла я; вас любила,
«Люблю еще—чиста любовь моя;
«Как светлый сон, прошедшее мне мило;
«Мне жертв не жаль; пусть свет клеймит меня:
«Свою вину давно я осудила
«И, каясь, не оправдываюсь я.
«Не ждите просьб; зачем теперь упреки?
«Но я томлюсь, и льются эти строки.

194.

«Вся наша жизнь любви посвящена;
«Она ж для вас минутная забава
«Минутной вспышки. Ваша жизнь полна
«Забот, тревог; вас увлекает слава,
«Вас манят рынок, дальняя страна,
«И бранный стан, и церковь, и держава;
«Всё это—ваше; а у нас—одно:
«Нам лишь любить и гибнуть суждено.

195.

«Еще не раз любви взаимной сладость
«И нежность ласк придется вам вкусить,
«Со мной же на земле простилась радость;
«Страдать могу, но не могу забыть.
«В слезах, в тоске моя увянет младость.
«Прощайте же! Напрасно, может быть,
«Но вас прошу любить меня, как прежде;
«Пусть давит скорбь—всё место есть надежде.

196.

«Я не имела, не имею сил
«Бороться с сердцем. Да, борьба напрасна,—
«Могу ль умерить я душевный пыл?
«Дыханью бурь теченье волн подвластно;
«Моей душе один лишь образ мил,
«К одной мечте я рвуся думой страстной.
«Все к северу, куда бы я ни шла,
«Указывает зыбкая игла.

197.

«Всё сказано, а кончить жаль посланье.
«Я вся горю; дрожит моя рука;
«Разбита грудь; в душе одно страданье;
«Не убивает горькая тоска,
«Коль пережить минуту расставанья
«Могла я. Смерть глуха к мольбам. Пока
«В груди несчастной сердце будет биться,
«Я буду, вас любя, за вас молиться!»

198.

Короною украшенный листок,
С обрезом золотым, она избрала
Для начертанья этих нежных строк;
Печатая письмо, она сдержала
Горючих слез нахлынувший поток.
Красивая печать изображала
На сургуче гелиотроп в цвету
С таким девизом: «Elle vous suit partout».

199.

Вот первое Жуана приключенье,
Читатели! Теперь покину вас.
Когда услышу ваше одобренье,
Современем продолжу свой рассказ.
(Увы! людей непостоянно мненье,—
Оно капризно; ладить с ним подчас
Нелегкий труд). Коль вы довольны мною,
Опять вернусь я к своему герою.

200.

Моя поэма—эпос, где внутри
Двенадцать книг, и в каждой всё, что надо:
Каталог кораблей, вожди, цари,
Любовь, морские бедствия, осада,
Немало типов; эпизодов—три;
В виду имею панораму ада,
Как делали Виргилий и Гомер;
Моя поэма будет всем пример.

201.

Всё изложу я с соблюденьем правил,
Что Аристотель издал, как закон.
Он на ноги поэтов часто ставил,
Но и глупцов немало создал он.
Иных поэтов белый стих прославил,
А я в рифмованную речь влюблен.
Не в инструменте, а в артисте дело.
Мой план готов,—за труд примуся смело.

202.

Есть разница, однако, между мной
И древними жрецами песнопенья;
Я не пойду избитою тропой,
И в этом я достоин предпочтенья
(Хоть не одною этою чертой
Я заслужить надеюсь одобренья):
Рассказ их лжив с начала до конца;
Не лучше ль труд правдивого певца?

203.

Что я правдив—не сомневайтесь в этом;
Грешно меня в неправде укорять;
Не верите—к журналам и газетам
Вы обратитесь: им нельзя солгать,
Не раз и музыкантам, и поэтам
Жуана приходилось воспевать;
И вся Севилья видела со мною,
Как он погиб, похищен сатаною.

204.

Когда б расстался с музой я своей
И к прозе обратился, я б оставил,
Для назиданья, ряд заповедей,
Которыми себя бы я прославил,
Всех изумляя новизной идей,
Изложенных в собраньи этих правил.
Я б назвал книгу: «Лонгин под хмельком,
Иль Аристотель пущен кувырком».

205.

«Есть Мильтон, Поп и Драйден. Друг для друга
«Вордсворта, Са́ути, Кольриджа оставь!
«Безумец, пустомеля и пьянчуга;
«От их стихов Господь тебя избавь...
«Бороться с Краббом—тщетная потуга;
«Чти Роджерса, а Кемпбеля не славь;
«Хоть Мура сладострастьем дышет муза,
«С ней не ищи греховного союза.

206.

«С поэтом Сотби сходства не ищи;
«Из зависти не говори, что гадки
«Его стихи; смотри, не клевещи!
«(Есть дамы, что на это очень падки).
«Пиши, как я велю, и не взыщи,
«Коль на тебя посыплются нападки—
«За то, что несогласен ты со мной;
«Смирись, иль гнев ты испытаешь мой!»

207.

Не думайте, что правилам морали
Я чужд. Покуда не за́дел я вас,
Не поднимайте шума. Если б стали
Поэму, беспристрастия держась,
Рассматривать,—такой упрек едва ли
Я б заслужил. Порой игрив рассказ,
Но всё же я моралью строгой связан—
И будет грех в конце труда наказан.

208.

Найдет ли кто, меня не ставя в грош,
Впадая непонятно в заблужденье,
Что план моей поэмы нехорош
И что мое безнравственно творенье,—
Духовному скажу я: это—ложь;
Но если одного с ним будет мненья
Иль храбрый воин, или критик злой,—
Скажу, что взгляд ошибочен такой.

209.

Нельзя не похвалить мои октавы—
В них целый ворох нравственных идей;
Учу шутя, мораль смешав с забавой.
(Кладут в лекарства сахар для детей).
Гоняся за эпическою славой,
Журналу «British» бабушки моей
Я взятку дал, чтоб заслужить хваленья
И тех, что верят лишь в чужие мненья.

210.

Издателю пришлось мне заплатить
Немало. Мне, любезно отвечая,
Он обещал стихи мои хвалить.
Не удивит угодливость такая...
А если станет он меня бранить,
Потоки меда желчью заменяя,
И поднесет мне грозный приговор,—
Скажу ему, что он—презренный вор.

211.

Благодаря «священному союзу»,
Что заключил я, не боюся бед
И за свою не опасаюсь музу.
Мне до других изданий дела нет.
Я на себя не принимал обузу—
Протекцию искать других газет;
К тому ж от них напрасно ждать пощады,
Лишь только их не разделяешь взгляды.

212.

Я повторять с Горацием готов:
Non ego hoc ferrem calidus juventa
Consule Planco. Приведенных слов
Вот смысл: когда путь жизненный, как лента,
Передо мной лежал и светлых снов
Я видел рой; когда струилась Брента [21])
Далеко от меня,—и бодр, и смел,
Все отражать удары я умел.

213.

Теперь простилась молодость со мною;
Мне тридцать лет, а я и сед, и хил.
Увы, я прожил раннею весною
Всё лето дней моих. Во мне остыл
Душевный жар; я сознаю с тоскою,
Что для борьбы уж не имею сил;
Все блага расточив с безумством мота,
Теперь дошел я с жизнью до расчета.

214.

Больное сердце вновь не оживет,—
Оно тоской глубокою об'ято;
Без светлых грез тяжеле жизни гнет,
Надежда улетела без возврата;
С цветов и я сбирал, как пчелы, мед.
Ужель в цветах нет больше аромата?
О нет, благоухает не цветок,
В него струим мы сами сладкий сок.

215.

Я только сердцем жил, но без пощады
Его разбила жизнь. Прости, любовь!
За муки от судьбы не жду награды.
Былые сны мне не волнуют кровь.
Источником проклятий и отрады,
О сердце! для меня не будешь вновь.
Мне опытность собою заменила
Рой светлых грез, что жизнь мне отравила.

.216.

Прошла моя цветущая весна:
Ни женщины, ни девушки, ни вдовы [22])
Не могут моего тревожить сна;
Не для меня святой любви оковы...
Я не могу, как прежде, пить вина
И должен обратиться к жизни новой...
Чтоб как-нибудь еще грешить я мог,
Не выбрать ли мне скупость, как порок?

217.

До дна испил я чашу наслажденья,
И что ж?—меня не манит жизни пир;
В душе одни тревоги и сомненья;
Я говорю, как Бэкона кумир:
«Неудержимо времени теченье».
Я молодость сгубил и сердца мир,—
Их воскресить я не имею власти!
Мой ум сгубили рифмы, сердце—страсти.

218.

Что̀ слава?—жалкий звук, пустой обман.
Она сходна с высокою горою:
Гора крута, а наверху туман.
Мы расточаем речи пред толпою,
Мы пишем, убивает ветеран,
Поэт сидит с «лампадою ночною»,
Чтобы остался жалкий шум газет,
Негодный бюст или плохой портрет.

219.

Когда ж в обман надежды не вводили?
Хеопс, гордяся славою своей,
Чтоб царский прах столетья пощадили,
Воздвигнул пирамиду-мавзолей.
Когда вошли в гробницу, даже пыли
От мумии не сохранилось в ней.
Возможно ль нам укрыться от забвенья,
Когда и сам Хеопс стал жертвой тленья?

220.

Я всё твержу премудрые слова:
«О горе! Смерть—удел всего живого.
«И тело человека, как трава,
«Под взмахом Смерти сеном стать готово.
«Ты юности использовал права;
«Вернись она,—она исчезнет снова.
«За то, что есть, хвали всесильный рок,
«Молись и береги свой кошелек».

221.

Теперь, читатель милый мой, и вдвое
Милейший мой приобретатель, дай
Мне руку, если хочешь; я в покое
Тебя оставлю; до поры—прощай!
Мы встретимся опять, когда такое
Твое желанье; если нет, то знай,
Не стану вновь пытать твое терпенье
(Я редкое, должно быть, исключенье).

222.

«Расстанься, малый труд, с творцом своим!
«Тебя волнам вверяю—долго плавай!
«И верю я: ты, гением храним,
«Восторжествуешь, перед миром правый».
Читают Сàути, Вордсворт постижим;
Чего ж и мне не увенчáться славой?
Стихи в кавычках—Сàути, каждый стих;
Свидетель Бог, я неповинен в них.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1.

О вы, всех стран известных педагоги,
Учеников не забывайте сечь,
Их кожи не жалея; будьте строги!
Ведь боль от зла их может уберечь.
О том, как Дон-Жуан с прямой дороги
Оригинально сбился—вел я речь;
А лучшая из матерей немало
О воспитаньи сына хлопотала.

2.

Будь в школу, в третий иль четвертый класс
Он помещен,—серьезные занятья
Его бы удержали от проказ.
Так было бы на севере; из'ятье,
Быть может, в этом случае как раз
Испания; всё ж не могу понять я,
Как юноша-шалун в шестнадцать лет
Мог натворить, нежданно, столько бед!

3.

Но головы ломать не надо много,
Чтоб стало ясно всё: Жуана мать
Умом стремилась в даль, а педагога,
Что был при нем, не грех ослом назвать;
К тому ж красотка встретилась дорогой
(Без этого скандалу б не бывать);
Помог и старый муж, с женой пригожей
Не ладивший; помог и случай тоже.

4.

Что ж делать! Мир вкруг оси осужден
Вращаться. С ним и мы всегда в движеньи;
Среди забот проходит жизнь, как сон;
Соображаясь с силою волненья,
Мы паруса меняем; чтим закон;
Врач мучит; учит поп; вот жизни звенья,—
Чуть-чуть любви, вина, борьбы, труда,
Смиренья, праха,—имя иногда.

5.

Итак, Жуан был послан в Кадикс. (Мне там
Жилось приятно, буду ль там опять?).
Там был очаг торговли с Новым Светом,
Пока не вздумал Перу бунтовать.
А сколько славных девочек при этом—
Прелестных женщин, я хотел сказать!
Их поступи вам не опишет слово,
Я ничего не видывал такого.

6.

Арабский конь, породистый олень,
Жираф, газель... Увы! средь изобилья
Сравнений ни одно не бьет в мишень.
А их наряд! Их юбка и мантилья!
Их прелестью мне было бы не лень
Заполнить песнь, без всякого усилья.
А ножки их! Но где метафор взять...
(А потому, о Муза, смирно сядь,

7.

Будь скромной, Муза, слышишь?)—а вуали,
Что донны белоснежною рукой
Отбрасывают, взор, острее стали,
Вонзая в вас! Увидев взгляд такой,
Вы разве, истомяся, не страдали?
Забыть нельзя край страсти огневой,
Где из-под дымок, схожих с фацциоли [23]),
Глаза красавиц жгут сердца до боли.

8.

Но вновь к рассказу! В Кàдикс послан был
Жуан, но мать ему велела строго
Не оставаться в нем. Кто не грешил
На суше, где соблазнов всяких много?
Надеялась она, что сердца пыл
Остудит в нем далекая дорога.
На корабле от суеты земной
Он мог спасаться, как в ковчеге Ной.

9.

Напутствие прослушал мой повеса
И, денег взяв, укладываться стал.
Грустила, расставаясь с ним, Инеса
(Он на четыре года уезжал).
Без слез разлуки нет; но факт, что беса
Сынок отгонит—донну утешал.
С инструкцией (что̀, впрочем, не прочел он)
Жуан сел на корабль, унынья полон.

10.

Тем временем Инеса свой досуг
Решила посвятить воскресной школе
Для малышей, отбившихся от рук
И любящих озорничать на воле;
Трехлетних там вводили в круг наук,
Тупиц на стул сажали и пороли:
Успех с Жуаном ей внушил, как мать
Второе поколенье воспитать.

11.

Корабль понесся в даль. Вокруг бурливо
Клубились волны; сильный ветер дул;
На свете нет ужаснее залива;
Его ревущих волн знаком мне гул.
Чрез борт обдать вас пеной им не диво.
Жуан с тоской на родину взглянул.
Ему прощатся с нею было ново,
Но милый край увидит ли он снова?

12.

Невольная тоска сжимает грудь,
Когда родимый край скрывает лоно
Безбрежных вод. В дни юности взглянуть
На этот грустный вид нельзя без стона..
Когда я уезжал в далекий путь,
Мне помнится, что берег Альбиона
Пятном казался белым. Прочих стран
Цвет с моря синеватый, как туман.

13.

Жуана грудь от мук рвалась на части;
Скрипел корабль, что волны в даль несли;
Свирепо ветер дул, трещали снасти;
Как точка, Кàдикс виден был вдали.
Морской болезни хуже нет напасти;
Чтоб с нею вы знакомства не свели,
Рекомендую бифстек, как лекарство:
Он вас спасет от этого мытарства.

14.

Испанский берег канул в бездну вод,
И в сердце Дон-Жуана, мукой сжатом,
Заныла скорбь. Тяжел разлуки гнет!
Присуще это чувство и солдатам,
Что в дальний снаряжаются поход;
Как сердце чутко к горестным утратам!
Мы, уносясь и от немилых мест,
Печально смотрим на церковный крест.

15.

А Дон-Жуан и с матерью, и с милой
Расстался—(не с законною женой!).
Поэтому понятно, что уныло
Прощался он с родимою страной.
Когда и те, что даже нам постылы—
Нас заставляют слезы лить порой,
О милых как не плакать! (Мы готовы
Тужить о них, пока нет скорби новой).

16.

У Вавилонских рек, тоской томим,
Рыдал еврей, скорбя о днях счастливых;
Так плакал и Жуан. Я б плакал с ним,
Да Муза-то моя не из слезливых!
Всё ж для забавы людям молодым
Недурно путешествовать. Снабдив их
Всем, что потребно, слуги в чемодан,
Надеюсь, будут класть и мой роман.

17.

Взволнованный Жуан стоял, сливая
Соль жгучих слез страданья с солью вод...
«Прелестное к прелестному!» Питая
К цитатам страсть, пустил я эту в ход.
Так королева говорит, рыдая,
Когда на гроб Офелии кладет
Цветы. Жуан, убитый горькой долей,
Поклялся, что грешить не будет боле.

18.

«Прощай, Испания! быть может, мне
«Тебя не видеть вновь, и безнадежно,
«Скитальцем, я в далекой стороне
«Умру, стремясь к тебе душой мятежной.
«Гвадалквивир! привет твоей волне!...
«Прости, о мать, и ты, мой ангел нежный!
(Тут Юлии посланье, полн тоски,
Он перечел, не пропустив строки).

19.

«Тебя ль забыть? Твой раб я до могилы!
«Скорее испарится океан,
«Скорей земля, под гнетом вражьей силы,
«Преобразится в воду иль туман,
«Чем изгоню из сердца образ милый!
«Неизлечима боль сердечных ран!
(Тут качка началася, и в испуге
Жуан подумал о морском недуге).

20.

«О Юлия! (припадок стал сильней)
«К тебе взываю каждую минуту!
(Баттиста, Педро, эй, вина скорей!
И помогите мне сойти в каюту!)
«О Юлия! ты страсть души моей!
(Где ж Педро? Ну, достанется же плуту!)
«Услышь меня!» (Припадок тошноты
Тут разом помутил его мечты).

21.

Тот сердца гнет (скорее гнет желудка),
Которому не может врач помочь,
Он ощущал. Утрата, злая шутка,
Измена, что порой черна как ночь,
Его рождают. Силою рассудка
Не отогнать такую тяжесть прочь!
Жуан сильнее выразил бы горе,
Не будь таким ужасным рвотным море.

22.

Любовь всегда с капризами дружна;
Легко мирясь с недугом благородным,
Боится жаб и насморков она,
К ним относясь с презрением холодным.
Любовь слепа, а всё же ей вредна
Простуда глаз; в порыве сумасбродном
Она тотчас укажет вам порог,
Когда, чихнув, прервете нежный вздох.

23.

Но злейшие враги ее—не скрою—
Желудка боль и рвота. Хмуря бровь,
Она от них стремится вдаль, стрелою.
При случае она прольет и кровь,
Припарка же ей смерть несет с собою!
Как видите—сильна ж была любовь
Жуана, если, корчась от недуга,
Всё помнил он оставленного друга.

24.

Понесся Дон-Жуан на корабле,
Носившем имя Santa Trinidada,
В Ливорно. (Этот порт всегда в числе
Тех мест, что посетить туристу надо).
Там, поселившись на чужой земле,
Давно уж жил испанский дом Монкада.
К нему Жуан, с ним связанный родством,
Отправлен был с приветом и письмом.

25.

При Дон-Жуане были три лакея
И гувернер Педрильо, что, хоть знал
Немало языков, теперь, слабея
От тошноты, без языка лежал.
Он к суше рвался мысленно, бледнея
И проклиная каждый новый вал;
Вода, к тому же, проникая в щели,
Его подмачивала на постели.

26.

Его не даром мучила тоска:
Еще сильней поднялся ветер к ночи!
(Не устрашает буря моряка—
Тому ж, кто свыкся с сушею, нет мочи
Волненья скрыть, когда она близка).
Сгущалась тьма; от молний слепли очи;
Матросам паруса убрать пришлось,
Чтоб шквал, в порыве яром, мачт не снес.

27.

В час ночи шквал нагрянул, рьян и гневен;
Корабль он с треском на бок повалил;
Ударясь в борт, разрушил ахтер-штевен
И с ним старн-пост; всё расшатав, разбил;
Вид корабля и так уж был плачевен,
А тут и руль валами сорван был;
К тому ж вода вливалась в трюм. Насосы
С отчаяньем пустили в ход матросы.

28.

Одни качали воду; суетясь,
За борт другие лишний груз бросали;
Вот, наконец, пробоина нашлась,
Но от крушенья им спастись едва ли!
Вода, как прежде, с ревом в трюм лилась...
В пробоину совать товары стали,
Ковры, рубашки, куртки, чтоб пресечь
Потоп,—увы! не унималась течь.

29.

А всё они трудились бы напрасно
И всё ж беда над ними бы стряслась,
Когда б насосы, действуя прекрасно,
Не выручили их. Они не раз
Спасали моряков в момент опасный.
Насосы, что выбрасывают в час
Тонн пятьдесят воды—оплот бесценный.
Их производит мистер Мэнн почтенный.

30.

К рассвету буря стала утихать.
Хоть три еще работали насоса—
Явилася надежда течь прервать;
Но предаваться радости пришлося
Недолго. Буря, заревев опять,
Порвала цепи пушек; началося
Волненье, и, зловещих полон сил,
Корабль на бимсы ветер повалил.

31.

Корабль, разбитый бурей, без движенья
Лежал. Лилась на палубу вода
Из трюма. Вид унылый разрушенья
Нельзя забыть. Тяжелая беда,
Пожары, битвы, бури и крушенья,
Нам до могилы памятны всегда.
Не любят ли пловцы и водолазы,
Спасясь от бурь, вести о них рассказы?

32.

Срубили и грот-мачту, и бизан,
Чтоб облегчить корабль, но он уныло
Лежал средь волн, недвижен, как чурбан;
Ему мгновенье каждое грозило;
И вот, срубить бушприт приказ был дан,
А также и фок-мачту. Надо было
На все решиться. Это помогло,
И вот корабль поднялся тяжело.

33.

Легко понять, что в этот час опасный
Сердца пловцов щемили страх и боль;
Мириться с перспективою ужасной—
Быть поглощенным волнами—легко ль?
Иные моряки, когда напрасны
Надежды на спасенье, алкоголь
И ром тянуть готовы, льнут и к грогу,
Чтоб смело встретить дальнюю дорогу.

34.

Всего верней религия и ром
Дарят душе покой. Тут, с смертью в споре,
Кто спирт тянул, кто распевал псалом,
Кто грабил. Басом в этом грозном хоре
Был океан, а ветер дискантом.
Страх вылечил больных. Ревело море
И вторило, вздымаясь к небесам,
Проклятьям, воплям, стонам и мольбам.

35.

Без мятежа не обошлось бы дело,
Когда бы, с пистолетами в руках,
Жуан не спас вина. Оторопела
Толпа; а лучше ль умирать в волнах,
Чем от огня? Толпа хоть и шумела,
Но удержал ее неволный страх;
Пред тем, чтоб утонуть в пучине моря,
Ей утонуть в вине хотелось, с горя.

36.

Народ ревел: «Дай грогу! Через час
«Мы всё равно погибнем от крушенья!»
—«Пускай,—сказал Жуан,—меня и вас
Ждет скоро смерть, и не найти спасенья,—
Умрем людьми, не как скоты!»—Отказ
Его был строг, и прекратились пренья;
Умерил он и гувернера прыть,
Дерзнувшего стаканчик попросить.

37.

Глубоко старикашка был взволнован;
Молился, плакал, каялся в грехах;
Божился, что исправиться готов он;
Что если только минет этот страх—
От Саламанки, к ней душой прикован,
Всю жизнь не отойдет он ни на шаг
И, в роли Санчо-Панса, с Дон-Жуаном
Не станет раз'езжать по разным странам.

38.

Надежды луч их снова озарил;
К рассвету ветер стих; хоть прибывала
Попрежнему вода, корабль всё плыл,
Лишен снастей; вот солнце засияло...
Опять за дело, полны новых сил,
Все принялись, но течь одолевала;
Кто был сильней, тот в ход пускал насос,
А слабым паруса сшивать пришлось.

39.

Под киль поддели парус, и казалось,
Что с этим течь как будто унялась;
Надежды всё же мало оставалось;
Но хорошо прожить и лишний час:
Когда же слишком поздно смерть являлась?
Хоть умирать приходится лишь раз,
Совсем не обязательно, поверьте,
Попав в залив Лионский, рваться к смерти.

40.

Туда-то их корабль и загнан был
По воле волн. Он несся на просторе
Без мачты, без руля и без ветрил,
А не до чинки было: как на горе,
Без перерывов гневно ветер выл,
И, гибель им суля, ревело море;
Всех приводил корабль разбитый в дрожь:
Он, правда, плыл, но с уткой не был схож.

41.

Немного ветер стих, но так их судно
Разбито было бурей, что на нем
Держаться дольше было безрассудно;
К тому ж судьба с другим опасным злом
Им стала угрожать борьбою трудной:
Запас воды всё таял с каждым днем,
О береге же не было помину;
Лишь ночь плыла, и ветер злил пучину.

42.

Вода врывалась в трюм со всех сторон;
А всё пловцы боролися с судьбою;
Но вот разбитых помп раздался звон:
Беспомощно корабль поник кормою;
По милости лишь волн держался он;
А милость их имеет сходство с тою,
Что проявлять привык из века в век
В борьбе междоусобной человек.

43.

В то время к капитану плотник старый
Приблизился и об'явил, в слезах,
Что не спастись от этого удара.
Старик, что часто плавал на судах
И вел не раз борьбу с стихией ярой,—
Тут слезы лил, но их плодил не страх:
Бедняк имел семью. Какая мука
Для гибнущего с милыми разлука!

44.

Корабль склонил корму и стал тонуть.
Смешалось всё; здесь слышались моленья,
Обеты там. (Когда уж кончен путь,
Какая польза в них?). Ища спасенья,
Иные стали ял к воде тянуть.
Тут кто-то у Педрильо отпущенья
Грехов просил,—но и в смущеньи строг,
Его отправил к чорту педагог.

45.

Кто к койке льнул; кто, скрежеща зубами,
Рвал волосы и день рожденья клял;
Кто в даль глядел безумными очами;
Иной наряд богатый надевал;
Те, что бодрее были, над ладьями
Трудились. Если не нагрянет шквал,
Бороться с морем может долго лодка,
Особенно, когда прочна и ходка.

46.

Грозила морякам еще беда:
В то время, как они боролись с морем,
Припасы их попортила вода.
Сравнится ль что-нибудь с подобным горем!
Ведь голод нас пугает и тогда,
Когда мы безнадежно с смертью спорим;
Две бочки сухарей, жбан масла—вот
Всё то, что удалось им бросить в бот.

47.

Зато они достали для баркаса
Немного хлеба, что совсем подмок;
Воды боченок; раздобыли мяса,
Свинины также небольшой кусок.
(Такого не могло хватить запаса
Им и на завтрак!). Посреди тревог
Про ром они, однако, не забыли;
Его боченок целый прикатили.

48.

Другие шлюпки шквал давно разбил,
На них нагрянув с силой небывалой;
Баркас же не вполне надежен был:
Весло служило мачтой; ловкий малый
Его удачно с корабля спустил;
Роль паруса играло одеяло;
К тому ж в баркас и ял могла попасть
Из всей команды небольшая часть.

49.

Спустилась ночь над гневною пучиной,
Как занавес. За ним, казалось, скрыт
Зловещий враг, что с злобою змеиной,
От взоров прячась, жертву сторожит.
Оделись мраком тяжкие картины
Отчаянья—пловцов был страшен вид!
Двенадцать дней об'ятьями своими
Душил их ужас; вот и смерть пред ними.

50.

Пытались сколотить из бревен плот;
В иное время выдумка такая
Всех рассмешила б, а теперь лишь тот
Смеяться мог, кто пьян. Не понимая,
Опасности, как жалкий идиот
Хохочет пьяный, ужас нагоняя
Своим безумным смехом. Только Бог
В тот миг пловцов спасти бы чудом мог!

51.

Боченки, доски, реи—всё спустили,
Что только может в крайности помочь;
В глаза бросалась тщетность всех усилий,—
Надежду всё ж они не гнали прочь;
Часу в девятом лодки отвалили;
Лишь тусклым блеском звезд сияла ночь;
Корабль, кормою вниз, нырнул и вскоре,
Раз только всплыв, бесследно скрылся в море.

52.

Тогда от моря к небу возлетел
Прощальный вопль; храбрец стоял безмолвный;
Трус трепетал; иной, что смерть хотел
Предупредить, бросался, муки полный,
В пучину, проклиная свой удел;
Водоворотом закружились волны
Там, где корабль, вступая в смертный бой,
Как бы на дно тянул их за собой.

53.

Раздался общий вопль, пучине вторя;
Он как удар пронесся громовой;
Затем утихло всё, лиш с ревом моря
Сливался урагана дикий вой.
Отдельный крик отчаянья и горя
Еще кой-где во тьме звучал порой,
Унылый крик пловца, что с горькой долей,
Лишившись сил, не мог бороться боле.

54.

Грозила смерть и тем, что пересесть
Успели в лодки. Буря не стихала,
И ветер дул. До берега догресть
Попрежнему надежды было мало.
Хоть всех пловцов не трудно было счесть,
(Их горсть была), всё ж места не хватало
Для них в ладьях. Баркас в себе вмещал
До тридцати людей, и девять—ял.

55.

Душ до двух сот расстались с телами!
Нет смерти для католика страшней:
В чистилище, преследуем чертями,
Он жарится, пока под ним углей
Поп не зальет усердными мольбами.
А скоро ль о крушеньи до людей
Домчится весть? Без панихид, что денег
Не мало стоят, к раю путь трудненек!

56.

Жуану удалося сесть в баркас;
Он поместил туда же педагога
И, в ментора нежданно превратясь
(С Педрильо поменявшись ролью), строго
Держал его. Старик, всего боясь,
Лишь жалобно стонал, об'ят тревогой.
Баттиста (или Тита) в океан
Свалился с корабля, напившись пьян.

57.

Насчет вина и Педро тех же правил
Держался. Он в баркас не мог попасть
И, утонув, вино водой разбавил.
Хоть близ ладьи ему пришлось упасть,
Его спасти кто б мысли не оставил,
Когда пучина, разверзая пасть,
Их всех втянуть в свое стремилась недро?
К тому ж и места не было для Педро.

58.

Собачка, что Жуан с собою вез,
Погибель чуя, лаяла и выла.
(Природой дан собакам чуткий нос!).
Расстаться с ней Жуану грустно было:
Его отцу когда-то верный пес
Принадлежал (в воспоминаньях сила!),
И вот пред тем, чтобы спрыгнуть в ладью,
В нее швырнул собачку он свою.

59.

Часть денег захватил Жуан с собою;
Другую сунул пестуну в карман;
Педрильо, смятый горькою судьбою,
Казалось, превратился в истукан
От страха и унынья. Под грозою
Не унывал лишь юный Дон-Жуан
И, веря, что осилить можно качку,
От смерти спас и дядьку, и собачку.

60.

Баркас бежал по гребням волн седых,
И ветер дул с такой зловещей силой,
Что парус мог сорваться каждый миг,
А между волн он повисал уныло.
Нещадно обливали волны их,
Клокочущее море леденило
Надежды и тела. Злосчастный ял
Средь бурных волн на их глазах пропал.

61.

Погибло девять душ с крушеньем яла;
Баркас же продолжал нестися в даль;
Но с парусом плохим из одеяла,
Прибитого к веслу, он мог едва ль
Спастись. Хоть смерть все ближе угрожала
Пловцам, им жертв крушенья стало жаль;
Их также опечалил факт плачевный,
Что сухари погибли в бездне гневной.

62.

Над мрачной глубью огненным шаром
Вставало солнце, бурю предвещая;
Им оставалось думать лишь о том,
Чтоб плыть по ветру, волн не рассекая.
По чарочке пловцам был роздан ром;
(Полунагих скитальцев буря злая
Лишила сил); а хлеба, что подмок,
Едва достался каждому кусок.

63.

Их было тридцать; так они столпились,
Что пальцем шевельнуть никто не мог;
Поочередно спать одни ложились
На мокром дне ладьи; полны тревог,
Другие в это время с бурей бились.
Их обдавало с головы до ног
Водой. Как в лихорадке всех знобило;
Им покрывалом небо только было.

64.

Продлить мы можем жизнь желаньем жить;
Известно, что и трудные больные
Встают с одра, когда их уморить
Не ищут: друг, супруга иль родные;
От ножниц Парк спасает жизни нить
Надежда; ей не знаю и цены я!
Отчаянье—враг жизни; человек
В его когтях кончает скоро век.

65.

Живет всех дольше тот, кто обеспечен
Пожизненным окладом. Факт такой
Необ'ясним, но он давно замечен;
Так смертный рад пожить на счет чужой,
Что делается тотчас долговечен;
Жид ростовщик—тому пример прямой.
С жидами я имел дела когда-то;
Как с ними затруднительна расплата!

66.

Хоть целый мир лишений, бед и зла
В удел пловцам достался; хоть покоя
Лишил их рок—им жизнь была мила;
Утес боится ль волн, меж ними стоя?
Всех мореходов доля тяжела;
Припомните судьбу ковчега Ноя;
Ему немало мыкаться пришлось;
Немало бед и Арго перенес.

67.

Но люди плотоядны; им и сутки
Прожить без пищи тягостно. Они,
Как кровожадный тигр, к добыче чутки;
Акулы им, по жадности, сродни.
Хоть так у них устроены желудки,
Что есть могли бы овощи одни;
Но люд рабочий только с мясом дружен,
И корм иной ему совсем не нужен.

68.

На третий день внезапный штиль настал,
И улеглись ревевших волн громады;
Пловцы, как черепахи возле скал,
Заснули мертвым сном, полны отрады;
Когда ж от сна очнулись, и их стал
Зловещий голод мучить без пощады,
Они, забыв благоразумья глас,
Весь порешили разом свой запас.

69.

Что ж? угадать последствия не трудно!
Спастись теперь им было мудрено;
Возможно ли надеяться на судно,
Когда с одним плохим веслом оно?
Они же истребили безрассудно
Всю пищу, что имели, и вино,
Себя пустой надеждою дурача,
Что скоро улыбнется им удача.

70.

Четвертый день, а океан дремал,
Как на груди у матери малютка;
Вот пятый день! всё мертвый штиль стоял,
Синело небо ласково и жутко,
Лениво в даль катился синий вал...
С одним веслом что делать? А желудка
Голодный вопль всё свирепел и рос;
Тут с'еден был Жуана верный пес.

71.

Питал своею шкурой экипаж он
Весь день шестой. Жуану пес был мил,
И с гневом он от тех отпрянул брашен.
Но день спустя решенье изменил;
Его терзавший голод был так страшен,
Что лапку пса он с дядькой разделил.
Педрильо вмиг кусок упрятал гадкий,
Скорбя, что так невелики остатки.

72.

Седьмой уж день! Ни ветра нет, ни туч;
Они лежат, как трупы, без движенья;
Тела их жжет палящий солнца луч;
Без ветра нет надежды на спасенье—
А ветер спит, и океан певуч!
Их волчьих взглядов страшно выраженье;
В них ясно виден дум ужасных след:
Так на добычу смотрит людоед.

73.

И, наконец, чудовищное мненье
Чуть слышно кто-то высказал. Оно
Их облетело всех в одно мгновенье:
Всех та же мысль терзала уж давно!
Раздался хриплый шопот одобренья,
И кинуть жребий было решено,
Чтоб рок наметил жертву, чье закланье
Товарищей продлит существованье.

74.

Но прежде, чем до этого дойти,
Они и обувь с'ели, и фуражки;
Всё ж надо было жертву принести,
И час решенья приближался, тяжкий;
Но так как не могли они найти
Для ярлыков и лоскутка бумажки—
Насильственно (я Музы слышу стон!)
Жуан записки милой был лишен.

75.

Вот жребии все смешаны и взяты;
Все онемели в этот страшный миг,
И ужасом, и трепетом об'яты;
Казалось, в них и самый голод стих;
Они ль в злодействе этом виноваты?
Нет! голод жертвы требовал от них;
Они ж пред ним склонялися, бледнея.
Так жаждал крови коршун Прометея.

76.

Педрильо бедный роком выбран был...
В несчастьи тверд, он выразил желанье,
Чтоб медик, бывший тут, ему пустил
Из жилы кровь—и умер без страданья.
Он ревностным католиком почил.
Распятью дав с молитвою лобзанье,
Ученый муж, религией согрет,
Подставил кисть и шею под ланцет.

77.

Врачу за тяжкий труд досталось право
Какой угодно взять себе кусок;
Но, жажду утолив струей кровавой
Из жилы трупа, есть уж он не мог;
Дрожавшею от голода оравой
Рассечен был на части педагог;
Акулы поживились лишь кишками;
Всё остальное люди с'ели сами.

78.

Лишь два иль три пловца, смутясь душой,
(Хоть всем им приходилось очень туго),
От трапезы отпрянули такой,
Полны и отвращенья, и испуга.
В числе последних был и мой герой.
Провизией к столу не мог он друга
И ментора считать! Он даже псом,
Как знаете, позавтракал с трудом.

79.

И что ж? Он спасся тем: от пресыщенья,
Наевшийся в неистовство впадал;
Из уст его лились богохуленья;
Катаясь в корчах, залпом он глотал
Морскую воду; полон озлобленья,
Он, скрежеща зубами, тело рвал;
Ревел, как зверь, и, обливаясь пеной,
Прощался с жизнью, хохоча гиеной.

80.

Скосила многих смерть; но как была
Оставшихся в живых плачевна участь!
Иных такая жизнь с ума свела;
Они хоть дум не чувствовали жгучесть;
Других все голод мучил. (Полон зла,
Он проявлял тревожную живучесть!).
И, несмотря на грустный опыт, вновь
Хотелось им пролить людскую кровь!

81.

Теперь у них был шкипер на примете:
Он всех жирнее был. Хоть их зубам
Работу дать он не имел в предмете,
Но тучностью так угодил пловцам,
Что вряд ли долго пожил бы на свете,
Когда б его не спас подарок дам;
Ему его вручили по подписке
Те Кадисьянки, что с ним были близки.

82.

Еще не весь обглодан был мертвец;
И хоть с опаской на него взирали,
Но ужинали все им под конец;
Один Жуан, неколебимей стали,
Жевал бамбук или сосал свинец.
Когда ж пловцы нечаянно поймали
Двух птиц морских—тогда они вполне
Оставили Педрильо в стороне.

83.

Вас в дрожь приводит страшная картина!
Но вспомните, как, кончив повесть, рад
Был грызть врага в геенне Уголино;
Когда в аду врагов своих едят,
То на̀ море найдется ли причина
Не есть друзей, особенно коль склад
Запасов пусть и нет уж провианта?
Чем хуже эта быль рассказа Данта?

84.

В ночь сильный дождь пошел. Подставив рот,
Ловил его так жадно путник каждый,
Как пьет земля струи небесных вод
В палящий зной. Кто без воды однажды
Среди пустыни делал переход,
Кто умирал на корабле от жажды,
Тот, воду чтя, не раз о том жалел,
Что с Истиной в колодце не сидел.

85.

Обильный дождь всё шел без перерыва;
Чтоб пользу он принес, кусок холста
Пловцы достали; воду бережливо
Они старались выжимать в уста.
Хотя питью такому кружку пива
Рабочий предпочел бы не спроста—
Тот дар судьбы бесценный и нежданный
Казался морякам небесной манной.

86.

Как нектар, благодатный дождь смочил
Их горла, раскаленные, как горны,
И раны уст опухших освежил;
Так языки страдальцев были черны,
Как у скупца, что жалобно просил
В аду хоть каплю влаги животворной,
Но получил от нищего отказ.
(По вкусу ль богачам такой рассказ?).

87.

Там были два отца меж жертв крушенья,
И каждый молодого сына вез;
Тот мальчик, что был крепкого сложенья,
Тяжелых мук борьбы не перенес
И первым пал. «То воля Провиденья»,
Сказал отец сурово и без слез
Смотрел, как труп единственного сына
Навеки скрыла мрачная пучина.

88.

Другой ребенок бледен был с лица;
Он был и худ, и слаб; но в горькой доле
Со злой судьбой боролся до конца;
Ему не изменяла сила воли;
Он всё глядел с улыбкой на отца,
Желая скрыть мучительные боли,
Желая утаить, что близок срок,
Когда навеки разлучит их рок.

89.

Отец не отводил от сына взгляда
И пену с бледных губ его стирал;
Когда же ливня хлынула прохлада,
Казалось, взор страдальца засиял,
И в нем проснулась слабая отрада;
Тогда отец лоскут намокший взял
И выжал в рот ему воды немного,
Но уж пришла не во-время подмога.

90.

Ребенок умер. Бледный труп схватил
Отец в свои об'ятья и, безмолвный,
Всё от него очей не отводил.
Он долго так стоял, страданья полный,
Не находя для расставанья сил;
Когда ж безгласный груз умчали волны—
Беспомощно, как молнией сражен,
От муки корчась, разом рухнул он.

91.

Вдруг радуга блеснула над пловцами;
Она, прорезав тучи, обвилась
Вкруг неба дивной лентой и концами
В лазурь пучины зыбкой уперлась.
Она сияла чудными цветами,
Лучеобильным знаменем носясь;
Вот изогнулась, словно лук, и вскоре
Сокрылась от людей, блуждавших в море.

92.

Исчез небесных сфер хамелеон,
Что создан испареньями и светом;
Что, в золото и пурпур облачен,
Блестит как серп луны над минаретом;
В своих лучах соединяет он
Все краски и цвета. С ним сходен в этом
Подбитый боксом глаз. (По временам
Приходится без маски драться нам).

93.

Та радуга была хорошим знаком;
Мы знаменьями, в горе, дорожим;
До них и грек, и римлянин был лаком;
Надежды луч душе необходим;
Коль нет его, она одета мраком;
Как древние, мы предреченья чтим;
Калейдоскоп небес, блеснув нежданно,
Сроднил пловцов с надеждою желанной.

94.

В то время птица белая, кружась
Над головами путников, хотела
На мачту сесть, хоть полон был баркас.
Та птица сходство с голубем имела.
(Она, от стаи, видно, отделясь,
За нею следом к берегу летела).
До ночи всё она кружилась так;
Что было сочтено за добрый знак.

95.

Найдя, что мачта их не так надежна,
Как шпиц церковный, голубь улетел;
Он поступил умно и осторожно:
Не то б его плачевен был удел;
Так голод мучил путников безбожно,
Так их томил, что если б с веткой сел
К ним даже голубь Ноя—скоро очень
Он ими был бы с веткою проглочен.

96.

Настала ночь, и ветер стал сильней;
На небесах заискрились светила,
И лодка понеслась. Так много дней
Томилися пловцы, что жизни сила
В них гасла вместе с мыслью. Средь зыбей
Одним вдали виднелся берег милый;
Кто залпы пушек слышал; кто прибой;
Другие лишь качали головой.

97.

К рассвету ветер стих; вдруг часового
Раздался крик: «Земля, земля видна!
Пусть родины мне не увидеть снова,
Коль это только выдумка одна!»
Их описать восторг бессильно слово;
Вмиг к берегу ладья обращена;
Действительно, им ослепили взоры
Прибрежных скал туманные узоры.

98.

У многих слезы брызнули из глаз;
Одни со страхом берег озирали,
Надежде светлой довериться боясь;
Другие в этот миг молиться стали
(За много лет, быть может, в первый раз).
На дне баркаса трое сладко спали;
Их всячески прервать старались сон—
Но непробудным оказался он.

99.

Лишь день пред тем им послан был судьбою
Отрадный дар: им удалось поймать
Большую черепаху, что собою
Их целый день питала; в них опять
Воскрес упавший дух: всем неземною
Такая показалась благодать;
Пловцы, уйдя от смерти неминучей,
Считали, что их спас не просто случай.

100.

К скалистым берегам их ветер нес,
И эти берега росли заметно
По мере приближенья к ним. Утес,
Что выростал громадой многоцветной,
Легко мог представлять собой Родос,
Иль Кандию, иль Кипр; мог быть и Этной;
Так прихотлив и ветер был, и вал,
Что где они—никто из них не знал.

101.

Меж тем пловцов к земле теченьем гнало;
Ладью Харона, вещую теней,
Собою лодка их напоминала;
В ней уцелело четверо людей,
И в тех уж силы было слишком мало,
Чтоб сбросить мертвых с лодки; а за ней
Давно гнались две акулы смело,
Их обдавая пеной то-и-дело.

102.

Удары всевозможные судьбы—
Лишенья, голод, жажда, зной, кручина—
Их довели до страшной худобы;
Меж ними мать с трудом узнала б сына.
Немного их спаслось из всей гурьбы;
Труп ментора был главная причина
Их смертности: кто им питался—пил
Морскую воду и лишался сил.

103.

Всё ближе берег; всё ясней узоры
Прибрежных скал; уж слышен аромат
Густых лесов, что покрывают горы
И сладкий отдых путнику сулят;
Восторженно на них покоя взоры,
Пловец предмету всякому был рад,
Что заслонял зловещие картины
Безбрежной, мрачной, бешеной пучины.

104.

Селений не виднелося вдали,
И берег был пустынен и безлюден;
Но поскорей добраться до земли
Хотелось им; хоть к ней был доступ труден,
Они к земле прямым путем пошли;
Поступок моряков был безрассуден!
Пред ними риф, белея пеной, рос,
И их баркас разбился об утес.

105.

Жуан в своем родном Гвадалквивире
Купаться с юных лет был приучен,
И, как пловец, навряд ли в целом мире
Соперника б нашел. Я убежден,
Что Геллеспонт (его громадной шири
Не устрашась) мог переплыть бы он.
(Такую одержать пришлось победу
Леандру, мне и мистер Экенхеду).

106.

Больной Жуан тут стариной тряхнул
И в бой вступил с волнами океана;
Его не устрашал их грозный гул,
И к берегу направился он рьяно;
Всё ж гибель угрожала от акул;
Их жертвою товарищ стал Жуана;
Другие двое плавать не могли,
И только он добрался до земли.

107.

Но если бы волна не подкатила
К нему весла разбитого в тот миг,
Когда ему уж изменяла сила,
Он никогда земли бы не достиг;
С волнами вновь бороться можно было,
И, несмотря на грозный натиск их,
То вплавь, то вброд, с прибоем гневным споря,
Полуживой он выбрался из моря.

108.

Тогда, чтоб новый вал его не мог
Унесть с собой, почти лишен дыханья,
Он руки врыл в береговой песок;
Без сил, изнемогая от страданья,
На месте, где был выброшен, он лег,
И если сохранял еще сознанье,
То лишь настолько, чтоб жалеть о том,
Что не погиб в пучине с кораблем.

109.

От встать хотел, собрав остаток силы,
Но, руки и колена в кровь разбив,
Упал опять. Затем он взгляд унылый
На мрачный берег бросил, еле жив;
Хотел он видеть тех, что от могилы
Спаслись, как он; но был безлюден риф:
Лишь труп лежал на прибережной дюне,
Один из трех, умерших накануне.

110.

Увидев труп, Жуан поник в тоске;
Всё вихрем перед ним кружиться стало,
И он лишился чувств, держа в руке
Весло, что в лодке мачту заменяло.
Он неподвижно замер на песке,
Как лилия, что злая буря смяла;
Весь бледный, стройный, он лежал в пыли,
Прекрасней всех, кто создан из земли.

111.

Жуан не знал, как долго продолжалось
Такое забытье, и превозмочь
Его он не хотел; ему казалось,
Что в темноте сливались день и ночь
И что земля навеки с ним рассталась.
Но вот тяжелый сон умчался прочь,
И жизни услыхал он сладкий голос,
Хоть с ней упорно смерть еще боролась.

112.

Открыв глаза, он их закрыл опять;
Картины бед, отчаянья, крушенья
Всё продолжали мысль его терзать;
Томясь в бреду, он клял свое спасенье,
Но понемногу бред стал утихать;
Глаза открыл он снова на мгновенье
И увидал, в тумане, перед собой
Прелестный облик девы молодой.

113.

Она над ним склонялася уныло;
Несчастного спасти хотелось ей;
Она водой ему виски мочила
И терла грудь, чтоб с жертвою своей
Рассталася зловещая могила,
Чтоб не могла его во цвете дней
Похитить смерть; и что же? Стон больного
Дал знать, что к жизни он вернулся снова.

114.

Морскую воду выжала она
Из локонов его рукою белой,
Для подкрепленья дав ему вина,
И юноши полунагое тело
Покрыв плащем. Участия полна,
Она его своим дыханьем грела
И, вняв влеченью сердца своего,
Встречала вздохом каждый вздох его.

115.

С подругою, что менее красива
Была собой, но старше и сильней,
Они вдвоем Жуана торопливо
Перенесли в пещеру. Скоро в ней
Огонь был разведен; пещеру живо
Он осветил игрой своих лучей,
Обрисовав на темном фоне ясно
Островитянки юной лик прекрасный.

116.

Убором головным служили ей
Монеты золотые, что сверкали
Среди ее каштановых кудрей;
Те кудри сзади косами спадали,
Касаясь пят ее волной своей;
А выше ростом женщина едва ли
Могла б найтись. Царицу этих стран
Являли в ней осанка, поступь, стан.

117.

Глаза ж ее чернее смерти были,
И черные ресницы, бахромой
Скрывая их, завесой им служили;
Когда же из-под них сверкал порой
Молниеносный взгляд—он без усилий
Вонзался в душу острою стрелой
И сходен был с проснувшимся вдруг гадом,
Что смерть несет, и силою, и ядом.

118.

Был бледен лоб ее, а цвет лица
Напоминал румяный луч заката;
А губы—не забудет до конца,
Кто их видал хотя бы раз когда-то;
Она была моделью для резца;
Но скульпторов ценю я маловато:
Их жалки идеалы; лица есть,
Что не под силу им воспроизвесть.

119.

Такое мненье высказал я прямо,
Но высказал его не без причин:
Я был знаком с одной ирландской дамой,
Чьей бюст не мог художник ни один
Воспроизвесть. Искусства узки рамы!
Когда она от лет и от морщин
Поблекнет—свет расстанется с красою,
Не списанною смертною рукою.

120.

Такою ж обладала красотой
Явившаяся в грот островитянка
В одежде, поражавшей пестротой;
Совсем не так наряжена испанка:
Ее костюм—неяркий и простой,
Но для любви услада и приманка
Мантилья, что блаженство в душу льет.
(Надеюсь, эта мода не пройдет!).

121.

Имел с такой одеждой сходства мало
Красавицы причудливый наряд;
Из разноцветных тканей состояла
Ее одежда; камней ценных ряд
Блестел в ее кудрях, а покрывало
Ее из кружев было. Да, богат
Был тот убор, но странно то немножко,
Что без чулка являлась в туфле ножка.

122.

Наряд другой девицы был скромней;
Не золото, а серебро блестело
(Ее приданое) во мгле кудрей.
Вуаль она дешевую имела;
И вообще осанкою своей
Не поражала гордою и смелой;
Ее коса была не так длинна;
Имела меньше и глаза она.

123.

С любовью за больным они ходили;
Он ими был накормлен и одет
(В сердечности—что б там ни говорили—
Соперников на свете дамам нет!);
И вот они бульон ему сварили.
(Не понимаю, почему поэт
Не воспевает супа, взяв примером
Ахиллов пир, прославленный Гомером!).

124.

Чтоб этих дам за сказочных принцесс
Вы не могли принять—сниму с них маску;
Писатели, давая тайне вес,
Пускают в ход туманную окраску,
Чтоб возбуждать к героям интерес;
Но я роман не превращаю в сказку:
Вы видите теперь перед собой
Прислужницу с своею госпожей.

125.

Ее отец был рыбаком когда-то
И, в сущности, остался рыбаком;
Но не жил бы, конечно, так богато,
Не будь и кое с чем другим знаком;
Он промышлял и в качестве пирата,
И контрабанду провозил тайком;
Посредством ряда водяных кадастров,
Он быстро нажил миллион пиастров.

126.

Пират ловил не рыбу, а людей,
Как Петр-апостол. Множил он удары
И каждый год немало кораблей
Захватывал; сбывал затем товары,
Не забывая выгоды своей;
Рабами он турецкие базары
Снабжал притом. Такое ремесло
Богатство очень многим принесло!

127.

Когда же старый грек награбил много,
Он выстроил на острове родном
(Дичайшем из Цикладских) род чертога
И, плавая в довольстве, зажил в нем.
Никто не знал, конечно, кроме Бога,
Как много крови стоил этот дом!
Разбойник старый был свиреп и злобен,
Но дом богат, роскошен и удобен.

128.

Единственную дочь пират имел;
Гайдэ была невестою завидной;
Но блеск ее приданого бледнел
Перед ее улыбкой миловидной.
Искателей ее руки удел
Плачевен был: их ждал отказ обидный;
В семнадцать лет гнала невеста их:
Явиться и получше мог жених.

129.

Гуляя по прибрежью в час заката,
Случайно у подножья мрачных скал
Увидела Жуана дочь пирата;
Полунагой, он на песке лежал,
Лишенный чувств; смущением об'ята,
Она уйти хотела; но страдал
Красивый незнакомец, и невольно
Проснулась жалость в деве сердобольной.

130.

Гайдэ его, однако, в отчий дом
Не привела; она бы тем сгубила
Беднягу: мышь нельзя сводить с котом;
Обмершего не воскресит могила:
Старик был полон νοῦς [24]). Ему притом
Араба добродушье чуждо было.
Он гостю дал бы и уход, и кров,
И продал бы, как только тот здоров.

131.

Гайдэ, окончив с Зоей совещанье
(Совет служанки часто деве мил),
Жуана в грот внесла. Придя в сознанье,
Когда он очи черные открыл—
Такой порыв живого состраданья
Сердца островитянок охватил,
Что верно рай им отворил ворота:
Ведь к раю путь—о страждущих забота.

132.

Они костер немедленно зажгли;
На берегу валялося немало
Разбитых мачт и весел. Корабли
Тут гибли то-и-дело, и лежала
Обломков груда, гнившая в пыли.
Им, потому, могло бы матерьяла
И на́ двадцать хватить костров таких.
Досок довольно было там гнилых!

133.

Свою соболью шубу превратила
Гайдэ в постель, чтоб сладостен и тих
Был сон его, и юношу накрыла
Большим платком, что сняла с плеч своих.
Чтоб сыростью его́ не охватило,
Ему по юбке каждая из них
Оставила, и с пищей для Жуана
Условились они явиться рано.

134.

Затем они ушли; и мертвым сном
Заснул Жуан. (Кто знает, кроме Бога,
Проснутся ли когда-нибудь потом
Те, кто уснул у вечного порога?).
Забыл Жуан о горестном былом,
Забыл, что бед и мук он вынес много,
А грезы сна порой так мучат нас,
Что плачем мы и в пробужденья час!

135.

Ему во сне не грезились виденья;
Гайдэ же, покидая темный грот,
Остановилась вдруг, полна волненья;
Ей чудилось, что он ее зовет
По имени. Игра воображенья:
И сердце, как язык, порою лжет.
Она забыла, веря чувств обману,
Что имя то неведомо Жуану.

136.

Задумчиво пошла Гайдэ домой
И Зою обо всем молчать просила;
Та, и без слов хозяйки молодой,
Сама бы мысль ее предупредила.
Она была постарше, а порой
Два лишних года в молодости—сила!
Успела Зоя изучить людей:
Служила мать-природа школой ей.

137.

Взошла заря. Жуан всё спал упорно;
Царило вкруг молчанье; солнца свет
Не освещал лучами грот просторный;
Так много перенес тяжелых бед
Несчастный Дон-Жуан, что в сне бесспорно
Нуждался он и в отдыхе. Мой дед,
Оставив нам свои «повествованья»,
В них описал такие же страданья.

138.

Гайдэ уснуть спокойно не могла;
Ей снилися крушенья, бури, мели...
На берегу красивые тела,
Что с злобой волны поглотить хотели.
И вот она, едва заря взошла,
Свою служанку подняла с постели
И разбудила всех отцовских слуг:
Такой каприз в них пробудил испуг.

139.

Она сказала им, что встала рано,
Чтоб посмотреть на солнечный восход;
Действительно, ка́к волны океана
И небо хороши, когда встает
Блестящий Феб! В лучах зари румяной
Щебечут птички. Мглы тяжелый гнет
Природа сбросить с плеч бывает рада,
Как траур, что́ носить по муже надо.

140.

Не раз случалось мне встречать рассвет,
Не спавши ночь. От доктора не ждите
За то похвал; но я даю совет:
Когда здоровье вы сберечь хотите,
А также кошелек, вставать чем свет.
Затем, достигнув старости, велите
На памятнике начертать своем,
Что на заре вы расставались с сном.

141.

Гайдэ, при встрече с утренней зарею,
Ее затмила свежестью своей;
От страстного волненья кровь струею
К ее лицу стремилась, щеки ей
Румяня; так, встречаясь со скалою,
Струи сливает в озеро ручей,
Катясь с Альпийских гор; так в Красном море...
Оно не красно только—вот в чем горе.

142.

Гайдэ с горы спустилася стремглав
И к гроту подошла походкой гибкой.
За юную сестру ее приняв,
Ее лобзала с нежною улыбкой
Аврора. Их обеих увидав,
Вы погрешили б тою же ошибкой,
Хоть дева гор, как и заря светла,
К тому же не из воздуха была.

143.

Она вошла в пещеру. Бестревожно,
С ребенком схож, всё спал еще Жуан;
С испугом (сна ведь испугаться можно!)
Она к нему свой наклонила стан;
Накрыла друга шубкой осторожно,
Чтоб повредить ему не мог туман;
Затем, сходна с могилою безмолвной,
В него вперила взор, участья полный.

144.

Как херувим над праведным, она
Над ним склонялась, сон его покоя;
Вокруг него царила тишина;
Едва был слышен легкий шум прибоя;
В то время, хлопотливости полна,
На берегу варила завтрак Зоя.
Не трудно догадаться было ей,
Что пища будет им всего нужней.

145.

Она прекрасно знала, что в нем голод
Пробудится, как только сон пройдет;
К тому ж она испытывала холод—
(Одних влюбленных греет страсть!)—и вот,
Душистый кофе тут же был ей смолот
И сварен. Вина, рыбу, яйца, мед
Она с собою также захватила;
Любовь всё это даром подносила.

146.

Жуана собралась она будить,
Когда всё было к завтраку готово,
Но поспешила пальчик приложить
Гайдэ к губам, чтоб сладкий сон больного
Прервать она не смела. Ей сварить
Пришлося для Жуана завтрак новый.
Меж тем его всё продолжался сон,
И бесконечным им казался он.

147.

Лежал спокойно юный чужестранец;
Но на его худом лице играл
Зловещий лихорадочный румянец;
Так золотит заря вершины скал.
Немало мук изведал наш испанец;
Лишенный сил, в пещере он лежал;
И волосы его следы носили
Соленых волн, и сырости, и пыли.

148.

Так тихо перед ней лежал Жуан,
Как спит ребенок с матерью родною;
Спокоен, как уснувший океан;
Уныл, как лист, оторванный грозою;
Красив, как пышный розан южных стран;
Как юный лебедь, чист; того не скрою,
Что вид он привлекательный имел,
Да жаль, что исхудал и пожелтел!

149.

Жуан открыл глаза неторопливо
И верно погрузился б снова в сон,
Когда б островитянки лик красивый
Не увидал, смутясь душою, он;
Пред красотой склонялся он ревниво
И даже в час молитвы от Мадонн
Не отводил очей, любуясь ими
И не мирясь с угрюмыми святыми.

150.

На локоть приподнявшись, в стройный стан
И бледный лик островитянки милой
Вперил глаза взволнованный Жуан.
Она, краснея, с ним заговорила
По-гречески, с акцентом южных стран,
И, с нежностью во взоре, об'яснила,
Что бледен он и слаб, и потому
Не говорить, а надо есть ему.

151.

Та речь лилась, как птички щебетанье;
Хотя Жуан ее понять не мог,
Но нежный голос, полный обаянья,
Его своими чарами увлек.
Такие звуки будят в нас рыданья;
Не зная почему, мы слез поток
Сдержать не в силах, всей душой внимая
Напевам, словно льющимся из рая.

152.

Так иногда отрадной грезой сна
Нам кажется волшебный звук органа,
Но нас не долго радует она:
Привратник налицо, и нет обмана.
О Боже! как действительность скучна!
Невыносим слуга, что утром рано
Наш прерывает сон: ночной порой
И звезд, и женщин краше светлый рой.

153.

Прервал все грезы моего героя
Проснувшийся в нем голод; сладок был
Вид вкусных блюд, что, на коленях стоя,
Перед костром (он кухнею служил)
Готовила с большим искусством Зоя;
Приятный запах мысли пробудил,
И долгий сон его покинул веки;
Он стал мечтать о пище, о бифстеке.

154.

Но мясо—редкость там; на островах,
Где редки травянистые поляны,
Понятья не имеют о быках;
Там водятся лишь овцы да бараны,
Что лакомством считают в тех краях;
Безлюдны и убоги эти страны;
Но острова и побогаче есть:
К ним надо островок Гайдэ отнесть.

155.

И в древности быков здесь было мало:
Невольно к Пасифае мысль летит;
Она коровью шкуру надевала—
И что ж? Царицу бедную язвит
За развращенный вкус злословья жало;
Но в басне этой смысл глубокий скрыт:
В героев превратить критян желая,
Пеклась о скотоводстве Пасифая.

156.

Без ростбифа—то знает целый свет—
Существовать не могут англичане;
Они к тому же любят гром побед;
Теперь у них война на первом плане,
Хоть эта страсть плодит немало бед;
Любили это также и критяне;
Мой вывод: Пасифаей им даны
Мясная пища и труды войны.

157.

Но далее. Вид пищи был так сладок
И представлял так много благ собой,
Что голода мучительный припадок
Почувствовал немедля мой герой.
На завтрак, несмотря на сил упадок,
Накинулся он с жадностью такой,
Что не могли б тягаться, думать смею,
Ни поп, ни щука, ни акула с нею.

158.

Гайдэ с Жуаном няньчилась, как мать,
И юношу усердно угощала;
Ей нравилось с улыбкой наблюдать,
Как умиравший ест; но Зоя знала
По слухам (не случалось ей читать!),
Что голодавшим следует сначала
Давать немного—иначе они
От лишней пищи могут кончить дни.

159.

Тут Зоя принялась за дело рьяно
И, вместо слов, пустила руки в ход;
Она, тарелку вырвав у Жуана,
Сказала, что, об'евшись, он умрет,
А госпожа ее так встала рано
И столько ей наделал он хлопот;
Ведь если бы и лошадь столько с'ела,
И та бы от обжорства заболела.

160.

Его костюм был беден и убог;
Болтался он лохмотьями на теле,
Но ни скрывать, ни греть его не мог.
Они сожгли те тряпки и одели
Жуана сами с головы до ног,—
Наряд был ими сшит для этой цели.
Хоть был Жуан без туфель и чалмы,
Принять его могли б за турка мы.

161.

Одев его, Гайдэ болтать с ним стала;
Жуан не понимал ее речей,
Но, этим не смущаясь нимало,
С участием живым внимал он ей;
Она же с protégé своим болтала,
Любуяся огнем его очей,
Но все же убедилась, хоть не скоро,
Что он ее не понял разговора.

162.

При помощи улыбок, знаков, глаз,
Тогда в лице Жуана, полном пыла,
Она читать, как в книге, принялась.
(И что ж? Гайдэ в ней всё понятно было!).
Немало задушевных, теплых фраз
Она прочла в той книге, сердцу милой;
Ей выражал понятий целый ряд
Жуана каждый мимолетный взгляд.

163.

Жуан усердно повторял за нею
Слова, с ее сродняясь языком;
Очей Гайдэ—я скрыть того не смею—
Не упускал из виду он притом;
Сравнит ли звезды с книгою своею
Любующийся небом астроном?
Так с азбукой, без книг и без указок,
Сроднил Жуана блеск прелестных глазок.

164.

Приятно изучать чужой язык
Посредством глаз и губок милой. Надо
Притом, чтоб были юны ученик
И ментор. О, тогда урок отрада!
Ошибся ль ты?—приветлив милый лик;
А нет—пожатье рук тебе награда;
В антрактах поцелуй звучит порой.
Что̀ знаю я—та̀к выучено мной.

165.

Испанских и турецких слов я знаю
Пять, шесть; но, не имев учителей,
По-итальянски я не понимаю;
Навряд ли в языке страны моей
Могу считаться сильным: изучаю
Его я лишь путем проповедей,
Поэтов же родных я в грош не ставлю
И их читать себя я не заставлю.

166.

А женщины,—хоть я был модным львом,
Я их забыл (мои остыли страсти;
А с ними был когда-то я знаком);
Забыл врагов, которых рвал на части;
Всё это лишь преданья о былом.
Мне не страшны теперь судьбы напасти,
Ни дамы, ни друзья—всё это сон,
И для меня уж не вернется он.

167.

Займусь опять Жуаном; он прилежно
Твердил слова, участием согрет,
Но чувства есть, что выйти неизбежно
Должны наружу. Можно ль солнца свет
От взоров скрыть? Смирить огонь мятежный
Не может и монашеский обет.
Он был влюблен,—любви известна сила,—
Да и Гайдэ Жуана полюбила.

168.

С тех пор она, что день, в рассвета час
В пещеру к Дон-Жуану приходила;
Он долго спал; Гайдэ, над ним склонясь,
С любовью сон больного сторожила.
Она с него не отводила глаз
И ручкою ласкала локон милый,
Едва дыша; так, нежен и легок,
Играет с розой южный ветерок.

169.

Совсем воскрес Жуан, больной и хилый,
И с каждым днем всё делался свежей;
Здоровье и безделье страсти милы;
Для пламени любви они елей,
Что придает огню так много силы.
Церера тоже с жатвою своей
И Бахус посреди блестящей свиты
Помощники и слуги Афродиты.

170.

Когда огнем Венера сердце жжет—
(Без сердца страсть приятна лишь отчасти)—
Церера макароны нам несет
(Любовь без пищи не имеет власти),
Струи вина в наш кубок Бахус льет;
(И устрицы, и яйца нужны страсти).
Но кто ж дарит все эти блага нам?
Нептун ли? Пан? иль Громовержец сам?

171.

Жуан, проснувшись, видел пред собою
Гайдэ, которой не опишешь глаз,
И рядом с ней хорошенькую Зою;
Но это я уж говорил не раз
И надоесть боюсь. Вернусь к герою
Моей поэмы. В море, в ранний час,
Купался он; потом в тени прибрежной
Он кофе пил с своей подругой нежной.

172.

Купался он при ней, но так была
Невинна дочь полуденного края,
Что в этом ей не снилось даже зла!
Жуан был для нее виденьем рая,
Той светлой грезой сна, что не могла
Она не полюбить, о ней мечтая.
Делите счастье, или счастья—нет:
Оно явилось двойнею на свет.

173.

Она в него впивалась страстным взглядом;
Любви полна, к нему склоняла стан;
Когда он находился с нею рядом,
Ей мир казался раем. Дон-Жуан
Ее богатством был, бесценным кладом,
Что подарил ей в бурю океан;
Ее и первой, и последней страстью;
Жизнь без него была для ней напастью.

174.

Так месяц пролетел; хоть каждый день
Гайдэ зарею друга посещала,
Никто не знал на острове, что сень
Пещеры иностранца укрывала.
Густых лесов их охраняла тень.
Но отбыл вдаль пират. Как встарь бывало,
Он не за светлой Ио гнался вслед:
Нет, страстью к грабежу он был согрет.

175.

Оставил он свой остров для захвата
Трех из Рагузы плывших кораблей
С богатым грузом в Хиос. Дочь пирата
Свободы дождалась отрадных дней;
Нет у нее ни матери, ни брата;
Никто теперь мешать не может ей:
У христиан свободны жены; редко
Их охраняет запертая клетка.

176.

К Жуану чаще стала приходить
Гайдэ, когда осталася одною;
Настолько он успел уж изучить
Ее язык, что пригласил с собою
Ее гулять. Из грота выходить
Он прежде мог ночною лишь порою.
И вот они пошли в вечерний час
Смотреть, как луч заката в море гас.

177.

На дикий берег, пеною покрытый,
Ревя и злясь, обрушивался вал;
Почти весь год там ветер дул сердитый;
Утесы, мели, ряд подводных скал
Тому служили острову защитой;
Лишь летом рев пучины утихал:
Тогда волна ласкала с песнью нежной,
Как зеркало блестя, песок прибрежный.

178.

У берега кипевшая волна
Была сходна с клокочущею влагой
Шампанского. Что сладостней вина?
Его струи с надеждой и отвагой
Сродняют нас. Как проповедь скучна,
Когда отрадны нам земные блага!
Всё ж буду воспевать, хоть это грех,
Вино, красавиц, пиршества и смех!

179.

Для мыслящих существ в вине есть сладость;
Дарит нам упоение оно,
Как слава, страсть, богатство. Жизнь не радость,
Коль поле жизни в степь превращено.
Без радостных утех бесцветна младость;
Итак, совет даю я пить вино;
Хоть голова болеть с похмелья может,
Но средство есть, которое поможет.

180.

Рейнвейн смешайте с содовой водой,
И дивным вы питье найдете это;
Утехи Ксеркс и тот не знал такой!
В жару—струи холодного шербета;
Студеная волна—в степи сухой;
Бургонского багровая комета
В час отдыха от битв, страстей, пути,
Напиток мой не могут превзойти.

181.

Вернусь к рассказу: берег, небо, море
В тот час об'яты были сладким сном;
Песок лежал недвижно; на просторе
Не злился ветер; смолкло всё кругом;
Лишь иногда дельфин, с волною в споре,
Плескался, и, чуть двигая крылом,
Бросала птица крик, да, набегая,
Лизала скалы бездна голубая.

182.

Уехал за добычею пират,
Оставив дочь, что вольной птичкой стала;
Мешать ей не могли ни мать, ни брат;
При ней одна лишь Зоя состояла
Служанкой; ей готовила наряд
Да по утрам ей косы заплетала,
У госпожи своей прося порой
Поношенных одежд за труд такой.

183.

Был тихий час, когда лучи заката
Скрываются за синею горой;
Когда природа сонная об'ята
Спокойствием, прохладою и мглой;
Когда высоких гор крутые скаты
Сливаются с безбрежною водой
И, в розовом огне зари, далеко
Вечерняя звезда блестит, как око.

184.

По раковинам хрупкого песка
И камушкам идет Гайдэ с Жуаном;
В его руке дрожит ее рука;
Она идет, к нему склоняясь станом;
Заметя темный грот издалека,
Подземный зал, что вырыт океаном,
Они в него вошли и там, сплетясь
Руками, не спускали с неба глаз.

185.

Как розовое море, расстилался
Над головами их небесный свод;
Всходивший месяц в волнах отражался
И словно выплывал из лона вод;
Чуть слышно ветер с волнами шептался;
Горя, их взоры встретились—и вот,
В порыве страсти, пламенном, могучем,
Слилися их уста в лобзаньи жгучем.

186.

Слились в том поцелуе огневом
Пыл юности, краса и обожанье—
Как в фокусе; и отразилось в нем
Огня небес волшебное сиянье;
Лишь молодость со светом и теплом
Родит такие жгучие лобзанья,
Когда, как лава, в жилах льется кровь
И, как пожар, горит в груди любовь.

187.

Порывы страсти сдерживать напрасно,
Тем больше измерять. Без слов пустых
Всё для Гайдэ с Жуаном стало ясно,
И их уста слилися в тот же миг;
К цветам не так ли пчелы рвутся страстно,
Чтоб светлый мед высасывать из них?
Но только тут сердца цветами были
И для влюбленных мед любви точили.

188.

Одни, совсем одни,—но не как тот,
Кто мрачно замкнут в комнате,—внимая
Таинственному плеску сонных вод,
Что замерли, светила отражая;
Глядя на берег, небо, море, грот,
Они, друг друга страстно обнимая,
Весь забывали мир: вся жизнь сполна
Казалась им лишь в них заключена.

189.

Их не страшила тьма; врагов опасных
Пустынный край в себе таить не мог;
Любовь сжигала их; порывов страстных
Был выраженьем только нежный вздох,
Что заменял поток речей напрасных;
Любви он и оракул, и залог!
С тех пор, как змий раз'единил нас с раем,
Мы ничего светлей любви не знаем.

190.

Гайдэ, святой невинности полна,
Не требовала клятв и не давала
Сама обетов верности. Она
Не ведала, что страсть таит немало
Опасностей. Одной любви верна,
Она, как птичка нежная, встречала
Любовника, ему отдавшись в плен.
К чему обеты, если нет измен?

191.

Она любила искренне и нежно,
И Дон-Жуан ее боготворил;
Когда бы мог огонь любви мятежной
Сжигать сердца и души—страстный пыл
Их в пепел превратил бы неизбежно.
Когда порой их страсть лишала сил,
Лишь краткий миг оцепененье длилось—
И в ней, и в нем одно лишь сердце билось.

192.

Увы! они так были хороши,
Так молоды! Им с страстною тревогой
Бороться было трудно. Для души
Соблазнов всевозможных в свете много;
Не трудно заблудиться ей в глуши
И в ад попасть проторенной дорогой;
Там вместе с злыми будут жечь и тех,
Кто не жалел для ближнего утех.

193.

Увы! грехопаденье угрожало
Чете влюбленной, а ее милей
Не видел мир с тех пор, как Ева пала,
Сгубив своею жадностью людей;
Гайдэ не раз о демонах слыхала
И вечных муках ада; тут-то ей
О них со страхом надо помнить было—
Но в нужный миг она о всем забыла.

194.

У них в глазах отражена луна;
Она за шею обняла Жуана;
С его рукою спуталась волна
Ее волос, разметанных вкруг стана;
Он на колени взял ее; она
В его дыханьи пьет волну дурмана;
Они с античной группою сходны,
Полуодеты, просты, влюблены.

195.

Когда утихли бури сладострастья,
Он сладко на груди заснул у ней;
Она ж, не зная сна, полна участья,
Лелеяла его рукой своей;
То к небу взор ее влекло от счастья,
То, с милого не отводя очей,
Она им любовалась, утопая
В блаженстве и границ ему не зная.

196.

Ребенок, что любуется огнем;
Дитя, что спит; ханжа, что ждет причастья;
Моряк, что в битве справился с врагом;
Араб, что гостю выразил участье;
Скупец, что над своим дрожит добром,—
Быть может и вкушают сладость счастья,
Но всех счастливей тот, кто, упоен,
Любимого оберегает сон.

197.

Найдется ль что-нибудь на свете краше?
Он тихо спит, не зная, что дает
Другому пить блаженство полной чашей;
Его трёвог, волнений, дум, забот
Не знаем мы, а слита с жизнью нашей
Вся жизнь его. Сон безмятежный тот
Со смертью схож, но в нем мы черплем сладость;
Не ужас в этом сне, а только радость.

198.

Гайдэ Жуана тихо стерегла;
В Любви, в Ночи, в необозримом Море
Ее душа свой полный час нашла;
Среди песков и каменистых взгорий
Ее любовь ограду обрела,
Куда ни страх не вторгнется, ни горе;
И ведал только звезд дрожащий свет,
Что девушки счастливей в мире нет.

199.

Любовь для женщин—мука и отрада;
Но всё ж игра опасная—любовь:
Со счастьем им навек проститься надо,
Когда она изменит, хмуря бровь;
Вот отчего их месть страшнее яда
И им мила она, как тигру кровь;
Ведь мука их всегда сильней удара,
Что, мстя, они врагу наносят яро.

200.

Их мстительность понятна, и вражда;
Когда же к ним мужчины справедливы?
С изменами сродняет их среда;
Как редко брак встречается счастливый!
Что ждет их впереди? Почти всегда
Неблагодарный муж, любовник лживый,
Наряды, дети, сплетни, ханжество
И, кроме лжи и скуки—ничего.

201.

Одни себе любовников заводят;
Те втихомолку пьют; те ездят в свет;
Иные в ханжестве свой век проводят;
Другие, не страшась тяжелых бед,
Себя позоря, от мужей уходят,
И уж потом нигде им места нет;
Иные же, залечивая раны,
Предпочитают сочинять романы.

202.

Родясь в стране, где солнце жжет, как страсть,
Гайдэ была чужда приличьям света;
Она любви лишь признавала власть,
Ее лучами знойными согрета,
И лишь к тому могла в об'ятья пасть,
Кто избран ей. Боится ли ответа
За страстный пыл живых страстей дитя,
Одни законы сердца в мире чтя?

203.

Как сладки сердца страстные биенья,
В причинах и в последствиях своих!
Ни совести немые угрызенья,
Ни мудрость—обуздать не могут их;
Так драгоценны эти треволненья,
Что я, сознаться надо, не постиг,
Как Каслри, идя путем обычным,
Не обложил налогом их приличным!

204.

Свершилося! обвенчаны они!
Свидетелями брака были волны;
Свечами—звезд далекие огни;
Прибрежный лес, таинственности полный,
Их обвенчал в своей густой тени;
А брачным ложем их был грот безмолвный.
Весь мир для них стал раем, и вдвоем,
Как ангелы, они носились в нем.

205.

Любовь! Сам Цезарь был твоим клевретом;
Рабом—Антоний; властелином—Тит;
Овидий—ментором; Катулл—поэтом!
Чулком же синим—Сàфо,—пусть спешит
За ней, кто хочет быть нейтрален в этом
(Ее скала над морем всё висит).
Любовь—богиня зла; ей мир тревожим;
Всё ж дьяволом ее назвать не можем!

206.

Она, великих не щадя людей,
Их лбы не раз коварно украшала;
Как Велисарий,—Цезарь, и Помпей,
И Магомет ее узнали жало,
Весь мир наполнив славою своей.
Мы сходства в их судьбе найдем немало:
Все четверо ввергали в прах врага,
Но с лаврами носили и рога.

207.

Любовью создан не один философ:
И Аристипп, и Эпикур народ
Нередко в грех вводили, тьму вопросов
Подняв таких, что нравственность клянет;
Не бойся люди делать чорту взносов,
Успешно афоризм пошел бы в ход:
«Пей, ешь, люби! других нет в жизни правил!»
Ту заповедь Сарданапал оставил.

208.

Но Юлию ужель мог позабыть
Так скоро Дон-Жуан? Я в затрудненье
Вопросом тем поставлен. Вы винить
Во всем должны луну, что без сомненья
Всегда людей готова в грех вводить;
А иначе найти ли об'ясненье
Тому, что пред кумиром новым пасть
Всегда мы рады, прежних свергнув власть?

209.

Но я непостоянства враг заклятый;
Мне жалки те, что чтут один закон
Своей мечты игривой и крылатой;
Я верности поставил в сердце трон,
И мне ее веленья только святы;
И всё же я вчера был потрясен
Нежданной встречей: обмер я от взгляда
Миланской феи в вихре маскарада.

210.

Но Мудрость мне шепнула: «Твердым будь!
Измену не оставлю без протеста».
«Не бойся! молвил я; но что за грудь,
Что за глаза! То дама иль невеста,
Хотелось бы узнать мне как-нибудь»...
На это Мудрость молвила: «Ни с места!»—
С осанкою гречанки прежних дней,
Хоть был венецианский плащ на ней.

211.

И я ей внял. Окончу рассужденье:
То чувство, что неверностью зовут,
Есть только дань восторгов и хваленья,
Что красоте все смертные несут,
К ней чувствуя невольное влеченье.
Так скульптора нас восхищает труд.
Пусть нас хулят—об этом мы не тужим:
Служа красе, мы идеалу служим.

212.

В том чувстве пышет неподдельный жар
Любви к тому, что чисто и прелестно;
Оно небес и звезд волшебный дар;
Как без него на свете было б тесно!
Оно полно неотразимых чар,
И если плоть, волнуясь неуместно,
Порой в общеньи с ним—причина та,
Что плоть разжечь способна и мечта.

213.

Невольно чувство то и скоротечно,
Но вместе с тем как тягостно оно!
О, если б всё один и тот же вечно
Любить предмет нам было суждено,
Как много денег и тоски сердечной
Могло бы этим быть сбережено!
Мы экономий сделали б немало,
И печени, и сердцу легче б стало.

214.

Как с небом сердце схоже! Так же в нем,
Как в небесах, порой бушуют грозы,
Неся с собою холод, мрак и гром.
В нас будят страх их гневные угрозы,
А всё ж они кончаются дождем:
Так и от бурь сердечных льются слезы...
(Коснувшись непогоды и дождей,
Я вспомнил климат родины моей).

215.

Врач желчи печень, но она не может
Успешно роли выполнить своей:
Страсть первая так долго нас тревожит,
Что прочие к ней льнут, как кучи змей,
И, в ней киша, ее страданья множат;
Гнев, зависть, злоба, мщенье, ревность—в ней
Все сплетены. Нет грани их порывам,
И взрыв их схож с землетрясенья взрывом.

216.

Я более двухсот вам дал октав
И здесь кладу перо; мне отдых нужен;
В поэме будет всех двенадцать глав,
А может быть, дойду и до двух дюжин;
Затем, поклон читателю отдав,
Анализы прерву, хоть с ними дружен.
Коль за себя успешно постоят
Жуан с Гайдэ—тому я буду рад.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1.

О Муза! и так далее... с Жуаном
Расстались мы, уснувшим на груди
Счастливой, не отравленной обманом,
Под взором, не видавшим впереди,
К каким она она идет сердечным ранам,
Какой ей враг явился посреди
Родимых скал, чтоб отравить ей грезы,
Кровь молодую превращая в слезы!

2.

Любовь! твои обманчивы мечты!
Зачем в гирлянды чудного убора
Унылый кипарис вплетаешь ты?
Зачем язык твой—омраченность взора
И тихий вздох? Душистые цветы,
Приколотые к платью, вянут скоро.
Так пыл любви врывается к нам в грудь,
Чтоб в ней затем бесследно потонуть.

3.

Лишь тот пленяет женщину сначала,
Кто в ней любовь впервые пробудил;
Затем, когда любовь привычкой стала,
Ей нравится лишь страсти жгучий пыл;
Она уж не стесняется нимало;
Сначала ей один любовник мил,
Потом не счесть ее любовных шашен:
Ей длинный ряд возлюбленных не страшен!

4.

Кого винить за горестный исход?
Ответить не могу я, но не скрою,
Что женщина, любви вкусивши плод
(Когда не суждено ей стать ханжею),
Прямым путем уж больше не пойдет.
Она сначала дышит лишь одною
Любовью, но, с дороги сбившись раз,
Немало натворит затем проказ.

5.

Вот грустный факт, что служит верным знаком
Порочности и слабости людей;
Не в состояньи страсть ужиться с браком,
Хоть он итти бы должен рядом с ней;
Безнравственность весь мир одела мраком!
Любовь, как только с нею Гименей,
Теряет вкус, лишаясь аромата:
Так кислый уксус был вином когда-то!

6.

Противоречье явное царит
Меж чувствами, что мы питаем к милой
До брака и потом. Меняя вид,
Любовь нас не волнует с прежней силой;
И вот—обман сердечный нам грозит!
Изменчивость—закон любви унылый:
Так страсть сулит влюбленному успех,
А проявляясь в муже—будит смех.

7.

Нельзя же вечно нежничать с женою;
Ведь это может надоесть подчас
(Хоть редко мы с случайностью такою
Встречаемся); мечтою вдохновясь,
Нельзя весь век пленяться ей одною.
Меж тем лишь смерть освобождает нас
От брачных уз. Легко ль терять супругу
И в траур облекать по ней прислугу?

8.

Порывов страсти чужд семейный быт.
Поэт, любовь описывая ярко,
О радостях супружества молчит.
Кого ж интересует, если жарко
Жену целует муж и ей дарит
Весь пыл своей любви? Ужель Петрарка,
Когда бы мужем он Лауре был,
Ей столько бы сонетов посвятил?

9.

В трагедиях героев ждет могила;
В комедиях их цепи брака ждут;
Но продолженье авторам не мило:
Они на том оканчивают труд
И, чувствуя, что изменяет сила,
Во власть попов героев отдают;
Грядущее всегда у них во мраке:
Они молчат о смерти и о браке.

10.

Рай и геенну (прелесть брачных уз)
Лишь двое: Дант и Мильтон [25]) воспевали;
Но им самим супружеский союз
Пошел не в прок: немало бед узнали
Они, к нему свой проявивши вкус.
Поэтому навряд ли с жен писали
Праматерь—этот, Беатриче—тот:
Но это всякий и без слов поймет.

11.

Иные видят в Беатриче Данта
Эмблему богословья. Этот вздор,
По моему, лишь вымысел педанта,
Что дал своей фантазии простор.
О фикции, что силою таланта
Поддерживать нельзя—напрасен спор.
Конечно, Дант на творческих вершинах
Являет математику в картинах.

12.

Читатель! за героев я своих
Перед тобой ответствовать не стану;
Моя ль вина, что в злополучный миг
Гайдэ в об'ятья бросилась Жуану?
Когда ты возмущен безбрачьем их,
Не возвращайся больше к их роману;
А то, пожалуй, грешная любовь
Моей четы—твою взволнует кровь!

13.

Согласен я, греху она служила,
Но утопала в счастьи. С каждым днем,
Всё делаясь смелей, Гайдэ забыла,
Что счеты свесть придется ей с отцом.
(Любовных чар неотразима сила,
Когда в груди пылает страсть огнем!).
Пока пират гонялся за товаром,
Гайдэ минуты не теряла даром.

14.

Хоть для него не писан был закон,
Читатели, к нему не будьте строги!
Его захваты (будь министром он)
Сошли бы, без сомненья, за налоги;
Но не был честолюбьем увлечен
Лихой пират и не искал дороги
К отличиям; он действовал скорей,
Как самый скромный прокурор морей.

15.

Задержан в море был старик почтенный
Противными ветрами; грозный шквал
Лишил его притом добычи ценной,
И наверстать убыток он желал.
С командою не церемонясь пленной,
Всех жертв своих он в цепи заковал,
Их разделив по группам для расправы.
(Так книга разделяется на главы).

16.

Он выгодно друзьям-Майнотам сбыл
Часть груза возле мыса Матапана;
Другую часть тунисский бей купил;
Пират в своих делах не знал из'яна;
Один старик, негодный к сбыту, был
При этом сброшен в волны океана;
Кто выкуп мог платить—был под замком;
Других же сбыл он в Триполи гуртом.

17.

Немало на левантские базары
Отправил он награбленных вещей,
А для себя оставил лишь товары,
Что ценны дамам: пропасть мелочей,
Наряды, кружева, духи, гитары,
Гребенки, щетки, шпильки, ряд сластей...
Нежнейший из отцов, окончив сделки,
Вез дочери в подарок те безделки.

18.

Мартышки, обезьяны были тут,
Два попугая, кошка и котята.
Корабль давал и терьеру приют;
Британцу он принадлежал когда-то,
Умершему в Итаке. Бедный люд,
Кормивший пса из жалости, пирата
Им наградил. В один чулан зверей
Он запер от неистовства морей.

19.

Его корабль стал требовать починки,
И потому поход окончить свой
Решил пират. Он крейсеров на рынки
Далекие послал, а сам домой
Повез свои гостинцы и новинки,
Спеша к Гайдэ, что страсти роковой
В то время предавалась безрассудно;
Но вот и порт: на якорь стало судно.

20.

Лихой моряк был высадиться рад.
Где нет ни карантинов, ни таможен
(Что путника вопросами томят),
Там высадки процесс весьма несложен.
Чинить корабль немедленно пират
Велел; такой приказ был неотложен,
И на берег тащили моряки
Балласт, товары, пушки и тюки.

21.

Пират пошел знакомою дорогой.
Взойдя на холм, в свой дом, смутясь душой,
Он взор вперил. Всегда об'ят тревогой
Пришлец, что дальний путь кончает свой.
Ведь перемен могло случиться много
В отсутствие его; придя домой,
Найдет ли милых он? И, полон муки,
Он вспоминает тяжкий миг разлуки!

22.

Супруга иль отца забот не счесть,
Когда домой он едет издалека;
Его понятен страх: семейства честь
В руках жены иль дочери. (Глубоко
Я женщин чту, но им противна лесть,
И потому не вижу в лести прока).
Обманывать жена, порой, не прочь,
И может убежать с лакеем дочь!

23.

Найдется ль муж, что сходен с Одиссеем?
Кто Пенелопу новую найдет?
Иной супруг, почтенный мавзолеем,
Явясь домой, с унынъем узнает,
Что лучший друг его женой лелеем;
Семья же с каждым годом всё растет;
И Аргус сам ему не лижет руки,
А только рвет его пальто и брюки.

24.

Бывает жертвой также холостяк;
Найти он может, что его невеста
С богатым стариком вступила в брак.
В такой беде занять супруга место
Он может пожелать, попав в просак.
Коварные измены без протеста
Порой не оставляют женихи,
И «Козни жен» карают их стихи.

25.

О вы! liaisons имеющие в свете,
Бичи мужей, послушайте меня:
(Пусть ширмы брак, а крепки связи эти)
Отлучек, всё же, бойтесь как огня;
Хорошего немало в том совете!
Случается, что вас в теченье дня
(Хоть крепче уз не существует в мире)
Обманывают раза по четыре.

26.

Пират Ламбрò (так назывался он),
Увидя вновь знакомые картины
И дым родной трубы, был восхищен.
Он чувств своих не понимал причины
И не был в метафизике силен,
Но дочь свою любил и, полн кручины,
Он пролил бы немало горьких слез,
Когда б ему расстаться с ней пришлось.

27.

Свой дом он видел, с садом, полным тени;
Вдали журчал знакомый ручеек;
И лай собак был слышен в отдаленьи;
Гуляющих в лесу он видеть мог
И блеск оружья их. (В вооруженьи,
Гордяся им, является Восток).
Как крылья мотылька, пленяя взоры,
Одежд пестрели яркие узоры.

28.

Пират, картиной праздности смущен,
С высокого холма спустился шибко;
Не музыку небес услышал он —
О, нет!—вдали визжала только скрипка.
Старик был тем глубоко потрясен;
Уж не введен ли он в обман ошибкой?
Чу! громкий хохот! верить ли ушам?
И барабан, и флейты слышны там.

29.

Пират, чтоб рассмотреть, как на досуге,
Бог весть с чего, беснуется народ,
Кусты рукой раздвинул и в испуге
Увидел, что, волчком несясь вперед,
Как дервиши, его вертелись слуги;
Они вели, собравшись в хоровод,
Пиррийские воинственные танцы,
К которым так привержены левантцы.

30.

Поодаль, во главе подруг своих,
Платком гречанка юная махала;
Их группа ряд жемчужин дорогих,
В сплетении своем, напоминала;
На плечи ниспадали косы их.
Таких красивых дев на свете мало!
Одна поет; ей вторит хор подруг
И пляшет в лад напева, слившись в круг.

31.

За трапезой часть созванного люда
Сидела, ноги под себя поджав;
Вино лилось рекой; мясные блюда
Дымилися, и сочен был пилав;
С шербетом возвышалася посуда,
И множество виднелося приправ.
Десерт же красовался в кущах сада:
Гранаты, сливы, гроздья винограда.

32.

С бараном белым рой детей играл,
Его рога цветами украшая;
Их шумный смех его не устрашал;
Из рук малюток пищу принимая,
Он их любил и редко наклонял
Рога, как будто их боднуть желая;
Почтенный патриарх был детям рад
И, попугав их, отступал назад.

33.

Краса их лиц; наряд их пестроватый;
Движений грациозность; блеск очей;
Румянец, сходный с пурпуром гранаты,
Пленяли око прелестью своей.
Дни юности невинностью богаты!
Глядя на восхитительных детей,
Философ скрыть своей тоски не может:
Ведь время и на них печать наложит.

34.

Там занимал усердно карлик-шут
Куривших трубки старцев именитых;
Рассказывал о силе вражьих пут,
О кладах, чародеями зарытых,
О скалах, где волшебники живут,
О тайнах чар и ведьмах знаменитых,
Умевших превращать мужей в скотов.
(Такой легенде верить я готов).

35.

На острове царило оживленье;
Душе и телу сладко было там;
Вино и танцы, музыка и пенье,
Забавы всевозможные—гостям
Сулили мирное отдохновенье.
Сердился лишь пират, своим очам
Довериться боясь. Он был скупенек,
А пир такой немало стоил денег!

36.

Что̀ человек? Садится за обед,
И не уверен в этой неге краткой;
Счастливейший из грешных веком бед
День радости приобретет украдкой;
С сиреной схож волшебный счастья свет:
Оно безумцев манит песнью сладкой;
Ламбро был встречен посреди двора,
Как мокрый войлок пламенем костра.

37.

Он слов своих не тратил по пустому;
Желая удивить приездом дочь,
Нарочно он тайком подкрался к дому.
(Всегда он от сюрпризов был не прочь,
Но в море равнозначащ был разгрому
Его сюрприз). Ему сдержать не в мочь
Волненье было. С думою тяжелой
Следил он за компанией веселой.

38.

Не знал Ламбро̀, что слух был пущен в ход
О гибели его. (Как люди лживы,
В особенности греки!). Разве мрет
Злодей, что дышит кровью и наживой?
По нем носили траур, но черед
Настал эпохе более счастливой;
Гайдэ отерла слезы и дела
По своему в порядок привела.

39.

Вот пиршества роскошного причина...
Вот отчего все ели с мясом рис,
Веселью предаваясь, и вина
Струею искрометною лились.
Уж о пирате не было помина;
Служители—и те перепились,
Но дева, пир устроив пресловутый,
Не отняла у страсти ни минуты.

40.

Не думайте, однакож, что, попав
На этот пир, вспылил старик суровый,
Жестокости врожденной волю дав;
Что в ход пустил он пытки и оковы,
Кровавою расправой теша нрав,
И бросился вперед, разить готовый,
Доказывая лютостью своей,
Что в ярости неукротим злодей.

41.

О, нет! Из всех, кто сыновей Адама
Топил иль резал, так владеть собой
Не мог никто; ни дипломат, ни дама
Так не умели бы кривить душой.
Он никогда не мчался к цели прямо.
Как жаль, что увлекал его разбой!
В гостиные являясь джентельмэном,
Он общества полезным был бы членом.

42.

Он подошел к одной из групп кутил
И грека, что сидел к нему спиною,
С улыбкою недоброю спросил
(Коснувшись до плеча его рукою),
Чем этот пир богатый вызван был?
Но грек был пьян и не владел собою;
Он не узнал того, кто речь держал;
И вот, вином наполнив свой бокал,

43.

Через плечо и позы не меняя,
Ему напиток подал пьяный грек,
Пробормотав: «Мне болтовня пустая
Не по нутру», и разговор пресек.
—«У нас теперь хозяйка молодая,—
Икнул другой;—наш старец кончил век».
—«Он умер,—молвил третий,—ну, так что же?
У нас теперь хозяин есть моложе».

44.

Кутилы те здесь были в первый раз
И старика не знали. Взор суровый
Его сверкнул, и буря поднялась
В его душе, но, наложив оковы
На гнев и равнодушным притворясь,
Он их спросил с улыбкой, кто же новый
Хозяин их (что, глух к чужой беде,
Из девы в даму превратил Гайдэ).

45.

— «Откуда он и кто? не знаю; мне то, —
Ответил пьяный гость,—не все ль равно?
Да и кого ж интересует это?
Обед хорош; рекой течет вино;
О чем тужить? но если ты ответа
Другого ждешь, тогда уж заодно
К соседу обратись: я буду кушать,
А он любитель сам себя послушать» [26]).

46.

Пират так много такта проявил,
Так сдержанности много и терпенья,
Что он бы и француза удивил
(А кто с французом выдержит сравненье
В учтивости!). Хоть гнев его душил,
Хоть грудь его рвалася от мученья —
Он молча снес насмешки слуг своих,
А ведь его ж добром кормили их!

47.

Кого не удивит, что в состояньи
Порывы гнева сдерживать и тот,
Кто властвовать привык; чьи приказанья
Законы; кто пустить и пытки в ход,
И казни может, чуждый состраданья?
Кто чуду об'яснение найдет?
Но человек, который так спокоен
И тверд душой, венца, как Гвельф, достоин.

48.

Ламбро бывал порою дик и яр;
Но в случаях серьезных с гневным нравом
Умел справляться бешеный корсар
И, сходный с притаившимся удавом,
Безмолвно наносил врагу удар.
Молчал зловеще он, к делам кровавым
Готовясь. Разом он кончал с врагом,
В ударе не нуждаяся втором.

49.

Расспросы он дальшейшие оставил
И к дому своему, тоской об'ят,
Тропинкой потайною путь направил.
Никем в пути не узнан был пират.
Любя Гайдэ, быть может, и не ставил
Он ей в вину поступков странных ряд,
Но только нравилось ему едва ли,
Что смерть его так весело встречали.

50.

Когда б прервали мертвых вечный сон
(Храни нас Бог от этого явленья!)
И воскресили вдруг мужей и жен,
Нашедших от тревог успокоенье —
Такой бы поднялся и плач, и стон,
Каких не видел свет! Их воскресенье
Не меньше слез бы вызвало, чем день,
Когда их скрыла гробовая тень!

51.

Он в дом вошел, но в дом ему постылый;
Чужим ему все показалось там;
Отрадней слышать смерти зов унылый,
Чем пережить такую муку нам!
Увидеть свой очаг, что стал могилой,
Сказать «прости!» надеждам и мечтам
Возможно ли без трепета и боли?
Бобыль спасен от этой горькой доли!

52.

Он этот дом своим считать не мог:
Где любят нас—лишь там очаг родимый!
Не встреченный никем, он свой порог
Переступил и, горестью томимый,
Увидел, что он в мире одинок!
Здесь, прежде, возле дочери любимой,
Любуясь ей, он воскресал душой
И после сеч и бурь вкушал покой.

53.

Он человек был странного закала:
Манерами приятен, нравом лют,
Во всем умерен—ел и пил он мало;
В несчастьи тверд, любил борьбу и труд;
Казалось, благородство в нем дышало,
И лучшие дела его зовут;
Но родины несчастной видя долю,
Раб, он другим готовить стал неволю.

54.

Таким он стал, страстям отдавшись в плен,
Гоняяся за властью и наживой,
Состаревшись средь бурь и мрачных сцен,
Всегда к борьбе стремясь нетерпеливо.
Немало перенес он злых измен
И тяжких бед, идя кровавой нивой.
В своих врагах он поселял испуг,
Дурной знакомец, но хороший друг.

55.

Геройский дух, что Грецию прославил
В давно былые годы, в нем горел;
Тот дух, что смелых выходцев направил
В Колхиду, им бесмертье дав в удел;
Но блеск былой преданья лишь оставил.
Пират же бредил славой громких дел
И мстил за унижение отчизны,
Кровавые по ней свершая тризны.

56.

Изящества и мягкости печать
Клал на него роскошный климат юга;
Артист в душе, он музыке внимать
Иль пенью волн любил в часы досуга;
Любил красу природы созерцать,
В ней видя и наставника, и друга;
Ее покой его душе был мил:
Он охлаждал ее мятежный пыл.

57.

Но только страстью к дочери согрета
Была душа пирата. Только дочь
Его смягчала сердце, волны света
Бросая в душу, черную, как ночь.
В нем было свято только чувство это;
О, если бы оно умчалось прочь —
Он вревратился б, ни во что не веря,
В Циклопа раз'яренного иль зверя.

58.

Тигрица, потерявшая детей,
Для пастухов ужасна и для стада;
Опасен океан для кораблей,
Когда близ скал бушует волн громада;
Но утихает ярость их скорей,
Чем сердца злая скорбь. Чужда пощада
Об'ятиям ее; ей нет конца;
А с чем сравнить немую скорбь отца!

59.

Как грустно на детей терять влиянье!
Нам рисовали прошлое они,
Вместив в себе все наши упованья.
Когда ж во мраке гаснут наши дни,
Нас покидают милые созданья;
Хотя мы остаемся не одни,
А в обществе терзающих нас яро
Подагры, ревматизма иль катарра!

60.

Всё ж жизнь в семье отрадна (если в ней
Не донимают дети пискотнею);
Прелестна мать, вскормившая детей
(Коль от того не высохла). Толпою
К ней дети нежно льнут. (Вкруг алтарей
Так ангелы теснятся). Мать с семьею —
Как золотой средь мелочи блестит.
Растрогает и грешника тот вид!

61.

Алел закат, когда, трясясь от злости,
Пират вошел в свой опустелый дом;
В то время пировали шумно гости;
Жуан с Гайдэ сидели за столом,
Украшенным резьбой из ценной кости;
Рабы сновали с блюдами кругом;
Роскошный стол посуда украшала
Из перламутра, золота, коралла.

62.

На пире красовалось до ста блюд:
С фисташками ягненок; суп шафранный;
А рыбы, подававшиеся тут,
И сибариту были бы желанны,
Ценителю изысканных причуд;
Напитком был шербет благоуханный
Из всех плодов. (Для вкуса, там всегда
Сквозь корку выжимают сок плода).

63.

Блестел хрусталь, как радуга играя;
Десерт всю щедрость юга проявил;
Душистый мокка, в чашках из Китая,
Дымясь, благоуханье сладко лил.
(Под чашками плетенка золотая
Спасала от ожогов). Кофе был
С шафраном сварен, с мускусом, с гвоздикой...
(По моему, так портить кофе дико!).

64.

Окаймлены бордюром дорогим,
Вдоль стен висели бархатные ткани;
Шелками были вышиты по ним
Цветы различных видов и названий,
А на бордюрах шелком голубым
По фону золотому—ряд воззваний,
Сентенций и излюбленных стихов
Персидских моралистов и певцов.

65.

Те надписи—особенность Востока.
Они должны доказывать гостям
Тщету сует. Так, в древности глубокой
В Мемфисе прибегали к черепам,
Чтоб украшать пиры; так глас пророка
Встревожил Валтасара; только нам
Не идут в прок советы моралистов,
Так к суете порыв людей неистов.

66.

Красавица в чахотке; человек
С талантом, ставший пьяницей; кутила,
Который в ханжестве кончает век
(Ханже названье методиста мило);
Удар, что альдермэна дни пресек,—
Всё это нам доказывает с силой,
Что бденья, страсть к вину и ряд проказ
Не менее обжорства губят нас.

67.

Жуан с Гайдэ сидели на диване,
Что занимал три части залы той.
Под их ногами был из ценной ткани
Ковер пунцовый с синею каймой.
Среди подушек, в пурпурном тумане,
Струил лучи диск солнца золотой,
Как бы встающий из морского лона.
Служить он мог бы украшеньем трона.

68.

Фарфор, посуда, мрамор и хрусталь
Являлись средь роскошной обстановки;
Персидские ковры, что было жаль
Ногою мять; индийские цыновки;
Там были негры, карлики (та шваль,
Что добывает хлеб через уловки
И униженье), серны и коты,—
Придворный штат иль рынок суеты.

69.

Повсюду зеркала пленяли взоры;
Столы, где инкрустаций дорогих
Пестрели многодельные узоры
Из перламутра, кости и других
Богатых матерьялов. Были горы
И вин, и яств навалены на них,
Чтоб каждый гость имел обед готовый,
Когда б ни появился он в столовой.

70.

Я опишу костюм Гайдэ одной:
В двух джеликах была пирата дочка:
Один был бледно-желтый, а другой
Пунцовый с золотою оторочкой,
С жемчужными застежками; волной,
Под легкой полосатою сорочкой,
Вздымалась грудь ее, а чудный стан
Был в газ укутан, как луна в туман.

71.

Ей кисти рук прелестных обвивали
Широкие браслеты без замков;
Нуждаться в них они могли едва ли:
Так гибок был металл, что он готов
Был всем движеньям вторить. Не спадали
Те украшенья с рук; о том нет слов,
Что никогда нежнее кожи этой
Не облекали ценные браслеты [27])!

72.

Такие ж замечалися у ней
Браслеты на ногах [28]). (То выражало
Достоинство и званье). Ряд перстней
На пальцах красовался, и сверкала
В ее кудрях парюра из камней;
Прикалывал к одежде покрывало
Аграф жемчужный, моря ценный дар.
Оранжевый был цвет ее шальвар.

73.

Как водопад альпийский в час восхода,
До пят катилась яркою волной
Ее коса; будь ей дана свобода,
Она всё тело девы молодой
Прикрыла бы [29]); ища себе прохода,
Рвалися кудри из тюрьмы глухой
И развевались, словно опахало,
Когда дыханье ветра их ласкало.

74.

Пред нею молкла ложь и клевета;
Гайдэ, как благодетельная фея,
Лила и жизнь, и свет, сама чиста,
Как до паденья юная Психея.
Ей всякая порочная мечта
Была чужда. Пред ней благоговея,
Никто не мог сводить с нее очей,
Но идола никто не видел в ней.

75.

У ней чернее ночи были бро́ви,
Под слоем угля. (Краска в крае том—
Одно из непременнейших условий
Изящества). Глаза ж Гайдэ огнем
Горели без того. Ногтям цвет крови
Давала генна, портя их притом:
Так розов был ее красивый ноготь,
Что краскою его не след бы трогать!

76.

Чтоб выступила кожи белизна,
Немало надо класть на ногти генны;
Гайдэ в том не нуждалася: она
Тягаться с белизною несравненной
Снегов вершин могла. Виденьем сна
Казался лик ее благословенный.
Шекспир сказал: бессмысленно белить
Лилею иль червонец золотить!

77.

Жуана белый плащ был так прозрачен,
Что камни были сквозь него видны,
И каждый луч был явственно означен
(Так млечный путь мерцает с вышины);
Тюрбан был изумрудной пряжкой схвачен,
И локоны Гайдэ прикреплены
Над полумесяцем; на темной ткани
Жег очи блеск его алмазной грани.

78.

Их забавлял танцовщиц легкий рой;
Смешили карлы, негры, лицедеи;
Тут был поэт, прославленный молвой,
Что в деньги обращал свои идеи;
Он, по заказу, то сатирой злой
Гремел, то льстил властям, стихом владея,
И был из тех, как говорит псалом,
Что тужат о мамоне лишь своем.

79.

Он, вопреки обычаю, сурово
Прошедшее хулил и восхвалял,
Чтя выгоду свою, лишь то, что ново;
Он даром и строки б не написал;
Поэт в былые дни громил оковы;
Теперь же, округляя капитал,
Встречал султана громкою хвалою,
Как Са́ути или Крашо чист душою.

80.

С магнитной стрелкой схож, он без труда
Менял свой путь, немало бед изведав;
Вертлява и полярная звезда
Была поэта. Горького отведав,
Лишь к сладкому он льнул: острил всегда
(За исключеньем дней дурных обедов)
И с жаром лгал, играя роль льстеца.
Вот идеал придворного певца!

81.

Он был умен, а, пыль в глаза бросая,
Всегда умеет умный ренегат
Просунуться вперед; преград не зная,
Как vates irritabilis, он рад
Встречать хвалу. (И не плутáм такая
Присуща страсть!). Но оглянусь назад;
Описывал влюбленных я забавы
И дальних мест обычаи и нравы.

82.

Поэт, при всей вертлявости своей,
В компании веселой был приятен,
Пленяя остроумием людей;
Хотя на нем немало было пятен,
Его любили все; его ж речей
Порою смысл был вовсе непонятен;
Но тот, кого молва превознесла,
Не знает сам, за что ему хвала.

83.

И принят, и обласкан высшим кругом,
Пред властью он склонял теперь главу;
А прежде был свободы лучшим другом,
Но заглушать старался ту молву,
Оглядывая прошлое с испугом.
Однако на пустынном острову
Он ложь откинул прочь и, льстя народу,
Попрежнему стал воспевать свободу.

84.

Ему пришлось немало изучить
Людей и наций; вечно лицемерен,
Он всякому был мастер угодить;
Всегда, везде он правилу был верен,
«Что в Риме надо римлянином быть».
Для барда не был труд такой потерян,
Он лепты получал со всех сторон;
И тут держался тех же правил он.

85.

Благодаря натуре даровитой,
Искусная велася им игра:
«God save the king!» он стал бы петь у бритта,
Приехав же к французу: «Ça ira!»
Ища товару выгодного сбыта,
Он то хвалил сегодня, что вчера
Громил нещадно. Пел же Пиндар скачки:
Так мог и наш поэт быть с лестью в стачке.

86.

Во Франции, веселым удальцом,
Он воспевал бы в песенках свободу;
У нас он накропал бы толстый том
Стихов тяжелых публике в угоду;
У немцев брал бы Гёте образцом;
В Испании он сочинил бы оду;
В Италии его пленял бы Дант,
А здесь он так свой проявлял талант:

I

«Привет островам той священной земли,
Где Сафо любила; где сладко ей пелось;
Где, свет удивляя, искусства цвели;
Где Феб родился и воздвигнулся Делос!
Вас солнце, как прежде, лучем золотит,
Но, в мрак погрузившись, всё прочее спит.

II

Теосская муза [30]) и песни слепца
Хиосского [31]) стали для мира усладой;
Но здесь всё безмолвно; и арфа певца,
И лютня героя забыты Элладой;
Их песня гремит у чужих берегов,
Там, дальше Блаженных ее Островов [32]).

III

Виднеется с горных вершин Марафон,
А он созерцает лазурные воды...
Не раз здесь стоял я, мечтой упоен,
Что Греция снова добьется свободы;
Я, персов гроба попирая ногой,
Не в силах мириться был с рабской судьбой!

IV

Когда-то владыка далекой земли
Сидел на вершине скалы Саламинской;
С нее созерцал он свои корабли,
Любуюся ратью своей исполинской;
Зарею свои корабли он считал—
С лучами заката и след их пропал!

V

Что сталося с ними? Что сталось с тобой,
Эллада родная? Умолкли напевы
Отважных героев, стремившихся в бой...
Герои отчизны, откликнитесь: где вы?
Ужель неумелой рукою дерзну
Божественной лиры я тронуть струну?

VI

Отрадно и то, что средь звона оков
Не в силах мириться я с рабскою долей...
Мне больно и стыдно глядеть на рабов;
Геройского духа не видно в них боле;
Поэт! не пробудишь их лирой своей:
О Греции плача, за греков красней!

VII

Но краска стыда, но слеза или вздох
Помогут ли? Предки борьбою кровавой
Спасались от бед. О, могила! хоть трех
Верни нам спартанцев, увенчанных славой,—
И, полны надежд, вдохновенья и сил,
Сроднимся мы с громом других Фермопил!

VIII

Воззванье напрасно! Кругом все молчат...
Ответствуют только исчадья могилы;
Их голос ревет, как вдали водопад:
«Пускай хоть один с пробудившейся силой
«Восстанет—и все мы на помощь придем!»
Молчат только греки, об'ятые сном...

IX

К другим обратиться я должен струнам...
Наполните кубок самосскою влагой!
Оставим сраженье турецким ордам;
Нам кровь винограда заменит все блага...
О Боже! весь край отозваться готов
На этот бесславный вакхический зов!

X

Хоть танцы пиррийские сладостны вам,
Фаланги пиррийской уж нет знаменитой!
Пустое занятье отрадно рабам,
А лучшее ими позорно забыто;—
Вам некогда Кадм письмена подарил.
Ужель для рабов он трудился и жил?

XI

Наполните кубки самосским вином!
Оно вам заменит свободы утрату;
Оно воспевалось теосским певцом,
Который тирану служил Поликрату;
В те дни перед властью дрожал человек,
Но срама не ведал: тираном был грек.

XI

Тиран Херсонеса, герой Мильтиад,
Был другом храбрейшим и лучшим свободы;
Такому владыке кто не был бы рад?
Героям навстречу несутся народы!
Пускай заковал бы он в цепи людей—
Таких не срывают народы цепей!

XIII

Наполните кубки самосским вином!
На Паргском прибрежье, на скалах Сулийских
Не вымерли люди, что борются с злом;
Их матери—жены героев дорийских;
Своею признал бы их кровь Гераклид:
Они не снесут, без отмщенья, обид!

XIV

Надежды на франка вас греют лучи;
Но он обнажит ли продажную шпагу?
Надейтеся только на ваши мечи;
Надейтеся только на вашу отвагу;
Латинские плутни и мощь мусульман
Вам щит раздробят и рассеют колчан.

XV

Самосскую влагу мне в кубок налей!
В тени безмятежно танцуют гречанки;
Любуюсь я блеском их черных очей
И грацией дивной их гордой осанки;
Увы!—неутешно я плакать готов
При мысли, что вскормят они лишь рабов.

XVI

Меня отведите к Сунийским скалам!
Там, глядя на волны, я выплачу горе;
И с песнью, как лебедь, скончаюся там—
Свидетелем будет лишь бурное море!
В отчизне могу ль оставаться рабом?
Разбейте мой кубок с самосским вином!»

87.

Так должен петь, патриотизмом греем,
В эпоху скорби греческий поэт;
Конечно, не сравню его с Орфеем;
В его стихах всё ж виден чувства след,
А доля чувства жизнь дает идеям,
Волнением охватывая свет!
Как лгут певцы: они какой угодно
Малюют краской, с малярами сходно!

88.

Но в слове—мощь, когда его изрек
Великий муж! Чернила—мысли семя,
Звено, что сочетает с веком век,
Выдерживая лет бегущих бремя.
Как жалок и ничтожен человек!
Его дела, гробницу губит время,
А писанная гением строка
Переживает царства и века!

89.

Когда ж истлеет он в своей гробнице,
Да и она безвестно пропадет;
Когда в хронологической таблице
Оставит только след его народ,—
Пергамента поблекшие страницы
Иль надпись, что случайно мир найдет,
Былое воскрешают, и пред миром
Забытый гений блещет вновь кумиром.

90.

Над славою смеется моралист.
Она мечта, шум ветра, плеск прибоя.
Ее плодит историк, что речист,
Совсем не подвиг доблестный героя.
Так мистер Хейль увековечил вист;
Так славою Гомера дышет Троя!
О том, что Мальбро, как никто, знал бокс,
Поведал нам Архидиакон Кокс.

91.

Хоть Мильтона стихи тяжеловаты,
Он королем поэтов пребывал;
Почтенный муж, познаньями богатый,
Был независим, верил в идеал
И не терпел ни козней, ни разврата;
Но Джонсон жизнь его нам описал,
И свет узнал, что дом держал он туго,
И что его покинула супруга.

92.

Таким путем узнал немало мир
Курьезных фактов: Цезаря и Тита
Проделки; что оленей крал Шекспир;
Что славный Бэкон взятки брал открыто;
Что Бёрнс кутил, любя веселый пир;
Всё это, разумеется, добыто
Исследованьем точным, но по мне
Такие сплетни лишние вполне.

93.

Не все же нравственны, как Са́ути в лета,
Когда он *Пантисократию* пел;
Иль Вордсворт в дни, когда не знал бюджета
И был демократичный стиходел;
Иль Кольридж, прежде чем великих света
Он в „Morning Post“ величить захотел;
Когда и он, и Са́ути, как два брата,
Вступали в брак с модистками из Бата.

94.

Ботани-бей моральный им создать
Теперь легко: их имена позорны;
Биографу работу может дать
Сказание об их измене черной.
Ах, кстати! Вордсворт том пустил в печать;
Такой поэмы жалкой и снотворной
Доселе не видал я: что́ за слог!
Ее никак осилить я не мог.

95.

Темна его поэма и убога;
Навряд ли он читателей найдет!
Так, некогда сектантов было много,
Поверивших в пророчицу Саускот
И ждавших от нее рожденья бога;
Но отшатнулся от нее народ:
Не божество таилось в старой деве:
Лишь водяная набухала в чреве.

96.

Но возвращусь к рассказу; ах, мила
Мне болтовня; моя мечта порхает,
В поэме отступленьям нет числа,
И Муза о героях забывает.
Не так ли тронной речью все дела
До сессии грядущей отлагает
Король? Не так ли, Музою согрет,
За мыслью Ариосто гнался вслед?

97.

У нас не существует выраженья:
Longueurs. (Так у французов говорят).
Но вещь сама—обычное явленье;
Пример: созданий Са́ути длинный ряд.
Когда полны *longueurs* стихотворенья,
Читатель, вероятно, им не рад,
Но доказательств пропасть мы имеем,
Что свойственна снотворность эпопеям.

98.

«Гомер»—гласит Гораций—«спал порой».
Но Вордсворт бдит и с Музою своею
Нас водит вкруг озер. Его герой—
Возница. Совершая одиссею,
Сначала он пленяется «ладьей»;
Не по́ морю, по воздуху он с нею
Желает плыть; затем берет он челн;
Слюна ж поэта роль играет волн.

99.

Когда его гнетет желанья бремя
Свершить, паря, по воздуху полет,
А слаб его Пегас—что ж он на время
Дракона у Медеи не займет?
Но седока, что потеряет стремя
(А он плохой седок!), погибель ждет.
Так что ж, любя небесные дороги,
В воздушный шар не сядет бард убогий?

100.

«Возницы», «Лодки»! Жалкие певцы,
Поэзии и смысла Джэки Кэды [33]),
О, Поп и Драйден, тащат с вас венцы,
Свои пустые празднуя победы;
Поэзии великие отцы!
Пигмеи вас клеймят. Такие беды
Легко ль переносить? Ахитофель [34]),
С дороги прочь!—У нас есть Питер Бэль! [35]).

101.

Но далее—окончен пир богатый;
Альмеи, карлы скрылися толпой;
Умолк поэт; молчаньем всё об'ято;
Не тешит слух арабских сказок рой;
Влюбленные одни; лучом заката
Любуются в тиши вечеровой...
Ave Maria! сладок и спокоен
Твой час волшебный; он тебя достоин!

2.

Благословен тот час, когда заря
Бросает, угасая, луч прощальный,
И раздается, мир душе даря,
Вечерний звон на колокольне дальной;
Когда звучит в стенах монастыря
Молитвенных напевов глас печальный,
И в розовом сиянии небес—
Хоть тихо всё—молитве вторит лес

103.

Ave Maria! светлый час моленья!
Ave Maria! сладкий час любви!
Пролей на нас свое благословенье
И к Сыну своему нас призови!
Я созерцаю, полный умиленья,
Твой лик, глаза склоненные Твои!
Ужель немой картине жизнь я придал?
Нет! предо мной действительность—не идол.

104.

Безбожник я—вот грозный приговор
Ханжей, что на меня взирают строго;
Но им со мною выдержать ли спор?
Прямее к небесам моя дорога;
Мне алтарями служат: выси гор,
Светила, море, твердь—созданья Бога,
Что человека наделил душой
И душу ту опять сольет с Собой.

105.

Как часто луч зари благословенный
Среди сосновых рощ я созерцал
В окрестностях пленительных Равенны,
Где некогда шумел Адрийский вал
И вечною угрозой для вселенной
Оплот последний цезарей стоял;
Мне мил тот лес, всегда листвой одетый,
Бокаччио и Драйденом воспетый!

106.

Безмолвных рощ был тих и сладок сон;
Одних цикад звучало стрекотанье;
Мой конь храпел, да колокола звон,
Сквозь листья доносясь, будил молчанье.
Во тьме ко мне неслись со всех сторон
Моей мечты игривые созданья:
Охотник-призрак с стаею своей
И светлая толпа воздушных фей.

107.

О Геспер! сколько ты несешь отрады! [36])
Усталым—отдых; тем, что есть хотят,
Желанный ужин; птичкам, в час прохлады,
Приют гнезда; волов ведешь назад
В покойный хлев; всё то, чему мы рады,
Чем наш очаг и светел, и богат,
Приносишь ты. Всех теша, без из'ятья,
Дитя ведешь ты к матери в об'ятья.

108.

В тот светлый час, душою умилен,
Пловец клянет тяжелый гнет разлуки
И вспоминает милых сердцу он;
С любовью простирает к небу руки
Усталый путник, слыша дальний звон;
О дне, что гаснет, плачут эти звуки!
Мне кажется, что кто б ни кончил путь,
А уж о нем льет слезы кто-нибудь [37]).

109.

Когда Нерон погиб по воле рока,
И, чествуя свободу, ликовал
Спасенный Рим; когда среди потока
Проклятий и хулений он лежал,
Какой-то друг, скрываясь в тьме глубокой,
Цветами склеп злодея осыпал [38]).
Быть может, проявилося на троне
К кому-нибудь участье и в Нероне!

110.

Опять прямой мне изменяет путь,
И я побрел окольною дорожкой;
Имеют ли с Нероном что-нибудь
Мои герои общего! Немножко
Я утомлен; пора и отдохнуть;
Не сделался ль я «деревянной ложкой»
Поэзии? (Так в Кэмбридже зовут
Студентов, что не очень ценят труд).

111.

Эпично, но не в меру отступленье;
Поэтому здесь песню пополам
Я перервать хочу. Нововведенья
Никто бы не заметил, если б сам
Не сделал я об этом заявленья;
Все ж радоваться нечему врагам:
Так учит Аристотель, и поэтам
Прямой закон внимать его советам.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1.

В поэзии всего трудней начало;
Но не легко и завершить рассказ;
Не раз поэту сила изменяла,
И с кручи вниз летел его Пегас;
Так Сатана выносит мук немало
За гордость, что гнездится также в нас,
Поэта занося в такие сферы,
Где гибнет он, утратив чувство меры.

2.

Но время убеждает и людей,
И беса, что надежды голос милый
Обманчив; что борьбу с судьбой своей
Нельзя вести; что слабы мы и хилы;
В дни юности, когда игра страстей
Волнует кровь, мы верим в наши силы,
Но сознаем, узнав тщету борьбы,
Что мы бессилья вечные рабы.

3.

Была пора, когда, в свой веря гений,
Желал я, чтоб пред ним склонялся мир;
И что ж! добился я его хвалений
И перед ним сияю, как кумир;
Меня ж гнетет тяжелый ряд сомнений,
И более не манит жизни пир:
Мои мечты поблекли, словно листья,
И вместо песен в ход пускаю свист я.

4.

Смеюсь я для того, чтоб слез не лить,
И плачу потому, что грудь не льдина;
Как может сердце прошлое забыть,
Не окунувшись в Лету? В нем кручина,
Гнездяся, не дает ему остыть.
Фетида в Стиксе выкупала сына;
А в Лете бы должна детей купать,
Спасая их от бед, земная мать.

5.

Меня язвят со злобой лицемеры;
Их злая брань несется, как поток;
По ихнему, я—враг заклятый веры
И чествую в своих стихах порок.
Нападки критиков не знают меры...
Клянусь, от этих целей я далек;
Без всяких задних мыслей, для забавы,
Шутя, пишу игривые октавы.

6.

У нас же не в чести шутливый тон;
Так Пульчи пел, и я его романов
Поклонник; воспевал игриво он
Волшебников, шутов и великанов,
Мир жалких Дон-Кихотов тех времен,
Безгрешных дам и королей-тиранов.
Теперь есть короли, а прочих нет;
Вот я и выбрал поновей сюжет.

7.

Судить, как с ним я обошелся,—мне ли?
Быть может, так, как те с трудом моим,
Которые в нем видеть захотели
Не то, что есть, а что угодно им;
Что ж, пусть, раз им приятно, в самом деле;
Мы, в век свободы, мысли не тесним;
Но Аполлон зовет меня к рассказу,
И я готов внимать его указу.

8.

Жуан с подругой нежною своей
Наедине остался. Время злое,
Что враг любви и не щадит людей,
Жалело тронуть их своей косою.
Им было суждено во цвете дней
Погибнуть, не узнав, как все земное
Изменчиво; пока их грела страсть,
Над ними не успев утратить власть.

9.

С годами кровь в их не остынет жилах;
Не созданы их лики для морщин;
Измен любви им не узнать унылых,
Как не узнать их волосам седин.
Они уснут под звуки песен милых
Весенних дней. Их может в миг один
Сразить гроза, но неземным созданьям
Не суждено сродняться с увяданьем.

10.

Они одни; им сладко лишь вдвоем;
Как сильно страсть клокочет в человеке!
Могучий дуб, сраженный топором;
Лишенные своих истоков реки;
Ребенок, в доме брошенный пустом
И разлученный с матерью навеки, —
Обречены на гибель: так моих
Влюбленных мог сразить разлуки миг.

11.

Нет в мире ничего сильней влеченья
Сердец, что каждый жизненный толчок
Разбить на части может. Тронуть тленье
Бессильно их. Им не узнать тревог
Тяжелого житейского томленья,
И долго их терзать не может рок.
Увы! как часто жизненная сила
Не гаснет в том, кому мила могила!

12.

«Кто люб богам, тот долго не живет»,
Сказал мудрец. Он милых не хоронит;
Его бегущих лет не давит гнет
И, веря в страсть, он от измен не стонет.
В конце концов, нас все ж могила ждет,
И что̀ ни делай—в мраке жизнь потонет,—
Так умирать не лучше ль в цвет лет,
Хоть о кончинах ранних плачет свет?

13.

Влюбленные о смерти не мечтали;
Казалось, мир достался им в удел;
Они за то лишь время укоряли,
Что слишком быстро каждый час летел.
Как зеркала, их очи отражали
Тот пламень, что, пылая, в них горел;
А счастье, как алмаз, лучи бросая,
Сродняло души их с блаженством рая.

14.

Пожатье рук; красноречивый взор;
Невольное, при встрече, содроганье—
Им заменяли длинный разговор.
Напоминает пташек щебетанье
Волшебный лепет страсти; сущий вздор,
Отрывки фраз—дарят очарованье
Влюбленным. Тот, кто страстью не согрет,
Конечно видит в этом только бред.

15.

Они любовью тешились, как дети,
И вечно бы осталися детьми;
Коварный мир их не поймал бы в сети;
Им ладить трудно было бы с людьми;
Лишь светлыми богами жить на свете
Они могли, все помыслы свои
Любви даря и забывая годы
Среди об'ятий девственной природы!

16.

Луна луной сменялась; день за днем
Бесследно проходил; а то же счастье
Их озаряло трепетным лучем.
Их не могло пресытить сладострастье;
Хотя оно их жгло своим огнем—
В союзе с ним являлось и участье;
И пресыщенье, страсти злейший враг,
Любви не охлаждало в их сердцах.

17.

В их жилах кровь струилась жгучей лавой;
Любовь их жгла огнем своих лучей;
Такой любви не знает свет лукавый,
Что поражает пошлостью своей;
Где поле для интриг; где жалки нравы;
Где часто освещает Гименей
Позор блудницы избранного круга,
Сокрытый только от ее супруга!

18.

Все сказанное мною не мечта,
А горькая действительность! Не знала
Минуты скуки юная чета;
Ее от пресыщенья охраняла
Невинности святая чистота,
Даривша я ей жажду идеала.
Мы эти чувства бреднями честим,
Завидуя, однако, втайне им.

19.

Любовь порой, играя роль дурмана,
Искусственно вселяется в иных;
Ее плодит иль чтение романа,
Иль чувственности пыл; но чужд таких
Наитий был серьезный нрав Жуана;
Гайдэ же вовсе не читала книг;
Не ведал их роман иной причины,
Чем соловьиный или голубиный.

20.

Заката луч вдали, бледнея, гас.
Они его с любовью созерцали;
Он им напоминал тот светлый час,
Когда они, об'яты страстью, пали
В об'ятия друг друга и слилась
Их жизнь навеки. Так они стояли,
Глядя друг другу в очи и мечтой
Стремясь невольно к радости былой.

21.

Но в этот час таинственный и милый
Внезапный страх смутил блаженство их;
Так ветер будит арфы звон унылый
Иль пламя наклоняет. В этот миг
На них нахлынул вдруг с зловещей силой,
Их мир смутив, поток предчувствий злых.
Жуан вздохнул, как будто в сердце ранен,
И взор Гайдэ слезой был отуманен.

22.

Пророческий она бросала взгляд
На горизонт, с трудом скрывая муку;
Казалось ей, что гаснувший закат
Сулил им с счастьем вечную разлуку;
Жуан, тяжелой думою об'ят,
Стоял в тоске, ее сжимая руку;
Казалось, он готов был несть ответ,
За то, что скрыть не мог унынья след.

23.

С улыбкой, полной горького сомненья,
Гайдэ взглянула на него, но сил
Хватило у нее, чтоб скрыть мученье,
Хоть тайный страх ей душу леденил.
Когда Жуан о странном их смущеньи
Полушутя с Гайдэ заговорил,
Она сказала: «Если сердце веще,
Разлуки мне не пережить зловещей!»

24.

О том же он заговорил опять,
Но рот ему зажала поцелуем
Гайдэ, стараясь тем тоску унять;
Такое средство мы рекомендуем;
Иной, однако, любит прибегать
К вину, когда невзгодою волнуем;
В конце концов, (я пробовал), нас ждут:
Боль сердца там, боль головная тут.

25.

За каждый миг отрады иль веселья,
То дамам, то вину мы дань несем;
Что̀ сладостнее: женщина иль зелье?—
Не в силах я дать сведений о том.
Равно хвалю и женщину, и хмель я;
Тех светлых благ возможно ль быть врагом?
К обоим льнуть отрадней, без сомненья,
Чем ни с одним из них не знать общенья.

26.

Каким-то упоеньем неземным
Влюбленная чета была об'ята;
Не выразить его! Сроднялась с ним
Привязанность ребенка, друга, брата.
Оно влекло их к помыслам святым.
Такою чистотой была богата
Их страсть, что не могла не освящать
Избытка чувств живую благодать.

27.

Ни слез они не ведали, ни муки;
Зачем они не умерли в тот миг!
Им не по силам был бы гнет разлуки;
Им чужд был свет, что полон козней злых;
Как песен Сафо пламенные звуки,
Дышали жгучей страстью души их.
Та страсть была их жизнью, и казалось,
Что неразлучно с ней она сроднялась.

28.

Им надо было жить не средь людей,
Где царство лжи, коварства и порока,
А в тишине лесов, как соловей,
Что распевает песни одиноко.
Живут попарно, прячась средь ветвей,
Певцы лесов; орел, паря высоко,
Всегда один; лишь вороны, кружа,
Как люди, стаей, ищут дележа.

29.

Щека к щеке, Жуан с подругой милой
Заснул; но не глубок был этот сон;
Предчувствие беды его томило;
И, как в бреду, во сне метался он.
Гайдэ склоняла голову уныло;
Из уст ее порой стремился стон,
Лицо ж ее все отражало грезы,
Навеянные сном. Так листья розы

30.

Колеблет ветерок иль бороздит
Немых озер поверхность. Нас сознанья
Лишает сон и над душой царит
Помимо воли нашей. (Прозябанье
Имеет всё же смутный жизни вид).
Не странно ли такое состоянье,
Когда мы зрим, хоть не имеем глаз,
И чувствуем, хоть чувства дремлют в нас?

31.

Ей снилось, что, полна немой кручины,
Стоит, к скале прикована, она—
И двинуться не может. Рев пучины
Ее глушит, и за волной волна
Несется к ней. Она до половины
Уж залита, а, ярости полна,
Пучина все растет и гневно стонет;
Гайдэ дышать не может, но не тонет.

32.

Затем, освободившись от цепей
И волн,—Гайдэ несется по дороге;
Ее колени гнутся; ряд камней,
Что остры, как ножи, ей режет ноги.
Какой-то призрак мчится перед ней;
Она дрожит, но, полная тревоги,
Его ловя, должна бежать за ним,
А призрак, как мечта, неуловим!

33.

Сменился сон. Пред нею грот безмолвный,
Где сталактитов белый лес возрос;
Там плещутся моржи, и льются волны;
Вода струей с ее спадает кос—
И очи девы слез горючих полны;
Те слезы тихо льются на утес,
Мгновенно превращаяся в кристаллы,
Блестящие красою небывалой.

34.

У ног ее, безжизненно склонясь,
И холоден, и бел, как пена моря,
Лежит Жуан, не открывая глаз.
Гайдэ напрасно хочет, с смертью споря,
Согреть его дыханьем—он угас...
С сиреной сходны, волны песню горя
Вокруг нее поют; их песнь—что стон...
Увы! как вечность, длится этот сон.

35.

Гайдэ, об'ята горькою тоскою,
Беспомощно глядит на мертвеца;
И вдруг, с непостижимой быстротою,
Меняются черты его лица;
Всё явственней они—и пред собою
Гайдэ, в испуге, видит лик отца.
Она, дрожа, проснулась. Боже правый!
Пред ней пирата образ величавый.

36.

Гайдэ, поднявшись с воплем, с воплем вновь
Упала. Радость, страх, надежда, горе
Читались в ней; ее влекла любовь
К отцу, что все считали жертвой моря.
Но милого пролить он может кровь!
Все чувства эти, меж собою в споре,
Ее давили грудь. Ужасный миг!
Никто забыть не в силах мук таких.

37.

Услышав крик Гайдэ, одной рукою
Ее схватил взволнованный Жуан
И быстро со стены сорвал другою
Невдалеке висевший ятаган.
На юношу взглянув с улыбкой злою,
Ламбрò промолвил, гневом обуян:
«Оружье брось! Сказать мне слово стòит—
«И сотня сабель пыл твой успокоит!»

38.

«То мой отец!»—за друга ухватясь,
Воскликнула Гайдэ, полна волненья.
«Падем к его ногам, и верно нас
Утешит он, даруя нам прощенье.
Отец! ужель в нежданный встречи час
Ты презришь бедной дочери моленья?
Когда ж не трону сердца твоего,
Рази меня, но пощади его!»

39.

Не двигаясь, стоял старик суровый;
Спокойствием он тайный гнев скрывал;
Взглянув на дочь украдкой, он ни слова
На все ее мольбы не отвечал
И обратился к юноше. Готовый
К отпору, перед ним Жуан стоял,
От внутренней борьбы в лице меняясь;
Он умереть решился, защищаясь.

40.

«Оружье брось!» вновь молвил тот. «Пока
Свободен я,—сказал Жуан,—без бою
Врагам не сдамся!» Щеки старика
Тут бледностью покрылись гробовою,
Но не от страха. «Что ж! моя рука
Тебя убьет; не я тому виною!»
Ответил он и, осмотрев замок
И мушку пистолета,—взвел курок.

41.

Тяжелый миг! Невольно нас тревожит
Унылый звук взведенного курка,
Когда на расстояньи близком может
Нас поразить противника рука;
Минута ожиданья трепет множит;
Расправа пистолета коротка!
Дуэли притупляют чуткость слуха;
Тогда и взвод курка не режет уха.

42.

Мгновенье—и погиб бы мой герой!
Но тут Гайдэ Жуана заслонила
И вскрикнула: «Убей меня! виной
«Лишь я всему... Его я полюбила,
«Клялась в любви; обет нарушу ль свой?
«Обоих нас не разлучит могила;
«Ты глух к мольбам; ты жалость гонишь прочь,
«Но если ты кремень,—кремень и дочь!»

43.

Лишь миг пред тем она, ребенком нежным,
Склонив главу, стояла вся в слезах;
Теперь же, духом полная мятежным,
Ждала грозу, гоня с презреньем страх.
Стан выпрямив, в томленьи безнадежном,
Как статуя бледна, с огнем в очах,
Она ждала свершенья приговора,
С отца не отводя прямого взора.

44.

Невероятно было сходство их!
Дышали той же твердостью их лица,
И тот же пыл горел в глазах больших,
Где полыхала гневная зарница.
Ей был бы тоже сладок мщенья миг:
Грозна, рассвирепев, ручная львица!
Отец и дочь сходилися во всем:
И кровь его в ней вспыхнула огнем.

45.

Доказывала крови благородство
Краса их рук. В осанке и чертах
Разительно их проявлялось сходство;
Различье было в поле и летах.
Меж тем они, в порыве сумасбродства,
(Как люди необузданны в страстях!)
Друг другу, в гневе, делали угрозы,
А лить должны б, при встрече, счастья слезы!

46.

Ламбрò подумал миг и опустил
Свой пистолет; затем, пронзая взором
Гайдэ, сказал: «Пришельца заманил
«Сюда не я; кровавым приговором
«Другой давно б свое бесчестье смыл.
«Могу ль мириться я с своим позором?
«Исполню долг; не я причина бед;
«За прошлое должна ты несть ответ!

47.

«Пусть он сейчас свое оружье сложит,
«Не то—отца клянуся головой,
«Что он свою на месте здесь положит
«И что она, как шар, перед тобой
«Покатится! Упрямство не поможет!»
Тут свистнул он, и грозною толпой
Нахлынули враги, зверей свирепей.
Ламбрò им крикнул: «Франку смерть иль цепи!»

48.

Немедленно Жуан был окружен
Пиратов кровожадною оравой,
Нахлынувшей туда со всех сторон.
Ламбрò в то время, с силою удава,
Схватил Гайдэ, и тем бороться он
Лишил ее возможности. Расправа
С Жуаном началась; но первый враг,
Что налетел, был им повергнут в прах.

49.

Успел нанесть он и другому рану;
Но третий, что был опытен и стар,
Отвел его клинок и сам Жуану
Нанес ошеломляющий удар.
Тут справиться не трудно было стану
С одним противником; свиреп и яр,
Он смял его,—и, кровью отуманен,
Тот рухнул, в голову и в руку ранен.

50.

Старик Ламбрò тут подал знак рукой,
И раненого юношу связали;
Он отнесен на берег был морской
Пиратами; там корабли стояли,
Готовые к отплытью. Мой герой
Ладьею, что гребцы усердно мчали,
Был на большой гальот перевезен
И, под охраной, в трюме водворен.

51.

Превратности судьбы для нас не диво;
К ним свет привык; но кто б подумать мог,
Что юноша богатый и красивый
Пройдет чрез столько горестных тревог?
Он должен был итти стезей счастливой,
А вдруг его взыскал так злобно рок!
Лежал он в заточеньи, ранен, связан;
И тем любви красотки был обязан.

52.

Здесь с ним прощусь, чтоб впасть мне не пришлось
В излишний пафос. Часто возбуждаем
Такой экстаз китайской нимфой слез,
Богиней, что зовут зеленым чаем.
Я пью бохи́ [39]), когда наплывом грез,
Рожденных ею, чересчур смущаем.
Увы! болею я от тонких вин,
А чай и кофе нагоняют сплин.

53.

Когда коньяк, наяда Флегетона,
Не оживляет их своей струей,
Но печень от нее не может стона
Сдержать. Увы! все нимфы род людской
Болезнями томят! Во время оно
Любил я пунш, но он в вражде со мной;
Меня он головною болью мучит;
Кого ж она от пунша не отучит?

54.

Жуан страдал от ран; но не могла
Нести сравненья жгучесть этой боли
С той, что Гайдэ нещадно душу жгла,
Лишив ее сознания и воли;
Она не из таких существ была,
Что, потужив, с своей мирятся долей.
Была из Феца мать Гайдэ младой,
А там—пустыня или рай земной.

55.

Сок амбры там в цистерны льют оливы;
Цветы, плоды и зерна, без преград
Из недр земли стремясь, скрывают нивы;
Но там деревья есть, что точат яд;
Там ночью львы рычат нетерпеливо,
А днем пески пустынь огнем горят,
Порою караваны засыпая;
Там с почвою сходна́ душа людская.

56.

Да, Африка, край солнечных лучей!
Добро и зло там силой роковою
Одарены; земля и кровь людей
Пылают, вторя солнечному зною.
И мать Гайдэ, дочь родины своей,
Любовь соединяла с красотою;
Но в темном взоре крылся страстный гнев,
Как у источника уснувший лев.

57.

Гайдэ была подобна серебристым
И светлым облакам, что в летний зной
Блестят прозрачной тканью в небе чистом;
Они ж, сплотясь, проносятся грозой,
Над миром с треском, грохотом и свистом,
При блеске молний путь свершая свой;
Так и в Гайдэ, под взрывом дум унылых,
Самумом кровь забушевала в жилах.

58.

Она видала, как Жуан поник,
Сраженный, обессиленный и сирый;
Увидя кровь его и бледный лик,
Гайдэ, лишась надежды, счастья, мира,
Вдруг бросила унынья полный крик
И, словно кедр могучий под секирой—
Она, боровшаяся до конца,
Без чувств поникла на руках отца.

59.

От страшных мук в ней порвалася жила;
Из уст ее кровь брызнула ручьем [40]);
Гайдэ уныло голову склонила,
Как лилия, что никнет под дождем.
Толпа рабынь с слезами положила
Ее на одр; послали за врачем;
Но тщетно ряд лекарств пускал он в дело:
И смерть не шла, и сердце онемело.

60.

Так несколько Гайдэ лежала дней
Без чувств, об'ята холодом могилы;
Не бился пульс ее, но роз свежей
Ее уста алели. Жизни силы,
Казалось, не совсем угасли в ней;
Не замечался тленья след унылый,
И луч надежды всё не гас в сердцах:
Боролся до конца со смертью прах!

61.

В ней виден был недвижный след страданья,
Как будто бы изваянный резцом:
Так Афродите чуждо увяданье,
Так вечно смерть витает над бойцом,
И вечно вызывает состраданье
Лаокоон страдальческим лицом.
Кипят в тех изваяньях жизни силы,
Но эта жизнь сходна́ с немой могилой.

62.

Но вот Гайдэ очнулась наконец...
Но не как спящий на заре желанной,
А так, как пробуждается мертвец;
Казалась жизнь и чуждой ей, и странной;
Какой-то гнет, тяжелый, как свинец,
Давил ей грудь, и грезою туманной
Казались ей страданья прежних дней...
Увы! не возвращалась память к ней!

63.

Она вокруг блуждающие взоры
Бросала, неподвижна и нема;
Ей чужды были ласки и укоры;
Загадкой, непонятной для ума,
Казалася ей жизнь; лишась опоры,
Она поблекла; в ней вселилась тьма;
Гайдэ хранила вечное молчанье;
В ней обличало жизнь одно дыханье.

64.

Из прежних слуг никто ей не был мил;
Никто не мог привлечь ее вниманье;
Отец, что от нее не отходил,
Присутствием своим ее страданья
Усугублял; в ней гас остаток сил.
Однажды привели ее в сознанье,
Но целый ад тогда проснулся в ней;
Всех испугал огонь ее очей...

65.

К ней привели арфиста; лишь коснулась
Его рука к рокочущей струне,
Гайдэ, сверкнув очами, отвернулась,
Пытаясь вспомнить прошлое,—к стене;
От звуков струн в ней буря чувств проснулась.
Вот понеслася песнь о старине,
О светлых днях, когда, цепей не зная,
Тонула в счастьи Греция родная.

66.

Гайдэ смутил волшебный арфы звон;
Она ловила жадно эти звуки
И пальцем била такт. Напева тон
Сменил арфист. Он о тоске разлуки
И о любви запел. Как страшный сон,
Воскресли перед ней былые муки—
И ниц она склонилась, вся в слезах;
Так падает дождем туман в горах.

67.

Сознанье к ней вернулося, но скоро
Померк навек огонь его лучей;
Усталый мозг не выдержал напора
Тяжелых дум, и мысль угасла в ней.
Не разверзая уст, полна задора,
Она бросаться стала на людей,
Как на врагов. Гайдэ, глядя сурово,
Ни одного не проронила слова.

68.

Порой ей искра света душу жгла;
Так, тайному внушенью чувств послушна,
Себя она принудить не могла
Взглянуть в лицо отца. Ей было душно
И тесно в этом мире, полном зла.
Гайдэ чуждалась пищи, равнодушна
И к людям, и к себе. Не зная сна,
Двенадцать дней томилася она.

69.

Она всё угасала постепенно
И в вечность отошла; ни стон, ни вздох
Не возвестил о том; с ней жизнь мгновенно
Рассталась, и никто сказать не мог,
Когда тот миг настал благословенный,
Что спас ее от муки и тревог.
Читалась смерть во взоре, тьмой одетом;
Как страшен мрак, когда-то бывший светом!

70.

Гайдэ рассталась с жизнью в цвете дней,
Но не одна; немая смерть сгубила
Зародыш новой жизни вместе с ней;
Безгрешный плод греха свой век уныло
Окончил, не видав дневных лучей;
И стебель, и цветок взяла могила!
Роса небес из тьмы не воззовет
Сраженный цвет и опаленный плод.

71.

Так умерла Гайдэ. В борьбе бессильно
С ней оказалось горе. Нет! она
Для горькой жизни, бедами обильной,
Для долгих мук была не создана;
Ее похитил рано мрак могильный,
Но жизнь ее была любви полна;
И спит она, с судьбой уже не споря,
На берегу любимого ей моря!

72.

Безлюден остров стал. Стоят одни,
Близь скал, отца и дочери могилы;
Но место отыскать, где спят они,
Теперь нельзя; гробницы нет унылой
Над прахом их; чредой промчались дни,
И время тайны лет минувших скрыло;
Поет лишь море песню похорон
Над той, чья жизнь прошла, как светлый сон.

73.

Но греческие девы в песне страстной
С любовью возвращаются не раз
К Гайдэ; и рыбаки, порой ненастной,
О подвигах Ламбро́ ведут рассказ.
Он храбрым был, она была прекрасной!
Ей стоил жизни светлый счастья час...
За каждый грех приходит искупленье;
Сама в себе Любовь таит отмщенье.

74.

На этом кончу горестный рассказ;
Прибавить больше нечего к роману;
Прослыть за сумасшедшего боясь,
Описывать безумье перестану.
К тому ж, как эльф, то здесь, то там носясь,
Моя капризна Муза. К Дон-Жуану
Пора ей, брошенному средь врагов,
Полуживым, в одной из прежних строф.

75.

Без чувств лежал он долго́. На просторе
Летел корабль, когда очнулся он;
Вокруг него, клубясь, шумело море,
И вдалеке виднелся Илион.
В иное время с радостью во взоре
Он на него б взглянул; но, потрясен
Тяжелою невзгодою и скован,
Сигейским мысом не был он взволнован.

76.

Средь бедных хат там на горе крутой
Курган Ахилла виден знаменитый.
(Так принято считать; но взгляд такой
Оспорен Брайантом; вопрос открытый).
Вдали стоит еще курган другой,
Но доблестных вождей, что в нем зарыты,
Назвать не можем. Будь в живых они,
Мы за свои бы опасались дни!

77.

Скамандр (коль это он); вершина Иды;
Бесплодные долины; цепи гор;
Без надписей курганы—вот те виды,
В которые турист вперяет взор;
Там кровь лилась по воле Немезиды;
Там и теперь для брани есть простор!
Но мирно бродят в Илионском прахе
Стада овец, да дремлют черепахи.

78.

В горах ютится сел убогих ряд;
На иностранца, ищущего Трою,
Невольным изумлением об'ят,
Глядит пастух. (Парис, того не скрою,
С ним не был сходен!). Турки, возле хат,
Куря кальян, пускают дым струею.
Вот Фригия давно минувших дней,
Но только не найти фригийца в ней.

79.

Лишь здесь Жуан с тюрьмой расстался душной
И понял, что неволи злой удел
Ему на долю выпал; равнодушно
Могилы он героев оглядел,
Что пали, славы голосу послушны;
Так Дон-Жуан от раны ослабел,
Что он не мог расспросов делать много
И несся вдаль неведомой дорогой.

80.

С певцами итальянскими он плыл;
Они, благодаря измене черной,
Попались в плен. Антрепренер их сбыл
Пирату по дороге из Ливорно
В Сицилию. Артистов захватил
Пират всех разом. Этот торг позорный
Ему принес немало выгод в дар,
Хоть дешево он продал свой товар [41]).

81.

Один из потерпевших, буфф веселый,
Жуану эту повесть рассказал;
Хотя его сразил удар тяжелый,
В беде, казалось, он не унывал.
(Мириться не легко с такою школой!
Турецкий рынок—горестный финал!).
Всё ж вид имел он менее смущенный,
Чем тенор, тосковавший с примадонной.

82.

Немногословен был его рассказ:
«С Маккиавелем схож, наш impresario
«Условный подал знак, и тотчас нас
«Забрали в плен. Corpo di Caio Mario!
«Перевели артистов всех зараз
«На этот бриг, притом же без salario!
«Но если любит пение султан,
«Еще возможность есть набить карман!

83.

«Хоть примадонна наша истаскалась
«И с ней давно простилася весна,
«Всё ж несколько у ней еще осталось
«Приятных ноток. Тенора жена
«Красива, но без голоса. Случалось
«И ей производить фурор. Она
«В Болонье графа юного сумела
«Отбить у принчипессы престарелой.

84.

«Прелестен наш балетный персонал:
«Не только танцами пленяет Нини;
«Пятьсот цехинов в прошлый карнавал
«Сумела заработать Пелегрини;
«Но у нее растаял капитал;
«Потом Гротеска: к этой балерине
«Мужчины так и льнут; не трудно ей
«С ума сводить их страстностью своей.

85.

«Немало лиц у нас красивых видно,
«Но фигуранток похвалю не всех;
«Иных далеко участь не завидна,
«И их продать на рынке бы не грех.
«Одна из них стройна и миловидна;
«Она легко могла б иметь успех,
«Да силы нет у ней. Танцуя вяло,
«Она пленять имеет шансов мало.

86.

«Певцов хороших нет у нас совсем;
«У режиссера труппы голос сходен
«С разбитою кастрюлькой. А меж тем
«Певец злосчастный (путь пред ним свободен!)
«Мог поступить бы евнухом в гарем.
«Для оперного пенья редко годен
«Певец, что представляет средний род.
«А мало ль папа их пускает в ход! [42])

87.

«У тенора надорван голос слабый
«Излишней аффектацией. Наш бас
«Ревет, как бык; его прогнать пора бы!
«Им примадонна наградила нас;
«Мы не терпели б неуча, когда бы
«Он не был ей роднею. Каждый раз,
«Что он поет, его бы счесть могли вы
«Ослом, пытающим речитативы.

88.

«Себя хвалить, конечно, средства нет;
«Могу ль я о своем кричать таланте?
«Но вы, синьор, видали модный свет,
«И верно вам известен Раукоканти.
«Так это—я. Примите мой привет.
«Чрез год в театре Луго вы достаньте
«Себе абонемент; я буду там
«И пеньем угодить надеюсь вам!

89.

«Наш баритон—курьезное явленье:
«Хоть голосок его и слаб, и хил,
«Всё ж о себе высокого он мненья.
«Себя относит он к числу светил,
«А создан лишь для уличного пенья!
«В нем нет души. Когда же страсти пыл
«Старается он выказать сугубый,
«Показывать умеет только зубы».

90.

Тут интересный прерван был рассказ;
Всем пленным, что на палубе стояли,
Пиратами был строгий дан приказ
Спуститься в мрачный трюм. Полны печали,
Несчастные, с лазурью волн простясь,
Что свод небес, сияя, отражали,
Направились к дверям своей тюрьмы,
Где блеск небес сменило царство тьмы.

91.

Близ Дарданелл они на якорь стали.
Здесь надобно заботиться о том,
Чтоб получить фирман, хотя едва ли
Нельзя пробраться и другим путем.
Мужчин и женщин парами сковали,
Для верности, чтобы везти гуртом
В Константинополь, где всегда товару
Удобен сбыт, благодаря базару.

92.

Но женщин было меньше, и пришлось
Сковать мужчину с дамою (сопрано
С прекрасным полом крест тяжелый нес,
Служа красивым спутницам охраной:
К числу мужчин причины не нашлось
Его отнесть); и потому Жуана
По жребию (сюрпризов жизнь полна!)
С вакханкой сочетала цепь одна.

93.

Сковали буффа с тенором. С той злобой,
Что театральный мир плодит порой,
Они глядели друг на друга. Оба
Дышали беспредельною враждой.
Ругаясь, каждый цепь тянул особо,
Соседом больше мучим, чем судьбой.
Без ссор не проходило ни минуты...
Arcades ambo! то-есть: оба плуты!

94.

С Жуаном вместе скована была
Красивая романка из Анконы;
Ее победам не было числа;
Достойная названья bella donn'ы,
Она очами огненными жгла,
Стараясь всем предписывать законы
И головы кружить. С красой лица
Кокетке трудно ль страсть вселять в сердца?

95.

Теперь она успеха не имела;
Жуан в такую скорбь был погружен,
Что жгучесть взоров дивы не согрела
Его души. Хотя касался он
Ее руки и стана то-и-дело,
Всё ж хмелем страсти не был увлечен.
Без учащенья бился пульс Жуана...
(Тому виной была отчасти рана).

96.

Зачем причины фактов разбирать,
Когда имеют факты лишь значенье!
Такое постоянство благодать,
Тем больше, что известно изреченье:
«О льдах Кавказа можно ль помышлять,
«Огонь в руках имея?» Искушенье
С повесою не справилось моим,
И вышел он из боя невредим.

97.

Умел и я быть твердым. Мне легко
То доказать, но продолжать не буду;
Боюсь зайти уж слишком далеко.
Издатель мой и так трубит повсюду,
Что легче чрез игольное ушко
(Совсем сконфужен я!) пройти верблюду,
Чем песням музы ветреной моей
Попасть в читальни английских семей.

98.

Пускай шипят; я не вступаю в спор;
Как видите, уступчив стал теперь я;
Вот Фильдинг, Прайор, Смоллет. Громкий хор
Хвалений их встречает. За безверье
И вольности лишь я несу укор;
В былые дни я маску с лицемерья
Любил срывать, вступая с ложью в бой—
Теперь же не гонюся за борьбой.

99.

Мне бранный хмель был в юности забавой;
Теперь я мира жажду и готов
Забыть вражду. Предоставляю право
Другим разить, а сам щажу врагов.
Мне всё равно—со мной простится ль слава,
Пока я жив, пройдет ли даль веков:
Под гром хвалы, под ветра вой унылый
Трава растет всё так же над могилой.

100.

Жизнь для певца, что славен и могуч,
Является частицею пустою
Его существованья. Славы луч,
Даря бессмертье, греет ли собою?
Так снежный ком, катясь с отвесных круч,
Становится громадною горою,
Что, раздуваясь, крепнет и растет:
А всё ж гора такая—только лед.

101.

Мужей великих часто ждет забвенье;
Без отзвуков смолкает гром похвал;
Кто может прах спасти от разрушенья?
Кто, за бессмертьем мчась, не погибал?
Закон природы—вечное движенье.
Ахилла прах ногой я попирал,
А многие считают мифом Трою.
Не будет ли и Рим забыт толпою?

102.

Пред временем склоняется все ниц!
Могила вытесняется могилой;
Века бегут; забвенью нет границ:
Как много стран оно похоронило!
Стираются и надписи гробниц;
Забвение немногих пощадило;
Меж тем не счесть прославленных имен,
Что скрылись без следа во мгле времен!

103.

Я часто вижу холм уединенный,
Где де Фуа погиб во цвете дней;
Он слишком долго жил с толпой презренной,
Но рано для тщеславия людей
Окончил дни. В честь бойни под Равенной
Воздвигнута колонна-мавзолей;
Но памятник оставлен без призора,
И бремя лет его разрушит скоро [43]).

104.

Хожу к гробнице Данта я порой,
Ее воздвигнуть люди были правы:
Здесь чествуем певец, а не герой!
Придет пора, когда и лавр кровавый,
И песнь певца исчезнут, скрыты тьмой,
Как сгинули бесследно песни славы,
Что воспевали подвиги тех лет,
Когда еще не знал Гомера свет!

105.

Для той колонны цементом служила
Людская кровь. Не раз осквернена
Помоями воителя могила;
К победам чернь презрения полна!
Ничтожен лавр, добытый грубой силой!
Толпа клеймить презрением должна
Людей, что превращали мир (успешно
Гонясь за славой) в Дантов ад кромешный.

106.

Всё ж барды будут петь. Пускай твердят,
Что слава дым: он—фимиам для света;
Страданье и любовь певцов родят;
Волна, клубяся, пеною одета,
Когда нельзя ей одолеть преград;
Так страсти заставляют петь поэта;
Поэзия есть страсть, верней—была,
Пока не стала родом ремесла.

107.

Вы правы, люди, силясь сбить с дороги
Певца, что целый век страстям служил,
Что, испытав сердечных бурь тревоги
И боль душевной муки,—получил
От неба дар печальный и убогий,
Как в зеркале, страстей мятежный пыл
Волшебно отражать;—но через это
Лишаетесь вы славного поэта!

108.

О, синие чулки! ваш строгий суд
Готовит ли парнасское крушенье
Моим стихам? Ужель им даст приют
Пирожник, превратив мое творенье
В обертку? Удостоите ль мой труд
Вы словом „imprimatur“? Я в волненьи;
Кастальский чай вы льете всем певцам—
Забыт лишь я; за что? не знаю сам.

109.

Ужель я перестал быть львом салонов,
Любимцем дам, поэтом высших сфер,
Что средь улыбок, вздохов и поклонов
Всех восхищал изяществом манер?
Коль более не чтут моих законов,
Я с Вордсворта, сердясь, возьму пример:
Как он, забытый миром, поклянусь я,
Что синие чулки—гнездо безвкусья.

110.

«О, синий цвет, тобой я восхищен!»
Так говорил, любуясь небесами,
Какой-то бард. Синклит ученых жен!
К вам обращаюсь с теми же словами!
Повсюду странный слух распространен,
Что ваши ноги синими чулками
Украшены; но это ложь молвы:
Таких мне не показывали вы!

111.

Мои стихи читать во время оно
Любили вы; тогда и я читал,
Как в книге—в ваших взорах. Обороной
Вы были мне; теперь я жертвой стал;
Все ж не бегу от женщины ученой,
Что часто совершенства идеал;
Одну я знал: она была прекрасна,
Мила, невинна,—но глупа ужасно!

112.

Немало в мире видим мы чудес!
Известье есть, что Гумбольдтом (не знаем,
Возможно ль дать тому известью вес)
Какой-то аппарат приспособляем
Для измеренья синевы небес
(Название его позабываем).
О, лэди Дафна! им измерить вас
Мне дайте разрешенье в добрый час!

113.

Прерву здесь нить идей своеобразных;
Корабль, на пропуск получив фирман
(На нем болезней не было заразных),
В столице выгрузил свой караван.
На площади немало было разных
Красивых представительниц всех стран:
Черкешенок, татарок и грузинок
Был полон, как всегда, стамбульский рынок.

114.

За цену баснословную пошла
Кавказа дочь, черкешенка-красотка,
С ручательством в невинности. Была
Та девбчка для знатоков находка;
Надбавка цен в унынье привела
Покупщиков; товар шел слишком ходко!
Им отойти пришлось на задний план:
Красавицу приобретал султан!

115.

Двенадцать негритянок юных тоже
Купцу немало дали барышей;
Цветной товар на рынках стал дороже
С тех пор, как негры ходят без цепей.
К тому ж порок, свои забавы множа,
Любого короля всегда щедрей.
Не любит добродетель денег трату,
Но удержу в расходах нет разврату!

116.

Что́ сталось с итальянцами? К пашам
Одни пошли; других жиды купили;
Те были причтены к простым рабам,
Те ренегатством участь облегчили;
Поодиночке раскупили дам,
Затем их по гаремам разместили;
Несчастные не знали, что́ их ждет—
Погибель, брак иль просто рабства гнет.

117.

Здесь песнь свою окончить я намерен;
Она длинна и утомила вас;
Несносно многословье; я уверен,
Что вы меня бранили уж не раз;
Что ж делать, я своей природе верен!
Здесь кончу, и дальнейший свой рассказ
Я отложу до пятого «Дуана»
(То слово занял я у Оссиана).

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1.

Поэты, что сбирают рифмы в пары,
Как голубков Венера, мать утех,
Чтоб петь любви и сладострастья чары,
Плодят разврат и сеют зло и грех...
Их тем неотразимее удары,
Чем их стихов блистательней успех.
Овидий—в том пример, Петрарка тоже,
Когда судить мы станем их построже...

2.

Я лютый враг безнравственных поэм,
И если допускаю сочиненья,
Которых я не одобряю тем,
То чтобы следовали поученья
За каждою ошибкою, и с тем,
Чтоб грех наказан был без послабленья.
Итак, коль не изменит мне Пегас,
Я удивлю моралью строгой вас.

3.

Дворцов прибрежных легкие узоры,
Святой Софии купол золотой,
Плывущий флот, синеющие горы,
Олимп высокий в шапке снеговой,
Двенадцать островов, что тешат взоры—
Вот чудная картина, что собой
Когда то Мэри Монтэгю пленила...
Таких картин неотразима сила!

4.

Люблю я имя Мэри. Много грез
И целый ряд несбывшихся мечтаний
В моей душе с тем именем слилось;
Оно еще мне мило, хоть страданий
Немало я тяжелых перенес...
Отраден светлый мир воспоминаний!
Однако я впадаю в грустный тон,
И не к лицу моей поэме он.

5.

Уныло ветер дул; ревело море;
С «Могилы Великана» [44])—чудный вид,
Когда бушуют волны на просторе,
Когда весь берег пеною покрыт...
Опасна непогода на Босфоре:
Она пловцу погибелью грозит...
Картина бури сладостна для взора,
Но моря нет опаснее Босфора.

6.

Лазурь небес скрывалась в облаках;
Был день осенний, мрачный и ненастный.
В исходе лета, бури в тех краях
Для жизни моряков всегда опасны...
Пловец в свершенных кается грехах,
Исправиться клянется, но напрасно:
Утонет он—в обете прока нет;
Спасется он—и позабыт обет.

7.

На шумной площади, дрожа, стояли
Рабы всех возрастов и всех мастей;
Немую скорбь их лица выражали,
Им было жаль отчизны и друзей.
Лишь негры в сонме их не унывали:
Они мирились с участью своей;
Должно быть, так угри умеют тоже,
Попав на кухню, не жалеть о коже.

8.

Жуан был в цвете лет. Надежд и сил
Еще не мог утратить он избыток,
Но вид его был мрачен и уныл,
И скрыть слезу не делал он попыток.
Неверный рок его всего лишил:
Немало вынес он душевных пыток;
Утратив милую, здоровье, дом,
Среди татар он торга ждал, рабом.

9.

И стоик бы наверно растерялся
От стольких бед, от стольких жгучих ран...
Однако ж он с достоинством держался.
Его наряд богатый, стройный стан
В глаза бросались. Резко отличался
От остальных невольников Жуан;
Его наружность всех собой пленяла.
Он барышей купцу сулил немало.

10.

Базар был сходен с шахматной доской;
На площади его пестрели рядом
И белые, и черные толпой.
Их привели для сбыта, жалким стадом.
Один невольник, статный, молодой,
Лет тридцати, с суровым, твердым взглядом,
В числе других на торг был приведен;
С Жуаном находился рядом он.

11.

Британца в нем признать не трудно было:
Он был румян и бел, в плечах широк;
Его чело высокое носило
Следы глубоких дум иль злых тревог;
Его судьба невзгодой не сломила,—
На всё глядеть он с равнодушьем мог...
Он ранен в руку был; струей багряной
Пятнала кровь его повязку раны.

12.

К Жуану, что немного приуныл,
Но всё же, не теряя самовластья,
Достоинство и гордость сохранил,
Проснулось в нем горячее участье.
Невольно он сочувствие дарил
Товарищу, попавшему в несчастье;
А сам он на плачевный свой удел
С полнейшим безучастием глядел.

13.

Он так сказал Жуану:—«Мы не схожи
С толпою этих жалких дикарей,
Что окружают нас. Лишь в цвете кожи
Различье их. Порядочных людей
Лишь вы да я имеем вид пригожий.
Знакомство мы должны свести скорей.
Откуда вы? Я буду рад, как другу,
Вам оказать и ласку, и услугу».

14.

Жуан сказал:—«Испанец родом я».
— «Такого ждал я именно ответа.
Не может подлый грек держать себя
Так гордо. Ваша песнь еще не спета;
Надежды до конца терять нельзя.
Смотрите: переменится всё это;
Мы все фортуны жалкие рабы,
Но я привык к превратностям судьбы».

15.

— «Позвольте вас спросить, хоть и неловко:
Что привело нежданно вас сюда?»
— «Ответ простой: шесть турок и—веревка».
— «Но как вы в плен попали, и когда?»—
— «Мне от Суворова командировка
Была дана. Но только в том беда,
Что приступом не мог я взять Виддина,
И сам был взят: вот бед моих причина».

16.

— «А есть у вас друзья?»—«В невзгоды час
Отыскивать их—тщетное старанье...
Ответил я на всё; прошу и вас
Мне рассказать свои воспоминанья».
— «Уныл и длинен будет мой рассказ».
— «А если так, то лучшее—молчанье:
Когда пространна повесть и грустна,
Длиннее вдвое кажется она.

17.

Но всё ж не унывайте. В ваши лета
Фортуна, хоть порой и не верна,
Вас не оставит; тем вернее это,
Что вам особа эта не жена;
Бороться с ней никто не даст совета—
Борьба с серпом для колоса трудна.
Тот часто в заблуждении глубоком,
Кто думает, что может править роком».

18.

— «Печалюсь я не о судьбе своей»,
Сказал Жуан: «мне жаль того, что́ было;
Я сетую о счастьи прежних дней;
Я был любим, и—нет подруги милой».—
Тут он замолк, и тихо из очей
Слеза скатилась.—«Счастье изменило...
Но всё же я со страхом не знаком,
И если пла́чу—пла́чу о былом.

19.

Я тверд душой, но тяжкий гнет разлуки
Мне не по силам».—Тут он замолчал,
В отчаяньи свои ломая руки,
И голову склонил.—«Я так и знал,
Что женщина—причина вашей муки.
Понятна ваша скорбь. Я сам рыдал,
Когда прощался с первою женою;
Рыдал я также, брошенный второю.

20.

Но третья...»—«Как», сказал Жуан: «у вас
Есть три жены?»—«В живых лишь две осталось...
Чему тут удивляться?.. Ведь не раз
Иным вступать три раза в брак случалось».
— «Что ж третья? Продолжайте свой рассказ...
Надеюсь, вам она верна осталась
И не ушла?»—«О, нет!» тот отвечал:
«От третьей сам я скоро убежал».

21.

— «Вы смотрите, однако, хладнокровно
На жизнь», сказал Жуан.—«Я смят борьбой...
На вашем небе и светло, и ровно
Сияет радуг много; ни одной
Не светит мне. Лишь в юности любовно
Нас греет луч надежды золотой,
Но время душу нам преображает:
Так кожу каждый год змея меняет.

22.

Сначала эта кожа и ясней,
И лучше первой, но потом тускнеет
И с каждым днем становится бледней.
Нас в юности любовь живит и греет,
Затем мы узнаем других страстей
Могущество, и сердце леденеет:
Иной честолюбив, и скуп другой,
А третий дышит местью лишь одной».

23.

Жуан сказал:—«Вы, может быть, и правы,
Но всё ж судьба тяжелая нас ждет;
Слова мы тратим только для забавы».
— «Не много прока в них», ответил тот.
«Но если мненья правильны и здравы,
Страданье учит нас. Так рабства гнет
Узнав, не станем мы теснить народа,
Когда нам вновь достанется свобода».

24.

Жуан сказал, скрывая грустный вздох:
— «Как побывать хотел бы я на воле,
Чтоб мстить злодеям!.. Да поможет Бог
Несчастным, побывавшим в этой школе!»
— «Довольно испытали мы тревог,
И долго ждать нам не придется боле;
Вот черный евнух с нас не сводит глаз:
Хотел бы я, чтобы купили нас!

25.

Конечно, грустно наше положенье,
Но лучших мы дождаться можем дней.
Все смертные, почти без исключенья,
Рабы своих желаний и страстей.
Холодный свет не знает сожаленья;
Он глух к мольбам беспомощных людей...
Жить для себя, вполне чуждаясь чувства—
Вот бессердечных стоиков искусство!»

26.

В то время подошел поближе к ним
Сераля страж бесполый, евнух хилый;
В осмотре их он был неутомим;
Он оценил их рост, наружность, силы...
Нет, никогда с вниманием таким
Любовник не оглядывает милой,
Сукно—портной, проценты—ростовщик,
Барышник—лошадей, как покупщик—

27.

Невольника. Должно быть, есть отрада—
Существ себе подобных покупать.
Но, впрочем, все продажны; только надо
Подкупности и вес, и меру знать:
Кого пленяет место иль награда,
Кого—успех; всё ж должен я сказать,
Что действует всего успешней злато...
За скиптры, за пинки—по таксе плата.

28.

Их осмотрев с вниманьем, наконец,
Сначала одного, затем обоих,
Стал евнух торговать... Кричал купец;
Кричал и он, слов не жалея строгих:
Торгуют так коров, свиней, овец
На ярмарках. Такое брало зло их,
Такой враждой пылал их гневный взор,
Что всем казалось—драка кончит спор.

29.

Но шум утих, и евнух с грустной миной,
Достав кошель упрямый, заплатил.
Купец пересмотрел все до единой
Монеты, взвешивал, на звук ценил
(Пара́ подсовывались за цехины).
Все деньги получив, он настрочил
Расписку, тайно радуясь победе
И начиная думать об обеде.

30.

Но мог ли аппетит проснуться в нем
И мог ли он свершить пищеваренье
Без всякой боли? Я уверен в том,
Что совести он слышал угрызенья
За то, что бесконтрольно, как скотом,
Людьми распоряжался. Без сомненья,
На свете ничего ужасней нет,
Как дурно переваренный обед.

31.

Вольтер нам говорит, но это—шутка,
Что, пообедав, просветленье дум
Вкушал Кандид. Вольтер неправ: желудка
Не может гнет не действовать на ум;
Лишь тот, кто пьян, лишается рассудка
И действует, конечно, наобум.
Воззрение мое узнать хотите ль?
Великий сын Филиппа—мой учитель [45])...

32.

Вот мненье Александра: «Нам вдвойне
Напоминает смерть процесс питанья
С другими отправленьями». По мне,
Коль пища может радость иль страданье
В нас возбуждать, то лишние вполне
Таланты, ум, искусства и познанья;
Кто станет им оказывать почет,
Когда над всем желудок верх берет?

33.

Дней шесть тому назад я собирался
По городу пройтись; вдруг близ меня
Стрельбы необычайный звук раздался.
С поспешностью из дома вышел я [46]).
Народ шумел; на лицах страх читался.
Израненный, молчание храня,
На площади лежал старик почтенный,
Начальник войска города Равенны.

34.

Несчастный!.. Чтобы счеты с ним свести,
В него пять пуль безжалостно всадили
И бросили. Его перенести
К себе велел я. Тщетно мы ходили
За ним всю ночь; уж пользы принести
Не в силах все старанья наши были...
Пять веских пуль и старое ружье
С ним порешили. Месть взяла свое.

35.

Я знал его и с вздохом сожаленья
Глядел на хладный труп. Не раз видал
Я мертвых, но такого выраженья
Спокойствия я прежде не встречал
На бледном лике жертвы разрушенья;
Казалось, он не умер—только спал...
(Из ран его кровь не лилась струею).
Я на него глядел, об'ят тоскою.

36.

«Что жизнь и смерть?»—у трупа я спросил;
Но он молчал—безмолвна смерть немая...
«Восстань!»... Но он лежал, лишенный сил;
Еще вчера, войскам повелевая,
Как древний сотник, он им говорил:
«Иди», и шли; словам его внимая,
Смолкал мгновенно многолюдный стан,—
И вот гремит могильный барабан.

37.

Исполнены унынья и печали,
Вокруг вождя, что пролил кровь свою,
В последний, но не в первый раз, стояли
Соратники. Давно ли, с ним в строю,
Они врагов Наполеона гнали?
И что ж?... Герой, прославленный в бою,
Победными украшенный венками,
Погиб—убит продажными руками!

38.

Близ старых ран, которыми стяжал
Он славу и почет, виднелись рядом
И новые. Невольно ужасал
Контраст такой... Смущенным, робким взглядом
Я раны полководца озирал.
От мертвеца несло могильным хладом.
Глядя на этот труп, старался я
Умом постигнуть тайну бытия.

39.

Но тайною осталась тайна эта.
Нас окружает вечный мрак тюрьмы...
Что ждет нас за могилой?—Нет ответа.
Сегодня—жизнь, а завтра—царство тьмы.
Желанного нам не дождаться света,
А мир бессмертен, смертны только мы!
Но мудрствовать я более не стану,
И вот перехожу опять к роману.

40.

Британца и Жуана покупщик
Сел со своей поклажею живою
В роскошно позолоченный каик [47]),
Что по волнам понесся с быстротою.
Друзья смутились; страх в их грудь проник:
Трудна борьба с неведомой судьбою...
Вот у стены, в тени дерев густых,
В конце залива, стала лодка их...

41.

Лишь проводник у двери постучался—
Раскрылась дверь железная. За ним
Невольники пошли; он подвигался
Тропинкою по зарослям густым.
Ложилась тень, и ночи мрак сгущался.
Итти на ощупь приходилось им.
Гребцы исчезли с лодкой, скрыты мраком,—
Их евнух удалил безмолвным знаком.

42.

Сквозь чащу померанцевых дерев
Они с трудом дорогу пролагали...
(Природу юга был бы я готов
Описывать, да все поэты стали
Ей посвящать плоды своих трудов!
Таких поэм немало вы читали...
Один поэт гостил у турок раз,—
С тех пор метода эта принялась).

43.

Жуан следил за евнухом в волненьи.
Вдруг мысль ему блестящая пришла.
И вам, и мне, в подобном положеньи,
Такая мысль легко прийти б могла.
«Убить проводника—одно мгновенье»,
Шепнул Жуан: «не вижу в этом зла;
Скорей нанесть удар, чем молвить слово,
И мы затем свободны будем снова!»

44.

Товарищ возразил:—«И что ж потом?
Убив, мы не окажемся наружи.
Мы, может быть, и кожи не спасем
(Варфоломея вспомните!) Нам хуже,
Конечно, будет завтра под замком
В глухой тюрьме. Я голоден к тому же
И, не жалея первородства прав,
Их продал бы за бифстек, как Исав.

45.

Конечно, дом находится за садом;
Не стал бы этот негр, уверен я,
Итти один с невольниками рядом,
Когда б не знал о близости жилья.
Лишь крикнет—многочисленным отрядом
Сюда сбегутся в миг его друзья.
Но посмотрите: вот дворец пред нами.
Как он красив, весь залитый огнями!»

46.

Действительно, дворец весь расписной
Представился их изумленным взглядам;
Он поражал отделкой золотой
И ярко разукрашенным фасадом.
Турецкий стиль богат лишь пестротой,
Но где ж ему итти с искусством рядом!
Все виллы вдоль Босфора и дворцы—
Лишь ширм иль декораций образцы...

47.

Когда друзья к роскошному жилищу
Приблизились, их сладко поразил
Отрадный запах яств. Почуяв пищу,
Жуан свое решенье отложил,
Подумав: «Путь себе потом прочищу!»
Голодному лишь запах пищи мил.
Британец произнес:—«Теперь нам нужен
Час отдыха и вкусный, сытный ужин».

48.

Советуют, чтоб убеждать людей—
На их рассудок действовать и страсти.
Последнее мне кажется верней—
Ведь ум ничьей не поддается власти.
Один оратор плачет, чтоб сильней
Подействовать; другой сулит напасти;
Желает всякий тронуть, убедить,
Но ни один не хочет кратким быть.

49.

Я твердо верю в силу убежденья
И красоты; порой полезна лесть,
Порою и угрозы; нет сомненья,
Что в золоте немало силы есть.
Но всё ж людей в такое умиленье
Ничто не в состоянии привесть,
В такой восторг, как сладкий звон к обеду,
Что славит плоти над душой победу.

50.

Хоть в Турции к обеду не звонят,
Но трапеза и там на первом плане...
Лакеи не стояли чинно в ряд,
И колокол не возвещал заране
О том, что стол накрыт; всё ж аромат
Дымящихся и сочных яств в Жуане
Будил неотразимый аппетит.
План мщенья был отложен и забыт.

51.

Их проводник уверенно и смело
Шел впереди. Несчастный и не знал,
Что жизнь его на волоске висела...
Остановив невольников, он стал
Стучаться в дом. Мгновенье пролетело—
С ворот глухих затворы сторож снял,
И их глазам представилася зала,
Что в роскоши восточной утопала.

52.

Я в описаньях силен, но о ней
Не стану говорить. Теперь так много
Туристов развелось, что их статей
Не перечесть. Мне с ними—не дорога:
Всё только описанья, но идей
Не требуйте от них, тем больше слога...
Природу мучают на все лады
«Поездки», «Рифмы», «Очерки», «Виды».

53.

Вдоль стен, почти недвижно, восседали
Сыны пророка, ноги под себя
Поджав. Иные в шахматы играли;
Другие, разговоров не любя,
Из мундштуков янтарных дым пускали;
Здесь спал один, свернувшись, как змея;
А там другой, об ужине мечтая,
К нему приготовлялся, ром глотая [48]).

54.

Ни толков, ни расспросов никаких
Не вызвало гяуров появленье;
Рассеянно оглядывали их,
И лиц не изменилось выраженье.
Так, мимоходом на коней лихих
Глядят, ценя их силы и сложенье.
Иные негру отдали поклон,
Но ни о чем расспрошен не был он.

55.

Оставив турок мирное собранье,
Невольников повел он за собой
По ряду пышных зал. Везде молчанье
Царило; только в комнате одной
Фонтана раздавалося журчанье [49]),
Да кое-где из-за портьер порой
Выглядывали женские головки,
Заслышав шум средь сонной обстановки.

56.

Довольно ламп вдоль стен горело в ряд,
Чтоб освещать их путь, но слишком мало,
Чтоб роскошь этих царственных палат
Во всем своем величьи выступала.
Тяжелою печалью я об'ят,
Когда передо мной пустая зала,
Где не видать кругом души живой...
Уныл ее торжественный покой!

57.

Близ скал седых, что злобно точат волны,
В пустыне иль в лесу—не страшно нам
Уединенье... Пусть они безмолвны,—
Простор и тишь душе отрадны там.
Но если мрака и молчанья полны
Палаты, где веселью светлый храм
Воздвигнут, тяжек этот вид унылый—
Они тогда сходны с немой могилой...

58.

Веселый ужин, ласки и привет,
Подруги милой образ идеальный,
Уютный уголок и—горя нет,
И час за часом мчится беспечально.
Эффектнее, конечно, яркий свет,
Что газ бросает в зале театральной.
Я ночь встречаю в мраке галерей,
Вот отчего тоска в душе моей!

59.

Бесцельны зодчих пышные затеи:
Чем больше зданье, тем виднее нам,
Как жалок человек. Зачем пигмеи
Соборы воздвигают к небесам?
К чему дворцы, чертоги, мавзолеи
И храмы с той поры, как пал Адам?
Как не умерит эти вожделенья
Разительный пример столпотворенья!..

60.

Нимродов Вавилон весь мир дивил
Богатствами и силой; величаво
Навуходоносор над ним царил,
Пока не стал пастись в тени дубравы;
Со львами там справлялся Даниил,
С Пирамом Физба увенчались славой,
И там жила, собой пленяя свет,
Семирамида, жертва злых клевет [50]).

61.

Все летописцы, злобною толпою,
Пристрастием к коню ее клеймят
(Любовь, как и религия, порою
Впадает в ересь!). Но такой разврат
Невероятен; жалкой клеветою
Я признаю нелепый этот взгляд.
Во мне ничто не поколеблет веры,
Что *скакунами* звались там *курьеры* [51]).

62.

Иной, пожалуй, скажет: «Вавилон—
Лишь миф пустой!» (Безверие—не чудо
В наш век). Но скептик будет обличен:
У нас есть доказательств верных груда:
Сэр Рич нашел, где был построен он,
И несколько камней привез оттуда;
К тому ж о нем есть в Библии рассказ,
А слово Библии—закон для нас.

63.

Пусть вспомнят те, что́ воздвигают зданья,
О радостях лишь думая земных,
Горация прелестное воззванье:
«Вы строите дворцы, а вас в живых
«Не будет скоро, жалкие созданья!»
Какою правдой дышет грустный стих,
Стих «Et sepulchri immemor struis domos»!
Нас манит жизнь, а смерти слышен голос.

64.

Невольников всё за собою вел
Их проводник. Об'ятый негой, сонный
Дворец молчал; вот с ними негр вошел
В созданье фей, покой уединенный,
Где роскоши воздвигнут был престол.
Природа созерцала удивленно
Красу и блеск в нем собранных вещей,
Не зная, как с искусством ладить ей.

65.

Навалены богатств там были горы,
А целый ряд покоев был таких...
Диваны красотой пленяли взоры;
Казалось, страшно даже сесть на них!
Ковров пестрели пышные узоры;
Любуясь рядом тканей дорогих,
Хотелось, чтобы их не смять ногою,
По ним скользить, став рыбкой золотою.

66.

Но этот блеск не изумлял ничуть
Проводника, тогда как от волненья
У спутников его вздымалась грудь;
Они неслись на крыльях вдохновенья,
Как будто бы под ними млечный путь,
Весь в звездах, расстилался. В углубленьи
Одной из стен виднелся шкаф большой.
(Вы видите его, читатель мой?

67.

А если нет, я неповинен в этом).
Негр отпер шкаф; в нем был нарядов склад,
Что разнились и формою, и цветом;
Надеть их всякий турок был бы рад,
Чтобы блеснуть изящным туалетом.
Хоть выбор был роскошен и богат,
Но всё же для гяуров негр угрюмый
По вкусу своему избрал костюмы.

68.

Британцу он наряд богатый дал:
Широкий плащ, как носят кандиоты,
И пышные шальвары; шаль достал
Тончайшего узора и работы,
Прибавив туфли и большой кинжал,
Чеканенный, с обильем позолоты.
Британец в одеянии таком
Вполне поспорить мог с турецким львом...

69.

На них глядя внушительно и строго,
Баба̀, их проводник, себе дал труд
Им об'яснить, как ждет их выгод много,
Когда они безропотно пойдут
Судьбою предуказанной дорогой;
Своим он долгом счел прибавить тут,
Что, согласись они на обрезанье—
Похвал их удостоят и вниманья.

70.

Он так окончил речь:—«Я был бы рад
«В вас видеть мусульман, но принужденья
«Не пустят в ход, чтоб вы святой обряд
«Свершили над собой».—Благодаренье
Воздав ему за то, что знать хотят
Об этакой безделице их мненье,
Британец, чтоб смиренье заявить,
Турецкие порядки стал хвалить.

71.

Он к этому прибавил, что питает
К обычаям похвальным мусульман
Большое уваженье, и желает,
Чтоб для ответа срок ему был дан;
Принять он предложенье полагает,
Поужинав.—«О, срам!» вскричал Жуан.
«Возможно ль стать посмешищем для света!
«Скорей умру, чем соглашусь на это...

72.

«Скорее голову я дам отсечь!»
Британец возразил:—«Еще два слова,
«Ведь я еще свою не кончил речь».
Тут к евнуху он обратился снова:
— «Поем сперва, затем пойду прилечь...
«Решусь ли обратиться к жизни новой,
«Потом скажу; но все ж надеюсь я,
«Что принуждать не станете меня».

73.

— «И вам переодеться будет надо»,
Сказал Жуану евнух и такой
Достал наряд, что было бы отрадой
Его надеть красавице любой;
Жуан же оттолкнул его с досадой
Своею христианскою ногой
И так одеться отказался прямо,
Сказав: «Почтенный старец, я—не дама».

74.

— «Какой ваш пол», с рассерженным лицом
Ответил негр, «мне это всё едино;
«Но всё же я поставлю на своем».
— «Какая же», спросил Жуан, «причина
«Такой проделки? Что вам толку в том,
«Что женщиной нарядится мужчина?»
— «Немного потерпите, и затем
«Поймете всё; а я останусь нем».

75.

— «Я требую!» сказал Жуан нахально.
— «Прошу», заметил негр, «умерить пыл.
«Такая смелость, может быть, похвальна,
«Но для борьбы у вас не хватит сил;
«Она для вас окончится печально».
— «Что ж, с платьем я свой пол не изменил!»
Воскликнул тот.—«Коль к мерам я тяжелым
«Прибегну, вы совсем проститесь с полом.

76.

«Я пышный предлагаю вам костюм;
«Что женский он, конечно, видно разом;
«Но есть на то причина. Крик и шум
«Напрасны,—пусть же в вас проснется разум».
Жуан стоял и мрачен, и угрюм.
— «Но что ж я должен делать с этим газом?»
Так он честил,—жестокие слова,—
Тончайшие на свете кружева.

77.

Затем Жуан шальвары цвета тела
Надел, ворча и не скрывая гнев;
Свой легкий стан, рубашкой скрытый белой,
Он поясом стянул невинных дев.
Вперед успешно подвигалось дело,
Но юбка подвела: ее надев,
Он оступился, в складках утопая...
Неловкость извинительна такая!

78.

Жуан, сердясь, урок свой первый брал,
Как одеваться женщиною; ясно,
Что всех уловок дамских он не знал.
Когда же наступал момент опасный,
Баба́ ему усердно помогал,
Чтоб с модою всё шло вполне согласно;
Сам платье на Жуана он надел,
Затем наряд с вниманьем осмотрел.

79.

Всё было хорошо, но вот досада:
Прическа дамы требует волос,
Жуан же был острижен; но из склада
Баба́ достал запас фальшивых кос;
Пригладив их душистою по́мадой,
Убрать Жуана дамой удалось.
Прическа, что и так красой пленяла,
С алмазами еще роскошней стала.

80.

Посредством ножниц, щипчиков, белил
Жуана совершилось превращенье,—
На девушку вполне он походил.
Баба̀ сказал, исполнен восхищенья:
— «За мной идите, сударь... Ах, забыл,
«Сударыня... Возможно ли сомненье?»
Тут хлопнул он рукой, и в тот же миг
Четыре негра стали возле них...

81.

— «Вас ужин ждет. Вот стража для надзора»,
Британцу так Баба̀ сказал. «А вы
«За мной идите, робкая сеньора,
«Но выкинуть прошу из головы
«Пустую блажь,—я не терплю задора.
«Не опасайтесь, здесь не рыщут львы.
«Здесь во дворце мы; а для мудрых это
«Есть предваренье рая Магомета.

82.

«Не бойтесь: зла вам сделать не хотят».
— «Тем лучше», был ответ: «я за обиду
«Отмстить сумею. Тот не будет рад,
«Кто оскорбит меня. Я слаб лишь с виду.
«Теперь я тих; но если мой наряд
«В обман введет, я из терпенья выйду
«И защитить свою сумею честь.
«Поверьте мне, моя опасна месть!»

83.

Когда Баба̀ дал снова приказанье
Итти за ним, Жуан прощаться стал
С товарищем. Глядя на одеянье,
Что юноше вид женщины давал,
Тот скрыть улыбку был не в состояньи.
— «Здесь край чудес!» ему Жуан сказал.
«Мы взяты в рабство черным чародеем:
«Я девой стал, а вы—турецким беем...

84.

«Прощайте!»—«Если встретимся опять»,
Ответил тот, «хоть я пойду налево,
«Направо вы,—о многом рассказать
«Придется нам. Безропотно, без гнева
«Судьбы веленья надо принимать.
«Но сохраните честь, хоть пала Ева!»
—«Меня не соблазнит и сам султан,
«Руки не предложив», сказал Жуан.

85.

Расстаться для друзей пора настала.
По анфиладе зал и галерей
Баба́ провел Жуана. У портала,
Что поражал массивностью своей,
Они остановились. Всё дышало
Здесь святостью и миром алтарей;
Везде носились волны фимиама.
Они, казалось, были возле храма.

86.

Портал-колосс, украшенный резьбой,
Весь вылит был из бронзы позлащенной;
На нем изображался лютый бой:
Здесь победитель шел, там побежденный
Лежал в пыли, и пленных за собой
Вел триумфатор. Эры отдаленной,
Когда Востоком кесарь управлял,
Созданьем был роскошный тот портал.

87.

В конце он помещался пышной залы...
Как бы служа контрастом тем дверям,
Два карлика, уродства идеалы,
Стояли на часах по их бокам.
Так жалкие пигмеи были малы,
Что их никто б и не заметил там,—
Портал, что возле них стоял стеною,
Их подавлял своей величиною.

88.

Кто наступал на них почти совсем,
Тот только мог, с невольным отвращеньем,
Их разглядеть черты. К уродам тем
Все относились с злобой и презреньем;
К тому ж из них был каждый глух и нем,
И цвет их лиц был всех цветов смешеньем.
Границ не знало безобразье их,
Зато и денег стоило больших.

89.

Они большою обладали силой.
Держать всегда те двери под замком—
Их главною обязанностью было;
Но отворять им было нипочем
Гарема дверь, что плавно так скользила,
Как плавен стих у Роджерса. Притом
И казни ими тайно совершались:
Для этих дел всегда немые брались!

90.

Им знаки заменяли разговор.
Когда Баба́ пред ними появился
И приказал скорее снять затвор,
Так на Жуана злобно устремился
Чудовищ крохотных змеиный взор,
Что он невольно струсил и смутился.
Казалось, им в удел достался дар
Опутывать людей посредством чар.

91.

Немало дал Жуану наставлений
Баба́ пред тем, как подойти к дверям:
—«Не делайте порывистых движений,
«Старайтесь подражать походке дам;
«Когда мы не рассеем подозрений,
«Живыми не уйти отсюда нам;
«Примите вид взволнованный и томный,
«Как это долг велит девице скромной.

92.

«Остерегайтесь карликов: их взор
«Пронижет вас; он бдителен и зорок;
«В обман ввести старайтесь их надзор,
«Коль только солнца свет вам мил и дорог;
«Не то—в мешке забросят нас в Босфор
«И никаких не примут отговорок;
«Таков обычай местный—и как раз
«Без лодки в даль угонят волны нас» [52]).

93.

С таким напутствием Жуана ввел он
В покой, что убран был еще пышней,
Чем прочие. Он был настолько полон
Невероятной роскоши затей,
Что юноша, когда туда вошел он,
Не знал, на что глядеть. Игра камней
Сливалася везде с сияньем злата;
Всё было там слепительно богато.

94.

В дворцах Востока роскошь колет глаз,
Но никогда она там не являлась
В соединеньи с вкусом. Мне не раз
На западе бывать в дворцах случалось—
И там безвкусье поражало вас,
Хоть менее богатства замечалось.
Нет средства перечислить, сколько в них
Картин и статуй видел я плохих.

95.

В той комнате, об'ятой полумраком,
Султанша восседала, на диван
Облокотясь. Предупрежденный знаком,
Пред нею на колени пал Жуан,
Что до поклонов вовсе не был лаком.
Его смущали нравы этих стран.
Перед султаншей также евнух черный
Упал во прах, склонив главу покорно.

96.

Венерой, расстающейся с волной,
Она восстала, их окинув взглядом,
Что затмевал и блеском, и красой
Сокровища, разбросанные рядом.
Махнув надменно евнуху рукой,
Пленявшей нежной прелестью и складом,
Она его к себе подозвала.
Как лунный свет рука ее бела!

97.

Он, край ее пурпурового платья
Поцеловав, шептаться с нею стал.
Красы ее не в силах описать я;
И лучше так: мой стих бы ослеплял;
Словами невозможно дать понятья
О совершенстве. Светлый идеал
Пусть нарисует вам воображенье;
Мое искусство терпит пораженье.

98.

Хоть с ней давно простилася весна
(Лет двадцать-шесть ей в это время было),
Но всё ж она была красы полна;
Иных и лет не побеждает сила,—
Над временем им свыше власть дана.
Шотландская Мария сохранила
Красу весь век, и время не могло
Умалить блеск Нинoны де Ланкло.

99.

С величием царицы, приказанье
Прислужницам султанша отдала.
Всех одинако было одеянье,
Жуан по платью был из их числа.
Казалось так невинно их собранье,
Что каждую из них бы взять могла
Себе в подруги чистая Диана;
Но не скрывал ли этот вид обмана?

100.

Прислужницы, почтительный поклон
Отдав Гюльбее, скрылися толпою,
Но не в ту дверь, в которую введен
Был Дон-Жуан. Богатством и красою
Чудесной залы восхищался он.
Мне жалок тот, кто, полный лишь собою,
Не признает ничьих законных прав,
Nil admirari—лозунгом избрав.

101.

«Коль ищете вы счастья,—удивленье
«Гоните прочь!» Вот Мэррея совет
И Крича; но слова их—повторенье:
Гораций, вдохновением согрет,
Давно распространял такое мненье;
Поп то же говорит; но если б свет
Не делал мощным гениям оваций,
Не пел бы Поп, безмолвствовал Гораций.

102.

Когда ушли прислужницы, Баба
Согнуть колени вновь велел Жуану
И приложиться, с подлостью раба,
К ее ноге; но словно истукану
Он говорил.—«Грустна моя судьба!»
Вскричал Жуан во гневе, «но не стану
«Ни перед кем достоинства ронять:
«Лишь папе туфлю можно целовать».

103.

Баба, конечно, дерзостью ответа
Был возмущен и петлю посулил;
Но пред самой невестой Магомета
Жуан бы ни за что не уронил
Достоинства. Законам этикета
Подвластны все; их свет всегда ценил;
Они не для одной среды придворной,—
И в захолустьях люди им покорны.

104.

От бешенства сверкал Жуана взор;
Кастильских предков дух в нем пробудился;
Унизиться считал он за позор
И с армией скорее бы сразился,
Чем уступил. Признав напрасным спор,
Баба уступку сделать согласился,
И для того, чтоб сразу кончить бой,
Придумал ногу заменить рукой.

105.

Успехом увенчалось предложенье:
Не поступил бы лучше дипломат.
Тут с евнухом, не медля, в соглашенье
Вступил Жуан, что был условью рад.
Он молвил:—«Всякой даме уваженье
«Оказывать приличья нам велят,
«И мы всегда—так принято уж это—
«Подходим к ручке дамы для привета».

106.

И вот Жуан, не торопясь ничуть,
К руке султанши подошел небрежно;
Навряд касался он когда-нибудь
Такой руки породистой [53]) и нежной.
Восторженно устами к ней прильнуть
Желал бы всякий. Ручки белоснежной
Над смертными неотразима власть:
Коснешься к ней—и в сердце дышит страсть.

107.

Гюльбея, юношу окинув взглядом,
Велела гордо негру скрыться с глаз,
Баба привык к безмолвным ретирадам
И, понимая все без лишних фраз,
Шепнул Жуану с ней остаться рядом
И не бояться. Выслушав приказ,
Собой довольный, евнух вышел смело,
Как будто совершил благое дело.

108.

Лишь вышел евнух, в миг она покой
Утратила, волнением об'ята;
Кровь прилила багряною струей
К ее лицу. Так яркий луч заката
На облака, вечернею порой,
Бросает отблеск пурпура и злата.
Огонь сверкнул в ее глазах больших:
И страсть, и властность смешивались в них.

109.

Ее краса была неоспорима,
Но сатана с ней, верно, сходен был,
Когда он принял образ херувима,
Чтоб Еву обольстить, и тем открыл
Неправды путь, столь смертными любимый...
В ней гордость охлаждала сердца пыл;
Рабы могли итти за нею следом,
Но рабства гнет ей был самой неведом.

110.

Во всех ее поступках и словах
Гордыня проявлять себя умела;
Все пред Гюльбеей падали во прах;
На шее цепь у всякого висела
В присутствии ее; но разве страх—
Надежная опора? Можно тело
Поработить, но дух свое возьмет:
Он лишь одну свободу признает.

111.

Ее улыбка, что красой пленяла,
Была высокомерия полна;
Приветствие ее—и то дышало
Надменностью; ни перед кем она
Своей главы покорно не склоняла;
Обычаю восточному верна,
За поясом она кинжал носила
(С такой женой мне б трудно ладить было!).

112.

Она не знала удержу ни в чем.
Пред волею ее благоговея,
Толпа рабов старалась лишь о том,
Чтобы ее малейшая затея
Исполнена была. Таким путем—
Будь только христианкою Гюльбея—
Открыли б для нее—я убежден—
И вечного движения закон.

113.

Богатства ей безумно расточались
И прихотям ее платили дань;
Ей деньги никогда в расчет не брались:
Чего б ни пожелала, все достань!
Но всё ж охотно ей повиновались,
Хотя она и деспотизма грань
Переступала; женщины, порою,
Мирились с ним, но не с ее красою.

114.

Нечаянно Жуана увидав,
Она его немедленно велела
Купить. Баба, что подл был и лукав,
С охотою взялся за это дело,—
Могла ль она обуздывать свой нрав?
Но хитрый негр свой план обдумал зрело,
И для того, чтоб лучше скрыть обман,
Девицей был наряжен Дон-Жуан.

115.

Возможно ли такое приключенье?
Вы странностью его поражены;
Но вами возбужденные сомненья
Султанши сами разрешить должны.
Скажите, разве редкое явленье—
Обманутый монарх? В глазах жены
Он только муж, каких на свете много,
И всё идет обычною дорогой.

116.

Таких примеров горестных полна
История. Но вновь вернусь к рассказу.
Гюльбея в том была убеждена,
Что всё пойдет, как будто по заказу;
Ведь юношу приобрела она
И думала, что ей удастся сразу
Его простым вопросом победить:
«Христианин, умеешь ли любить?»

117.

Могло б так быть; но образ сердцу милый
Еще Жуан носил в груди своей:
Он не забыл Гайдэ, и с новой силой
Ему сдавила сердце мысль о ней;
Он вспомнил нежной девы лик унылый,
Ее любовь, и—снега стал белей.
Как бы пронзенный острыми стрелами,
Он залился горючими слезами.

118.

Такие слезы грудь на части рвут;
Их горечь отравляет хуже яда...
Они свинцом расплавленным текут.
Чтоб слезы лил мужчина, сердце надо
И жизнь его разбить... Те слезы жгут...
А в них и облегченье, и отрада
Для женщин: мук они смывают след,—
Для нас же беспощадней пытки нет!

119.

Она его утешить бы хотела,
Но как—совсем не знала... С юных лет
Она с рабами лишь имела дело,
Встречая только ласку и привет.
Пред нею проявляться скорбь не смела,
Ей и во сне не представлялось бед:
Лелеяли ее лишь счастья грезы—
И вдруг, пред нею проливались слезы!

120.

Но женщина сердечную печаль
Всегда не прочь утешить, и кручина
В ней будит сострадание. Едва ль
Одну найдешь, которой сердце—льдина.
Гюльбее Дон-Жуана стало жаль.
Хоть непонятна ей была причина
Его рыданий, ими смущена,—
Невольно вдруг заплакала она!

121.

Но свет не знает вечного мученья,
И, как всему, есть и слезам предел.
Жуан унял душевное волненье
И смело на Гюльбею посмотрел.
В глазах исчез последний луч смятенья;
Хоть он пред красотой благоговел,
Но всё ж не мог переносить без боли
Сознанья, что он—жертва злой неволи...

122.

Гюльбее приходилось в первый раз
Встречать отпор. Она весь век внимала
Лишь лести и мольбам; ее приказ
Законом был, и всё пред ней дрожало;
Ей жизни стоить мог блаженства час...
И что ж? Ее опасность не смущала,
А время уносилось без следа,
Не принося желанного плода.

123.

Здесь ваше обращаю я вниманье
На то, что в взглядах Север и Восток
Расходятся: для нежного признанья
На Севере дается дольше срок;
А там одна минута колебанья
Иль замедленья—пагубный порок:
Мгновенно там должна рождаться страстность,
Иль осрамиться вам грозит опасность.

124.

Жуан бы не ударил в грязь лицом,
Но о Гайдэ он думал, и страданье
Другие чувства заглушало в нем;
Гюльбею он оставил без вниманья;
Его ж своим считала должником
Султанша за опасное свиданье.
То вспыхивая, то как смерть бледна,
Стояла рядом с юношей она.

125.

Затем она дрожащею рукой
Его схватила руку, страстный взор
Бросая на него с немой мольбою;
Просила ласк, но встретила отпор.
Подавлена душевною борьбою,
Она сдержала гнев, и лишь укор
Сверкнул в очах; но страсть в ней бушевала,
И вот она в его об'ятья пала.

126.

Настал момент опасный; но Жуан
Был защищен броней сердечной боли
И гордости; он выпрямил свой стан
И вырвался из плена; против воли
Гюльбею усадил он на диван
И так сказал:—«Когда орел в неволе,
«Не ищет он подруги, скорбь тая;
«Разврату дань платить не буду я!..

127.

«Умею ль я любить, ты знать хотела?
«Суди о том, как чту любви закон,
«Коль страсть твоя мне сердца не согрела!
«Я—раб; наряд мой жалок и смешон;
«Любовь лишь для свободных; если тело
«Поработить порою может трон,
«Заставить ползать, сдерживая страсти,
«Всё ж он над сердцем не имеет власти».

128.

Жуан сказал лишь правду; но границ
Гюльбеи своеволие не знало.
По ней, лишь для царей и для цариц,
Для их утех земля существовала.
Могли ль пред нею не склоняться ниц
Рабы, когда она повелевала?
Легитимизм до выводов таких
Доводит всех сторонников своих.

129.

К тому ж ее природа наделила
Такой красой, что, нищей будь она—
Бесспорно бы над смертными царила,
Поклонников толпой окружена...
Такой красы неотразима сила,
А ей и власть была в удел дана:
Венец царицы украшал Гюльбею!
Кто ж мог не преклоняться перед нею?

130.

О юноши! Прошу припомнить вас,
Как необуздан гнев старухи страстной,
Просившей ласк и встретивший отказ:
Нет мстительницы более опасной—
О том вы, верно, слышали не раз!
Гюльбея же была вполне прекрасной;
Что ж чувствовать красавица могла,
Когда на зов ответа не нашла?

131.

Припомните, как поступила строго
Пентефрия супруга, Федры месть
Иль лэди Буби [54]): жаль лишь, что немного
В истории таких примеров есть.
На этот счет уроки педагога
Немало пользы могут вам принесть.
Опасен женский гнев; не в силах дать я
О бешенстве Гюльбеи вам понятья.

132.

Ужасен гнев тигрицы, коль у ней
Детенышей возьмут; но без сравненья
Бывает ярость женщины сильней,
Что привести не может в исполненье
Облюбленных желаний и затей!
Терять детей—тяжелое мученье;
Утрату же возможности иметь
Их в будущем—еще трудней стерпеть.

133.

Страсть к размноженью—вот закон природы;
Она присуща уткам, тиграм, львам;
Все размножать хотят свои породы.
Вы знаете ли детские? И там
Ужасный визг детей! В младые годы
Их вечный крик отраден матерям.
Что ж, этот факт наглядно подтверждает,
Как сильно чувство, что́ его рождает...

134.

Сказал бы я, что молнии метал
Гюльбеи взор, но в этом толку мало:
В ее очах всегда огонь сверкал!
Сказал бы, что лицо ее пылало,—
Но этим бы понятья я не дал
О том, как сильно кровь в ней бушевала...
Пред ней впервые не склонялись ниц,
За то и гнев ее не знал границ!

135.

Ужасный гнев продлился лишь мгновенье,
А то ее наверно б он убил;
Не может долго длиться исступленье;
Зловещий этот миг соединил
В ее душе все адские мученья;
Ревущий океан с ней сходен был,
Когда он точит скалы с злобой фурий;
Она ж была одушевленной бурей.

136.

Такую ярость с вспышкой не сравнить,
Как ураган—с дыханием зефира;
Всё ж не луну хотелось ей схватить,
Как Хотспэру бессмертного Шекспира...
Хотелось ей «убить, убить, убить!»
(Припомните слова седого Лира).
Но пыл ее, в конце концов, угас,
И слезы градом хлынули из глаз.

137.

Грозой в ней гнев проснулся и грозою
Без слов пронесся мимо. Женский стыд
Впервые пробудился в ней рекою,
Что́ прорвала плотину и шумит;
Ее он душу наводнил собою.
Невыносима боль таких обид...
Хоть раны их и жгучи, и глубоки,
Полезны и царям порой уроки...

138.

Они напоминают им про связь,
Что́ сочетает смертных, и понятье
Дают о том, что человек—не грязь,
Хоть сотворен из праха, и что братья
И урна, и горшок; что, нарядясь
В красивое и дорогое платье,
От участи всеобщей не уйдешь...
Как иногда такой урок хорош!

139.

Сперва ей мысль пришла убить Жуана,
Затем в себе любовь к нему убить,
Затем узнать, кто он, какого сана,
Затем насмешками его сломить,
Затем улечься спать, хоть было рано,
Затем кинжалом грудь себе пронзить—
Затем дать порку негру, в знак привета;
Но лишь слезами кончилось всё это.

140.

Убить себя хотелось ей с тоски,
Да под боком она кинжал носила,
А на Востоке ткани так легки,
Что в миг один ее бы сталь пронзила.
Убить Жуана было б ей с руки,
И что ж?—она решенье изменила:
Ведь средство плохо, что ни говорить,
Снять голову, чтоб сердце победить.

141.

Жуан был сильно тронут; с горькой долей
Мирился он и в том был убежден,
Что света дня уж не увидит боле
И что в мученьях жизнь окончит он.
Он согрешил бы лишь по доброй воле;
Ее лишь признавая как закон,
Он презрел бы и пытки, и угрозы;
Но женщины его смутили слезы...

142.

Он потерял решимость и, во всем
Себя виня, отказу стал дивиться
(Но почему—не знаю). Он о том
Стал думать, как бы с нею помириться.
Жалел он, что пошел таким путем,
Как инок, что́ обетом тяготится,
Иль женщина замужеством своим.
Сдержать обет тогда возможно ль им?

143.

Он смутно бормотать стал извиненья,
Но в этих обстоятельствах слова—
Пустые звуки, чуждые значенья;
Поэзия—и та свои права
Утратила б в подобном положеньи.
Гюльбея стала таять; но едва
Клониться к примиренью стало дело,
Вошел Баба́, смущенно и несмело.

144.

— «Подруга солнца и сестра планет»,
Так евнух ей сказал, потупя взоры,
«Перед тобой склоняется весь свет,
«Светил и тех тебе послушны хоры.
«От солнца я тебе несу привет,
«Оно само появится здесь скоро.
«Как светлый луч, я послан им вперед...
«Надеюсь, своевремен мой приход».

145.

Она сказала:—«На его сиянье
«Лишь завтра мне хотелось бы взглянуть.
«Ну, что ж, зови альмей; пусть их собранье
«Вокруг меня блестит, как млечный путь;
«А ты, гяур, коль есть в тебе желанье
«Проступок свой загладить чем-нибудь,
«Устройся так, чтоб между ними скрыться,—
«Султан идет, и надо торопиться»...

146.

Дворец, что́ был как будто пуст и нем,
Вдруг ожил, облитой горячим светом!
Явились одалиски и затем
Все евнухи, согласно с этикетом,—
Султан, когда свой посещал гарем,
Заранее предупреждал об этом.
Гюльбея, как последняя жена,
Трем остальным была предпочтена.

147.

Султан был строг и вид имел надменный;
Не брился он и не снимал чалмы;
Крамолой возведенный в сан священный,
На трон вступил он прямо из тюрьмы.
Он смертный был вполне обыкновенный.
(Да в Турции назвать не можем мы
Ни одного великого султана,
За исключеньем разве Солимана) [55]).

148.

С «восточной точностью» он соблюдал
Обряды почитателей Пророка;
Визирь же государством управлял,—
В занятиях султан не видел прока.
Всегда ли мир домашний он вкушал,
Мы не узнаем: у владык Востока
Две пары жен и десять сотен дев
Смирней любой из наших королев.

149.

Они идут указанной дорогой.
Когда ж порой случается грешок,
О преступленьи говорят не много:
Скрывают тайну море и мешок.
Хоть там не существует прессы строгой,
Безжалостно бичуется порок;
Напрасно будет он искать защиты,—
И грех наказан, да и рыбы сыты.

150.

Что месяц—шар, султан был убежден;
Но о земле он был иного мненья.
Могуществом своим гордился он,
Хоть сам не ведал, где его владенья;
Восстаньями порой бывал смущен,
Но их считал лишенными значенья,—
Ведь никогда с тех пор, как он царил,
До «Семи Башен» враг не доходил.

151.

В ту крепость лишь порою попадали
Посланники воюющих держав
За то, что много лишнего болтали,
Не признавая Порты веских прав;
Их мерами крутыми приучали
Свой сдерживать неукротимый нрав;
Сажали их в твердыню «Семи Башен»
Для прекращенья всяких смут и шашен.

152.

Султан отцом громадной был семьи;
Десятками детей его считали;
Принцесс в дворцах держали взаперти
До свадьбы; за пашей их выдавали;
Иных венчали даже лет шести.
Вы этому поверите едва ли;
Но важная на то причина есть:
Богатый дар обязан зять принесть.

153.

Там принцев крови незавидна доля:
Они свой век влачат в тюрьме глухой;
Что́ ждет их—трон, веревка иль неволя—
Про то известно лишь судьбе одной;
Их ничему не учат; лень—их холя;
И если взвесить, то из них любой
(Так хороша им пройденная школа)
Равно достоин петли иль престола.

154.

Войдя, его величество султан
Приветствовал жену с церемоньялом,
Что́ требовал ее высокий сан.
Она к нему, с радушьем небывалым,
Пошла навстречу. Ласкою обман
Жена желает скрыть. Ей покрывалом
Притворство служит. Грешная жена
Всегда к супругу нежности полна.

155.

Султан окинул взглядом всё собранье
И на Жуана, в сонме юных жен,
Невольно обратил свое вниманье;
Он этим видом не был поражен,
Но у Гюльбеи замерло дыханье.
«Я вижу», так жене заметил он,
«Что у тебя есть новая служанка;
«Мне жаль, что так красива христианка!»

156.

Султана необычная хвала
Как громом всё собранье поразила
И взоры всех к Жуану привлекла;
Любезность эта и его смутила:
Чем дочь гяура в честь попасть могла?
Волненье всех невольно охватило,
И если б не придворный этикет,
Гарем бы поднял шум, сомненья нет.

157.

Отчасти турки делают прекрасно,
Что держат взаперти своих супруг;
Свобода там для женщины опасна,
Где яркие лучи бросает Юг;
На Севере так поступать напрасно:
Там каждый смертный нравственности друг
И бел, как снег; но жгучие отравы,
Что́ Юг вливает в жилы, губят нравы.

158.

Вот почему Восток неумолим
И бедных женщин держит в черном теле;
Свобода даже и не снится им;
Там цепи брака—цепи в самом деле.
Таких воззрений вред неоспорим;
Гарем своей не достигает цели,
И многоженство этому виной,—
Ну, то ли дело жить с одной женой!

159.

Здесь отдохнуть немного я намерен.
Хоть бодр еще и силен мой Пегас,
Но правилам эпическим я верен,
И якоря бросает мой рассказ.
Хоть эта песнь прекрасна, я уверен,—
Шестая будет лучше в десять раз.
Порой вздремнуть случалось и Гомеру,
И я его последую примеру.

Перевел с английского
П. А. Козлов.

ПРИМЕЧАНИЯ*)

К странице 23.

[1]) Лекисты (иначе—„озерная школа“)—группа поэтов (Уордсуорт, Кольридж, Саути и др.), противников ложноклассицизма.

К странице 24.

[2]) Уордсуорт служит, кажется, в таможенном ведомстве—а может быть, и в акцизном—и, кроме того, за столом у лорда Лонсдэля, где этот поэтический шарлатан и политический паразит с закоренелым рвением подбирает крошки; ибо раскаявшийся якобинец давно уже превратился в шутовского сикофанта во имя худших предрассудков аристократии.—*Б.*

К странице 25.

[3]) „Бледен, но не как труп“:—Говорят, что обе старшие дочери Мильтона похищали у него книги, обманывали и притесняли его в домашних делах и т. д. Как отец и как человек науки, он должен был крайне болезненно воспринимать подобные оскорбления. Хэйли сравнивает его с Лиром. См. W. Hayley (или Hailey, как значится в лежащем передо мной издании), Жизнь Мильтона, часть третья.—*Б.*

[4]) Роберт Стюарт, виконт Каслри, маркиз Лондондерри (1769—1822)—министр иностранных дел (с 1812 г.), приверженец реакционной политики.

[5]) Или—

„Он стал бы нанятым Лауреатом,
Презренным, купленным Искариотом?“

Я не уверен, хорошая ли рифма „Лауреатом“ и „Искариотом,“ но должен сказать, как Бен Джонсон Сильвестеру, который предложил ему найти рифму на:

Я, Джон Сильвестер,
Сплю с вашею сестрой.

Джонсон ответил: „Я, Бен Джонсон, сплю с вашею женой“. Сильвестер возразил: „Это не рифма.“—„Нет“, сказал Бен Джонсон; „но это *правда*“.—*Б.*

---

*) Примечания, помеченные буквой „Б“, принадлежат Байрону, помеченные инициалами „П. К.“—переводчику поэмы П. А. Козлову, остальные—редакции настоящего издания.

К странице 26.

[6]) Об Евтропии, евнухе и министре при дворе Аркадия, см. у Гиббона.—*Б.*

К странице 27.

[7]) Цвета вигов.

[8]) Мною имеется в виду не предатель граф Юлиан, герой нашего друга Лэндора, но герой Гиббона, обычно именуемый „Отступником".—*Б.*

К странице 30.

[9]) Профессор Фенэгль, изобретатель мнемонической системы, читал в 1811 г. лекции в Королевском Институте.

К странице 31.

[10]) Непереводимая натяжка еврейского слова: *Я (Бог) есмь* с английским: God damn—*П. К.*

К странице 32.

[11]) „Description des *vertus incomparables* de l'huile de Macassar". См. об'явление.—*Б.*

К странице 38.

[12]) См. Лонгин, Раздел 10-й: „ἵνα μὴ ἓν τι περὶ αὐτὴν πάθος φαίνηται, παθῶν δὲ σύνοδος".—*Б.*

К странице 39.

[13]) Факт! Существует, или было, издание, где, в конце, полностью приведены все предосудительные эпиграммы Марциала.—*Б.*

[14]) См. его Исповедь, кн. I, гл. IX. Судя по тому, каким святой Августин описывает себя в молодые годы, видно, что он был настоящим сорванцом. Он боялся школы, как чумы; он любил только игры и зрелища; он воровал у своего отца все, что мог; он измышлял всевозможную ложь, чтобы уклоняться от розог, к которым приходилось прибегать для наказания его проступков.—*Б.*

К странице 44.

[15]) Подробности способа Св. Антония усмирять горячую кровь холодом см. в „Житиях Святых" мистера Альбэна Бэтлера.—*Б.*

К странице 50.

[16]) „Gertrude of Wyoming" Кэмпбеля (кажется) — начало Песни Второй; но я цитирую на память.—*Б.*

К странице 61.

[17]) Дэви—изобретатель лампы, при помощи которой можно безопасно работать в рудниках.—*П. К.*

К странице 65.

[18]) Испанский кортехо—то же самое, что итальянский cavalier servente.—*Б.*

[19]) Здесь донна Юлия ошиблась. Граф О'Рельи не взял Алжира, но Алжир едва не взял его: он сам, его войско и флот отступили, с большими потерями и малой славой, от этого города в 1775 г.—*Б.*

К странице 75.

[20]) Гёрней—известный парламентский стенограф той эпохи.—*П. К.*

К странице 81.

[21]) Покинув Англию, Байрон одно время жил на берегу Бренты.—*П. К.*

К странице 82.

[22]) Me nec femina, nec puer
Jam, nec spes animi credula mutui,
Nec certare juvat mero;
Nec vincire novis tempora floribus. *Hor., Od. IV, I, 30.—Б*

К странице 85.

[23]) Fazzioli—дословно, носовые платочки—пленительные вуали Святого Марка.—*Б.*

К странице 116.

[24]) Нус—греческое слово: расчетливость.—*П. К.*

К странице 141.

[25]) Первая жена Мильтона убежала от него в первый месяц после свадьбы. Если бы она не убежала, что стал бы делать Джон Мильтон?—*Б.*

К странице 150.

[26]) „Rispose allor Margutte: a dirtel tosto,
Io non credo più al nero ch'all' azzurro;
Ma nel cappone, o lesso, o vuogli arrosto,
E credo alcuna volta anche nel burro;
Nella cervogia, e quando io n' ho nel mosto,
E molto più nell' aspro che il mangurro;
Ma sopra tutto nel buon vino ho fede,
E credo che sia salvo chi gli crede".

Pulci, „*Morgante Maggiore*", canto 18, st. 151.—*Б.*

К странице 156.

[27]) Это мавританская одежда, и браслеты на руках и на ногах носятся, как здесь описано. Как читатель увидит далее, мать Гайдэ была родом из Феца, и дочь ее носила платье этой страны.—*Б.*

К странице 157.

[28]) Золотой браслет вокруг щиколотки служит знаком державного сана у женщин, принадлежащих к родам деев, и, как таковой, носится их родственницами.—*Б.*

[29]) Это не преувеличение: я видел четырех женщин, обладавших такими обильными волосами; трое из них были англичанки, и одна—левантинка. У них были такие длинные и густые волосы, что, рас-

пущенные, они почти совсем закрывали их, делая почти излишним платье. Только у одной из них волосы были темные; у левантинки они были, пожалуй, всего светлее.—*Б.*

К странице 161.

[30]) Анакреон.—*П. К.*

[31]) Гомер.—*П. К.*

[32]) Предполагают, что μακάρων νῆσοι греческих поэтов—это Острова Зеленого Мыса или Канарские.—*Б.*

К странице 167.

[33]) Джэк Кэд—крайне грубый бунтовщик, действующее лицо в „Генрихе VI" Шекспира.—*П. К.*

[34]) Ахитофель—герой сатирической поэмы Драйдена.—*П. К.*

[35]) „Питер Бэль"—поэма Уордсуорта.—*П. К.*

К странице 169.

[36]) Ἔσπερε πάντα φέρεις,
Φέρεις οἶνον—φέρεις αἶγα,
Φέρεις ματέρι παῖδα".
Сафо.—*Б.*

[37]) Era già l'ora che volge il disio
Ai naviganti, e intenerisce il cuore;
Lo di ch'han detto ai dolci amici addio;
E che lo nuovo peregrin d'amore
Punge, se ode squilla di lontano,
Che paia il giorno pianger che si more.
Dante, „Чистилище", песнь VIII.

Последними двумя стихами начинается „Элегия" Грея; они взяты без его ведома.—*Б.*

[38]) Об этом см. у Светония.—*Б.*

К странице 184.

[39]) Черный чай.—*П. К.*

К странице 185.

[40]) Это довольно обычное следствие сильной борьбы противоречивых страстей. Дож Франческо Фоскари, низложенный в 1457 году, услышав звон колоколов Св. Марка, возвещавший избрание его преемника „mourut subitement d'une hémorragie causée par une veine qui s'éclata dans sa poitrine", восьмидесяти лет от роду, когда „кто бы мог думать, что у старика так много крови?" (Макбет, д. V, сц. I). Когда мне не было еще шестнадцати лет, я был свидетелем печального примера такого же влияния смешанных страстей на одну молодую особу, которая хотя и не умерла тогда от этого, но несколько лет спустя пала жертвой такого же удара, порожденного причинами, тесно связанными с душевным возбуждением.—*Б.*

К странице 191.

[41]) Это факт. Несколько лет тому назад некто ангажировал актеров в один иностранный театр, посадил их на корабль в итальянской

гавани, отвез их в Алжир и там всех продал. Одну из актрис, вернувшуюся из неволи, я слышал, по странному совпадению, в опере Россини „Итальянка в Алжире", в Венеции, в начале 1817 года.—*Б.*

К странице 192.

[42]) Любопытно, что главными поощрителями этого промысла являются Папа и Султан, ибо женщины не допускаются певчими в собор св. Петра и считаются незаслуживающими доверия в качестве стражей гарема.—*Б.*

К странице 196.

[43]) Столп, воздвигнутый в воспоминание Равеннской битвы, стоит в двух милях от города, по ту сторону реки, на пути к Форли. Гастон де Фуа, выигравший сражение, был в нем убит; с обеих сторон пало двадцать тысяч человек. Теперешнее состояние столпа и окрестной местности описано в тексте.—*Б.*

К странице 202.

[44]) «Могила Великана»—возвышенность на азиатском берегу Босфора, излюбленное место для праздничных прогулок; как Харро и Хайгет.—*Б.*

К странице 208.

[45]) См. Плутарх, Alex.; Q. Curt., Hist. Alexand.; и Sir Richard Clayton, Critical Inquiry into the Life of Alexander the Great, 1763.—*Б.*

К странице 209.

[46]) Упоминаемое убийство имело место 8 декабря 1820 г. на улицах Равенны, менее чем в ста шагах от дома автора. Обстоятельства его описаны здесь.—*Б.*

К странице 211.

[47]) Так называются легкие и изящные лодки, плещущиеся у константинопольских набережных.—*Б.*

К странице 214.

[48]) В Турции нет ничего обычнее среди мусульман, чем выпивать по нескольку стаканов крепких напитков для возбуждения аппетита. Мне случалось видеть, как они пили по шести стаканов раки перед обедом, при чем клялись, что от этого только лучше едят: я сделал этот опыт, но со мной случилось то же, что с одним шотландцем, который, услышав, что морские чайки отлично возбуждают аппетит, с'ел шесть штук и потом жаловался, что „не стал голоднее, чем был".—*Б.*

[49]) Обычное украшение. Я вспоминаю, как меня принял Али-паша в большом покое, мощеном мрамором, с мраморным бассейном, посредине которого бил фонтан, и т. д., и т. д.—*Б.*

К странице 216.

[50]) Вавилон был расширен Нимродом, укреплен и украшен Навуходоносором и перестроен Семирамидой.—*Б.*

[51]) Намек на процесс королевы Каролины, которую обвиняли в любовной связи с ее курьером Бергами.—*П. К.*

К странице 224.

[52]) Несколько лет тому назад жена Мухтара-паши пожаловалась его отцу на то, что его сын будто бы ей неверен; тот спросил—с кем, и она имела жестокость дать ему список двенадцати красивейших женщин в Янине. Их схватили, завязали в мешки и утопили в озере в ту же ночь. Один из присутствовавших при этом стражей сообщил мне, что ни одна из жертв даже не крикнула и ничем не выказала страха перед таким внезапным „отлучением от всего, что мы знаем, от всего, что мы любим".—*Б.*

К странице 227.

[53]) Ничто так не доказывает знатность происхождения, как красота руки. Это почти единственная особенность, которая по рождению передается аристократией.—*Б.*

К странице 233.

[54]) Лэди Буби — героиня романа Фильдинга: „Джозеф Эндрюс". — *П. К.*

К странице 237.

[55]) Следует отметить, что Бэкон, в своем очерке о „Власти", указывает, будто бы Солиман был последним в роде; на каком основании, не знаю. Вот его слова: „Убийство Мустафы было столь роковым для рода Солимана, что преемники его, вплоть до наших дней, признаются сомнительными и чуждой крови; потому что Селим Второй считался подложным". Но Бэкон часто неточен в своих исторических утверждениях. Я могу привести с полдюжины примеров из одних его Апофтегм.—*Б.*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

„Дон-Жуан“ Байрона.—Критико-биографический очерк *А. Смирнова* 23
Посвящение 28
Песнь первая 84
Песнь вторая 139
Песнь третья 171
Песнь четвертая 201
Песнь пятая 241
Примечания 241

Оптовая продажа

В ТОРГОВОМ СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1) Москва, Ильинка, Биржевая пл., уг. Богоявленского пр., № 4.

2) Петербург, Проспект 25 Октября, № 28.

Розничная продажа:

1) В магазинах Госиздата. и в других книжных магазинах.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНГЛИЯ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

БАЙРОНА

LORD GEORGE GORDON BYRON

1788—1824

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Л. ЛОЗИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

ДОН-ЖУАН

ПЕРЕВОД П. А. КОЗЛОВА
ВСТУП. СТАТЬЯ А. А. СМИРНОВА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕТЕРБУРГ MCMXXIII—МОСКВА.

Отпечатано 6.000 экз.
в Тип. „Коминтерна“
Гиз. № 3338 Главл. 458
Петербург.

ДОН-ЖУАН

DON-JUAN

(1818—1823)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕСНЯМ VI, VII и VIII

Подробности осады Измаила в двух из нижеследующих песен (т. е. в VII и VIII) взяты из французской книги—„Histoire de la Nouvelle Russie". Некоторые эпизоды из приключений Дон-Жуана происходили в действительности, как, например, спасение малютки. Это случилось с покойным герцогом Ришелье, в то время юным волонтером на русской службе, а позже основателем и благодетелем Одессы, где его имя и память всегда будут окружены почетом.

Одна или две строфы в этих песнях относятся к покойному маркизу Лондондери [1]); но они были написаны за несколько времени до его смерти. Если бы олигархия маркиза умерла вместе с ним, я бы выпустил эти строфы; но я не вижу в обстоятельствах его смерти или его жизни ничего такого, что должно помешать свободному выражению общего мнения всех, порабощение которых составляло цель всей его жизни. Может быть, в частной жизни он был милым человеком, может быть, и нет; но до этого обществу нет дела. Оплакивать же его смерть будет достаточно времени, когда Ирландия перестанет скорбеть о его рождении. Что касается его деятельности, как министра, то я, вместе со многими миллионами людей, считал его самым деспотичным в своих замыслах и самым слабым по уму из всех когда-либо властвовавших тиранов. Действительно, впервые со времени норманнов Англия терпела оскорбления от министра, не умевшего даже говорить по-английски, и парламент подчинялся приказам, отданным на языке Шериданов ской м-сс Малапроп.

О смерти его можно только сказать, что если бы какой-нибудь несчастный радикал, как, например, Уадингтон или Уатсон, перерезал себе горло, то его бы просто зарыли на перекрестке, вбив в его могилу кол. Но министр был изящным безумцем — чувствительным самоубийцей; он только перерезал себе сонную артерию (да будет благословенна ученость!), и вот—пышные похороны! и Вестминстерское аббатство! и скорбные стенания газет, и хвалебная речь коронера над окровавленным телом умершего (Антоний, достойный такого Цезаря), и тошнотворно-лицемерные речи низкой шайки заговорщиков против всего искреннего и честного. Смерть его была такова, что

[1]) Роберт Стюарт, виконт Каслри (1769—1822).

закон [1]) должен был считать его одним из двух—или преступником, или сумасшедшим, — и в том, и в другом случае панегирики ему были неуместны. В жизни своей он был—тем, что все знают и что половина мира будет чувствовать еще много лет, если только его смерть не послужит уроком для оставшихся в живых европейских Сеянов. Утешительно, по крайней мере, что угнетатели народов не всегда счастливы и что в некоторых случаях они сами осуждают свои дела, предвосхищая приговор человечества. Забудем об этом человеке; и пусть Ирландия извлечет прах своего Гратана из Вестминстерского святилища. Неужели патриот человечества должен покоиться рядом с Вертером политики!!!

Что касается до другого рода возражений, вызванных уже изданными песнями настоящей поэмы, то я удовольствуюсь двумя цитатами из Вольтера: — „Целомудрие покинуло сердца и приютилось на устах"... „Чем более падают нравы, тем сдержаннее становятся выражения: люди надеются возместить скромностью речи утрату добродетели".

Эти слова вполне применимы к низким лицемерам, отравляющим современное английское общество, и это единственный ответ, которого они заслуживают. Избитая и щедро расточаемая кличка богохульника, вместе с кличками радикала, либерала, якобинца, реформера и т. д., которыми продажные писаки прозвонили уши всем, кому не лень слушать, должны быть приятны тем, кто помнит, к кому они первоначально применялись. Сократ и Иисус Христос были всенародно казнены за богохульство, и вслед за ними были и будут осуждаемы за ту же вину многие, осмелившиеся восстать против попрания имени Господня и насилия над человеческими чувствами. Но преследование не есть опровержение, ни даже торжество: „несчастный еретик", как его называют, вероятно, счастливее в своей тюрьме, чем самый надменный из его преследователей. Я не касаюсь его убеждений— они могут быть верны или ложны, но он за них страдал, и самое страдание во имя совести привлечет больше прозелитов деизму, чем пример иноверных прелатов — поборников христианству, чем самоубийство государственных деятелей — приверженцев насилию, чем преуспевание человекоубийц — сторонников безбожному союзу, который оскорбляет мир, присвоив себе название „Священного". Я вовсе не хочу попирать обесчещенных или мертвых людей; но было бы хорошо, если бы представители классов, из которых эти люди вышли, несколько умерили свое ханжество; оно составляет самое позорное пятно нашего неискреннего, лживого времени себялюбивых хищников и... но я кончаю на этот раз [2]).

---

[1]) Я имею в виду закон государства—законы человечества судят мягче; но так как у законников на устах всегда закон, пусть они в этом случае применят его, как могут.—*Б.*

[2]) См. статью А. А. Смирнова о „Дон-Жуане" при первой части поэмы, изд. „Всемирной Литературы", П. 1922.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1.

«Минуты есть прилива и отлива
«В делах людей»—так говорит Шекспир.
Воспользуйся минутою счастливой—
И жизнь ты превратишь в роскошный пир;
Но пропустить ее подчас не диво...
Сознаться надо, странно создан мир:
Один конец имеет лишь значенье;
Где думаешь погибнуть, там—спасенье.

2.

Приливы и отливы тоже есть
В делах и жизни женщин. Это—море,
Которого течений и не счесть;
У Бёме нет таких фантасмагорий.
Мужчиной правят воля, ум и честь,
А женщина с рассудком часто в ссоре;
Она лишь сердцу щедро платит дань;
Кто прихотям ее укажет грань?..

3.

Красавица, что́ жертвовать готова
Вселенной, троном, жизнью, чтобы пасть
К любимому в об'ятья, что́ оковы
Не признает и верит только в страсть,—
Опасна всем: ее всесильны ковы;
С ней демона сравниться может власть,
Коль демон есть; кто, дело с ней имея,
Не превратится тотчас в манихея?

4.

Не раз страдал от честолюбцев свет,
И сокрушались троны и державы;
Когда же страсть—причина тяжких бед,
Мы ей простить готовы пир кровавый;
Не множеством воинственных побед
Достиг Антоний вековечной славы:
Проигранный для Клеопатры бой
Деянья Цезаря затмил собой.

5.

Мне жаль, что сорок лет тогда ей было;
Да и Антоний был довольно стар.
Любовь лишь в цвете лет—восторг и сила;
Ценой всех царств ее не купишь чар,
Как молодость пройдет. Я отдал милой,
За неименьем царств, бесценный дар:
Я отдал ей все грезы первой страсти;
Их воскресить, увы, не в нашей власти!

6.

Дар юности так примется ль от нас,
Как лепта от вдовицы—неизвестно;
Но всё скажу, что без любви прикрас
На свете было б холодно и тесно.
«Бог есть любовь»,—твердили нам не раз,
Но и любовь ведь тоже бог прелестный;
По крайней мере им она была,
Когда земля не знала слез и зла.

7.

Оставил я в опасном положеньи
Героя, хоть совсем не жалок он.
Запретный плод вкушать ведь наслажденье,
Но горе, коль проступок уличен:
Султаны не имеют снисхожденья
К таким грехам... Не так судил Катон:
Прославленный герой любезно другу
На время уступил свою супругу.

8.

Я не могу Гюльбею не хулить,
Хотя б хула сулила мне напасти;
Но я привык лишь правду говорить.
Гюльбеи ум был слаб, а сильны страсти;
И вот она решилась изменить;
Где к мужу нет любви, там мало власти;
Притом и жен имел он целый сад,
А лет ему считалось шестьдесят.

9.

Коль вычисленье я себе позволю,
Плачевны будут выводы мои:
Султан был стар, а жен имел он вволю;
Понятно, доказательства любви
Не часто выпадали им на долю...
Так плохо жить, когда огонь в крови.
Гюльбея щедро страсти дань платила,
А сердцу постоянство только мило.

10.

В любви у женщин нрав неукротим;
Ревниво защищать свои владенья
Они всегда готовы. Горько им
Сносить такой позор, как нарушенье
Их веских прав, и уступать другим
Хоть часть того, что́ в их распоряженьи.
Невыносима боль таких обид,
И женщина всегда за них отмстит.

11.

Востоку тоже не легко измены
Переносить; нередко жены там
Из ревности готовы делать сцены
Не в меру расходившимся мужьям.
Конечно, нет у них такой арены
Для действий, как у христианских дам,
Но всё ж их страсти сильны и глубоки...
Кровавых драм немало на Востоке.

12.

Гюльбею больше всех из жен своих
Любил султан; но было ль ей приятно
С ним ложе разделять в числе других?
Мне многоженство просто непонятно;
Немало от него последствий злых,
Не говоря о скуке необ'ятной,
Что́ порождает горечь вечных смут.
С одной женой и то справляться труд...

13.

Великий падишах... (Подобострастно
К монархам относиться всякий рад;
Пред ними преклоняются безгласно,
Пока червяк, голодный демократ,
Их в корм не обратит). С улыбкой страстной
Султан, любовью пламенной об'ят,
Приблизился к Гюльбее. Он за это
Ждал от нее «шотландского привета» [1]).

14.

Но здесь оговорюсь я: дело в том,
Что ласкам можем верить не всегда мы,—
В них часто ложь. Со шляпой иль чепцом,
Что́ в виде украшенья носят дамы,
Они сходны; ведь сбросить нипочем
Убор, имеющий значенье рамы:
Он к голове нисколько не пришит;
Так и при ласках сердце часто спит.

15.

Стыда румянец, трепет сладострастья,
Что́ женщина готова скрыть скорей,
Чем выказать невольный вздох участья—
Вот признаки любви; их нет верней;
Для женщины тогда свиданье—счастье;
Кривить душой тогда к чему же ей?
Для истинной любви всегда опасность—
Излишняя холодность, также страстность...

16.

Притворный пыл на скользкий путь ведет;
Но если жар излишний и неложен,
Не может длиться он,—всегда расчет
На чувственность и плох, и ненадежен.
Такого капитала переход
В другие руки с легкостью возможен
При малой скидке. Также неумны
Те женщины, что́ слишком холодны.

17.

Холодности нас сердит вид унылый;
Кто не лелеет светлую мечту—
Забросить искру страсти в сердце милой,
Воспламенить любовью красоту
И кровью теплою наполнить жилы
Любовницы Франциска! «Medio tu
«Tutissimus ibis»—так гласит Гораций;
Его слова—девиз любви всех наций.

18.

Здесь слово «tu» излишне, но мой стих
Нуждался в нем, и, не имея права,
Его вклеил я:—вышла из плохих,
С гекзаметром вставным, моя октава.
Просодия не признает таких
Погрешностей; они стиху—отрава...
Но всё ж в цитате нравственный урок;
Читателю пойти он может впрок.

19.

Гюльбея ловко справилась с задачей.
Успех венчает дело; нужен он
В любви, как в туалете; всё—в удаче!
Увы, неправде мир воздвигнул трон!
Лгут дамы; нам же поступать иначе
Порой нельзя. Но всем любовь—закон;
Страсть к размноженью нас весь век тревожит,
И в нас ее убить лишь голод может...

20.

Итак, пусть спят султанша и султан.
Кровать—не трон; им может сладко спаться.
Но на яву как горестен обман,
Где мы мечтали жизнью наслаждаться!..
Житейских неудач тяжел из'ян;
Нам легче с крупными порой справляться,
Чем с мелкими, что, падая подряд,
Как капли камень, душу нам долбят.

21.

Сварливая жена; упрямый с детства
Ребенок-неслух; конь, что захромал;
Жидовский долг, что заплатить нет средства;
Шалун капризный; пес, что болен стал;
Старуха, что лишила нас наследства,
Другим отдав желанный капитал—
Всё это вздор; но можно ль без страданья
Переносить такие испытанья?

22.

Людей, скотов, а также векселя
Я отправляю к чорту, как философ;
Конечно, исключаю женщин я
Из этих добровольных чорту взносов.
В мечты погружена душа моя;
Но что душа и мысль?—таких вопросов
Не разрешить,—их смысл сокрыт для всех,—
И их отправить к чорту бы не грех.

23.

Всё проклинать я из'явил согласье.
Но что мои проклятья?—звук пустой;
Анафема святого Афанасья—
Вот образец, как попирать ногой
Лежачего врага... Читал не раз я
С глубоким умиленьем труд святой;
В молитвенниках всех творенье это—
Горит, как радуга во время лета.

24.

Заснул султан, но не его жена...
Как тяжелы для жен преступных ночи!
Их страсть томит, они не знают сна,
И света ждут усталые их очи...
А ночь всё длится, призраков полна,
Которых отогнать—увы! нет мочи;
Они лежат в жару, боясь к тому ж,
Чтоб не проснулся нелюбимый муж...

25.

Ни мягкий пух подушки белоснежной,
Ни балдахин из ткани дорогой
От муки не спасают неизбежной,
Когда проснется страсти роковой
В груди жены преступной пыл мятежный.
Как трудно ей тогда владеть собой!..
Супружество, конечно, лотерея,
И в этом вам живой пример Гюльбея.

26.

Вот удалиться всем сигнал был дан.
Красавицы, поклон отвесив низкий,
Направились к сералю. Дон-Жуан,
К ним, как известно, по одежде близкий,
Пошел в гарем, как приказал султан.
Безмолвно удалились одалиски [2]),
А жажда страсти их вздымала грудь...
Так птичка в клетке к воле ищет путь.

27.

Калигула—что за злодей, о Боже!—
Жалел, что не с одною головой
Весь мир, чтоб отрубить ее... Я тоже,
Как он, томился странною мечтой
В другом лишь роде (был я помоложе):
Желал я, чтобы женщин светлый рой
Имел одни уста, чтоб в упоеньи
Расцеловать их всех в одно мгновенье.

28.

Завидую тебе, о Бриарей,
Коль у тебя так разных членов много,
Как рук и глав; но всё женой твоей
Не суждено моей быть Музе строгой,—
Женою стать Титана страшно ей,—
К тому ж нам в Патагонью не дорога...
Итак, примуся снова за рассказ
И к лилипутам вновь верну я вас.

29.

Жуан оставил царские палаты
И двинулся с толпою юных жен
К гарему, сладким трепетом об'ятый.
Конечно, рисковал немало он...
(Ведь за бесчестье в Турции нет платы,
Лишь в Англии таксирован закон!).
Жуан, забыв опасность, страстным взглядом
Впиваться стал в альмей, с ним шедших рядом.

30.

Но роли он не забывал своей.
В сопровожденьи евнухов, толпою
По анфиладе зал и галерей
Шли чинно одалиски. За собою
Начальница вела их. Перед ней
Дрожал гарем. За нравов чистотою
Ей наблюдать был строгий дан приказ.
Она в гареме «матерью» звалась.

31.

«Мать дев» в дворце султана—титул лестный
(Де Тотт и Кантемир вам указать
На это могут); всё ж мне неизвестно,
Была ль старуха в самом деле мать
И было ли притом вполне уместно
Названье дев девицам тем давать.
Старуха их держала в черном теле,
Чтобы они пошаливать не смели.

32.

Нетрудно было ей исполнить долг,—
Затворы помогали ей, и стены,
И евнухов усердных целый полк.
Коль нет мужчин, возможны ли измены?
Тогда в таком надзоре есть ли толк?
В гареме дни неслись без перемены.
В Италии так в кельях жизнь течет;
Для страсти там всего один исход.

33.

Какой же?—Благочестье с чистотою...
Нескромны вы, такой вопрос задав.
Я продолжаю. Тихою стопою
Альмеи шли, свой сдерживая нрав;
Так лилии уносятся рекою.
Но ведь река быстра, и я неправ:
Они шли тихо. С озером, что немо,
Сходнее было шествие гарема.

34.

Когда они к себе домой пришли
И стража скрылась,—как мальчишки в школе,
Как волны, что плотину унесли,
Как птички, как безумные на воле,
Как жены, что свободу обрели,
Иль как ирландцы на базарном поле,—
Они все разом, словно сговорясь,
Запели вдруг, танцуя и смеясь.

35.

Конечно, занялись все без из'ятья
Подругой новой. Толки любит свет:
Нашли они, что не к лицу ей платье,
Что у нее бесспорно вкуса нет,
А о серьгах, как видно, нет понятья;
Не всем она казалась в цвете лет;
Решили, что она мужского роста
И лучше бы ей быть мужчиной просто.

36.

Однако же все согласились в том,
Что новая пришелица прекрасна;
Что в Грузии [3]) красивее лицом
Отыскивать невольницу напрасно;
Смешно вводить таких красавиц в дом—
То может для Гюльбеи быть опасно:
В султане к ней остыть ведь может страсть;
Тогда другой он даст любовь и власть.

37.

Всего странней, что, осмотрев подругу,
Ее не разнесли и в пух, и в прах;
Такого беспристрастия в заслугу
Нельзя не ставить им. Во всех странах
Несправедливы женщины друг к другу;
На то причины: ревность, зависть, страх...
Красивых лиц они не переносят
И красоту всегда, везде поносят.

38.

Гарем, что на хвалы не тратил слов,
Себе позволил сделать исключенье;
Но верно есть симпатия полов,—
К Жуану непонятное влеченье
Я об'яснить таким путем готов.
Что́ эта сила: вражье наважденье
Иль магнетизм?.. Предмет мне незнаком,
И спора я не подниму о том.

39.

Симпатией их грудь была об'ята
К подруге юной. Нежной чистотой
Была их дружба новая богата;
Иным хотелось звать ее сестрой;
Другим хотелось бы в ней видеть брата,
С которым там, в стране своей родной,
Они могли бы жить, не зная страха,
Счастливей, чем в серале Падишаха.

40.

Из юных жен, что помещал гарем,
Она троим понравилась всех боле
И головы вскружила им совсем:
Дуду роскошной, Катеньке и Лоле.
Краса в удел досталася им всем,
Но даже в незначительнейшей доле
Никто бы сходства в них найти не мог;
Лишь дружбы пыл сойтися им помог.

41.

Смугла и горяча, как индианка,
Казалась Лола. В Катеньке собой
Пленяла ножка, гордая осанка
И глазок голубых огонь живой,
Что для любви услада и приманка.
Ей Грузия была родной страной.
В Дуду дышали лень и сладострастье...
Кто не нашел бы с ней восторгов счастья!

42.

С Венерою заснувшею сходна
Была Дуду; но всякий, я уверен,
Любуясь ей, лишиться мог бы сна.
Красе античной тип ее был верен.
Быть может, чересчур была полна
Дуду, но всё ж я вовсе не намерен
Ее хулить и право бы не мог
В ней отыскать какой-нибудь порок.

43.

В ней не было большого оживленья,
Но так чарует майский небосклон;
В ее лице читалося томленье,
И блеск очей был негой умягчен.
На ум пришло мне новое сравненье:
Со статуей, что создал Пигмальон,
Когда в ней жизнь впервые закипела,
Мою Дуду могу сравнить я смело.

44.

—«А как», спросила Лола, «звать тебя?»
—«Жуанною».—«Как мило имя это!»
—«Откуда ты?» сказала Катя.—«Я—
«Испанка».—«Но в какой же части света
«Испания?»—«О, милая моя,
«На твой вопрос позорно ждать ответа!
«Испания—то остров, что лежит
«Близ Африки. Того не ведать—стыд!»

45.

В невежестве так Катю укоряла
Язвительная Лола. Томных глаз
Дуду с Жуанны милой не спускала;
Рукой ей кудри гладила не раз,
Играя, молча, тканью покрывала.
Притом вздыхать случалось ей подчас
По доброте—ей было жаль бедняжки,
Которой крест нести достался тяжкий.

46.

Начальница к девицам подошла.
—«Пойти на отдых нам теперь бы кстати»,
Она сказала. «Жаль, я не могла
«Для вас сегодня отыскать кровати.
«Конечно, завтра справлю все дела
(К Жуанне относилися слова те)...
«Но всё ж беде мне следует помочь,
«И с вами проведу я эту ночь».

47.

На это Лола молвила:—«Мамаша!
«Я в век не допущу, чтоб кто-нибудь
«Вас беспокоить стал: здоровье ваше
«Из слабых; не придется вам заснуть...
«Я лягу, так и быть, с подругой нашей;
«Сейчас же укажу ей к спальне путь».
Тут Катенька вдруг закричала:—«Что же
«И я готова разделить с ней ложе.

48.

«К тому же спать боюся я одна...
«Когда я в спальне, страх мне сердце гложет:
«Мне чудится, что комната полна
«Уродливых чертей; меня тревожит
«Их сонм; порой совсем не знаю сна...
«Заснуть подруга верно мне поможет».
—«Коль это так», старуха ей в ответ,
«Не спать Жуанне, в том сомненья нет!

49.

«Нет, не отправлю Лолу я с Жуанной»,
Сказала мать: «на то причины есть.
«У Катеньки привычки тоже странны,
«И всех ее причуд не перечесть...
«Дуду скромнее всех; с ней сон желанный
«Жуанне, я уверена, обресть!»
Дуду на то не молвила ни слова;
Она молчать всегда была готова.

50.

Дуду старуху чмокнула меж глаз,
А Катеньку и Лолу—в обе щеки;
Затем она, с подругами простясь,
С Жуанною ушла в покой далекий,
Где спал гарем. Старухи злой приказ,
Конечно, возбудить бы мог упреки
И юных жен неудержимый гнев,
Но строгостью смиряли пылких дев.

51.

Дуду с Жуанной очутились в «оде»,
Роскошной зале, где кроватей ряд
Стоял (то—спальня в русском переводе).
Во всех гаремах дамы вместе спят.
В гаремах я бывал, и что там в моде,
Я изучил и описать вам рад.
Всё в «оде» есть, что только дамам мило:
С Жуанною и лишнее там было.

52.

Дуду красой не поражала глаз,
Но прелести была неиз'яснимой
Она полна. Всё в ней пленяло вас,
Всё к ней влекло; никто пройти бы мимо
Не мог, красе подобной не дивясь.
Такая красота неуловима.
И с лиц таких порою средства нет
Художнику похожий снять портрет.

53.

Дуду собой ландшафт напоминала,
Где тишь и гладь видны со всех сторон.
Душевных бурь она совсем не знала.
Со счастьем сходен светлый сердца сон.
В страстях кипучих, верьте, толку мало:
Не раз встречал я в жизни бурных жен,
Не раз видал и бури на просторе;
И нахожу, что безопасней море.

54.

Дуду была задумчива порой,
Но не грустна (она серьезна с детства
Всегда была); порочною мечтою
Смутить ее едва ль нашлось бы средство.
Так мало занималася собой
Дуду, так мало было в ней кокетства,
Что, хоть семнадцать лет уж было ей,
Не сознавала красоты своей.

55.

Зато она была добром богата,
Как век, что называют золотым,
Хоть человек тогда не ведал злата
(Мы часто против логики грешим;
От non lucendo слово lucus взято),
Но принято, в наш век, путем таким
Всё затемнять. Так мненья наши шатки,
Что и для чорта в них одни загадки.

56.

Я думаю, что смертных жалкий род
Составлен из коринфского металла,
Который смесью разных был пород,
Но где, однако, медь преобладала.
Опять пустил я отступленье в ход.
Прости меня, читатель: я немало
Перед тобою грешен, но свой нрав
Я не сдержу, хотя б ты был и прав.

57.

Пора подумать снова о романе.
Итак, опять к рассказу перейду.
Подробно Дон-Жуану, иль Жуанне,
В гареме показала всё Дуду,
Не тратя слов, без похвалы, без брани.
Для молчаливой женщины найду
Сравненье, что быть может неудобно:
Она грозе без отзвуков подобна.

58.

Затем Дуду о нравах этих стран
Жуанне постаралась дать понятье.
(Всё у меня Жуанною Жуан:
Причина та, что он был в женском платье).
Сказала, как неумолим султан,
Как все должны в гареме, без из'ятья,
Невинности святой блюсти закон;
Тем бдительней надзор, чем больше жен.

59.

Всё рассказав своей подруге новой,
Дуду ее поцеловала. Что ж,
В том видеть ничего нельзя дурного;
Как поцелуй, когда он чист, хорош!
В лобзаньях дам нет смысла никакого;
В их поцелуях часто дышит ложь...
В стихах «лобзай» и «рай», конечно, рифмы,
Но в их союзе часто видим миф мы.

60.

Дуду перед подругою своей,
Чужда опаски, стала раздеваться.
Дышала в ней невинность детских дней;
Она, как дочь природы, заниматься
Собою не старалась. Редко ей
Пред зеркалом случалось оправляться.
Так, увидав себя в ручье, олень
Испуганно дубравы ищет сень.

61.

Дуду раздеть подругу предложила,
Но от нее услышала отказ,—
В стыдливости большая, верно, сила...
Что ж, ей самой пришлось на этот раз
Булавки вынимать; совсем не мило
Занятье, что страшит увечьем вас.
Себе Жуанна исколола руки,—
Булавки существуют лишь для муки.

62.

Они в ежа свободно превратят
Любую даму. Трудная задача
Бороться с ними; право, сущий ад
Их вынимать. Случится ль неудача—
И вовсе дело не пойдет на лад...
Не раз чесал я дам, об этом плача,
И им булавки всаживал туда,
Где это не проходит без следа.

63.

Мудрец глядит с презрением на это.
Но мудрствовать я сам не прочь порой
В науке я искал тепла и света,
Но не нашел я истины святой.
Как много есть вопросов без ответа!
Нам не проведать тайны роковой.
Откуда мы, что скажет нам могила?—
Вопросов тех неотразима сила.

64.

Гарем почил в немых об'ятьях сна.
Вдоль стен лампады теплились. В жилище
Султанских жен царила тишина.
Картины не создать милей и чище.
Коль духи есть, привычка их смешна
Тревожить лишь руины да кладбища;
Им выбрать бы, как сборище, гарем,—
Они свой вкус бы доказали тем.

65.

Та зала чудный сад напоминала,
Где всё благоухает и цветет;
Всех стран красавиц было там немало,—
Не трудно потерять им было б счет.
Одна с косой распущенной лежала,
Склонив главу; так ветку зрелый плод
Влечет к земле. Сквозь розовые губки,
Как жемчуга, ее сверкали зубки.

66.

Другая раскрасневшейся щекой
Покоилась на ручке белоснежной;
По лбу и груди черною волной
Ее катились локоны небрежно,
Она спала с улыбкой; так порой
Сквозь облако луна сияет нежно.
С нее покровы спали, и она
Покоилась полуобнажена.

67.

А третья, в сон погружена глубокий,
Вздыхала, и уныла, и бледна;
Ей снился край любимый и далекий,
Что навсегда утратила она.
Ее вздымалась грудь, и слез потоки
Текли из глаз, не прерывая сна;
Так темный кипарис в тени лучистой
Блестит, одет росою серебристой.

68.

Четвертая, как мрамора кусок,
Покоилась, об'ятая дремотой;
С ней сходен был застывший ручеек
Иль снег Альпийских гор. С женою Лота,
Что превратилась в соль, еще бы мог
Ее сравнить иль с статуей. Без счета
Сравненья сыплю я, и, может быть,
Одним из них сумел вам угодить.

69.

Гарем я представляю вам в портретах.
Вот пятая. Она «известных лет»,
Что в переводе значит просто: «в летах».
А в женщине мне мил весны расцвет;
Пора ж, где думать о таких предметах
Приходится, как о тщете сует
Иль о грехах прошедших,—безотрадна;
Мне даже вспоминать о них досадно.

70.

Дуду в то время кто опишет сны?
Они порой бывают крайне сложны;
В догадки мы пускаться не должны,—
Предположенья могут быть и ложны.
Но вот... среди полночной тишины,
Когда явленья призраков возможны,
Когда едва-едва горит ночник,—
На весь гарем Дуду раздался крик.

71.

Вся «ода» поднялась в мгновенье ока;
Все заметались, словно как в чаду.
Что́ вдруг могло так потрясти жестоко
Невинную и скромную Дуду?
Ее испуг всех изумил глубоко;
Я сам ему причины не найду.
Кругом сновали дамы, страха полны.
Так в море, в час ненастья, мчатся волны.

72.

На крик Дуду сбежалися толпой
Ее подруги. Очи их горели
От любопытства; полные красой,
Тела полунагие их белели.
Так метеор блестит во тьме ночной.
Дуду, дрожа, сидела на постели;
Ее лицо пылало, и в глазах,
Блуждавших дико, сказывался страх.

73.

Но шум, толпою дев произведенный,
Жуанны не рассеял крепкий сон:
Так муж храпит, когда с женой законной
Супружеское ложе делит он.
Невинностью дышал Жуанны сонной
Прелестный лик... Когда ж, со всех сторон,
Толпа ее будить насильно стала,
Она, зевая сладко, сон прервала.

74.

Строжайший начался тогда допрос;
Они, волнуясь, разом все кричали,
И за вопросом сыпался вопрос.
И умный, и дурак втупик бы стали,
Когда б на суд такой итти пришлось!
Дуду (то́ нужно об'яснять едва ли),
Не будучи «оратором, как Брут» [4]),
Не сразу изрекла, в чем дело тут.

75.

Вот наконец она, полна тревоги,
Сказала им, что страшный, темный лес
Приснился ей. (В таком лесу с дороги
Раз сбился Дант, в года, когда уж бес
Не силен и мы к нравственности строги,
Когда для женщин страсть теряет вес
И на признанье им наткнуться—чудо)...
В лесу густом плодов виднелась груда.

76.

Там, в самой чаще, яблоня росла
С большими золотистыми плодами..
До них она добраться не могла
И только пожирала их очами...
Тогда ей мысль внезапная пришла—
Околотить те яблоки камнями,
Чтоб хоть одно схватить... Но, как на грех,
Ее усилий не венчал успех.

77.

Она совсем терять надежду стала,
Как вдруг, непостижимо почему,
С высокой ветки яблоко упало
К ее ногам; но лишь она к нему
Нагнулася, пчелы ужасной жало
Вонзилось в сердце ей! Всю кутерьму
Наделал крик, что́ ею, против воли,
Был брошен от испуга и от боли!

78.

Дрожа и заминаясь, свой рассказ
Окончила Дуду. Сердилась «ода»...
Но ведь чинить допросы с сонных глаз—
Вы согласитесь—странная метода!
Мне были сновидения не раз
Поистине пророческого рода;
В наш трезвый век всегда об'яснены
«Забавным совпаденьем» эти сны.

79.

Узнав, что без причины вся тревога,
Ворчливо расходиться стал гарем,
А «мать», что́ сон без всякого предлога
Прервала—рассердилася совсем
И на Дуду накинулася строго.
Бедняжка же вздыхала между тем
И, чуть не плача, в том себя винила,
Что глупым криком «оду» разбудила.

80.

— «Не раз я на веку слыхала вздор,—
Сказала ей старуха,—но такого
«Не слыхивала я до этих пор.
«Всех беспокоить из-за сна пустого
«Про яблоко и про пчелу—позор!
«Ты нервами, должно быть, нездорова,
«И врач султана завтра скажет нам,
«Что за причина этим странным снам.

81.

«Жуанны сон нарушила ты сладкий;
«Она приют впервые здесь нашла...
«Понравятся ль такие ей порядки?
«За скромность всем тебя я предпочла,
«А у тебя какие-то припадки!
«Стыдись! Должно быть, ты с ума сошла!
«Чтоб сон Жуанны не тревожить боле,
«Теперь ее препоручу я Лоле».

82.

От радости заискрились глаза
У Лолы от такого предложенья,
А у Дуду стекла с щеки слеза
(От выговора или сновиденья),
И вот, надеясь, что пройдет гроза,
Она просила жалобно прощенья
За первую вину и поклялась,
Что во второй не провинится раз...

83.

Просила извинить то беспокойство,
Что́ причинил испуг ее пустой;
Прибавила, что нервное расстройство,
Постигшее ее, всему виной;
Но легкая болезнь такого свойства,
Что отдохнуть немного—час, другой—
И будет вновь она совсем здорова,
И никогда кричать не станет снова.

84.

Тут принялась подругу защищать
Жуанна и начальнице сказала,
Что ей с Дуду прекрасно было спать,
Что крик ее она и не слыхала,
Во время шума сон ее прервать
С трудом могли—то подтвердит вся зала;
Дуду не надо укорять за то,
Что ей приснился сон «mal à propos».

85.

Дуду, смутясь, ловила эти речи,
Припав на грудь к подруге молодой,
Чтоб скрыть лицо. Ее горели плечи
И шея от стыда. В саду весной
Так розаны алеют издалече!
Как об'яснить испуг ее пустой
И странную стыдливость—я не знаю:
Но я за верность фактов отвечаю.

86.

Итак, пускай их вновь лелеют сны!
Но уж петух пропел, и утро скоро.
Блестит на минаретах рог луны;
Алеют волны синего Босфора;
Вершины Кафских гор вдали видны;
Владенья курдов явственны для взора,
И, тихо пробираясь сквозь туман,
В далекий путь уходит караван.

87.

Когда лучи денницы заалели,
Гюльбея, не смыкавшая очей,
Вскочила, истомленная, с постели.
Есть басня, что влюбленный соловей,
Пронзенный в грудь, выделывает трели,
Вздыхая нежно о любви своей...
Но боль его бледнеет перед тою,
Что́ создается страстью и тоскою!

88.

Как видите, читатели, мораль
Всегда мной добросовестно воспета,
Но правды не дождусь от вас. Мне жаль,
Что вы готовы—чтоб не видеть света,
Закрыть глаза; от авторов едва ль
Я заслужу похвал. Понятно это:
Такая бездна расплодилась их,
Что им нет дела до трудов чужих.

89.

Хотя Гюльбеи было мягко ложе,
Но ей оно не даровало сна:
Любовь и гордость, грудь ее тревожа,
Боролись в ней... Расстроена, бледна,
На статую она была похожа...
Вот наскоро оделася она:
Такая мука сердце ей щемила,
Что в зеркало взглянуть она забыла.

90.

Султан, спустя немного, тоже встал...
Он и не знал границ своим владеньям,
Весь мусульманский мир пред ним дрожал,
А на него жена с пренебреженьем
Смотрела! Ей он ненавистен стал.
Но ненависть жены бледна значеньем
В стране, где муж имеет много жен;
Не то—где лишь с одною жить закон!..

91.

Султан, минутным прихотям послушный,
На тайны сердца холодно смотрел.
К любви он относился равнодушно,
И для того большой запас имел
Красивых жен, чтоб время шло не скучно,
Когда искал он отдыха от дел...
Но, впрочем, больше всех любя Гюльбею,
Он ласков был и даже нежен с нею.

92.

Когда султан был вымыт и одет,
Согласно с предписаньями Пророка,
Он выпил кофе и собрал совет:
Войну он вел с Россией и глубоко
Был опечален громом тех побед,
Которыми смущала сон Востока
Екатерина, чей державный дух
Затмил всех повелителей и шлюх.

93.

Законный внук прославленной царицы!
Пусть этот стих тебя не оскорбит;
Ведь в наши дни и в дальние столицы
Поэзия свободная летит
И зажигает яркие зарницы
Везде, где море Вольности шумит,
Грозя порою и Балтийским льдинам—
Но всё равно; будь чьим угодно сыном.

94.

Сказать, что кто-нибудь в грехе прижит,
Что мать его, как антипод Тимона,
Любила всех на свете,—это стыд
И пасквиль; но, на троне иль без трона,
Наш предок прошлому принадлежит;
И если бабушка во время оно
Грешила, отвечать мы не должны
За темные деянья старины.

95.

Когда б царица русская с султаном
Свой интерес умели соблюдать
(Но это редко свойственно тиранам),
Они могли бы мира благодать
Легко вернуть своим враждебным странам:
Они должны бы лишь отставку дать—
Царица гвардии, султан грузинкам,
И кончить дело мирным поединком.

96.

Султан, что день, то собирал совет,
От недугов страны ища лекарство.
Царица, женственней которой нет,
В конец его всё расшатала царство;
Он растерялся от ее побед
И проходил чрез всякие мытарства,
Глубоко сожалея, что не мог
Придумать хоть один еще налог.

97.

Гюльбея, чтобы скрыть свое волненье
И безотрадным думам дать отпор,
В свой кабинет, приют для наслажденья,
Ушла... В нем всё пленяло сладко взор:
Здесь искрились редчайшие каменья;
Там многоцветный виделся фарфор,
И, пленные любимцы женщин пленных,
Цветы дышали в вазах драгоценных.

98.

И мрамор, и порфир блестели в ней;
В просторных клетках птички щебетали;
Цветные стекла блеск денных лучей,
Таинственно сияя, умеряли.
Не описать всех роскоши затей,
Что уголок волшебный наполняли,
А потому прошу вообразить—
Что я пером не мог изобразить.

99.

Желая знать, что сталося с Жуаном,
К себе Баба Гюльбея позвала.
С тех пор, как он замечен был султаном,
Удачно ли поведены дела,
И суждено ль ее заветным планам
Осуществиться? Для нее была,
Конечно, интереснейшей—проблема,
Как ночь провел Жуан в стенах гарема.

100.

Ее вопросы падали, как град,
На евнуха: их затруднился б счесть я!
Пред ней стоял, смущением об'ят,
Баба, слуга порока и нечестья.
В глаза бросалось, что он скрыть бы рад
Какие-то тревожные известья...
Сконфуженно чесал затылок он,
Как всякий, кто взволнован и смущен.

101.

В удел Гюльбее не далось терпенье:
Всегда ее желанье или спрос
Мгновенно приводились в исполненье...
И что же?—Вдруг ответа ждать пришлось!
Чем более росло Баба смущенье,
Она тем строже делала допрос.
Вся покраснев от вспыхнувшей в ней крови,
Она сидела, грозно хмуря брови...

102.

Лукавый негр, предчувствуя беду,
Просил ее не гневаться; признался,
Что Дон-Жуан поручен был Дуду;
Всё к лучшему устроить он старался—
И этого не мог иметь в виду...
Кораном и святым верблюдом клялся,
Что он не виноват в беде такой
И безупречно долг исполнил свой!

103.

Жуан был вверен строгому надзору
Смотрительницы. Евнух сожалел,
Что, по ее вине, так много вздору
Нежданно вышло;—права не имел
Он посещать гарем в ночную пору.
К тому же, если б только он посмел
Начальнице перечить, без сомненья—
Проснуться в ней могли бы подозренья.

104.

Но всё ж Баба был твердо убежден,
Что Дон-Жуан держал себя примерно...
А иначе в мешок попал бы он!
Кто побежит навстречу смерти верной?
Однако, про Дуду тревожный сон
В теченье ночи евнух лицемерный
Гюльбее не решился рассказать:
В огонь зачем же масло подливать?

105.

Баба не умолкал, но только даром
Лились его слащавые слова:
Она его не слушала. Пожаром
В ней пробудилась страсть; она едва
Дышала, пораженная ударом;
Как вихрь, ее кружилась голова,
Холодный пот—роса сердечной муки—
Ей орошал и бледный лоб, и руки.

106.

Хотя была энергии полна
Султанша, всё же евнуху казалось,
Что в обморок она упасть должна...
Ее лицо от муки искажалось;
В конвульсиях томилася она.
Иным не раз испытывать случалось
Такое чувство от нежданных бед,
Но дать о нем понятье—средства нет.

107.

Как Пифия в минуту вдохновенья,
Она стояла. Грудь ее рвалась
На части от тяжелого мученья;
В глазах, блуждавших дико, пламень гас...
Но стало проходить оцепененье—
И вот, без силы на диван склонясь,
Она главу, что злая скорбь томила,
Беспомощно в колени схоронила.

108.

Лицо скрывали пряди длинных кос,
Что падали на мраморные плиты,
Как ветви ивы. Страшен сердца гроз
Стремительный порыв! От муки скрытой
Вздымалась грудь ее... Так на утес
Несутся волны, пеною покрыты;
Разбившись, в даль стремится бурный вал
И вновь, шумя, бежит к подножью скал!

109.

Коса ее, вуалию густою,
Ее лицо и наклоненный стан
Скрывала, на пол падая волною.
Ее рука держалась за диван,
Напоминая мрамор белизною...
Перо—не кисть... О, если б мне был дан
Художника талант, а не поэта!
Как хороша картина вышла б эта!

110.

Баба, что нрав ее вполне постиг,
Стоял, храня упорное молчанье;
Он, устрашась грозы, совсем притих.
Гюльбее стало легче; замиранье,
Давившее ей грудь, продлилось миг,
И стало утихать ее страданье,
Но гневом искрились еще глаза.
Так в море—стон, хоть пронеслась гроза.

111.

По комнате Гюльбея заходила
То медленно, то быстро, что всегда—
Волненья признак. Бурь душевных сила
Не может проявляться без следа!
Походка—духа верное мерило.
Саллюстий говорит, что «никогда
«Не мог ходить спокойно Катилина»:
Борьба страстей была тому причина!

112.

Гюльбея, сделав несколько шагов,
Остановилась и привесть велела
К себе двух провинившихся рабов...
Баба смекнул немедленно, в чем дело,
Но сделал вид, что тайну этих слов
Не понимает, и спросил несмело:
Каких рабов угодно видеть ей,
Чтоб без ошибки их привесть скорей?

113.

Гюльбея еле слышно отвечала:
—«Грузинку... и любовника ее!..
«У двери потайной... чтоб лодка ждала,
«А остальное—дело уж твое!..»
Отчаянье в словах ее звучало!
У негра было тонкое чутье...
Заметив в ней борьбу и колебанье,
Он стал просить отмены приказанья.

114.

Гюльбее евнух дал такой ответ:
—«Услышать, что исполнить—это то же!
«Я в верности тебе принес обет,
«И для меня слова твои дороже,
«Чем все земные блага! Но совет
«Даю—помедлить... Юноша пригожий,
«Быть может, неповинен пред тобой...
«Ты приговор должна отсрочить свой!

115.

«Казнить легко! Свидетели безмолвны!
«Немало тайн на темном дне своем,
«Близ этих стен, похоронили волны!
«Не раз здесь гибли в сумраке ночном
«Сердца, что бились, жгучей страсти полны...
«Ты о рабе вздыхаешь молодом:
«Убить его—всего одно мгновенье,
«Но от любви найдешь ли ты спасенье?»

116.

—«Как смеешь ты о чувствах рассуждать,
«Презренный червь!»—так молвила Гюльбея.—
«Твой долг лишь приказанья исполнять!
«Сейчас иди!»—Баба стоял, робея.
Он знал, что спор опасно поднимать:
Чужой дороже собственная шея...
Чтобы исполнить данный ей приказ,
Он, молнии быстрее, скрылся с глаз.

117.

Баба ушел, но скрыть своей досады
Он не был в силах. Бешенством об'ят,
Всех женщин поносил он без пощады
За их причуды, козни и разврат!
Он порицал их прихоти и взгляды,
Особенно султаншу, и был рад,
Что, средний род собою представляя,
Мог мирно жить, страстей не признавая.

118.

И вот созвал собратий он своих,
Чтоб юных дев вести к жене султана;
Он причесать велел получше их
И приодеть, хотя и было рано.
Такой прием необычайный вмиг
Веселость и покой смутил Жуана.
Струхнула и Дуду... Но кто бы мог
Найти для ослушания предлог?

119.

Итак, они должны явиться вскоре
К султанше... Но я здесь прерву рассказ...
Свиданье с нею—радость или горе
Им принесло, иль, просто рассердясь,
Она их утопить велела в море,—
То тайною останется для вас.
Вперед бежать себе я не позволю,
Угадывая жен капризных волю...

120.

Хоть тяжкий крест моим героям дан,
Желаю им удачи и спасенья;
Надеюсь, что от рыб уйдет Жуан,
Хотя его плачевно положенье.
Разнообразить должен я роман
И буду петь иные приключенья.
Простившись здесь с Жуаном и Дуду,
Речь о войне теперь я поведу.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1.

Любовь и слава! Вечный сон, который
Нас обольщает призрачной мечтой!
Вы, как в полярном небе метеоры,
Мгновенной ослепляете красой;
Мы обращаем к небу наши взоры,
Чтоб видеть вас, и путь свой ледяной,
Миг озаренный пестрыми лучами,
Мы продолжаем, скованы цепями.

2.

Таков же, как и вы, и мой роман,—
Волшебный свет полярного сиянья,
Ласкающего лед далеких стран.
Естественно оплакивать страданья,
Но так как жизнь—лишь горестный обман,
Что может привести в негодованье,
И выставка пустая, то не грех
Дарить всему на свете только смех.

3.

И что ж? *Меня*, творца поэмы этой,
Со всех сторон озлобленно язвят
За то, что я не верю правде света
И зло во всем как будто видеть рад;
Безжалостно на части рвут поэта...
Я не пойму, чего они хотят:
О том же Данте говорил со стоном,
О том же и Сервантес с Соломоном.

4.

Земную жизнь не ценят высоко
Платон, Свифт, Лютер, Тиллотсон и Весли,
Руссо, Макиавель, Ла-Рошфуко...
Меня и их винить возможно ль, если
С судьбою нам мириться не легко?
Коль правы мы, ответ за это несть ли?
К тому ж, ни вам, ни мне не разрешить,
Что лучше: быть в могиле или жить.

5.

Сократ сказал, что наши все познанья
Лишь шаткость их доказывают нам;
Поэтому имеем основанье
Всех мудрецов приравнивать к ослам;
Великий Ньютон, тайны мирозданья
Открывший людям, сознается сам,
Что к правде путь для смертных не проложен
И что пред ней он жалок и ничтожен.

6.

Екклезиаст гласит: «всё суета»;
Духовные отцы не раз на деле
Доказывали нам, что не мечта
Подобный взгляд. Поэты часто пели
О том, что жизнь ничтожна и пуста,
мудрецы согласны с ними. Мне ли
оэтому, во избежанье ссор,
Скрывать о жизни строгий приговор!

7.

О, люди или псы! (За честь считайте,
Что мною вы со псами сравнены!
Вы хуже их!). В моей поэме, знайте,
Все по заслугам вы оценены;
На Музу, сколько вам угодно, лайте;
Ей ваши крики вовсе не страшны,
Как волчий вой луне. Всё Муза светит
И вашей злобы даже не заметит.

8.

«Я вдохновлен любовью и войной».
(Цитата не верна; бояся споров,
В том сознаюсь, но смысл ее такой).
И вот с обеих не свожу я взоров
И вас прошу последовать за мной
В тот город осажденный, что Суворов
Со всех сторон искусно обложил.
Как альдермэн мозги [5]), он кровь любил.

9.

Построенный на отмели Дуная,
В восточном стиле, город Измаил
Стоял, весь левый берег защищая,
И крепостью перворазрядной был.
Но крепость ту постигла участь злая:
Разбив врагов, ее Суворов срыл.
Верст шесть считалось крепостного вала;
Она ж от моря в ста верстах стояла.

10.

Предместье помещалось с нею в ряд,
Хотя фортификации законы
Так размещать построек не велят.
Здесь, на холме, какой-то грек ученый
Возвел искусно массу палисад
И тем ослабил средства обороны.
Он ими наносил лишь вред себе,
Врагам давая перевес в стрельбе.

11.

Плохой Вобан для правильной защиты
Не в силах был принять надежных мер;
Он не с'умел устроить «путь прикрытый»,
Постройкам надлежащий дать размер;
Форпосты были им совсем забыты
(Простите, что пишу, как инженер);
Но стены были крепки и высоки,
А рвы вокруг, как океан, глубоки.

12.

Еще один громадный бастион,
С проходом узким, возвышался с края;
В себе вмещал две батареи он;
Одна была с барбетом, а другая
Стояла в казематах; с двух сторон
Они громили берега Дуная;
А справа, на горе крутой, редут
Орудьям крепостным давал приют.

13.

Всё ж Измаил открытым оставался
Со стороны Дуная. Этот вход
Оберегать никто и не старался:
Ведь там не мог явиться русский флот.
Когда ж он на Дунае показался,
Неисправим был промах: где же брод
Найти в реке глубокой? Полны страха,
На помощь турки стали звать Аллаха.

14.

Хочу воспеть, войны и славы бог,
Я храбрых русских, к приступу готовых!
Я был бы рад, коль описать бы мог
Дела людей, в цивилизацьи новых.
Ахилл, в крови от головы до ног,
Не мог страшнее быть бойцов суровых,
Чьи имена полны слогов таких,
Что невозможно выговорить их.

15.

Всё ж назову иных, чтоб вас пленили
Созвучья этих мелодичных слов
С двенадцатью согласными. Тут были:
Арсеньев, Львов, Мекноб и Чичагов;
И о других газеты говорили.
Я многих бы еще назвать готов,
Но славы не хочу тревожить слуха:
У ней труба, так верно есть и ухо.

16.

Поэтому имен прервал я нить,
Которые и молвить труд чертовский;
Подумайте: легко ль в стихи вклеить
Фамилии на *ишкин, ускин, овский!*
Всё ж об иных я должен говорить.
Шихматов, Шереметев, Разумовский,
Куракин, Мусин-Пушкин были там,
Погибель и позор суля врагам.

17.

То были люди чести и совета,
Которым был известен к славе путь;
Ни муфтиев они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы—верно это—
Их шкурой барабаны обтянуть,
Явися вдруг нужда в телячьей коже,
Иль, при покупке, стань она дороже.

18.

Здесь находились люди разных стран,
Которых страсть к добыче привлекала;
Дрались они, чтоб свой набить карман
Иль крупный чин схватить, заботясь мало
О троне и отчизне; англичан
При русском войске масса состояла;
Вы Томсонов могли б шестнадцать счесть
И девятнадцать Смитов в список внесть

19.

Все Томсоны, в честь славного поэта,
Носили имя Джемми, чем судьба
Их крайне обласкала; имя это
Казалось им почетнее герба.
Сюда стеклась со всех окраин света
Почтенных Смитов целая гурьба.
Один из них был капитан тот бравый,
Что в Галифаксе увенчался славой [6]).

20.

По именам всех Смитов перечесть
Я не берусь. Петры меж ними были
(О трех из них у нас известья есть);
Затем встречались: Джэки, Вили, Били.
В реляциях вы можете прочесть
О Смитах, что отличья получили.
Славнейшего из них родной отец
Известный в Кемберлэнде был кузнец.

21.

Хотя я к Марсу отношусь с почтеньем,
Но не могу блестящий аттестат
Достаточным признать вознагражденьем
За то увечье, что нанес снаряд;
Шекспир вполне с моим согласен мненьем;
Цитаты из Шекспира—сущий клад:
Цитируя шекспировские драмы,
Патент на ум приобретем всегда мы.

22.

При армии была французов рать,
Красивых, остроумных и веселых...
Но смею ли о них упоминать?
Пожалуй, доживешь до дней тяжелых!
Французов ведь привык на части рвать
Джон Буль,—и раз что за врагов он счел их,
Пусть мир давно уж с ними заключен,
С враждебностью на них взирает он.

23.

Преследовали русские две цели:
На острове построив бастион,
Они, во-первых, Измаил хотели
Орудьями громить со всех сторон,
Ни зданий не щадя, ни цитадели.
Амфитеатром был построен он,
А потому легко до основанья
Они могли его разрушить зданья.

24.

Затем у них коварный был расчет—
Воспользоваться города пожаром,
Чтоб в щепки обратить турецкий флот.
На якоре, теряя время даром,
Беспечно он стоял близ этих вод.
Сраженный непредвиденным ударом,
При этом враг легко бы сдаться мог,
Не будь он только бешен, как бульдог.

25.

Не следует пренебрегать врагами.
За то погибли Чичисков и Смит,
Один из тех, что уж воспеты нами,
Чье имя дружно с рифмами на «ит»;
Везде вы Смитов видите толпами;
И мысль меня совсем не удивит,—
Так много их разбросано по свету,—
Что сам Адам носил фамилью эту.

26.

Не удалась постройка батарей,
Воздвигнутых войсками недалеко
От крепости. Старались поскорей
Устроить их, а в спешке мало прока.
(Стихи, и те врага встречают в ней).
Пришлося приступ отложить до срока;
Тяжел был для вождя такой удар;
Одна резня приносит славу в дар.

27.

Отсрочка боя—грустное событье;
Ошибся ли в расчетах инженер,
Хотел ли уменьшить кровопролитье
Подрядчик непринятьем нужных мер,
Спасая этим душу,—об'яснить я
Вам не берусь,—но батарей размер
Мешал громить врагов, стенами скрытых,
И с каждым днем росло число убитых.

28.

Флот тоже мало пользы приносил
Стрелял он неудачно, хоть и рьяно.
Три брандера погибли в цвете сил
Их фитили сгорели слишком рано,
И взрыв среди реки не причинил,
Конечно, ни малейшего из'яна
Противникам. С зарей раздался взрыв,
От сна, однако ж, их не пробудив.

29.

Лишь в семь часов, в минуту пробужденья,
Заметили они плывущий флот,
Что продолжал отважное движенье
В виду всех вражьих сил. Несясь вперед,
Он к девяти часам, без затрудненья,
На якорь стал близ крепости, и вот
Бомбардировку начала эскадра,
И ей в ответ посыпалися ядра.

30.

Полдня ее громил турецкий стан,
Но и она отстреливалась ловко
И, метко поражая мусульман,
Дивила их геройскою сноровкой;
Однако отступить приказ был дан,—
Нельзя взять верх одной бомбардировкой;
К тому же, неприятель захватил
Один корабль, другой же взорван был.

31.

И мусульмане также—вскользь замечу—
Здесь понесли значительный урон;
Но, видя, что враги бросают сечу,
К ним «дэли» кинулись со всех сторон;
Тут граф Дамас понесся к ним навстречу
И стольких потопил в Дунае он,
Что описаньем жаркой схватки этой
Наполнить можно б целый лист газеты.

32.

«Я исписал бы несколько томов,
«Передавая подвиги флотильи»,—
Гласит историк. «Русских удальцов
«Успехом увенчалися усилья».
О русских он не тратит много слов.
Зато приводит громкие фамильи
Тех иностранцев, что сражались там,
И Ланжерона называет нам

33.

С Дамасом и де-Линем. Беспристрастья
Пример историк должен подавать;
Им очень помогло его участье,
А то об них могли б вы не слыхать.
Как видно, и для славы нужно счастье.
Но впрочем принц де-Линь пустил в печать
Записки, что полны самохваленья,
Чем, может быть, он спасся от забвенья.

34.

Героев много видел этот день;
Но многих ли в венках, из лавров свитых,
Укрыла от забвенья славы сень?
Не счесть имен, напрасно позабытых;
Забвения на всех ложится тень.
И много ль их, сограждан именитых,
Героев современных эпопей,
Что след оставят в памяти людей?

35.

Не привела блестящая атака
К желанной цели: крепость не сдалась;
Чтоб враг не видел в том бессилья знака,
Взять приступом ее старик Рибас
Советовал. С ним многие, однако,
Заспорили, на штурм не согласясь.
Произнесли речей при этом кучу,
Но повтореньем их вам не наскучу.

36.

Тогда жил муж, по силе Геркулес,
За это беспримерно отличенный;
Как метеор, блеснул он и исчез.
Дурным пищевареньем истощенный,
Один, в степи, под куполом небес,
Он кончил век в стране, им разоренной.
Так гибнет саранча среди полей,
Безжалостно опустошенных ей.

37.

То был Потемкин. В этот век отличья
Стяжались чрез убийство и разврат;
Когда чины дают в удел величье,
Он был велик и славою богат.
Хоть попирал он совесть и приличья,
А всякий был пред ним склоняться рад,
Своей царицы был он верным другом,
Она ж мужчин ценила по заслугам.

38.

Пока совет решал, как поступить,
Рибас послал к Потемкину курьера,
И князя он сумел уговорить
Одобрить им предложенные меры.
Не знаю я, чем это об'яснить.
Меж тем, под грохот пушек, инженеры
Воздвигли, чтобы крепость взять верней,
На берегу ряд новых батарей.

39.

Ответ пришел почти через две недели,
Когда уж с частью войска флот отплыл
И отступить от крепости хотели.
Полученный указ воспламенил
Бойцов, что отличиться не успели:
Назначен был вождем всех русских сил
Любимец битв и враг интриг и споров—
Фельдмаршал, знаменитый князь Суворов.

40.

Ему письмо Потемкин написал,
Достойное спартанца. Долг тяжелый
Когда бы то письмо продиктовал
В защиту воли, родины, престола—
Оно бы удостоилось похвал.
Но срам ему, как чаду произвола!
«Во что бы то ни стало,—так гласил
Потемкина указ,—взять Измаил!»

41.

Бог рек: «Да будет свет!»—и с тьмою в споре
Свет озарил весь мир. «Чтоб кровь лилась!»—
Рек смертный—и ее пролилось море.
Сын Ночи молвил: «Fiat!»—и стряслась
Нежданная беда, рождая горе
И сея зло. Как буря проносясь,
Всё вкруг себя война нещадно губит,
И не одни сучки, но корни рубит.

42.

Увидев уходящие войска,
Обрадовались турки непомерно.
Но как была их радость коротка!
Победу над врагом считая верной,
Мы на него взираем свысока,
И часто результат выходит скверный.
Не долго ликовал турецкий стан,
Принявший за действительность обман.

43.

Раз увидали мчавшихся дорогой
Двух всадников вдали. Наружность их
Величия являла так немного,
Что их сочли за казаков простых:
В поту, в пыли, снаряжены убого,
Они неслися на конях лихих,
Без багажа, в наряде небогатом:
То ехали Суворов с провожатым.

44.

Джон Буля, друга всяких крепких вин,
Иллюминаций радует сиянье;
Смотря на них, он забывает сплин;
Любя душой народные гулянья,
Впадать в печаль не видит он причин
И рад лишиться денег и сознанья
И даже вечной глупости своей,
Чтоб блеск увидеть праздничных огней.

45.

Увы, Джон-Буль, совсем лишившись зренья,
Уж проклинать своих не может глаз [7]):
В долгах он видеть стал обогащенье;
В налогах всевозможных—счастье масс;
Ничем не истощить его терпенья;
Пусть голод в дверь стучится; не страшась
Тех бед, что грозный гость прольет без меры,
Джон Буль твердит, что голод—сын Цереры.

46.

Но вновь к рассказу! Лагерь ликовал;
Пером не описать такой картины!
Суворов славы вестником предстал.
Как метеор, что светит над трясиной
И манит в топь, фельдмаршал засиял
Пред войском и восторгов был причиной:
Все верили, что он непобедим,
И были рады следовать за ним.

47.

Лишь появился вождь, одушевленье
Неудержимо охватило всех;
Всё изменило вид; воскресло рвенье;
Войскам предстал давно желанный брег!
К атаке начались приготовленья,
С надеждою на славу и успех;
Всё привели немедленно в порядок;
Тяжелый труд порой бывает сладок.

48.

Великий человек толпу ведет
И самовластно управляет ею.
Так стадо за быком всегда идет;
Так за собачкой маленькой своею
Ползет слепец; так ветру лоно вод
Послушно, с ним в борьбу вступить не смея;
Так, потрясая колокольчик свой,
Баран ведет овец на водопой.

49.

Воскресший лагерь, в радостном порыве,
Казалось, свадьбу весело справлял.
(Метафоры нельзя найти счастливей:
Мне кажется, в ошибку я не впал,—
Где свадьба, там и ссора в перспективе).
Геройский дух всё войско обуял.
Переворота кто же был виною?—
Старик, умевший управлять толпою.

50.

Весь лагерь был в работу погружен,
Приготовляясь к штурму. Бредя славой,
Отряд передовой, из трех колонн,
Лишь знака ждал, чтоб в бой вступить кровавый.
Вторым отрядом был поддержан он
Такого же значенья и состава;
Затем отряда третьего полки
Готовились атаку весть с реки.

51.

По возведеньи новых укреплений,
Совет военный тотчас созван был;
На этот раз, без личностей и прений,
Он всё единогласно утвердил.
(Плодит единогласие решений
Лишь крайность). Всё Суворов обсудил,
Всё взвесил и, готовясь к битве славной,
Учил солдат штыком владеть исправно. [8])

52.

Учил он рекрут, как простой капрал,
Нигде минуты даром не теряя;
Водил их через рвы и приучал
К огню, их в саламандр преображая;
По лестницам их лазить заставлял,
Готовясь к штурму. (Лестница такая—
Сказать ли надо?—не сходна вполне
С той, что Иаков увидал во сне).

53.

Убрав ряд фашин алыми чалмами,
Приказывал солдатам он своим
Те чучела атаковать штыками,
Вступая в бой как бы с врагом самим.
Он шел к победе разными путями!
Иные мудрецы, труня над ним,
Усматривали в этом лишь нелепость...
Суворов прервал споры, взявши крепость.

54.

Настал канун атаки. Лагерь стих.
Не слышалось ни возгласов, ни шума;
Когда борьбы тяжелый близок миг,
Предчувствуя успех, молчат угрюмо
Те, что хотят, ценой всех сил своих,
Победу одержать; за думой дума
К ним крадется. Былые вспомнив дни,
О милых сердцу думают они.

55.

Молясь, остря, весь преданный причудам,
То ловкий шут, то демон, то герой,
Суворов был необ'яснимым чудом.
За всем следя, он план готовил свой
И ничего не оставлял под спудом.
Как арлекин, носясь перед толпой,
Он мир дивил то шуткой, то погромом,
И был сегодня Марсом, завтра—Момом.

56.

Недалеко от русских батарей,
Раз казаки наткнулися дорогой
На кучку подозрительных людей.
То было накануне штурма. Строго
К ним отнесясь, схватили их скорей.
Один из пленных говорил немного
По-русски и кой-как им об'яснил,
Что в армии когда-то он служил.

57.

Немедленно, с товарищами вместе,
Его препроводили в русский стан
(Чинить допрос удобнее на месте).
Хотя в одежде истых мусульман
Они явились, всё ж, скажу без лести,
Легко признать в них было христиан.
Обманчива бывает часто внешность;
Судя по ней, не трудно впасть в погрешность.

58.

Суворов в это время, горячась,
В одном белье производил ученье:
Уча резне, над трусами глумясь,
Он расточал и брань, и наставленья.
Смотря на плоть людскую, как на грязь,
С горячностью отстаивал он мненье,
Что смерть, когда причиной ей война,
Отставке с полной пенсией равна.

59.

Суворов, не спуская с пленных взгляда,
Когда они предстали перед ним,
Спросил: «Откуда вы?»—«Мы из Царьграда,—
Один из них ответил, и—бежим
От турок».—«Ну, а кто вы?»—«Те, кто надо».
Был диалог коротким и сухим.
Должно быть, знал прибывший, что Суворов
Не терпит фраз и долгих разговоров.

60.

«Как вас зовут?»—«Я Джонсон, а со мной
«Жуан, что мне товарищ. С нами тоже
«Две женщины и евнух».—«За собой
«Таскать баласт излишний не пригоже,—
Заметил вождь.—Но вы мне не чужой:
«Вас помню, а того, что помоложе,
«Я вижу в первый раз. Да вы никак
«Служили в гренадерах?»—«Точно так».

61.

— «Вы были под Виддином?»—«Был».—«Ходили
«На приступ?»—«Да».—«Что ж делали потом?»
— «Не знаю, право, сам».—»В Виддин не вы ли
«Вступили первым?»—«Шел я на пролом,
«Не отставая от других».—«Где были
«Затем?»—«Я ранен был и взят врагом».
— «Вы отомстите: стены в Измаиле
«Покрепче тех, где вас они скрутили.

62.

«Где ж вы теперь намерены служить?»
— «Мне всё равно».—«Я знаю, что вы рады
«Врагам за оскорбленья отплатить
«И будете громить их без пощады.
«Но как же с этим юношей нам быть?»
— «Об нем вам беспокоиться не надо:
«Коль будет он в бою иметь успех
«Такой же, как в любви, затмит нас всех».

63.

«Так пусть же в штурме примет он участье!»
Жуан поклоном выразил привет.
Суворов продолжал: «На ваше счастье,
«Ваш полк в атаку бросится чем свет;
«На крепость до зари хочу напасть я
«И произнес торжественный обет,
«Что Измаила уж не будет боле;
«Его твердыни превращу я в поле!

64.

«Уверен я, вас много ждет наград!»
Затем Суворов, крепкими словами
Приправив речь, стал вновь учить солдат
И, зная, как овладевать сердцами,
Достиг того, что каждый был об'ят
Желаньем в грозный бой вступить с врагами,
Чтоб их за то нещадно разгромить,
Как смели в спор с царицею вступить.

65.

К Суворову, что продолжал ученье,
Решился Джонсон снова подойти,
Заметив, что его расположенье
С'умел снискать и у него в чести.
—«Нас радует», сказал он, «позволенье
«Пасть первыми; но где ж нам путь найти?
«Пристроив нас к местам, и мне, и другу
«Вы этим оказали бы услугу».

66.

— «Вы правы; я совсем забыл о том.
«Вернитесь к прежней службе. Путь счастливый!
«Вас подвезут к полку, что под ружьем,
«Чтоб пост занять немедленно могли вы,
«А вы—в распоряжении моем
«Должны остаться, юноша красивый.
«Здесь женщинам, конечно, места нет.
«Их отвести в обоз иль лазарет!»

67.

Но женщины сопротивляться стали,
Хотя гарем их приучить бы мог
К повиновенью. Там они едва ли
Нашли б для ослушания предлог.
С слезами на глазах они восстали,
Под тяжким гнетом горестных тревог;
Так курица свои вздымает крылья,
Когда цыплят спасает от насилья.

68.

Они защиты ждали от друзей,
Которых удостоил разговором
Славнейший из громивших мир вождей.
О люди! долго ль будут вашим взорам
Мерцать виденья призрачных лучей,
Струимых славой, быстрым метеором,
И литься кровь и слезы, как река,
Для одного лаврового листка!

69.

Суворов видел слёз и крови море
И был привычен к горестям людским,
Однако ж с сожалением во взоре
Взглянул на жен, рыдавших перед ним.
Вождя не трогает народов горе,
Он может быть к толпе неумолим;
Но случай единичного мученья
Порой в нем пробуждает сожаленье.

70.

Бывал, вне боя, и Суворов слаб.
Он ласково сказал: «Эх, Джонсон, право,
«На кой вы чорт пригнали этих баб?
«Возиться с ними вовсе не забава...
«Чтоб им грозить опасность не могла б,
«Их удалю от мест борьбы кровавой.
«Солдат с женой в бою—плохой солдат,
«Коль года нет еще, что он женат!»

71.

— «Не наши, а чужие это жены,—
Суворову тут Джонсон возразил.—
«Не допускают строгие законы,
«Чтоб на войне с женою воин был,
«И мне ль переступать через препоны,
«Что с мудростью закон установил?
«Когда жена, как шмель, жужжит над ухом,
«Храбрейший воин унывает духом.

72.

«Те женщины—турчанки. Не боясь
«Опасности для жизни и гонений,
«Они с слугой спасли от смерти нас
«И следуют за нами. Ряд лишений
«Случалось мне испытывать не раз,
«А им не перенесть таких мучений.
«Чтоб с бодрым духом драться мы могли,
«Мы просим, чтоб вы их поберегли».

73.

В унынье впали дочери гарема,
Утратив веру в власть своих друзей.
Для них был непонятною проблемой
Старик, пугавший внешностью своей,
Который, простоту избрав системой,
Чуждался всяких пышности затей,
А между тем вселял не меньше страха,
Чем гневный взор любого падишаха.

74.

Вполне им было ясно, что он мог
Распоряжаться полным властелином,
А в их глазах был жалок и убог!
Султан их приучил к иным картинам:
Весь в золоте, держась, как некий бог,
Являлся он сияющим павлином.
Дивило их немало, что попасть
В такую обстановку может власть.

75.

Не понимавший нежностей Востока,
Их вздумал Джонсон утешать сперва;
Жуан же поклялся мечом Пророка,
Что к ним с зарей придет; свои права
Он отстоит иль разгромит жестоко
Весь русский стан. И что ж? Его слова
Мгновенно принесли им утешенье—
Пленяет женщин преувеличенье.

76.

С слезами и со вздохами простясь,
Они ушли. Начаться скоро бою!
(Ту силу, что решает участь масс,
Назвать ли Провидением, судьбою
Иль случаем? Неразрешим для нас
Вопрос, что миру не дает покою).
Занять места друзьям пора пришла,
Чтоб город сжечь, не сделавший им зла.

77.

Суворов, чтобы выиграть сраженье,
Не пожалел бы армии своей;
Он частностям не придавал значенья,
Была б лишь цель достигнута верней,
И, смерть неся, смотрел без сожаленья
На гибель стран и бедствия людей.
Так Иова страданье столь же мало
Его жену и близких огорчало.

78.

Он за ничто двух женщин скорбь считал!
Меж тем подготовлялась канонада.
Гомер бы нам такую ж описал,
И скрасилась бы ею Илиада,
Когда бы о мортирах он слыхал,
Но не о Трое говорить мне надо:
О пушках, бомбах, ядрах и штыках,
На Музу нагоняя этим страх.

79.

Гомер! прошли бесчисленные годы,
А мир всё полон славою твоей.
Ты описал, воспев царей походы,
Оружье, поражавшее людей;
В наш век над ним трунят враги свободы
И порохом хотят ее друзей
Повергнуть в прах. Пускай, ей яму роя,
Осадой ей грозят: она не Троя.

80.

Гомер бессмертный! греческий листок,
Откуда черпал ты свои известья,
Таких ужасных дел и знать не мог,
Какие собираюсь перечесть я.
Увы! я пред тобою, что поток
Пред океаном! Всё ж, в наш век нечестья,
Хоть древним уступаем мы вполне
В поэзии, мы их сильней в резне.

81.

Всё дело в фактах. Истина святая
Лишь в фактах проявляет образ свой,
Но бедной Музе, их передавая,
Иные скрыть приходится порой.
Близка, однако ж, схватка роковая!
С'умею ли воспеть я грозный бой?
Феб свой венец, воинственные тени,
Украсит блеском ваших донесений.

82.

К тебе взываю я, кумир молвы,
Наполеона призрак величавый!
К вам, греки, что сражалися, как львы,
Когда вас Леонид вел в бой кровавый!
К вам, «Комментарьи» Цезаря! чтоб вы
Своею *увядающею* славой
И красноречьем пламенных речей
На помощь бедной Музе шли моей!

83.

Да, увядает славное былое!
Так выразиться право я имел:
У нас, что год, то новые герои;
Их всех не счесть, а слава—их удел;
Какие ж благодатные устои
Наследьем нам от этих громких дел?
Увы! они бесплодны, да и сами
Герои наши сходны с мясниками.

84.

Отличья всевозможные должны
Нестись к героям длинной вереницей;
Сроднились с ними ленты и чины,
Как пурпур с вавилонскою блудницей;
Награды честолюбцам так нужны,
Как юноше мундир, как веер львице.
Но что ж такое слава? Право, нет
Возможности на это дать ответ.

85.

Сравнив ее с свиньей, что рыщет в поле,
Я вам бы, может быть, не угодил.
Так с шкуною, что носится на воле,
Не лучше ли чтоб я ее сравнил,
Иль с бригом? Но сравнений нужно ль боле?
Здесь кончу, чтоб не выбиться из сил.
Когда опять займусь своей поэмой,
Кровавый штурм моею будет темой.

86.

Вы слышите? Какой-то шум глухой
Тревожит ночи грозное молчанье:
То крадутся войска и, скрыты мглой,
К стенам подходят, затаив дыханье;
Едва заметно, сквозь туман ночной,
Проглядывает тусклых звезд мерцанье;
Но скоро их затмит зловещий дым,
Всё застилая облаком густым.

87.

Не долго ждать—и гром орудий грянет...
Сигнал дадут—и грозная пора
Борьбы на жизнь и смерть для войск настанет
Они сплотятся, как с горой гора.
Сольется вместе, лишь рассвет проглянет,
С Аллахом турок русское ура!
И павших стоны, вопли и молитвы
Без отзвука потонут в шуме битвы.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

1.

Увечья, грохот пушек, бой кровавый—
Слова неблагозвучные вполне,
Но с ними сплетены все грезы славы,
Что просит жертв; и так как я войне
Намерен посвятить свои октавы,
Их повторять придется часто мне.
Но что слова! Назвав войну Беллоной,
Тем не спасете край, ей разоренный.

2.

Как вышедший из логовища лев,
Шла армия в безмолвии суровом.
Она ждала (до крепости успев
Добраться незаметно, под покровом
Глубокой тьмы), чтоб пушек грозный рев
Ей подал знак к атаке. Строем новым
Бесстрашно замещая павший строй,
Людская гидра вступит в смертный бой.

3.

Когда сочтем те страшные затраты,
Что золотом и кровью делал свет
На войны, как ничтожны результаты
Окажутся одержанных побед!
Они одною славою богаты,
Но сколько расплодили горьких бед!
Слезу страданья осушить с любовью
Славнее, чем весь мир забрызгать кровью!

4.

Да, благодатны добрые дела,
Тогда как слава тягостна народу;
Он—в нищете, а жертвам нет числа,
Что приносить он должен ей в угоду.
Лишь честолюбцы в ней не видят зла.
Война священна только за свободу,
Когда ж она—лишь честолюбья плод,
Кто бойнею ее не назовет?

5.

Одна борьба за волю—подвиг гро
Зато и Леонид, и Вашингтон
Бессмертны, и позднейшие потомки
Не позабудут славы их имен.
О них гласят не жалкие обломки
Разрушенных миров, не плач и стон
Порабощенных, но дары свободы,
Что через них приобрели народы.

6.

Зловещая царила тьма вокруг.
Лишь пушки, искры грозные бросая,
Свои огни сливали в яркий круг,
Что отражался волнами Дуная,
Как адским зеркалом. Тревожа слух,
Пальба не прерывалась роковая.
Огня небес страшней огонь земной:
Один—щадит, безжалостен другой.

7.

Едва успел, под сенью тьмы безмолвной,
До стен добраться посланный отряд,
Как мусульмане разом, злобы полны,
Стреляя метко, вышли из засад.
Земля и воздух, крепость, горы, волны,—
Всё превратилось в миг в кромешный ад;
Вся местность стала огненным вулканом,
Какой-то Этной, взорванной титаном.

8.

В то время, словно гром, раздался крик:
«Аллах!» и, потрясая тучи дыма,
Шум битвы заглушил, свиреп и дик.
Как вызов он звучал неумолимый,
Суля погибель,—всюду он проник,
Как ураган, несясь неудержимо.
Чу!.. в крепости, в волнах, на берегу,
Везде звучат: «Аллах!» и «Алла-гу!» [9])

9.

Колонна, подходившая с Дуная,
Жестоко поредела от потерь,
Как листья осенью, людей теряя,
Хоть вел ее Арсеньев, хищный зверь,
Под градом ядер трепета не зная.
Нас учит Вордсворт: «Битва—Божья дщерь» [9]):
Тогда она—сестра Христа, и ныне
Она в своей царила Палестине.

10.

В колено принц де-Линь был поражен.
У графа Шапо-Бра, в начале дела,
Лишь началось движение колонн,
Меж головой и шляпой пролетела
Шальная пуля. Чудом спасся он.
Аристократа ль пощадить хотела
Та пуля, или ведала о том,
Что лоб свинцовый не пробить свинцом?..

11.

Марков хотел, во что бы то ни стало,
Чтоб раненого принца унесли,
Хотя кругом простых солдат не мало
Беспомощно валялось тут в пыли.
Их стоны не смущали генерала,—
Он думал лишь о принце; но пошли
Ему не впрок заботы о вельможе:
Вертясь пред ним, Марков был ранен тоже.

12.

Десятки тысяч ружей, словно гром,
Трем стам орудьям вторили, смятенье
Внося в ряды. (Верней всего свинцом,
Где нужно, возбуждать кровотеченье!).
О люди, вы знакомы с тяжким злом,
Что причиняют голод, мор, лишенья,
Но как значенье слабо бед таких,
Коль с полем битвы вы сравните их!

13.

Там налицо ужаснейшие муки...
Они везде, куда ни бросишь взгляд:
Здесь раненый, крича, ломает руки;
Другие, закатив глаза, лежат,
И видны лишь белки их; скорби звуки
И стоны к небу жалобно летят.
Иным лишь смерть от ран приносит слава;
Другим, быть может, даст на крестик право.

14.

Но всё ж меня волнуют славы сны:
Не сладко ли, убравшись сединами,
Безбедно проживать на счет казны?
Кто не стремится к пенсиям мечтами?
Герои для того еще нужны,
Чтоб их деянья воспевать стихами.
Итак, чтоб в песнь попасть, схвативши куш,
Нередко в бой стремится храбрый муж.

15.

Меж тем вперед пустились гренадеры,
Чтоб бруствер взять (он их одолевал),
И впрок пошли их храбрости примеры:
Другой отряд за ними не отстал.
Как дети рвутся к матери, так с верой
В успех всползли они на скользкий вал
И, не волнуясь, словно на параде,
Мгновенно очутились в палисаде.

16.

Невероятен подвиг был такой!
Вулкан нанес бы меньше злых увечий,
Бросая лаву огненной струей,
Чем встретивший героев град картечи.
Треть офицеров пала под грозой;
Уж о победе не было и речи:
Когда охотник падает, никак
В порядок привести нельзя собак.

17.

Здесь перейду я к своему герою,
Других бойцов оставив в стороне;
Я подвигов его от вас не скрою,
Но каждого бойца возможно ль мне
Приветствовать хвалебною строфою,
Хотя б ее он заслужил вполне?
Героев список сделался б длиннее,
Но и поэма тоже, что грустнее.

18.

Газета вам подробно перечтет
Все подвиги героев жарких схваток,
При этом и убитых назовет,
И перечень такой не будет краток,
Как ясно вам. О, трижды счастлив тот,
Чье имя попадет без опечаток
В реляцию! Так Гроз, что в битве пал,
В победном бюллетене Гровом стал [10].

19.

Жуан и Джонсон, удержу не зная,
С своим отрядом смело шли вперед,
Работая штыком или стреляя;
Их кровь кипела; с лиц стуился пот;
Они неслись, преграды разрушая,
Не ведая, куда их приведет
Опасный путь, и отличились оба;
К наградам их представили особо.

20.

Они то подвигалися с трудом
К углу редута, цели всех усилий,
То, страшным остановлены огнем,
Скользя по лужам крови, отходили;
Всё обливая огненным дождем,
Казалось, силы ада заменили
Собою небо. Где колонна шла,
В крови лежали грудами тела.

21.

Хотя Жуан был новичок неловкий,
Но вел себя, как истинный герой,
Попав на штурм без всякой подготовки.
Отвагу пробуждает в нас порой
Торжественность блестящей обстановки;
Но, стоя под ружьем, средь мглы сырой,
Под гнетом тяжких дум, Жуан смутился,
И хоть струхнул немного, всё ж не скрылся.

22.

Он, убежав, не удивил бы нас;
Порой герою воля непокорна;
Великий Фридрих, выстрелов боясь,
Под Мольвицем один бежал позорно;
Но это с ним случилось только раз.
Конь, сокол, дева борются упорно
Пред тем, чтобы вступить на новый путь,
Затем с него уж не хотят свернуть.

23.

На языке пуническом картинно
Скажу, что Дон-Жуан был «духом жив».
(Ирландии богат язык старинный,
Но он для нас загадочен, как миф.
Откуда он? Ученых [11]) споры длинны
На этот счет. Иные, изучив
Все тонкости его, такого мненья,
Что Африка дала ему рожденье.

24.

Быть может, справедлив подобный взгляд,
Хотя и оскорбляет патриота).
Жуан, огнем поэзии об'ят,
Не понимал холодного расчета;
Влеченью чувств он был поддаться рад,
Тяжелых дум не ощущая гнета,
И в обществе веселых удальцов
Он с радостью подраться был готов.

25.

Жуан душой был чужд всего дурного;
В любви, как на войне, его вели
Чистейшие намеренья. Вот слово,
Что люди, как оплот, изобрели.
С ним оправдание всегда готово;
Герой, делец, блудница—на мели
Не остаются с ним; но вспомнить надо,
Что так мостилась мостовая ада [12]).

26.

Намереньям чистейшим хоть не верь!
Дела в аду идут, однако ж, вяло;
Мне думается даже, что теперь
Та мостовая сильно пострадала:
Попрежнему геенны настежь дверь,
Но уж благих намерений так мало,
Что нечем и чинить ее. Она
С Пэл-Мэл наверно сделалась сходна.

27.

В то время, как Жуан шаги направил
К турецкой батарее, вдруг один
Остался он; отряд его оставил.
(Так, год спустя по свадьбе, без причин,
Жена иная, самых честных правил,
Развода на себя берет почин).
Жуан, когда отряд бесследно скрылся,
Один средь поля битвы очутился.

28.

Я затрудняюсь это об'яснить:
Должно быть, большинство убито было,
А прочие решили отступить,
Когда им сила воли изменила.
Бегущих не легко остановить:
Раз бегство римлян Цезаря смутило;
Схвативши щит, к врагам помчался он
И тем вернул бежавший легион.

29.

Жуан, что не был Цезарь без сомненья,
Да и щита нигде бы не нашел,
Смущен, остановился на мгновенье,
Затем вперед рванулся, как осел.
(Читатель, не волнуйся: то сравненье
Гомер пригодным для Аякса счел;
Жуан, в сравненьи не нуждаясь новом,
Воспользоваться может и готовым).

30.

Итак, вперед он бросился к огням,
Что ярче солнца освещали местность.
Отважно он направился к холмам,
Не бросив даже взгляда на окрестность,
Надеясь свой отряд увидеть там.
Конечно, он не мог привесть в известность
Его потерь, а также знать не мог,
Что весь почти отряд на месте лег.

31.

Не видя ни начальства, ни отряда,
Которого исчез и самый след,
Жуан вперед помчался. (Мне не надо
Вам об'яснять, как, в цвете сил и лет,
Жуан, что о боях мечтал с отрадой,
Любовью к славе движим и согрет,
Мог забежать вперед, заботясь мало
О том, что войско от него отстало).

32.

Как юноша-наследник, что свою
Еще дорогу ищет, чужд расчета;
Как путник, что блудящему огню
Вверяется, чтоб выйти из болота;
Как выброшенный на берег к жилью
Стремится,—так, лишившися оплота,
Жуан пошел туда, где жарче бой,
Влеком любовью к славе и судьбой.

33.

Он шел, своим лишь доверяясь силам,
Пальбою беспрерывной потрясен.
В нем молнией струилась кровь по жилам,
Он шел, любовью к славе вдохновлен;
Охваченный неудержимым пылом,
Дыша с трудом, к местам стремился он,
Где Бэкона [13]) излюбленное чадо
Окрестность превращало в недра ада.

34.

И вот наткнулся на отряд лихой,
Колонны Ласси жалкие остатки.
Ее так уменьшил кровавый бой,
Что героизма славные осадки
Она могла лишь представлять собой.
(Из толстых книг экстракты—лишь тетрадки).
Жуан примкнул с достоинством к бойцам,
Что, храбрости полны, неслись к врагам.

35.

Тут Джонсон, «совершивший отступленье»,
К ним подошел. (Желая бегство скрыть,
Употребляем это выраженье).
Он знал, где сил не следует щадить,
И вместе с тем не упускал мгновенья,
Когда свою умерить можно прыть.
Так все его приемы были ловки,
Что бегству придавал он вид уловки.

36.

Когда был перебит его отряд,
Он отступил, призвать желая к бою
Тех, для кого «Долины Смерти хлад»
Был слишком свеж. Жуан, храним судьбою,
Всё лез в огонь и с ним итти назад
Не согласился. Юному герою
Опасность и не снилась. Так в борьбе
Невинность верит лишь одной себе.

37.

С бойниц и казематов цитадели,
С засад, валов, редутов, батарей
Без перерывов выстрелы летели;
Все зданья стали рядом крепостей,
Где турки, полны ярости, засели.
От выстрелов спасаясь, егерей,
Расстроенных кровавою борьбою,
Вдруг Джонсон увидал перед собою.

38.

Он кликнул их, и все на зов пришли
Немедленно, не так, как духи ада,
Которых вызывать из недр земли,
По мненью Хотспэра, с терпеньем надо.
Боясь, чтоб их за трусов не сочли,
Явились тотчас егеря. Как стадо,
Послушно люди идут за вождем
В вопросах веры иль в борьбе с врагом.

39.

Клянуся, Джонсон не был лицемером,
И, видит Зевс, он мог бы быть сравнен
С героями, воспетыми Гомером.
Рубя врагов, не волновался он
И постоянства мог служить примером,
Как беспрерывно дующий муссон.
Не зная суетливости напрасной,
Он шел с покойным духом в бой опасный.

40.

План бегства зрело был обдуман им.
Он знал, что, отойдя лишь недалеко,
Немедленно примкнет к частям таким,
Что временно расстроены жестоко.
Не все герои слепы, хоть иным
Смежить глаза приходится до срока.
Когда им смерть грозит, они уйти
Порой спешат, чтоб дух перевести.

41.

Но Джонсон скрылся только на мгновенье;
Энергией своей он дал толчок
Отряду, что уж начал отступленье
В порыве страха. (Так магнитный ток
Заставить может труп прийти в движенье).
Своим примером он солдат увлек
И смело их повел дорогой тою,
Что Гамлет называет «роковою».

42.

Они в огонь полезли, не смутясь.
Хоть встретили прием, вполне похожий
На тот, что их заставил в первый раз
Покинуть бой и жизнь признать дороже
Всех обольщений славы, что подчас
Войска ведет. (И жалованье тоже—
Хороший стимул!). В настоящий ад
Попал пришедший с Джонсоном отряд.

43.

В бесформенную массу превращая
Войска, снаряды сыпались дождем,
Всё пред собой губя и разрушая.
Как спелые колосья под серпом,
Как под грозою жатва золотая,
Как под косой трава,—так под огнем
Убийственным бесчисленных орудий,
Купаяся в крови, валились люди.

44.

Как пену с волн уносит ураган,
Так целые шеренги вырывали
Из строя пули ярых мусульман
(Их крепостные стены укрывали);
Но рок, что не щадит и целых стран,
Пришел на помощь к Джонсону; едва ли
Не первым, сквозь густой и смрадный дым,
До вала он добрался невредим.

45.

Сначала двое к валу подскочило,
Затем толпа отважных всё росла;
Подмога с каждым мигом подходила.
Огонь, как подожженная смола,
Со всех сторон лился с такою силой
И причинял врагам так много зла,
Что смерть отставшим так же угрожала,
Как тем, что уж вскарабкались до вала.

46.

Но случай спас ворвавшийся отряд.
Ученый грек, на удивленье света,
Устроил ряд ненужных палисад
Как раз по середине парапета.
Хоть очевиден вред таких преград,
Но русским впрок пошла ошибка эта.
Конечно, иностранный инженер
Не принял бы таких зловредных мер.

47.

Широкий парапет, как оказалось,
Тем палисадом ровно пополам
Разрезан был, и места оставалось
Довольно, чтоб могла сомкнуться там
Та кучка храбрых, что на вал взобралась
Пред тем, чтоб снова кинуться к врагам.
Так были слабы эти укрепленья,
Что их войска снесли без затрудненья.

48.

Кто первым взлез, о том напрасен спор,—
О первенстве вопросы щекотливы;
Они плодят немало жгучих ссор
И даже между странами разрывы;
Какой молниеносный бросит взор
На вас Джон Буль, пристрастно-терпеливый,
Коль скажете ему, что Веллингтон
В бою при Ватерло был побежден!

49.

А пруссаки отстаивают мненье,
Что если б Блюхер, Бюлов, Гнейзено
Не подошли тогда в сопровожденьи
Бог знает скольких лиц на *ов* и *но*,
То было бы проиграно сраженье,
И Веллингтон, которому оно
Так много принесло отличий разных,
Не получал бы пенсий безобразных.

50.

Но всё ж и короля, и королей
Храни, Господь! Им втягостные годы
Не сдобровать без помощи Твоей!
Мне чуется, что верх возьмут народы;
Брыкается и кляча, если ей
Не в моготу. Народ, ища свободы,
Устанет наконец, забит и сер,
Брать с Иова в терпении пример.

51.

Сперва он ропщет, после проклинает,
Затем за пращ берется, как Давид,
И наконец оружие хватает,
Как человек, не вынесший обид;
И тут уж—свалка! Часто так бывает.
Пожалуй, революция претит,
Но только это способ самый верный
Избавить землю от вселенской скверны.

52.

Но будем продолжать: как я сказал,
Не первым, но одним из первых, ловко
Наш юный друг Жуан вскочил на вал;
Держался он с искусною сноровкой
Героя, что не раз в боях бывал,
И новой не смущался обстановкой.
Как женщина красив и чист душой,
Он, бредя только славой, несся в бой.

53.

Как эта обстановка сходства мало
Имела с той, к которой он привык!
Его досель одна любовь пленяла;
Он с детства понимал ее язык;
Его душа от счастья трепетала,
Когда над ним склонялся милый лик;
Не мог он, как Руссо, в измены верить
И слишком честен был, чтоб лицемерить.

54.

Жуан лишь под давлением судьбы
Мог изменить горячему участью;
Теперь же был он там, где, как рабы,
Склонялись люди в прах пред грозной властью
Железа и огня. В пылу борьбы
Вперед он несся с бешеною страстью;
Так, чуя шпоры, чистокровный конь
Бросается и в воду, и в огонь.

55.

Как спортсмэн, что, опасность забывая,
Несется через рвы стрелы быстрей,
Так, на пути препятствия встречая,
Жуан, волнуясь, к цели шел своей;
Борьба, дурные страсти разжигая,
Безжалостными делает людей;
Но на него влиянья не имела:
Его душа в бою не очерствела.

56.

Нежданною подмогой подкреплен,
Вздохнул свободней Ласси, что борьбою
Расстроен был: его со всех сторон
Враги теснили грозною толпою.
Жуана, что стоял с ним рядом, он
За помощь стал благодарить. Не скрою,
Что дворянин из прибалтийских стран
Не лучше был бы встречен, чем Жуан.

57.

С ним по-немецки, самым мягким тоном
Заговорил почтенный генерал;
На эту речь безмолвным лишь поклоном
Жуан ему учтиво отвечал.
С немецким, как санскритским, лексиконом
Он мало был знаком, но понимал,
Регальи созерцая генерала,
Что он имел значения не мало.

58.

Беседа длилась только миг один.
Но могут ли слова иметь значенье
Средь душу раздирающих картин,
Что представляет смерть и разрушенье,—
Когда среди дымящихся руин
Проклятья, вопли, стоны и моленья
Уныло раздаются, как набат,
И, слух тревожа, жалобно звучат?

59.

Все звуки битвы в рев сливались дикий;
Казалось, ад все силы в бой стянул;
Так были общий шум и треск велики,
Что даже гром бесследно б потонул
Средь шума битвы. Стоны, вопли, крики,
Сливаясь, пушек заглушали гул.
Но вот минута страшная настала:
Удар судьбы свершился—крепость пала.

60.

«Бог создал свет, а смертный—города»,
Так Купер говорит; но как их много
С теченьем лет исчезло без следа!
Где Тир и Ниневия? Где дорога,
Что в Вавилон ведет? Прошли года
И смыли след столицы и чертога.
Развалины повсюду; может быть,
В лесах придется снова людям жить.

61.

Из всех людей, прославленных молвою,
Счастливейшим считаю Буна [14]) я
(За исключеньем Суллы, что судьбою
До смерти был храним). В глуши живя,
Охотой занимался он одною,
Людей резней напрасной не дивя,
И, духом бодр, в лесах страны далекой,
Достиг без горя старости глубокой.

62.

Душою чист, он прожил долгий век;
Уединенью только грезы милы;
И жизнь его до срока не пресек
Недуг,—лишь труд поддерживает силы;
Живя в столицах душных, человек
Доказывает тем, что сень могилы
Ему милей. Лесной анахорет,
Охотясь, прожил девяносто лет.

63.

И что ж? Почтенный муж себя прославил,
Хоть массами не убивал людей,
И всюду память добрую оставил;
Завидна слава лишь в союзе с ней!
И злость, и зависть он молчать заставил;
Дитя природы до последних дней,
Он прожил век отшельником великим
Иль филантропом Росса [15]), только диким.

64.

Сограждан Бун чуждался, и от них
Он уходил туда, где воздух чище;
Любя простор и тишь лесов густых,
К ним рвался он. (Где скучены жилища,
Себя стесняя, мы тесним других).
Бун не был мизантропом: если нищий
Ему порой встречался на пути,
К нему на помощь он спешил прийти.

65.

Но жил он не один: детей природы
Вкруг Буна племя целое росло;
Душевных бурь тяжелые невзгоды
Неведомы им были; их чело
Морщин не знало; светлый дух свободы
Их оживлял; им чуждо было зло.
Свободно взросший лес, что их взлелеял,
Одну любовь к добру в их души сеял.

66.

Забот не зная, стройны и сильны,
Они в стране привольной процветали;
Как городов тщедушные сыны
Пред ними жалки! Тяжкий гнет печали
Не отравлял их сладостные сны;
Их моды в обезьян не превращали;
Просты, хотя не дики,—из-за ссор
Они борьбу считали за позор.

67.

Веселость их всегда сопровождала;
Поденный труд их не томил ничуть;
Среда разврат в их души не вливала;
В тени лесов свободно дышит грудь!
Гнет роскоши, распутства злое жало
Не направляли их на ложный путь:
Под светлой сенью девственного леса
Нужда и горе не имеют веса.

68.

Довольно о природе! Мы должны
Опять вернуться к благам просвещенья:
К пожарам и чуме, плодам войны,
К картинам смерти, бед и разрушенья,
И к будуару царственной жены,
Где многим расточались наслажденья
И чье убранство ныне озарил
Пожаром покоренный Измаил.

69.

Пал Измаил. Один отряд сначала
В нем проложил кровавый путь. За ним
Другой ворвался следом. Смерть зияла,
И острый штык, как рок неумолим,
В толпу врезался. Всё кругом стонало.
Как облако, носился серный дым,
Тяжелым смрадом воздух отравляя.
А турки всё дрались, не отступая.

70.

Кутузов, что при помощи снегов
Впоследствии отпор дал Бонапарту,
С солдатами попал в глубокий ров,
Благодаря излишнему азарту.
Пред другом и врагом он был готов
Всегда шутить и, ставя жизнь на карту,
Острил над всем, веселый теша нрав;
Но тут он приуныл, в беду попав.

71.

Безумною отвагою согретый
И храбрости желая дать пример,
Он бросился к подножью парапета;
Но турки смяли храбрых гренадер,
Что с ним пошли в атаку. В схватке этой
В числе убитых был и Рибопьер,
Что пал, оплакан всеми в русском стане.
Загнали в ров обратно мусульмане

72.

На парапет взобравшихся солдат;
Но их спасла нежданная подмога:
Какой-то заблудившийся отряд,
Что проплутал неведомой дорогой,
Пришел на помощь к ним, а то навряд
Под градом пуль их уцелело б много,
И храбрый весельчак Кутузов—сам
С колонною своей погиб бы там.

73.

Отряд прибывший, после жаркой схватки,
Оплотом овладел турецких сил
И, опрокинув турок в беспорядке,
Килийские ворота отворил;
И так вступили жалкие остатки
Кутузовской колонны в Измаил,
А то им было неуютно что-то
Во рву, среди кровавого болота.

74.

Каза́ки иль, пожалуй, казаки́
(На правильность и точность ударений
Мне обращать вниманье не с руки;
Лишь в фактах избегаю искажений)
Все полегли, изрублены в куски.
Незнатоки по части укреплений,
Привыкшие сражаться лишь верхом,
Не в силах были справиться с врагом.

75.

Хоть их огонь преследовал жестоко,
Толпой они вскарабкались на вал
И думали, покорны воле рока,
Что грабежа отрадный миг настал;
Но зуб порой неймет, хоть видит око:
Пред ними неприятель отступал
Лишь для того, чтоб их, собравши вместе,
Всех окружить и положить на месте.

76.

Когда рассвет, алея, заблестел,
Никто из них в живых не оставался;
Но слава им досталася в удел:
Погибли все, и ни один не сдался.
По груде их окоченевших тел
Есуцкий, как по лестнице, взобрался
И в крепость ворвался таким путем
С неустрашимым полоцким полком.

77.

Отважный вождь налево и направо
Рубил врагов, но скоро пал от ран.
Хоть стены были взяты, бой кровавый
Всё длился, не расстроив мусульман.
Кого победа увенчает славой,
Никто б сказать не мог. Со станом стан
Боролся на-смерть; храбро янычары
Ударами платили за удары.

78.

Не меньше пострадал отряд другой
Под выстрелами турок. Здесь замечу,
Что лишнее иметь запас большой
Патронов там, где, направляясь в сечу,
В виду имеют рукопашный бой.
Солдат, боясь врагу итти навстречу,
Стреляет второпях, издалека,
Не прибегая к помощи штыка.

79.

Отряд Мекноба (что в бою сначала
От выстрелов немало потерпел
И своего лишился генерала)
На выручку удачно подоспел
К тем храбрецам, что добрались до вала,
И взял редут, где сераскир засел
И защищался с бешеной отвагой,
Не устрашен нагрянувшей ватагой.

80.

Когда он был врагами окружен,
Ему была предложена пощада,
Но сераскир был этим возмущен:
Вождю-герою милости не надо;
Как мученик, погиб бесстрашно он;
Отчизны скорбь была его награда.
Моряк, что взять его хотел живым,
Был наповал убит мгновенно им.

81.

На предложенье сдаться—пистолетом
Ответил он; тогда приказ был дан:
Всех турок перерезать; в деле этом
Три тысячи погибло мусульман;
Резня была немедленным ответом
На выстрел сераскира, что от ран
Окончил век. Он пал перед войсками,
Пронизанный шестнадцатью штыками.

82.

Сдавался шаг за шагом Измаил
И превращался в мрачное кладбище;
Дрались турки из последних сил,
Отстаивая каждое жилище.
Луч солнца, согревая нильский ил,
Чудовищам дает и жизнь, и пищу:
Так породил зловещий битвы ад
Безжалостных деяний целый ряд.

83.

Какой-то офицер, что, наступая
На груды тел, вперед отважно шел,
За пятку схвачен был. Изнемогая
От боли, тщетно он борьбу завел
С зубами, что, его не выпуская,
В него впились. Плодя немало зол,
Так держит нас змея, чье вероломство
Сгубило Еву и ее потомство.

84.

Сраженный турок, попранный ногой
Врага, зубами крепко ухватился
За часть, что Ахиллесовой пятой
Мы в шутку назвали. В нее он впился,
Дыша непримиримою враждой,
И стиснул зубы. Слух распространился,
Что голову, отрубленную с плеч,
Не мог раз'единить с ногою меч.

85.

Она, держась за пятку, всё висела,
В борьбе немой сцепившися с врагом;
Не знаю верно я, как было дело,
Но русский офицер остался хром.
Тот врач, что за леченье неумело
Взялся, конечно виноват кругом;
А турка осуждать нельзя за мщенье,
Что породил порыв остервененья.

86.

Но факт—всё факт, а истинный поэт
Остерегаться выдумок обязан;
В стихах, как в прозе, лгать заслуги нет;
Поэт, что должен быть лишь правдой связан,
Грешит красою фраз, мороча свет.
Поэту срам, когда во лжи погряз он:
Неправду сатана пускает в ход,
Как бы приманку, чтоб губить народ.

87.

Нет, не сдались твердыни Измаила,
А пали под грозою. Там ручьем,
Алея, кровь свои струи катила;
Без страха перед смертью и врагом
Валились турки. Верх брала лишь сила.
Хоть всё, пылая, рушилось кругом,
Они не прекращали обороны,
Победы крики превращая в стоны.

88.

Штыки вонзались; длился смертный бой;
И здесь, и там людей валились кучи.
Так осенью, убор теряя свой,
В об'ятьях бури стонет лес дремучий.
Руины представляя лишь собой,
Пал Измаил; он пал, как дуб могучий,
Взлелеянный веками великан,
Что вырвал с корнем грозный ураган.

89.

Описывать лишь ужасы—в систему
Я вовсе не намерен возвести;
Хоть выбрал благодарную я тему,
К другим картинам надо перейти.
Разнообразить должен я поэму;
Чего-то нет на жизненном пути
А потому представлю, мир рисуя,
Его и безобразья и красу я.

90.

Наш фарисей, любитель звонких фраз
И вычурно-слащавых выражений,
Наверно бы сказал: «Чарует нас
«Отрадный факт средь массы преступлений»
Я о таком хочу повесть рассказ.
Мой стих, что опален в пылу сражений
(Всегда ведь эпос битвами богат),
Я освежить таким рассказом рад.

91.

Валялась в взятом шанце, взор пугая,
Убитых женщин куча; перейти
Они сюда спешили, убегая
От смерти и надеясь тут найти
Убежище. Светла, как утро мая,
Малютка, лет не больше десяти,
Живою меж телами оказалась
И скрыться возле них, дрожа, старалась.

92.

Два казака, свирепей медведей,
Накинулись на девочку; их лики
Вселяли страх жестокостью своей;
Не менее страшны их были крики...
Что может порождать таких зверей?
Кто этому виной? Их нрав ли дикий,
Иль те, что, получив от Бога власти,
В сердца людей ко злу вселяют страсть?

93.

Над маленькой головкой засверкало
Оружье их. Дрожавшее дитя
Лицо свое меж трупами скрывало,
(Оно перепугалось не шутя).
Жуана это зрелище взорвало.
Что он сказал, волненью дань платя,
Не повторю,—приличьями я связан,—
Но что он сделал, я сказать обязан.

94.

Он налетел на них, свиреп и рьян,
И, с ними не вступая в разговоры,
Им несколько нанес тяжелых ран;
Затем, карая зверство, без призора
Оставил их. Тоской об'ят, Жуан
На груды тел кровавых бросил взоры
И девочку, что только чудом рок
Помог спасти, из их среды извлек.

95.

Как трупы те, был бледен лик унылый
Малютки. Меч, что мать ее убил,
Скользнул по ней; о близости могилы
Зловещий шрам невольно говорил.
Со всеми, что ей в жизни были милы,
Тот крови след последней связью был;
Но не была опасна эта рана;
Дитя, дрожа, взглянуло на Жуана.

96.

Они друг с друга не спускали глаз.
Читались в нем: надежда, сожаленье,
Восторг, что он дитя от смерти спас,
За бедную малютку опасенье;
Она ж в него глазенками впилась
И, радость выражая и смятенье,
Притом была прозрачна и бледна,
Как ваза, что внутри освещена.

97.

В то время подошел к ним Джонсон. (Право,
Я Джэком не могу его назвать;
В такой момент торжественный октава
Должна приличья строго соблюдать).
За ним неслася целая орава
Солдат. «Я счастлив друга увидать»,
Жуану он сказал. «Скорей за дело!
«Георгий [16])—наш. Расчитывайте смело!

98.

«Нам надо брать последний бастион;
«Он держится еще, хоть это чудо.
«Паша, что не сдается, окружен
«И помощи не ждет уж ниоткуда.
«Сидя в дыму, спокойно курит он,
«Хоть вкруг него кровавых трупов груда;
«Всё ж он картечь еще пускает в ход:
«Так старая лоза роняет плод.

99.

«Итак, мой друг Жуан, вперед за мною!»
—«Я спас дитя», сказал Жуан в ответ.
«Нельзя малютку бросить здесь одною.
«Как уберечь ее, мне дай совет.
«И всюду я помчуся за тобою!»
—«Ты прав, конечно», жалостью согрет,
Ответил Джонсон: «бросить безрассудно
«Дитя; но как тут быть, придумать трудно!»

100.

—«Я не уйду», сказал Жуан, «пока
«Дитя не будет в безопасном месте.
—«Но ведь везде опасность велика»,
Товарищ возразил ему.—«Так вместе
«Пускай раздавит нас судьбы рука,
«Но я останусь верен долгу чести.
«Ребенок этот вверен мне судьбой;
«Он сирота, а потому он мой!»

101.

—«Жуан!» воскликнул Джонсон: «ни мгновенья
«Терять нельзя. Ребенок очень мил,
«Но славе должен дать ты предпочтенье
«Пред чувством. Коль разграбят Измаил,
«Все оправданья будут без значенья.
«Мне ждать нельзя; атаки час пробил.
«Ты слышишь крики? Каждый миг нам дорог,
«А время мы теряем в разговорах!»

102.

Жуан был непреклонен. Чтоб скорей
Уладить дело, Джонсон постарался
Двух провожатых выбрать поверней
И вверил им малютку. Он поклялся,
Что если что-нибудь случится с ней,
То расстреляет их; но обещался
Не пожалеть значительных наград,
Когда они ребенка сохранят.

103.

За Джонсоном тогда, сквозь тучи дыма
И выстрелов неумолкавший гром,
Пошел Жуан. Хоть смерть неутомимо
Людей косила, царствуя кругом,
Войска вперед неслись неустрашимо.
Герой добычи просит и, влеком
Любовью к ней, всегда дерется с жаром.
Где тот герой, что будет драться даром?

104.

Увы, как много есть людей таких,
Чьи ужасают гнусные деянья!
Зачем людьми мы называем их?
Им надо бы другое дать названье,
Тем отличая праведных от злых.
Но снова перейду к повествованью.
В редуте атакованном засев,
Один татарский хан дрался, как лев.

105.

Старик с *пятью* своими сыновьями
(Гарем всегда плодит бойцов толпой),
Не веря в то, что город взят врагами,
Отчаянно дрался за край родной.
Титана ли хочу воспеть стихами?
Ахилл иль Марс стоят ли предо мной?
О, нет! Лишь старца я воспеть намерен,
Который пал с детьми, отчизне верен.

106.

Когда герой в беде, ему помочь
Толпа отважных витязей готова;
Но иногда им гнев сдержать не в мочь;
Их души—смесь и доброго, и злого;
Они в борьбе то жалость гонят прочь,
То их сердца она смягчает снова
И властвует над черствою душой;
Так ветерок колеблет дуб порой.

107.

Хотели завладеть упрямцем старым,
Щадя его; но не сдавался хан;
Удар им наносился за ударом;
Старик рубил нещадно христиан,
И сыновья его дралися с жаром,
Как при Бендерах Карл. Всем чувствам дан
Предел; и вот, дошедши до предела,
Сочувствие к ним русских охладело.

108.

Жуан и Джонсон тщетно в разговор
Вступали с стариком. Забрызган кровью,
Он не хотел умерить свой задор;
Неумолим, как доктор богословья,
Со скептиком вступивший в жаркий спор,
Он с гордостью все отвергал условья
И расправлялся так с толпой друзей,
Как гневный мальчик с нянькою своей.

109.

Он страх внушал своим суровым ликом;
Вот ранены и Джонсон, и Жуан;
Тогда Жуан со вздохом, Джонсом с криком
Напали на него. Упрямый хан,
С детьми, сражался в исступленьи диком.
На них грозой обрушился весь стан;
Но не страшны пескам пустыни тучи:
И под грозою сух песок сыпучий!

110.

Но наконец погибли все они:
Сраженный пулей, сын второй пал мертвый;
Изрублен саблей, третий кончил дни;
Пронизанный штыком, погиб четвертый,
Отца любимец и кумир семьи;
А пятый, нелюбимый и затертый,
Гречанки сын, что был отцом гоним,
Спасти отца желая, пал пред ним.

111.

Глубоко назареев презирая,
Был истым турком хана старший сын;
Он видел пред собою кущи рая,
Где воин, павший в битве, властелин,
И гурий перед ним толпа густая
Носилась. Кто взглянул хоть раз один
На райских дев, тот к ним пылает страстью,
Склоняясь ниц пред их волшебной властью.

112.

Как отнеслися гурии к нему,
Не знаю и не в силах отгадать я;
Но, право, ясно сердцу и уму,
Что им милее юноши об'ятья,
Чем старого героя; потому
За истину тот взгляд готов признать я,
Что старцы редко падают в огне,
А молодые гибнут на войне.

113.

Те гурии увлечь всегда готовы
Недавно обвенчавшихся мужей,
Когда в разгаре месяц их медовый,
Когда о жизни холостой своей
Они еще не тужат, с жизнью новой
Мирясь и даже наслаждаясь ей.
Как видно, райским девам в том отрада,
Чтоб рвать цветы; плодов же им не надо.

114.

Забыв и жен, и собственный гарем,
Красивый хан стремился к волнам света,
Скрывающим и гурий, и Эдем.
Надеждою увидеть их согретый,
Пророка сын не дорожит ничем,
Как будто только в небе Магомета
Возможно светлый мир душе обресть.
Меж тем небес, как слышно, семь или шесть.

115.

Игрою увлечен воображенья,
Почувствовав в груди конец копья,
Он прошептал: «Аллах!»—и в то ж мгновенье
Пред ним сверкнула вечности заря,
И рай пред ним, как светлое виденье,
Предстал, огнями яркими горя.
Пророки, девы, ангелы, святые
Ему явились, светом облитые.

116.

И умер он с сияющим лицом.
Тут старый хан, что на детей молился,
Лишь о потомстве думая своем,
Когда последний сын его свалился,
Как мощный дуб, сраженный топором,
Борьбу прервал на миг и наклонился
Над первенцем. Лишившись разом сил,
Он тусклый взор на бледный труп вперил.

117.

Прервали бой немедленно солдаты,
Надеясь, что он сдастся; но старик,
Тоскою безысходною об'ятый,
О них забыл. Его был мертвен лик;
Надломлен непомерностью утраты,
Герой, не знавший страха, как тростник
Затрепетал: один, исполнен горя,
Остался он средь жизненного моря.

118.

Но трепет длился миг. Одним прыжком
Он бросился на штык окровавленный.
Так мотылек, пленяемый огнем,
В нем погибает, пламенем спаленный.
Попав на штык, старик повис на нем,
Чтоб умереть скорей; насквозь пронзенный,
Он бросил на детей прощальный взгляд
И кончил жизнь, отчаяньем об'ят.

119.

Когда же смерть глаза на век смежила
Отважного и гордого бойца,
В солдатах, хоть война их приучила
К кровавым схваткам, дрогнули сердца.
Пускай слеза, скатившись, не смочила
Ни одного сурового лица,—
Всех тронул этот старец величавый,
Погибший, презирая жизнь, со славой.

120.

Хотя на уцелевший бастион
Всех русских сил обрушилась громада,
Паша всё не сдавался, окружен,
И длилася, как прежде, канонада;
Но наконец спросить решился он,
Успешно ль подвигается осада,
И, получив ответ, что город взят,
Сдался, спасая этим свой отряд.

121.

Спокойно он сидел во время боя,
Куря кальян, невозмутим и строг
(Таких бойцов не видела и Троя!),
Всё защищаясь, хоть почти полег
Его отряд. Глядя на лик героя,
Подумать бы, конечно, всякий мог,
Что разрешил он трудную задачу—
К трем бунчукам три жизни взять в придачу!

122.

Нет Измаила! Что теперь в пустом
Отчаяньи его сопротивленья?
Уж ничему не служит он щитом.
Пал полумесяц, и поля сраженья
Осенены алеющим крестом,
Багровым не от крови искупленья:
Как месяц в волнах, так со всех сторон
В крови горящей город отражен.

123.

Всё то, что ум придумать может злого,
Что плоть дурного может совершить,
Всё зло, что поражать людей готово,
Все бедствия, что может ад излить,
Всё то, что описать бессильно слово,
Все ужасы, что может породить
В союзе с властью давящая сила,—
Всё это здесь, свирепствуя, царило.

124.

Хоть доброта сердечная порой
Себя деяньем добрым проявляла,
Но смысл она теперь теряла свой,
Когда война всё кровью затопляла
И разрушала всё перед собой.
О вы, Парижа модные нахалы
И Лондона зеваки, вы должны
Подумать о последствиях войны!

125.

Подумайте, ценою скольких жизней
Дается людям чтение газет!
Под тяжестью долгов легко ль отчизне?
Как много крови стоит гром побед!
Придется помянуть нам скоро в тризне
Ирландию,—пред нею чаша бед.
Голодный край сдержать не может стона;
Насытится ль он славой Веллингтона?

126.

Но люди бредят славой и войной...
Так воспевай их муза! Смертный холод
Пусть не смущает гимн победный твой!
Пускай нужда дробит народ, как молот,
И разоренье косит саранчей
Его поля,—неведом трону голод.
Ирланский пахарь умереть готов,
А всё ж в Георге весу семь пудов.

127.

Но кончить тороплюсь я; крепость сдалась,
И зарево пылающих домов
В Дунае, полном крови, отражалось.
Гремел победный крик, но пушек рев
Среди развалин смолк. В живых осталась
Лишь горсть людей, а тысячи бойцов
В кровавом сне лежали распростерты,
С лица земли рукою смерти стерты.

128.

Теперь коснуся я, читатель мой,
Сюжета щекотливого. Старанья
Я приложу, чтоб вкус изящный твой
Не оскорбить, ценя твое вниманье.
Усталость ли была тому виной,
Зима, иль недостаточность питанья,—
Не ведаю; но русским честь отдам:
Насилий приключилось мало там.

129.

Лишь к грабежу наклонность обнаружа,
Щадить прекрасный пол был воин рад.
Французы поступили б, верно, хуже,
Но их кумир, как знают все—разврат.
Отчасти я приписываю стуже
Воздержность беспримерную солдат.
Хоть были исключенья (их всегда мы
Встречаем)—мало пострадали дамы.

130.

Во мраке потерпеть пришлось таким,
Что храбреца бы обратили в труса
При блеске дня. Винить за это ль дым,
Что ел глаза? Отсутствие ли вкуса
Иль света, что всегда необходим,
Поспешность ли?—решить я не берусь.
От гренадер так натерпелись бед
Шесть девушек семидесяти лет.

131.

Иных почтенных дев—того не скрою—
Холодность опечалила солдат.
Готовые пожертвовать собою
(Один бы рок остался виноват!),
Надеялись они, мирясь с судьбою,
Союзы заключить без всяких трат,
Как римляне с сабинками. Легко ли
Всё в девстве обретаться против воли!

132.

Смущалися и вдовы зрелых лет;
Бросая вопросительные взгляды,
Они кричали: что ж насилий нет?
И не могли скрывать своей досады;
С отвагою несясь навстречу бед,
Они просить не стали бы пощады;
Но принесла ль погоня за врагом
Желанный плод—нет сведений о том.

133.

Суворов победил, затмив собой
Тимура. Средь смолкающего грома,
Он написал кровавою рукой,
В виду домов, горевших, как солома,
Императрице первый рапорт свой,
Ей сообщая результат погрома
Стихами: «*Слава Богу, слава Вам*»,
Писал он: «*крепость взята и я там*». [17])

134.

Ужасные слова! Лишь изреченье,
Что прочитал на пире Даниил,
С словами теми выдержит сравненье,
Хоть смысл его иной, конечно, был:
Пророк, читая Божье откровенье,
Над бедствием народа не трунил,
Тогда как русский вождь, с Нероном пара,
Острил в стихах при зареве пожара.

135.

Под звуки стонов гимн победы громкий
Он написал. Тех ужасов забыть
Не может мир. Кровавые обломки
И камни я подвигну отомстить
Тиранам, чтобы ведали потомки,
Что власть не всех могла поработить,
Что мы стояли за права народа,
Хоть нам была неведома свобода.

136.

Ее мы не дождемся; но они,
Узнав ее волшебное сиянье,
Пусть проклинают тягостные дни,
Плодившие подобные деянья!
Не лучше ли оставить их в тени,
Чтоб сгинуло о них воспоминанье!
Героя не сравню я с дикарем:
Расписан он, но крови нет на нем.

137.

Читая в страхе летопись разврата,
О внуки! на монархов прежних лет
Смотрите, изумлением об'яты,
Как смотрим мы на мамонта скелет,
Дивясь тому, что мог он жить когда-то,
Как созерцает пирамиды свет,
Желанием об'ят—хотя б случайно
Понять их смысл и разгадать их тайны.

138.

Читатели, сознаться вы должны,
Что я свои исполнил обещанья:
Любви, скитаний, бури и войны
Подробные я сделал описанья;
К эпическим должны быть причтены
Моей мечты правдивые созданья;
Пою я безыскусственно вполне,
Но Феб порою помогает мне.

139.

С такой опорой твердою, украдкой,
Могу я забавляться и шутить,
Но здесь с моей поэмою-загадкой
Расстанусь и прерву рассказа нить;
Я утомлен войной, и отдых сладкий
Хочу себе на время разрешить;
С моим героем встречусь я в столице,
Куда курьером послан он к парице.

140.

За храбрость и поступок добрый свой
Такой он удостоился награды;
Насытившись и кровью, и резней,
Отметить человечность люди рады,
Желая скрыть жестокость добротой.
Ему был дан Владимир; но отрады
Ему дарила больше во сто раз
Та мысль, что он дитя от смерти спас.

141.

Дитя осталось с ним. Его лишила
Война родных и крова. Целый свет
Стал для него пустынею. Уныло
Молчал среди развалин минарет.
Глядя на бледный призрак Измаила,
Жуан был потрясен и дал обет
Не покидать невинное созданье,
И данное сдержал он обещанье.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1.

О Веллингтон! благодаря французам,
Что с радости и с горя всё острят,
Ты прозван Vilain-ton; но ты союзом
С всемирною известностью богат,
Хоть пенсии твои тяжелым грузом
На злополучной родине лежат.
Кто эту славу презрит, дерзновенный?
О ней [1]) грохочет эхо по вселенной.

2.

Однако ж ты бесчестно поступил
С Кинердом, не оставшись слову верен;
К тому же, ты не раз душой кривил;
Но сплетен повторять я не намерен.
Себя ты пред потомством очернил,
А суд его не будет лицемерен!
Хоть ты достиг весьма преклонных лет,
Давно ль тебя признал героем свет?

3.

Британии неимоверны траты,
Чтоб наградить тебя; скажи, не ты ль,
Чиня Европы старые заплаты,
Легитимизма вновь скрепил костыль?
Твоих деяний жалки результаты;
Поддерживать напрасно тлен и гниль!
Хоть Ватерло—блестящая эпоха,
Что ж подвиг твой так воспевают плохо?

[1]) Может быт—„О, Ней!“—*Наборщик.—Б.*

4.

Бесспорно, ты «головорез» лихой
(Тем прозвищем обязан ты Шекспиру),
Но пользу ли принес кровавый бой—
О том судить не королям, а миру;
Один кружок лишь возвеличен твой
Да ты, что уподобился кумиру;
Другим же причинила только зло
Нещадная резня при Ватерло.

5.

Я лести враг и замечаю пятна,
А ты с ее уж свыкся языком
И любишь восхваленья, что понятно:
Тебе приелся вечных схваток гром;
Одна лишь похвала тебе приятна;
Ты рад, когда тебя зовут притом
Спасителем народов неспасенных
И другом стран, досель порабощенных [18]).

6.

Я высказал, что думал. Без забот
Садись за стол; от трапезы богатой
Ты часовым, стоящим у ворот,
Пошли подачку; и они когда-то
Сражались, но нужды их давит гнет;
Народ без хлеба; хоть не даром плата
Взимается тобою—на мой взгляд
Ты часть пайка отдать бы мог назад.

7.

Я над твоею не глумлюся славой,
Да можно ли тебя критиковать?
Другие времена, другие нравы:
Пример тебе не с Цинцинната брать.
Ты, как ирландец, любишь есть приправы
С картофелем, но не тебе ж пахать!
Ты полмильона взял,—сознаться надо,
Что чересчур уж велика награда.

8.

В былые дни наград не знал герой:
На похороны денег не оставил
Эпаминонд, окончив путь земной;
Великий Вашингтон себя прославил,
Свободу даровав стране родной.
Но он иных, чем ты, держался правил;
Хоть разорил свою отчизну Питт,
Но он вполне был бескорыстный бритт.

9.

В руках имел ты власть и, без сомненья,
Спасти Европу мог бы от цепей
И заслужить ее благословенья...
Что ж сделал ты для страждущих людей?
Так мало, как никто. За что ж хваленья?
Не гимнов ли от музы ждешь моей?
На Англию обрушились все беды,—
Глядя на них, кляни свои победы!

10.

В своих стихах я зло карать привык;
Мне сладкий голос лести ненавистен;
Внимая мне, твой омрачится лик:
В газетах не прочтешь подобных истин;
Делами, но не духом ты велик,
К тому же, далеко не бескорыстен.
Стремиться к высшей цели ты не мог,
И мир, как прежде, беден и убог.

11.

Смеется смерть... Порвав с землей оковы,
Нам оставляет жизнь немой скелет.
(Так скрывшееся солнце с силой новой
Другим странам дарит тепло и свет).
Над чем в тоске мы слезы лить готовы,
Смеется смерть; от ней пощады нет.
Скелета рот без губ и без дыханья
Невольно нас приводит в содроганье.

12.

Смотрите, как скелет, что глух и нем,
Смеется с злой гримасою над нами
И злобно издевается над тем,
Чем был недавно сам. Когда крылами
До нас коснется смерть, ее ничем
Не удалишь; костлявыми руками
Со всех содрать придется кожу ей.
(А кожа всяких платьев нам ценней).

13.

Смеется смерть своим беззвучным смехом,
И жизнь пример с нее должна бы брать;
Она могла б, служа ей верным эхом,
Все призрачные блага попирать,
Глумясь над славой, властью и успехом.
Ничтожества на нас лежит печать.
Ничтожны мы, как капли в бурном море,
Да и земля лишь атом в звездном хоре.

14.

«Быть иль не быть»—сказал Шекспир—«вот в чем
Вопрос». Как Александр, неуловимой
Мечтой не тешусь я и не влеком
Любовью к славе призрачной и мнимой.
Отрадней быть здоровым бедняком,
Чем Цезарем больным; неоспоримо,
Что счастья дать не может гром побед,
Когда нельзя переварить обед.

15.

O, dura ilia messorum! Надо
Латинской фразы сделать перевод
Для жертв катарра, что страшнее яда:
«Желудком здрав трудящийся народ».
Иным добыть насущный хлеб отрада;
Других же радует большой доход.
В конце концов, счастливей тот, конечно,
Кто крепче спит, тоски не зная вечной.

16.

Быть иль не быть?—так ставится вопрос.
А жизнь, по мне, таинственней загадки;
Не мало мнений слышать мне пришлось,—
И что ж?—о ней понятия так шатки,
Что, право, все они туманней грез:
То ей хвалы, то на нее нападки;
Иные рады руки к ней простерть;
Она же—если взвесить—та же смерть.

17.

Que sais-je?—девиз Монтэня. Аксиомой
Считают, что нам чужд познаний свет,
Что с бреднями одними мы знакомы
И что ни в чем уверенности нет;
Чужое принимаем за свое мы;
Познанья наши—только детский бред:
Так сбивчивы и шатки наши мненья,
Что сомневаться можно и в сомненье.

18.

С Пирроном мне скитаться не с руки;
По бездне мысли плавать безрассудно;
Опасности от бурь там велики;
Нагрянет шквал—как раз потонет судно;
Все мудрецы—плохие моряки;
Так плавать утомительно и трудно;
Не лучше ли приют на берегу,
Где отдохнуть средь раковин могу?

19.

С тех пор, как нас, со всем животным царством,
Сгубила Ева жадностью своей,
Молитва нам должна служить лекарством
От всяких бед: так обратимся к ней,
Чтобы найти исход своим мытарствам.
Без воли неба даже воробей
Не гибнет; но его проступки, где вы?
Уж не видал ли он паденья Евы?

20.

Как часто грезы тешат нас одне!
Что значит теогония, о Боже?
Постичь и космогонию вполне
Я не могу,—и филантропов тоже;
Что значит мизантроп? скажите мне!
К их сонму причислять меня за что же?
В одной ликантропии вижу толк:
Как часто человек свиреп, как волк!

21.

Я с Меланхтоном схож и Моисеем
Терпимостью и кротостью своей;
Никто меня не назовет злодеем,
Хоть я порой не сдерживал страстей
И ход давал всегда своим идеям,
Но без причин не задевал людей.
За что ж в поэте мизантропа видят?
За то, что люди правду ненавидят.

22.

Но вновь пора приняться за рассказ.
Что он хорош—не сомневаюсь в этом;
Хоть не совсем понятен он для вас,
Всё ж остаюсь правдивым я поэтом.
Когда-нибудь пробьет желанный час,
Когда он будет понят целым светом!
Теперь, его изгнание деля,
Один его красой любуясь я.

23.

Герой моей поэмы (ваш он тоже,
Надеюсь я) отправлен в Петроград,
Где неучи, одетые пригоже,
Скорей отвагой, чем умом блестят.
Хвалить Россию в моде, но за что же?
Мне жаль, что сам Вольтер кадить ей рад;
Неограниченные автократы
Не варвары, но хуже их трикраты.

24.

Я выступить всегда готов бойцом,
Не только на словах, но и на деле,
За мысль и за свободу. С тяжким злом,
Что рабство создает, мириться мне ли?
Борьбу я увенчаю ль торжеством—
Не ведаю,—навряд достигну цели;
Но всё, что человечество гнетет,
Всегда во мне противника найдет.

25.

Я вовсе не намерен льстить народу;
Найдутся демагоги без меня,
Готовые всегда, ему в угоду,
Всё разрушать, толпу к себе маня,
Чтоб властвовать над ней. Зову свободу,
Но к демагогам не пристану я;
Я бы хотел, противник всякой скверне,
Чтоб не было ни королей, ни черни.

26.

Я всяких партий враг, и оттого
Все партии озлоблю, без сомненья;
Но непритворны мнения того,
Кто держится противного теченья.
Ничем не связан я и никого
Я не боюсь. Пусть, полны озлобленья,
Шакалы рабства поднимают вой,—
В их хоре не раздастся голос мой.

27.

С шакалами, что близ руин Эфеса
Стадами мне встречались [19]), я сравнил
Противников свободы и прогресса,
Которым только голос лести мил
(Они без власти не имеют веса);
Но я шакалов этим оскорбил;
Шакалы кормят льва, тогда как эти
Для пауков приготовляют сети.

28.

Народ, очнись от сна! не дай себя
Опутать их зловещей паутиной;
Порви ее, тарантулов губя!
Бояться их не будет уж причины;
Борись со злом, свои права любя!
Когда ж протест раздастся хоть единый?
Теперь одно жужжанье тешит слух
Пчел Аттики и злобных шпанских мух.

29.

Жуан курьером послан был в столицу
И важные депеши вез с собой;
В них посвятил шутливую страницу
Борьбе кровавой русских сил герой.
Победою он радовал царицу,
Что на войну, как на петуший бой,
Взирала, о потерях не жалея,
Лишь бы успешно кончилась затея.

30.

Жуан в кибитке ехал. Хуже нет
Такой езды. Когда дороги тряски,
Натерпишься немало всяких бед;
Езда такая стоит доброй таски.
Жуан, надеждой светлою согрет,
Всё видел только в розовой окраске;
Жалел, что не несет его Пегас,
Но о рессорах он вздыхал не раз.

31.

Жуан глядел с заботливостью нежной
На спутницу свою. Тяжелый путь
Ее совсем разбил. Пустыней снежной
Толчки вам мнут бока и давят грудь;
Ушибы и страданья неизбежны.
О путниках не думают ничуть;
Одна природа чинит здесь дорогу,
И всё кругом принадлежит лишь богу.

32.

Он в полном смысле фермер этих стран;
У нас же в эти тягостные годы
Злосчастный фермер скрылся, как туман.
Церера, у него отняв доходы
И всласть опустошив его карман,
Погибла с Бонапартом в час невзгоды.
Смешной контраст на ум приходит мне:
Пал Цезарь—и овес упал в цене.

33.

Жуан смотрел на девочку с любовью.
Он спас ее; блестящ такой трофей:
Он жало притупляет и злословью!
По мне, Жуан тем подвигом славней,
Чем шах Надир, что мир забрызгал кровью
И всех дивил жестокостью своей.
(Желудком он страдал и, злобы полный,
Любил смотреть, как крови льются волны [20]).

34.

Отрадней жизнь цветущую спасти,
Даря участье доле сиротливой,
Чем, смерть неся, за лаврами итти,
Взрощенными залитой кровью нивой.
Душе не может счастья принести
Похвал незаслуженных голос льстивый:
Что слава, если совесть не чиста?—
Лишь звук пустой, лишь жалкая мечта!

35.

Писатели! к вам всем без исключенья
Я обращаюсь с речью,—к тем из вас,
Которые, продав заране мненья,
В налогах разных видят счастье масс,—
И к бардам, сытым громом обличенья,
Которые, обидеть не боясь
Стоящих у кормила, всюду трубят,
Что пол-страны нужда и голод губят.

36.

Писатели!.. Но à propos de bottes
Я мысль свою забыл! (И с мудрецами
Не раз такой случался эпизод!).
Хотелось мне искусными словами
Всех успокоить—власти и народ,
Миря лачуги с пышными дворцами.
Я верно бы бесценный дал совет,
Но знаю, что его не примет свет.

37.

Когда наш мир, из хаоса рожденный,
Вторично будет в хаос превращен;
Когда он, на погибель обреченный,
Исчезнет в мраке будущих времен,
Разрушенный, раздавленный, сожженный,
И допотопным миром станет он,—
Быть может, к удивлению потомков,
Мой труд найдут среди других обломков.

38.

В том ничего несбыточного нет.
(К трудам Кювье питаю я почтенье).
Рассматривать служивший нам предмет
Грядущие так будут поколенья,
Как смотрим мы на мамонта скелет,—
Как смотрим мы, полны недоуменья,
На остовы гигантов прежних дней
И крокодилов сгинувших морей.

39.

Георг Чертвертый, найденный нежданно,
Всех изумит фигурою своей.
Вопрос, как добывал прокорм желанный
Подобный скот, займет тогда людей,
Что карликами будут. Беспрестанно
Мельчает в мире всё с теченьем дней,
И человек—хоть видят в нем кумира—
Лишь гробовой червяк иного мира.

40.

Когда народ появится опять
И будет снова, не жалея силы,
С трудом свой хлеб насущный добывать,
Пахать, молоть и жать,—с тоской унылой,
Как мы, платить налоги, воевать,
Найдя случайно старые могилы,
Не примет ли он за чудовищ нас,
Скелеты наши ставя на показ?

41.

Увы! я философствую не в меру,
Но «время соскочило с колеи»,
И я его последовал примеру:
Порывы не могу сдержать свои
И в путь прямой давно утратил веру;
Всё то, что может мне на ум прийти,
В свои стихи вношу я без отсрочки,
Не зная тайны следующей строчки.

42.

Хоть я блуждал немало, перейти
Спешу, однако ж, к своему роману.
Героя я оставил на пути;
Но длинный путь описывать не стану.
(У многих описания в чести;
Мне ж—не до них!). Я возвращусь к Жуану,
Не тратя бесполезно много слов,
В столице пышной крашеных снегов.

43.

И вот, в одной из зал дворца, с толпою
Чинов двора и дам Жуан стоит,
В мундире алом с черною каймою;
Мундир ему дает блестящий вид,
Чулки его пленяют белизною;
Над шляпою его султан дрожит,
Как рваный парус, бурею задетый;
В рейтузах он топазового цвета.

44.

Как вылитый, мундир сидит на нем.
Портной, как чародей, всегда представить
Имеет редкий дар товар лицом,
Иглой, как бы жезлом, умея править.
Жуаном все любуются кругом.
Прошу на пьедестал его поставить,
И тотчас же пред вами Купидон
В артиллериста будет превращен.

45.

Повязка, с глаз упав, послушна магу,
На шее станет галстухом; колчан
В ножны преобразится, стрелы—в шпагу,
Что их острее; луку будет дан
Вид треуголки; крылышки, дав тягу,
Вернутся эполетами. В обман,
Наряжен так, введет он и Психею
И за Амура будет принят ею.

46.

Императрица улыбнулась. Двор
Смутился. Дамы все пришли в волненье;
Любимец дня склонил уныло взор
(Не помню, кто тогда имел значенье).
Таких не мало видели с тех пор,
Как началось блестящее правленье
Царицы. Все временщики тогда
Большого роста были господа.

47.

Жуан, без бороды, и худ, и строен,
Совсем не подходил фигурой к ним;
Но он отличий всяких был достоин
И только по лицу был серафим.
В глаза бросалось, что он храбрый воин,
Притом же и в страстях неукротим.
Царица, схоронившая Ланского [21]),
Таким, как он, могла увлечься снова.

48.

Щербатова, Мамонова, ну словом
Кого-нибудь на «ов» или на «ин»
Страшила мысль, как бы пожаром новым
Любовь не запылала в миг один
В монаршем сердце, не весьма суровом;
Смутился духом рослый властелин,
Что занимал в те времена в столице
«Высокий пост доверья» при царице.

49.

Что может значить выраженье: тот,
Кто занимал «доверья пост высокий»?
Как этой фразы сделать перевод?
О дамы, если смысл ее глубокий
Не ясен вам, не Каслри [22]) найдет
Загадки ключ; речей его потоки—
Пустой подбор витиеватых фраз,
Что с толку сбить легко сумеют вас.

50.

В моей попытке об'ясненья скромной
Ненужен мне сей хищник диких стран,
Сей Сфинкс, чья речь могла б казаться темной,
Не будь к ней ключ его делами дан,
Чудовищный иероглиф, огромный
Водой и кровью хлещущий фонтан.
И без него найду я об'ясненье.
Вот анекдот, что не лишен значенья.

51.

У итальянской дамы как-то раз
Шутя спросила английская дама:
— «Скажите, в чем обязанность у вас
«Кавалиер-сервенте, что упрямо
«С синьор замужних не спускает глаз?»
Так итальянка отвечала прямо:
— «Чтоб отношенья эти уяснить,
«Вы их должны себе вообразить».

52.

Прошу и вас, читатели, теперь я
Себе вообразить, что делал тот,
Кто занимал «высокий пост доверья»,
Дававший деньги, силу и почет.
Не дорожить им,—было б лицемерье:
Легко ль терять своей удачи плод?
И потому достигнувшие цели
Со страхом на соперников глядели.

53.

Наружностью Жуан был верно схож
С Парисом, злым виновником погрома
Злосчастной Трои. Свет через него ж
Узнал судов бракоразводных громы...
Кого они не приводили в дрожь?
История разводов мне знакома.
Она гласит, что гибель Трои—счет,
Уплаченный впервые за развод.

54.

Царица всё любила; исключенье—
Супруг ее, что сердцу не был мил,
А потому и умер в заточенье.
Гигантов, полных мужества и сил,
Она предпочитала, но влеченье
К изящному в ней было, и служил
Тому Ланской, столь милый ей, примером,
Хотя плохим он был бы гренадером.

55.

О ты, всех belli teterrima causa! [23])
Таинственная дверь небытия
И жизни, небу вечная угроза,
Ты—и закат, и вместе с тем заря!
Постичь тебя—несбыточная греза:
Как смертный пал, того не знаю я,
Но ты с тех пор причина, без сомненья,
Погибели его и возвышенья.

56.

Зовут тебя причиной всяких бед.
Воззрение такое непонятно;
Мы чрез тебя рождаемся на свет
И от тебя к тебе ж идем обратно;
Миры ты населяешь; спора нет,
Всё без тебя погибло б безвозвратно;
На почве мира скудной и сухой
Ты океан, несущий жизнь с собой.

57.

Екатерина олицетворяла
Собой причину войн, добра и зла
(Исходит всё из этого начала,
И темные, и светлые дела);
Когда она склоненным увидала
Перед собой красивого посла,
Остановилась вдруг, не вскрыв пакета,
К нему лучом сочувствия согрета.

58.

Лишь миг на нем остановив свой взор,
Она затем с величием царицы,
Скрывая чувств нахлынувших напор,
Прочла депеш хвалебные страницы.
За ней следил с подобострастьем Двор,
И вот с ее улыбкою все лица
Мгновенно прояснились. Красоты
Печать носили царские черты.

59.

Она прочла о взятье Измаила,
И слава торжествующим лучом
Ее лицо волшебно озарила;
Так тонет море в блеске золотом
Восхода; но довольно ли ей было
Одной победы? Сух и под дождем
Песок немых пустынь; в реке кровавой
Готов купаться тот, кто жаждет славы.

60.

Прочтя стихи Суворова, она
Невольно улыбнулася при этом.
(Фельдмаршала кровавая война
И груды трупов сделали поэтом!).
Количеством потерь потрясена,
Она на миг смутилась, но пред светом
Смятение свое с'умела скрыть
И разом грустных дум прервала нить.

61.

Весь Двор ее улыбка осветила,
И он расцвел, надеждою согрет;
Так ливня благодетельная сила
Живит томимый засухою цвет.
Когда ж императрица, что любила
Прекрасное не менее побед,
Окинула юнца приветным оком,
Все замерли в волнении глубоком.

62.

Грозна в минуту гнева, с пышным станом,
Но величавой грации полна,
Всем, кто находит в сочном и румяном
Очарованье, нравилась она.
В делах сердечных чуждая обманам,
Сочувствием за всё платя сполна,
Она и векселя божка Эрота
Немедля пред'являла для учета.

63.

Преград не допуская, ни помех,
Она прямым путем стремилась к цели
И щедрою рукой дарила тех,
Которые ей угождать умели;
Кого хоть раз увенчивал успех,
Того в пути уж не страшили мели;
Хоть гнев ее народов не щадил,
Ей человек в отдельности был мил.

64.

Загадки непонятные—мужчины,
А женщины—подавно. В голове
У них бушуют вихри и пучины,
Опасные во всем их существе:
Меняются их мысли без причины,
Как ветер, шелестящий по траве...
Закон для них—один порыв сердечный!
Избиты эти истины, но вечны.

65.

Как трудно уследить за ходом дум!
Сначала мысль о взятьи Измаила
Екатерины охватила ум;
Затем она награды обсудила,
Не признавая действий наобум,
И, наконец, вниманье обратила
На юного гонца, что ей принесть
Был удостоен счастья эту весть.

66.

«Гонец Меркурий» явлен у Шекспира
«На небеса лобзающих горах»;
В душе властительницы полумира
Подобный образ промелькнул в лучах;
Конечно, круты высоты порфира
Юнцу. Но смельчакам неведом страх,
И те, в ком мощь и юность обитают,
Всегда, целуя, «небеса лобзают».

67.

Она взглянула вниз, он поднял взгляд,—
И вспыхнула любовь. Ее пленило
Его лицо, изящество, весь склад.
Эротов кубок! Молнийною силой
Нас опьяняет твой мгновенный яд!
Кто станет за стаканом пить уныло
Стакан? Влюбленный осушает глаз
Всю влагу жизни (кроме слез) зараз.

68.

Когда же самолюбие при этом
Утешено отличьем и для всех
Мы зависти становимся предметом,
Сочувствие растет; нам льстит успех;
Быть отличенным перед целым светом
Немало самолюбию утех
Приносит в дар, и хорошо ли, худо ль,
Нам выказать свою отрадно удаль.

69.

Жуан был в тех годах, когда нам мил
Призыв любви; когда, с рассудком в ссоре,
Борьбу со львами весть, как Даниил,
Готовы мы, с отвагою во взоре,
И внутренно сжигающий нас пыл
Тушить готовы в первом встречном море;
Так солнце гасит свет в пучине вод,
Когда к Фетиде светлый бог идет.

70.

И выгодно, и вместе лестно было
К царице в милость случаем попасть;
Нещадно лишь врагов она разила,
Но щедро награждать умела страсть.
Пленясь ее чарующею силой,
К ее ногам готов был всякий пасть,
И тот, кого царица отличала,
Вкушал лишь мед, пчелы не зная жала.

71.

Она была во всем расцвете лет:
Всех серые глаза ее пленяли;
Мы знаем, как всесилен этот цвет;
Такими же глазами обладали
Шотландская Мария и побед
Любимец, Бонапарт. Мы все слыхали,
Что и Паллада, чтоб пленять людей,
Такой же цвет избрала для очей.

72.

Императрицы лестное вниманье,
Ее красы чарующий расцвет,
С величием и властью в сочетанье,
Ее обворожительный привет,
К Жуану обращенный, средь собранья,
Где налицо был всей столицы цвет,—
Всё это (я скрывать того не стану)
Совсем вскружило голову Жуану.

73.

Другого и не надо для любви;
Она лишь эгоизма проявленье
И самолюбья; легкий жар в крови,
Что, угасая, губит увлеченье;
Порою пред'являть права свои
Готова страсть; но это исключенье,
И потому любовь признать нельзя
За главную пружину бытия.

74.

Любви разнообразных видов много;
Есть та любовь, что выдумал Платон;
Одна нас заставляет жить для Бога,
Другая... (Но я рифмою стеснен—
Увы! поэта рифма держит строго;
Гонясь за ней, он часто принужден
Грешить и против смысла). В заключенье
Есть чувственности страстное стремленье.

75.

Кто чувственности пламенем об'ят,
Тот к женщине стремится, как к богине.
Он перед ней во прах склоняться рад,
Уподобляя милую святыне.
Заря любви светла, ее ж закат
Во тьме уныло тонет; жаль, что в глине,
Как пленница, душа заключена,
Когда волшебных грез она полна!

76.

Я чту любовь, что чествует каноны
(Духовных лиц доходные статьи).
Любви безгрешной также чту законы;
Но есть еще и третий род любви,
Которому известных лет матроны
Дарят усердно помыслы свои
И, сохраняя прежние союзы,
К ним подбавляют тайных браков узы.

77.

Но я опять о повести забыл.
Императрица увлеклась; Жуану
Польстили царская любовь иль пыл;
Я написал и поправлять не стану;
Тождественна природа этих сил,
Они относятся к тому же плану;
Монархиня же склонности свои
Заимствовать могла бы у швеи.

78.

Во всех углах шептаться дамы стали;
У старых обозначились ясней
Морщины, что белила прикрывали;
С улыбочками дамы в цвете дней
Друг другу эту весть передавали;
Немало привела она людей
В отчаянье; от зависти и злобы
Заплакали и важные особы.

79.

О том, кто этот юный новичок,
Послам всех стран пришлось осведомляться.
Возвыситься он мог в короткий срок.
Жизнь коротка, чему же удивляться?
Им грезился уже рублей поток,
Что должен в сундуках его скопляться,
Помимо орденов, наград иных,
А также многих тысяч крепостных [24]).

80.

Царицу делала великодушной
Любовь, ключарь сердец и всех ворот,
Ведущих к ним,—будь низкий иль воздушный,
Широкий или узкий этот вход
(Хотя она была неравнодушной
К войне и, как жена, ведет свой род
От Клитемнестры; впрочем, лучше в склепе
Пусть спит один, чем двое тянут цепи).

81.

Огнем любви к любовникам согрета,
Она являлась щедрою во всем;
Как перед ней бледна Елизавета,
Скупая и бездушная притом,
Которая, любимца сжив со света,
Старухой умерла, скорбя о нем!
Ее и злость, и скаредность, понятно,
На сан ее и пол бросают пятна.

82.

Окончился прием; со всех сторон
К Жуану понеслися поздравленья
Посланников; толпою окружен
Красивых дам, пылавших от волненья,
Заискиваньем их он был почтен.
К героям дамы чувствуют влеченье,
Особенно же ценят красоту,
Ведущую к высокому посту.

83.

Всеобщего внимания предметом,
Причин тому не зная, стал Жуан;
Спокойно относился он к приветам,
Как будто с малолетства важный сан
Его уж приучил царить над светом;
Ему самой природою был дан
Тот светский лоск, что принадлежность знати.
Не много говорил Жуан, но кстати.

84.

Затем императрицею самой
Был поручен особому вниманью
Высоких лиц счастливый наш герой
И в тот же миг почтен всеобщей данью
Приветствий, в том числе и молодой
Протасовой; таинственному званью
Его носительницы—«l'Eprouveuse»—
Едва ли б об'яснение нашлось.

85.

Он вышел с нею. Здесь остановил я
Пегаса; до ужасной высоты
Добрался он, но тяжкие усилья
Измучили его; от дурноты
Кружится голова; как мельниц крылья,
Пестрея, вертятся мои мечты;
Чтоб мозг и нервы привести в порядок,
Спущусь в луга—там отдых будет сладок.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1.

Увидев раз, как яблоко упало,
Смущенный тем явлением, Ньютон
Открыл (хоть я ученым верю мало)
Всемирный тяготения закон.
Когда молва не ложь распространяла,
То со времен Адама первый он
С'умел найти звено соединенья
Меж яблоком и тайною паденья.

2.

От яблок пали мы; но этот плод
Возвысил нас; ведь, если взвесить строго
(Коль верен приведенный эпизод),
Проложенная Ньютоном дорога
Людских страданий облегчает гнет;
С тех пор открытий сделано уж много,
И верно мы к луне когда-нибудь,
Благодаря парам, направим путь.

3.

Вы спросите: зачем вступленье это?
А потому, что в сердце пышет жар
И вдохновеньем грудь моя согрета.
Я миру не принес открытий в дар
И ниже тех, что, к удивленью света,
Изобрели и телескоп, и пар,
И против ветра шли; но к их союзу
Хочу пристать, призвав на помощь Музу.

4.

Я также против ветра плыл и волн;
Бороться и доныне продолжаю;
Про землю позабыв, отваги полн,
По океану вечности блуждаю;
Средь грозных волн плывет мой утлый челн,
А бешеным валам не видно краю!
Но он, несясь вперед, проходит там,
Где гибель бы грозила кораблям.

5.

Вернусь к Жуану. Светлая дорога
Лежала перед ним; он лишь вкушал
Завидный плод веселого пролога,
Но злой судьбы превратностей не знал.
О Музы! (мне всегда их служит много)
За ним нейдите дальше пышных зал!
Скажу лишь, что Жуан, годами юный,
Осыпан был щедротами фортуны.

6.

Но счастью можно ль вериться вполне?
Как птичка, упорхнуть оно готово.
Давид поет: «О, крылья дайте мне,
Чтоб, улетев, покой нашел я снова!»
Кто в старости не плачет о весне?
Кому не милы отзвуки былого?
И кто б не променял, когда бы мог,
Хрип старости на юношеский вздох?

7.

Но молкнет вздох, хотя судьба коварна;
Слез (даже вдовьих) грустные следы
Стираются. Так затопляет Арно
Весною всю окрестность, а воды
В ней летом нет. На почве благодарной
Людского горя—сочные плоды;
Они всегда обильны; счесть их где же?
Но пахари работают не те же.

8.

Однако ж многих губит жизни путь;
Былые муки этому причиной;
Не вздох любви, а кашель сушит грудь,
И ранние являются морщины.
Приходится глаза навек сомкнуть
До срока многим; тяжкий гнет кручины
В могилу сводит их. О, счастлив тот,
Кто кончил с жизнью тягостный расчет!

9.

Но смерть Жуану вовсе не грозила;
Случайно возвеличенный судьбой,
Он ликовал; его и не страшила
Непрочность всякой радости земной;
За холод, что декабрь несет уныло,
Возможно ль презирать июньский зной?
Умнее запастись, конечно, летом
На холод злой зимы теплом и светом.

10.

Притом, Жуан был качеств полн таких,
Что женщин средних лет в восторг приводят,
Но не девиц. Увы! любовь для них
Загадка. Мысли их в тумане бродят;
Они о страсти знают лишь из книг
И томно глаз своих с небес не сводят.
По солнцу и годам нельзя, по мне,
Их возраст исчислять, а по луне.

11.

Изменчива луна и непорочна;
Вот почему так выразился я;
Причины не найдете вы побочной;
Но в сказанном (правдивость не ценя)
Все будут тайный смысл искать нарочно,
Чтоб так, как Джеффри, уязвить меня.
Но он—мой друг, и мстить ему не стану;
Зачем же растравлять больную рану?

12.

Когда стал другом враг—бесчестен он,
Вновь уязвляя стрелами своими;
Я злобою такою возмущен.
Как с чесноком, с людьми ужиться злыми
Нельзя. Врагов нет хуже новых жен
И отставных любовниц. Вместе с ними
Грешно итти тому, кто перестал
Быть недругом и клятву в дружбе дал.

13.

Где не клеймят отступничеств позорных?
Боб Саути, перебежчик, лжец,—и тот,
Попав в вонючий хлев певцов придворных,
К былым друзьям навряд ли перейдет.
Нигде измен не переносят черных,
И флюгеров везде презренье ждет;
Стыдится всякий наносить удары,
Когда лишился сил противник старый.

14.

Не оставляя ничего в тени,
Юрист и критик видят только пятна.
Живя людскими распрями, они
Всё замечают, и им всё понятно.
Мы, большинство, свои проводим дни,
Не видя жизни стороны обратной;
Юрист же, как хирург, ища из'ян,
Старается изведать тайны ран.

15.

Юрист всегда в грязи, того не скроем;
Как нравственности жалкий трубочист,
Всегда покрыт он сажи [1]) толстым слоем;
Сменив белье, он всё ж не будет чист;
Он превращен в змею житейским строем;
Но вы, о Джеффри, праведный юрист
И носите (величья в вас так много!)
Плащ адвоката цесарскою тогой.

[1] Может быть—„тяжбы"?—*Наборщик.—Б.*

16.

Теперь, загладив старые грехи,
С былым врагом, в меня метавшим громы
(Насколько могут ссорить нас стихи
И критика озлобленные томы),
Хочу я выпить за былые дни,
За Auld Lang Syne [25]). Мы с вами незнакомы;
Быть может, и не встречусь с вами я,
Но вашу честность не хвалить нельзя.

17.

Хотя не прочь поддаться я желанью
Вас чествовать, но посвятил не вам
Мечты об Auld Lang Syne,—воспоминанью.
На половину я шотландец сам
По крови и совсем—по воспитанью.
Скептически прошу к моим словам
Не отнестись,—я не шучу нимало;
Мысль о былом мне душу взволновала.

18.

Когда слова заветные звучат,
Шотландии родной мне снятся горы;
Ее потоков светлых шумный ряд;
Балгунский мост [26]) над бездною; уборы
Красивых дев и пестрый их наряд;
В прошедшее я устремляю взоры,
И много детских грез и нежных тайн
Мне в памяти рисует Auld Lang Syne.

19.

Хотя, в припадке рифм и озлобленья,
Шотландцам (юность мстительна всегда!)
Тяжелые нанес я оскорбленья,—
Не в силах мимолетная вражда
В нас заглушить былые впечатленья;
В себе шотландца ранил я тогда,
Но не убил его, и с прежним пылом
О «крае рек и гор» [27]) мечтаю милом.

20.

Отчасти был идеалист Жуан,
Но на реальной почве. Трудно очень
Нам распознать, что—правда, что—обман;
Меж телом и душой союз непрочен.
Одной душе удел бессмертья дан,
А человек и телом озабочен.
Что ждет его, узнать желает он,
Но скрыты тайны будущих времен.

21.

Жуана шло успешно обрусенье
(Вот вам пример слепой судьбы игры!).
Кто устоит пред силой искушенья,
Когда оно обильные дары
Несет с собой? Двора увеселенья,
Победы, танцы, выходы, пиры,
Без счета деньги—для него всё это
Лед превращали в рай и холод—в лето.

22.

Его ласкал, как прежде, Двор и свет;
Хоть пост, им занимаемый, порою
И утомлял его—беды в том нет;
Легко мириться юноше с судьбою,
И труд не в труд, когда мы в цвете лет;
Тогда мы бредим славой и войною,
Любви невольно признавая власть;
Лишь в старости в нас дышит к деньгам страсть.

23.

Средь молодежи праздной и развратной
Герой мой жизнь разгульную повел;
Губя в нас свежесть чувства безвозвратно,
Такая жизнь плодит немало зол;
На нравственность она бросает пятна,
Будя в нас эгоизм и произвол
Даря страстям. Душа тогда забыта
И, как улитка в раковине, скрыта.

24.

О нежной связи дамы средних лет
С поручиком красивым я не стану
Распространяться долго. Средства нет
Спастися от тяжелого из'яна
Бегущих дней; царям покорен свет,
Одной природе дела нет до сана;
И каждая морщинка к ним стократ
Безжалостней, чем злейший демократ.

25.

Смерть—царь царей и вместе Гракх вселенной.
Ее закон, не признающий каст,
Равняет всех [28]). Бедняк, трудом согбенный,
И властелин—в земли ничтожный пласт
Обращены ей будут неизменно;
Участок их тогда лишь жатву даст,
Когда их совершится разложенье.
Смерть—радикалка, в этом нет сомненья.

26.

Жуан попал в водоворот утех
Средь шума, блеска и огней столицы,
Где иногда медвежий черный мех
Сквозит из-под шелков и багряницы,
(Она—сказать, мне кажется, не грех—
Шла к Вавилонской царственной блуднице
Скорее, чем к Российской)—и подчас
Нейтрализует пурпур и атлас.

27.

Ту жизнь, что вел Жуан, боясь укора,
Не опишу, хоть с нею я знаком,
Но я—увы!—добрался уж до «бора» [29]),
Что Дант воспел. Кто очутился в нем,
Тот с юностью проститься должен скоро
И, проливая слезы о былом,
Стремиться должен к старости убогой,
Идя с трудом пустынною дорогой.

28.

Поменьше рассуждать себе зарок
Я дал; мне философия постыла;
Но мне такой обет пойдет ли впрок?
Порою дум неотразима сила;
К нам мысль бежит—как к матери щенок,
Как травы льнут к скалам, как к губкам милой
Льнет поцелуй... Но так как я хочу,
Чтобы меня читали,—я смолчу.

29.

Ухаживать все стали за Жуаном;
Лишь он не увивался за толпой;
Как в скакуне породистом и рьяном,
В нем чистокровность виделась. Красой
И юностью пленял он, стройным станом,
Отвагою, одеждой дорогой,
Но важный пост, им занятый недавно,
Его успехов был причиной главной.

30.

Он написал в Испанию родным.
Узнав, что он в блестящем положеньи
И очень пригодиться может им,
Они ответ, не медля ни мгновенья,
Ему послали. Снилась уж иным
В Россию эмиграция. В волненьи
Они твердили: «Шубу заведешь—
«И Петербург с Мадридом станет схож!»

31.

Жуана мать, узнав, что денег мало
У своего банкира сын берет
(Расходы умеряя), написала,
Что свой привет ему за это шлет.
От трат она его остерегала
И прибавляла, что умен лишь тот,
Кто, бурных удовольствий избегая,
Живет, безумно денег не мотая.

32.

Мадонне и Христу о нем молясь,
Его просила в Папу верить свято,
Отнюдь, однако ж, явно не глумясь
Над ересью, соблазнами богатой.
Сказав, что вновь семьей обзавелась,
Поздравила его с рожденьем брата;
Затем царицу стала восхвалять
За то, что та с ним обошлась, как мать.

33.

Она ее за то венчала славой,
Что молодежи ход она дает;
За Дон-Жуана не боялась нравы
Заботливая мать. Где солнце жжет,
Там страсть порою льет свои отравы;
В стране ж такой, где холодно весь год,
Где никогда почти не тают льдины,
И нравственности таять нет причины.

34.

О, силу сорока попов [30]), чтоб мог
Я Лицемерие восславить в гимне,
Звучнее, чем оно громит порок!
О, если б трубы ангелов найти мне
Или хоть теткин слуховой рожок!
Очки старушки делались всё дымней,
И он ей помогал, когда печать
Она уж перестала различать.

35.

Не зная лицемерья, без сомненья,
Старушка в рай попала без труда.
Меж праведными райские селенья
Разделятся в день страшного суда.
Так раздробил саксонские владенья
Вильгельм Завоеватель. Он тогда
Все разом разделил чужие земли,
Мольбам людей ему служивших внемля.

36.

Однакоже, не мне тужить о том:
Мои два предка множество угодий
Себе приобрели таким путем.
Сдирать в те годы шкуру [31]) было в моде,
Не церемонясь с попранным врагом;
Мои ж два предка при большом доходе
С имений тех церквей воздвигли ряд,
Чем оправдали сделанный захват.

37.

Жуан и в счастье сходен был с мимозой,
Прикосновений не терпя ничьих.
(Так королям стихи тошнее прозы,
Когда не Саути славный автор их!).
Возможно, что наскучили морозы
Герою моему; в мечтах своих,
Быть может, он стремился к солнцу Юга
И бредил красотой в часы досуга.

38.

Быть может... Но догадок скуден плод,
Лишь в фактах дело. Редкий гость отрада;
Могильный червь всегда свое возьмет;
Увы! ему неведома пощада.
В конце концов, судьба представит счет;
Сердись иль нет, а заплатить всё надо;
Без горя и тревог нельзя прожить:
То давит скорбь, то надо долг платить.

39.

И вдруг... (не знаю, как случилось это)
Слег Дон-Жуан, к смятению Двора.
Придворный врач, муж дела и совета
(Который прежде пользовал Петра),
Упадок сил считая злой приметой,
Решил, что он опасен. Доктора
Удвоили микстуры; Двор смутился,
И лик царицы скорбью омрачился.

40.

В догадках все терялись. Слух прошел,
Что Дон-Жуан Потемкиным отравлен.
Болтали, что он сам себя извел,
Все силы истощив (трудом подавлен,
Что для него был чересчур тяжел);
Иными же был иначе поставлен
Вопрос: по увереньям тех господ,
Его сгубил Суворовский поход.

41.

Вот как врачи пеклися о Жуане:
Aq. fervent. f. ℥ifs. ℥ij. Sodae sulphat.
℥vj. ℥fs. Tinct. Sennae haustus. Mannae
Optim.—(Тут врач поставил банок ряд).
R. Pulv. Com. gr. iij. Ipecacuanhae
(Сердить врача порой Жуан был рад).
Bolus Potassae Sulphuret. sumendus
Et haustus ter in die capiendus.

42.

Так лечат и порою губят нас
Врачи, secundum artem. Мы над ними
Посмеиваться любим и не раз
Язвили их насмешками своими;
Когда же раздается смерти глас,
И Лета нас волнами роковыми
Готова поглотить, мы в тот же миг
К себе на помощь призываем их.

43.

Жуану не на шутку смерть грозила,
Но крепкая натура верх взяла;
Он начал выздоравливать; но сила
К нему вернуться разом не могла,
И бледность лика ясно говорила,
Что не совсем болезнь его прошла.
(Врачи нашли, заметя ту истому,
Что южный зной необходим больному).

44.

Среди снегов—увы!—не может цвесть
Растение, возросшее на юге.
Царицу огорчила эта весть,
Но, увидав, что при своем недуге
Он может климата не перенесть,
Решилась, наградив его заслуги,
Торжественно его отправить в даль,
Хоть бросить ей любимца было жаль.

45.

Как раз тогда, уловками богаты,
Какой-то разбирали договор
Меж Англией и Русью дипломаты.
Торговые вопросы жаркий спор
Меж ними возбуждали, и трактаты
О плаваньи причиной были ссор.
Морей мы никому не уступаем
И только «uti possidetis» знаем.

46.

И вот Жуан назначен был послом,
Чтоб как-нибудь уладить это дело.
Блеснуть своим могуществом притом
Царица горделивая хотела.
Ему чрез день назначен был прием.
(Любимцев отличать она умела!).
Особою инструкцией снабжен,
Жуан был ею щедро награжден.

47.

Во всех делах ей улыбалось счастье;
Но счастие—удел венчанных жен.
Как об'яснить слепой судьбы пристрастье—
Не знаю, но таков судьбы закон.
Открыто выражать свое участье
Царица не могла: бесстрастен Трон;
Но так ее смутил от'езд больного,
Что пост его не вдруг был занят снова.

48.

Но время—лучший утешитель в мире—
Забвение с собою принесло,
И крепкий сон она вкусила в мире;
До сорока восьми персон дошло,—
Хотя часов прошло двадцать четыре,—
Ее вниманья жаждущих число.
Она, не торопясь ничуть избраньем,
Лишь любовалась их соревнованьем.

49.

Жуан готов; карета подана,
Изящная и царственная с виду;
Царица, с Ифигенией сходна,
В ней посетила некогда Тавриду [32]).
Жуану ей она подарена;
Я с вами провожать Жуана выйду,
Любезный мой читатель. Экипаж
Своим гербом герой украсил наш.

50.

В карете, не враждуя меж собою,
С ним были: чиж, бульдог и горностай;
Животных он любил, того не скрою.
(Кто хочет, эту странность об'ясняй!).
Так любят девы старые порою
Котят и птиц, которым с ними рай.
Но сходством тем язвить его за что же?
Он не был стар и девой не был тоже.

51.

В других каретах, чинно разместясь
(Секретарей и слуг немало было),
Жуана свита вслед за ним неслась.
С ним рядом помещалася Леила
(Малютку чудом он от смерти спас
В зловещий день погрома Измаила).
Хоть с Музою довольно я бродил,
Жемчужины Востока не забыл.

52.

Такой душой, и вдумчивой, и кроткой,
Бываем мы подчас поражены,
Как ты, Кювье, средь мамонтов—находкой
Скелета человека старины;
Опасно неуверенной походкой
Вступать на путь, где мы блуждать должны;
Но десять лет всего малютке было;
Неведома в те дни страданий сила.

53.

Любимый ей, Жуан ее любил.
Конечно, было свято чувство это,
Но редко мы такой встречаем пыл;
К родным другой любовью грудь согрета.
Чтоб быть отцом, он слишком молод был;
В своей семье же братского привета
Он не встречал. Жуан, сестру имей,
Как горько б тосковал в разлуке с ней!

54.

Жуан был чист душою, хоть не телом,
И дум в себе порочных не таил.
(Развратник только льнет к плодам незрелым,
Чтоб возбуждать в крови остывший пыл;
Так щелочи ключом вскипают белым
От кислоты). Хоть он порой грешил,
Ноддаться искушениям готовый,
Но платонизм был чувств его основой.

55.

Как патриоты любят край родной,
Так он любил невинное творенье,
Гордяся тем, что от неволи злой
Спас девочку. Он думал путь спасенья
Ей указать при помощи святой
Благочестивых лиц. Предположенья
Порою и ошибочны: верна
Традициям осталася она.

56.

Никак не соглашалася Леила
Переменить религии своей;
Увы! святую воду мало чтила
И с ужасом глядела на ханжей;
На исповедь к аббатам не ходила
(Грехов, быть может, не было за ней)
И, относясь презрительно к урокам,
Всё Магомета славила Пророком.

57.

Она чуждалась назареев злых;
Лишь для Жуана делала из'ятье;
Он заменил ей близких и родных,
Ей спасши жизнь,—и он свои об'ятья,
Как брат, ей открывал. Хоть годы их
И рознились, а также и понятья,
Отсутствие меж ними всяких уз
Еще сильней скрепляло их союз.

58.

Чрез Польшу, что под тяжким стонет игом,
В Курляндию свой путь направил он;
Там герцогом, благодаря интригам,
Бездушный Бирон был провозглашен [33])
(Искусство в том, чтоб пользоваться мигом!).
Дорогой той же шел Наполеон,
Чтоб в действие привесть свои угрозы;
Но взяли верх над кесарем морозы.

59.

«О, гвардия моя!»—низринут в прах,
Так восклицал бог, слепленный из глины.
Тот ореол, что он стяжал в боях,
Похоронили снежные равнины.
Но жизнь порой таится и в снегах:
Кто видел Польши светлые картины,
Тот знает, что огнем пылает лед,
Как только о Косцюшке речь зайдет.

60.

В богатый Кенигсберг, что Кант прославил,
Затем попал мой ветреный герой;
Но он, сознаюсь в том, ни в грош не ставил
Философов, и путь дальнейший свой
В Германию, без отдыха, направил,—
Страну, где полный умственный застой,
Где граждан, всё переносить готовых,
Власть подгоняет, словно кляч почтовых.

61.

Проехав через Дрезден и Берлин,
Добрался он до древних замков Rhein'a.
Как чуден вид готических руин!
Всё дышит в них и прелестью, и тайной.
Кто не хотел бы, посреди картин,
Пленяющих красой необычайной,
Узнать легенды этих мшистых плит!
И в глубь времен невольно мысль летит.

62.

Жуан Мангейм увидел величавый
И посетил затем красивый Бонн,
Где Драхенфельс стоит, как призрак славы,
Как грозный вестник рыцарских времен.
(Но недосуг мне посвящать октавы
Тем временам). И в Кёльне видел он
Одиннадцати тысяч дев скелеты
(Предельное число для всей планеты) [34]).

63.

Оттуда он в Голландию попал
И видел Гаги пестрые постройки.
Там, что ни шаг, плотина иль канал;
Народ без можжевеловой настойки
Не может дня прожить; но я слыхал,
Что запретить ему хотят попойки;
Как перенесть ему такой запрет?
Чем будет он насыщен и согрет?

64.

Сев на корабль, вот к острову свободы
Понесся Дон-Жуан, судьбой гоним;
Под кораблем, шумя, клубились воды,
И ветер дул с стенанием глухим.
Морской недуг, столь дружный с непогодой,
Замучил всех. Жуан же свыкся с ним;
По палубе бродя, он край желанный
Старался разглядеть в дали туманной.

65.

Вот заблестел какой-то белый вал,
И меловые скалы Альбиона
Жуан, смутясь, в тумане увидал
На сероватом фоне небосклона.
Он видеть торгашей давно желал,
Которые товары и законы
Повсюду рассылают и с морей
Взимают дань, гордясь казной своей.

66.

Я Англии обязан лишь рожденьем,
И у меня причин особых нет
Ее любить; но вижу с сожаленьем,
Что гибнет славный край, дививший свет
И силою своею, и значеньем.
В разлуке с ним живу я много лет
И, позабыть успев вражду былую,
Жалею от души страну родную.

67.

О, если б только знать она могла,
Как за ее коварство все народы
Ее клеймят! Проклятья без числа
Ей дружно шлют, надеясь в час невзгоды
Вонзить ей в сердце нож; она ж была
Когда-то светлой вестницей свободы;
Теперь не то: ей мил лишь звон цепей;
Сковать и мысль отрадно было б ей.

68.

Ее, порабощенную, едва ли
Свободною назвать решимся мы;
Все нации в оковах; не она ли—
Зловещий сторож мрачной их тюрьмы,
Опора тех, что кандалы сковали?
Свобода жаждет света, а не тьмы;
Тюремщика плачевна так же доля,
Как и того, чью жизнь гнетет неволя.

69.

Корабль пристал; кипела жизнь вокруг;
Жуан увидел Дувра *дорогого*
Таможню; зданий светлый полукруг;
Пакботы, что ограбить вас готовы;
Отель с толпой снующих всюду слуг
И, наконец... (увы, не может слово
О нем понятья дать!) длиннейший счет,
Что мажордом учтиво подает.

70.

Хотя Жуан был не скупого нрава
И о богатой не тужил казне,
Но счет отеля (плод мечты лукавой)
Его смутил. С ним не мирясь вполне,
Всё ж должен был он расплатиться. Право
Дышать свободным воздухом в стране,
Где светлый солнца луч хоть и реденек,
Конечно, если взвесить, стоит денег.

71.

Эй, лошадей! В Кентербери вперед!
Как кони быстро мчатся по дороге!
В Германии совсем не то вас ждет;
Там путника везут, как возят дроги
С покойником; к тому ж, возница пьет
Всё время шнапс; и, как ни будьте строги,
Ферфлухтером язвя его не раз,
Быстрее всё ж не повезет он вас.

72.

Как красный перец вкус дает приправам,
Так кровь волнует быстрая езда,
Восторг и упоение даря вам.
Когда вперед не горькая нужда
Вас гонит, сладко пользоваться правом
Лететь стремглав, не ведая куда,
И тем для нас отрадней та утеха,
Чем менее важна причина спеха.

73.

В Кентербери собор им показал
Церковный страж, держась обычных правил:
Плиту, где Бекет, друг свободы, пал,
И шлем, что Черный Принц в боях прославил.
Какой же результат гром славы дал?
Какие по себе следы оставил?
Чредой промчались годы—и затем
Остался лишь скелет да ржавый шлем.

74.

Жуану шлем отважного героя
И Бекета унылый мавзолей
Напомнили великое былое;
За то погиб служитель алтарей,
Что, мир от зла спасая и застоя,
Хотел права умерить королей.
Леила, обратив на храм вниманье,
Спросила: «Для чего такое зданье?»

75.

Сказали ей, что это божий дом;
Она нашла, что помещенье бога
Красиво, но дивилася, что в нем
Неверных терпит он, мечетей много
Разрушивших; жалела и о том,
Что Магомет не взял себе чертога,
Который брошен (так казалось ей),
Как жемчуг перед сонмищем свиней.

76.

Вперед, к лугам! Живая зелень луга
Влечет к себе. Поэт ей больше рад,
Чем роскоши пленительного юга,
Что светлыми картинами богат.
На луг, подобный саду, как на друга,
Взирает он и, нежностью об'ят,
Забыть готов, на нем покоя взоры,
Снега, вулканы, пропасти и горы.

77.

О кружке пива я бы вспомнить мог;
Но нет,—боюсь заплакать! С быстротою
Летит вперед Жуан, красой дорог
Любуясь и свободною толпою,
Снующею по ним. Тот уголок
Как не назвать прекраснейшей страною?
И если злой зоил ее бранит,
То сам себе лишь этим он вредит.

78.

Люблю шоссе. Без всякого мученья
И за свои не опасаясь дни,
Сходны с орлом парящим, в упоеньи
Вы мчитесь по нему. Будь искони
Устроен этот путь, там, без сомненья,
Катаясь, Феб лучи бы лил свои.
Но вас в пути ждет легкая отрава:
Surgit amari aliquid [35])—застава.

79.

Для всякого расплата—острый нож.
Маккиавель, всех правящих учитель,
Гласит: «Тяжел повинностей платеж!
«Вы с подданным не ссорясь жить хотите ль—
«Его казну не трогайте. И что ж?
«Убей его семью, родных властитель,—
«Простить всё это подданный бы мог,
«Но денежный он не простит налог».

80.

Ложилась тень, когда, об'ят волненьем,
Жуан на холм взобрался, что глядит
На Лондон (с гордостью или с презреньем—
Загадку эту кто нам раз'яснит?).
Жуан смотрел с невольным упоеньем
На Лондона необычайный вид,
Дивясь его могуществу и силе...
О, гордый бритт! Жуан на Шутерс-Хилле!

81.

Как из вулкана гаснущего, дым
Над городом носился черным паром.
Столицу, с видом сумрачным своим,
«Гостиной Сатаны» зовут недаром!
Хотя Жуан был в Англии чужим,
Но он не мог не относиться с жаром
К народу, что часть мира разгромил,
Другую часть лишив от страха сил.

82.

Ряд темных крыш, кирпичных зданий кучи;
Гарь, копоть, грязь, царящие кругом;
Высоких мачт на Темзе лес дремучий,
Где парус скрыт от взоров даже днем;
Огромный купол, цвета мрачной тучи,
Что схож вполне с дурацким колпаком
На голове шута; ряд темных башен—
Вот Лондон, что всегда уныл и страшен.

83.

Но не таков был Дон-Жуана взгляд:
Он находил, что эти тучи дыма
Вселенной благоденствие сулят;
Что польза их вполне неоспорима;
Хоть солнца свет они собой мрачат
И копоть их порой невыносима,—
Он находил (счастливый оптимист!),
Что воздух свеж, здоров и даже чист.

84.

Как мой герой, здесь на минуту стану.
(Так делает команда корабля,
Готовя залп). Но скоро вновь к роману
Вернусь; отчизне время уделя,
Ей много истин выскажу. Обману
И клевете служить не в силах я;
Как миссис Фрей, но лишь другого пола,
Хочу заняться подметаньем пола.

85.

О, миссис Фрей! ошибочен расчет
Учить добру преступников Ньюгета;
Гораздо больше пользы принесет
Разоблаченье тайн большого света.
Идея переучивать народ
Бессмысленна вполне, поймите это;
Сначала (не теряя даром слов)
Его исправить надо вожаков.

86.

Скажите им, что грешные забавы
В шотландсках юбках старцам не идут;
Что время им свои исправить нравы;
Что нанимать льстецов—напрасный труд,
Который не умножит нашей славы;
Что сэр Уильям Кёртис—старый шут,
Тупой Фальстаф при седовласом Гале,
Чьи бубенцы и звякать перестали.

87.

Скажите им, что надо позабыть
Тщеславие, когда уж смерть готова
Похитить их, и для добра лишь жить.
Скажите им... однакож, вы ни слова
Не скажете, а я уж, может быть,
И лишнее сказал; но скоро снова
Раздастся голос мой, правдив и строг,
Как в Ронсево Роланда мощный рог!

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

1.

Епископ Берклей был такого мненья,
Что мир, как дух, бесплотен. Лишний труд
Опровергать то странное ученье
(Его и мудрецы-то не поймут!);
Но я готов, посредством разрушенья
Свинца, алмаза, разных глыб и руд,
Доказывать, что зримый мир духовен
И что я сам бескостен и бескровен.

2.

Во всей природе видеть лишь себя,
Ее за дух считая—толку мало;
Но ереси не вижу в этом я;
Свести сомненье надо с пьедестала,
Чтоб, веру в дух и правду не губя,
Оно нас не лишало идеала.
Хоть он приносит головную боль,
Всё ж идеал—небесный алкоголь.

3.

Понятья наши сбивчивы и шатки;
К тому ж душа с большим трудом идет
За телом вслед; ей только грезы сладки;
Как Ариэля, даль ее влечет,
А плоть гнетут болезней злых припадки;
Смотря на смесь понятий и пород,
Мы делаемся жертвами сознанья,
Что жалкая ошибка—мирозданье.

4.

Согласно ли Писанью создан свет?
Явилась ли вселенная случайно?
Об этом даже спорить средства нет:
Для нас нераз'яснима эта тайна.
Быть может, смерть желанный даст ответ,
И нам ее приход необычайный
Откроет всё... Мы, кончив путь земной,
Во всяком случае, найдем покой.

5.

Бесплодные прерву я размышленья
И, прекратив вполне напрасный спор,
Хочу отбросить в сторону сомненья;
Но дело в том, что с некоторых пор
Я чувствую чахотки приближенье
(Мне, верно, вреден воздух местных гор);
Но с каждым изнурительным припадком
Я укрепляюсь в благочестьи сладком.

6.

Так, первый—доказал мне божество
(В него, и в чорта, верил я, как дети);
Второй—таинственное роджество;
Причину Зла истолковал мне третий;
Четвертый—троичное естество
Явил в таком неоспоримом свете,
Что я бы и четвертому лицу
Служил, как сыну, духу и отцу.

7.

Вернусь к рассказу. Тот, кому Эллада
Развертывала светлый ряд картин,
Кто любовался видами Царьграда,
Кто ездил в Тимбукту или Пекин,
Пред кем росла Акрополя громада,
Кто Ниневийских достигал руин,
Тот Лондон посетит без удивленья.
Но, год спустя, иного будет мненья.

8.

На Лондон, этот дол добра и зла,
С вершины Шутерс-Хилля в час заката
Жуан взглянул. На всё ложилась мгла;
Столица, лихорадкою об'ята,
Имела вид кипящего котла,
И суетой, и грохотом богата;
Носившийся над нею шум глухой
Жужжанье пчел напоминал собой.

9.

Жуан, весь погруженный в созерцанье,
Шел за своей каретою пешком
И не скрывал, в порыве ликованья,
Отрадных чувств, что пробуждались в нем.
«Здесь», говорил он, «местопребыванье
«Законности! Ни пыткой, ни мечом
«Нельзя попрать священных прав народа!
«Его удел—законность и свобода!

10.

«Здесь жизнь патриархальна и чиста;
«Незыблемы законы; жены строги;
«Коль всё здесь дорого, причина та,
«Что деньги нипочем. Народ налоги
«Сам устанавливает. Не мечта,
«Что безопасны в Англии дороги!»
Тут крик: «God damn! иль жизнь, иль кошелек!»
Его живых речей прервал поток.

11.

Жуан, за экипажем шедший сзади,
Наткнулся вдруг, нежданно изумлен,
На четырех разбойников в засаде,
И ими был немедля окружен.
Беда, коль путник струсит! О пощаде
Не может быть и речи; разом он
Лишиться может жизни, денег, платья
На острове, где бедность—лишь из'ятье.

12.

По-английски Жуан знал лишь: «God damn!»
И думал, что такое выраженье
У англичан приветственный *селям*:
«Пошли вам Бог свое благословенье!»
Я это мненье разделяю сам;
Я—полубритт, к несчастью, по рожденью,
И сотни раз случалось слышать мне
То слово, как привет, в родной стране.

13.

Жуан их сразу понял; не робея,
Он свой карманный пистолет достал
И весь заряд пустил в живот злодея,
Который ближе всех к нему стоял.
От раны задыхаясь и слабея,
Как бык, свалился он и застонал,
Барахтаясь в грязи родного края.
Товарищам он крикнул, умирая:

14.

«Меня француз проклятый уходил!»
Испуганные воры без оглядки
Бежать пустились. Их и след простыл,
Когда Жуана свита, в беспорядке
И проявляя бесполезный пыл,
Явилась впопыхах на место схватки.
Меж тем злодей кончал в мученьях век;
Жуан жалел, что дни его пресек.

15.

«Быть может», думал он, «и в самом деле
«Так иностранцев принято встречать;
«Не так ли содержатели отелей
«С приезжими привыкли поступать?
«Они с поклоном низким идут к цели,
«А те с ножом хотят вас обобрать.
«Грабеж всё тот же! Раненого вора
«Нельзя же тут оставить без призора!»

16.

Когда хотели вору помощь дать,
Он тихо простонал: «Я скоро сгину;
«Не трогайте меня; уж мне не встать;
«Мы упустили зверя; дайте джину!»
Теряя кровь, он стал ослабевать
И вот, предвидя скорую кончину,
С распухшей шеи он сорвал платок.
«Отдайте это Салли!»—только мог

17.

Он прошептать и замер без движенья;
Кровавый дар к ногам Жуана пал;
Но он не мог понять его значенья.
Когда-то Том, гуляка и нахал,
Любивший городские развлеченья,
С друзьями беззаботно пировал;
Они ему поранили карманы,
И вот теперь он сам погиб от раны.

18.

Затем Жуан направил в Лондон путь
(Окончив об'яснение с судьею);
От боли у него сжималась грудь,
И не давала мысль ему покою,
Что должен был на жизнь он посягнуть
Свободного британца, от разбою
Себя спасая. Был, конечно, он
Убийством этим сильно потрясен.

19.

Убитый был мошенник очень ловкий,
Известный по искусству и уму;
Он шулеров знал тонкие уловки
И грабил, не боясь попасть в тюрьму,
Дивя воров искусною сноровкой;
В любезности и юморе ему
Соперник отыскался бы едва ли,
Когда он пировал с красивой Салли.

20.

Но Том погиб; что ж говорить о нем!
Не вечно у героев сердце бьется,
И большинство из них (нет горя в том!)
До срока с этим светом расстается.
О Темза! свой привет тебе мы шлем.
Вдоль берегов ее Жуан несется;
Через Кеннингтон (здесь всяких «тонов» всласть)
Торопится в столицу он попасть.

21.

Вот и сады, где тени и прохлады
Нельзя найти. (Так non lucendo—тьма—
Рождает lucus). Вот и Холм Отрады,
Где нет отрады, даже нет холма.
Вот ряд кирпичных хат, где без пощады
Вас душит пыль (их можно брать с найма).
А там квартал, носящий имя «Рая».
(С ним Ева бы рассталась, не вздыхая!).

22.

На улицах и шум, и толкотня:
Колеса вихрем движутся пред вами;
Порой мальпост, по мостовой звеня,
Проносится. Вся залита огнями,
Стоит таверна, пьяницу маня.
В цырюльнях видны куклы с париками.
Фонарщик масло подливает (нас
Еще не освещал в то время газ).

23.

Так Лондон представляется вам с виду,
Когда вы в этот новый Вавилон
В'езжаете. Я упустил из виду
Не мало бытовых его сторон,
Но не хочу подрыва делать «Гиду».
Тонул во мраке ночи небосклон,
Когда чрез мост, бесспорно знаменитый,
Жуан перебрался с своею свитой.

24.

Пленяя слух, там Темза волны льет;
Но вечный крик и брань людской оравы
Унылый заглушают ропот вод.
Глядите—вот Вестминстер величавый!
В сиянии пред вами восстает
Огромный храм, обитель древней славы,
Витающей над ним, как лунный свет.
В Британии священней места нет!

25.

Один «Стон-Гендж» свидетель дней прошедших,
Но где ж леса друидов? Вот Бэдлэм,
Где в кандалах содержат сумасшедших,
Чтоб не могли вредить они ничем;
Вот Королевский Суд для дурно ведших
Свои дела. Вот Ратуша затем,
Дивящая громадностью своею,
Но можно ли сравнить Вестминстер с нею?

26.

Весь город залит множеством огней;
В Европе нет такого освещенья;
Тягаться с нами в этом трудно ей.
Грязь с золотом не выдержит сравненья.
Париж не знал когда-то фонарей;
Когда же их ввели в употребленье,
К ним, вместо ламп (нежданный переход!),
Изменников стал прицеплять народ.

27.

Вселенную, пожалуй, освещать бы
И можно этим родом фонарей
Иль превращая в факелы усадьбы,
Но близоруким старый свет—верней;
При новом, всё же, вид бесовской свадьбы,
Могильный блеск блуждающих огней,
Который устрашает, это верно,
Но целям освещенья служит скверно.

28.

Когда бы Диоген пошел искать,
Как в дни былые, мужа честных правил
Средь Лондона, где света благодать,
И поиски б напрасные оставил,—
Не мрак за то пришлось бы обвинять!
Всю жизнь себе задачею я ставил—
Без устали искать людей таких,
Но прокуроров лишь встречал одних.

29.

В вечерний час, когда толпа густая
Расходится, и ламп дрожащий свет
Блестит, лучи денные заменяя,
Когда в дворцах садятся за обед,—
Жуан, свой путь столицей продолжая
Среди снующих кэбов и карет,
Пронесся мимо набережной Темзы,
Домов игорных [36]) и дворца Сент-Джемса.

30.

И вот отель. В ливрее дорогой
Его лакеи встретили у входа;
По улицам голодною гурьбой
Сновали нимфы ночи; им свобода,
Когда одет стыдливый Лондон тьмой.
Иные пользу видят для народа
От этих жриц пафосских, что подчас,
Как Мальтус, склонность к браку будят в нас.

31.

Жуану номер отвели богатый
В отеле, полном роскоши затей;
Всё хорошо в нем было, кроме платы,
Доступной для одних лишь богачей;
В нем останавливались дипломаты
(Что делало его притоном лжей);
Потом селились на блестящем сквере,
И медный герб увенчивал их двери.

32.

Жуан не настоящим был послом,
Хоть тайное имел он порученье;
Но в Англии проведали тайком,
Что миссия его не без значенья,
Что он умен, красив, богат, притом
Особое имеет положенье,
И прибавляли шопотом, что он
Самой императрицей отличен.

33.

Пронесся слух, толпою повторенный,
Что он сердец пленитель и герой;
А так как англичанки очень склонны
Действительность прикрашивать мечтой
И, головой влекомы воспаленной,
Теряют даже здравый смысл порой,—
Жуан стал модным львом; а для народа,
Что много мыслит, страсти стоит мода.

34.

Бесстрастны ли они? Наоборот;
Но бурная их страсть—всегда созданье
Не сердца, а ума. Приняв в расчет,
Что тот же результат, к чему старанье—
Узнать, какая сила их влечет?
Не в том вопрос. Понятно лишь желанье
Достичь заветной цели поскорей;
Зачем нам знать, как мы дошли до ней?

35.

Жуан представил грамоты царицы
И встретил подобающий прием
От всех великих мира. Эти лица,
Почти еще ребенка видя в нем,
Решили, что красавец бледнолицый
Их не минует рук. Им нипочем
Обманывать (политиков замашка!).
Так соколу дается в жертву пташка.

36.

Но старички осеклись. Не могу
С двуличностью политиков мириться
Политик лжет и другу, и врагу,
Хотя открыто лгать он не решится.
Зато от женской лжи я не бегу;
Без лжи не могут дамы обходиться;
Но так у них пленительна она,
Что правда перед ней посрамлена.

37.

Но что такое ложь? Лишь правда в маске.
На всем мы видим фальши грустный след.
Нет факта без обманчивой окраски.
Исчезли б летописец и поэт,
И всё у нас бы превратилось в сказки,
Когда б блеснул желанной правды свет!
(Мы верить стали бы в одних пророков,
Не назначающих далеких сроков).

38.

Да здравствуют лжецы! Теперь за что ж
Ко мне, как к мизантропу, обращаться,
Когда в стихах я воспеваю ложь
И всех учу пред властью пресмыкаться,
Дрожа пред ней, и тех не ставлю в грош,
Что не хотят позорно унижаться?
Нам Эрин в подлости дает урок,
Хотя трилистник [37]) от того поблек.

39.

Жуан представлен был; своею миной
И платьем всем он головы вскружил;
Его костюм тому ли был причиной,
Иль вид— не знаю, право. Всех пленил
Алмаз огромный, дар Екатерины,
Который Дон-Жуан всегда носил.
За тяжкие труды, сознаться надо,
Ему в удел досталась та награда.

40.

Ему оказан был большой почет.
С ним обошлись с любезностью примерной
Сановники. (Пуская ласки в ход,
Они таким путем лишь долгу верны:
Любезничать с послом—прямой расчет).
Заискивали в нем и субалтерны,
Что исключенье в Англии; писец
Всегда у нас и пройда, и наглец.

41.

Всегда грубят чернильные пиявки;
Лишь в том должна их служба состоять!
Беда насчет иль паспорта, иль справки
Их просьбами своими утруждать!
Как не дадут им разом всем отставки?
От дармоедов можно ль прока ждать?
Как злее нет собак болонок-крошек,
Так хуже тварей нет тех мелких сошек!

42.

Везде с «радушьем» принят был Жуан,
Avec empressement. То выраженье
Придумали французы. Дар им дан
Вселять в слова условное значенье;
У них запас готовых фраз; в карман
Им за словом не лезть. Мы, без сравненья,
Грубей. Не море ль грубости виной?
Торговки рыбой в том пример прямой.

43.

Всё ж английское damme не без соли;
С ним не сравнить других народов брань;
Аристократ своей изменит роли,
Прибегнув к ней; приличиям есть грань.
Об этом говорить не буду боле.
Дразнить гусей, о Муза, перестань!
Всё ж damme, хоть в нем дышит дух цинизма,
Экстракт всех клятв с оттенком платонизма.

44.

Мы откровенно грубы. Чтоб найти
Изысканность манер и выражений,
Нам надо через море перейти:
Французы доки в этом отношеньи;
Нам в светском лоске их не превзойти!
Но к делу! Враг я праздных размышлений.
В поэмах надо строго соблюдать
Единство; мне ль о том напоминать?

45.

Жуан вращаться стал средь львиц и франтов
Вест-Энда; им вельможи все сродни;
Их тысячи четыре; ни талантов,
Ни умниц нет меж ними. Ночи в дни
Преобразуя, с тупостью педантов
На мир глядят презрительно они.
Вот то, что называют «высшим светом»!
Жуан, как свой, в кругу был принят этом.

46.

Он холост был, а для девиц и дам
Тот факт имеет важное значенье;
Одни неравнодушны к женихам;
Других же увлекают приключенья,
Когда их не удерживает срам.
С женатым связь вселяет опасенья:
Что, если свет проведает о ней?
И грех тяжеле, и скандал сильней!

47.

Жуан, сроднившись с новой обстановкой,
Нашел себе арену для побед;
Он обладал искусною сноровкой
Всем нравиться; как Моцарта дуэт,
Он нежностью пленял; всё делал ловко
И, хоть был юн, уж много видел свет,
Которого и козни, и интриги
Ошибочно описывают книги.

48.

Девицы, с ним вступая в разговор,
Смущались и краснели; дамы тоже;
Но их румянец, словно метеор,
Не исчезал: чтоб быть на вид моложе,
Они румяна клали. Дочек хор
Одеждою пленял Жуан пригожий;
А хор мамаш тайком разузнавал,
Есть братья ль у него и капитал.

49.

Модистки, отпускавшие наряды
Иным девицам в долг [38]), с условьем тем,
Чтоб счет уплачен был в часы отрады,
Когда для мужа брак еще Эдем,
Ловя Жуана в сеть, нашли, что надо
Кредит удвоить. Не один затем
Злосчастный муж сидел, унынья полон:
Модистки счет был в полном смысле солон.

50.

Накинулись и синие чулки
На Дон-Жуана. Жалкие сонеты
С ума свести их могут; их башки—
Конспект статей прочитанной газеты.
Хоть плохо им даются языки,
Они всегда желанием согреты
Коверкать их. О книгах дальних стран
Вопросами засыпан был Жуан.

51.

Экзаменом синклита жен ученых
Он был втупик поставлен. Мой герой
Не много думал о вещах мудреных
И лишь любовью бредил и войной.
От Ипокрены берегов зеленых
Давно уж он оторван был судьбой;
Их цвет теперь ему казался синим.
(Упрек за то ученым женам кинем).

52.

Хоть наобум, но бойко (бойкость вес
Дает словам) он отвечал матронам
И свел с ума почтенных поэтесс.
Мисс Смит (что в мире славилась ученом
И рьяно книгу: *Рьяный Геркулес*
Перевела почти ребенком) тоном
С ним самым нежным стала речь вести,
Спеша его слова в альбом внести.

53.

Жуан владел прекрасно языками
И все свои таланты в ход пускал;
Ведя беседы с синими чулками,
Он этих дам вполне очаровал,
И если б он умел писать стихами,
Они б ему воздвигли пьедестал.
Мисс Мэниш с лэди Фриски—в летах спелых—
Желали страстно, чтобы он воспел их.

54.

Он всеми был обласкан и любим;
Все с радостью его к себе тянули,
И десять тысяч авторов пред ним,
Как тени перед Банко, промелькнули.
(Не меньше их; за то мы постоим!).
Не раз он видел (сочинять могу ли?)
Того, кто «величайший наш поэт»
(Их восемьдесят, по числу газет).

55.

У нас, что десять лет, всегда на сцену
Является «известнейший поэт»
И должен, для борьбы избрав арену,
Доказывать, как уличный атлет,
Свои права. (А кто их знает цену?).
Я, сам того не чуя, много лет,
Хоть шутовским владеть нелестно троном,
Считался в царстве рифм Наполеоном.

56.

Но «Дон-Жуан» моею был Москвой,
«Фальеро»—грустным Лейпцигом зову я,
А «Каин»—Ватерло плачевный мой.
На льва, что пал, глупцы глядят, ликуя;
Коль я паду,—паду, как мой герой;
Лишь самодержцем царствовать могу я,—
Не то пустынный остров мне милей,
Где Саути будет Ло [39]) тюрьмы моей.

57.

Пока не появлялся я, в короне
Царил, любимый всеми, Вальтер-Скотт;
Мур с Кэмпбелем сменилися на троне;
Теперь же Муза к духовенству льнет;
Поэты поселились на Сионе;
И шагом псалмодическим бредет
Пегас под преподобным Рули-Пули [40]),
Который подвязал ему ходули.

58.

И всё же он пристойнее поет,
Чем вольный каторжник, что по заслугам
В их вертограде только уксус жмет;
Бесполый Дор, Каменам ставший другом;
Ни человек, ни бард, двойной урод;
Вол стихотворства, строки рвущий плугом:
«Камбизова» толпа, в конце концов,
Та хоть побила Реиных жрецов [41]).

59.

Есть у меня двойник, как говорят,
Но более моральный; в этой роли
Не осечется ль бедный мой собрат?
У Вордсворта есть два иль три, не боле,
Льстеца. Иные Кольриджу кадят;
Кадят и Саути; но не видят, что ли,
Что он не лебедь, а гусак простой,
Забитый в грязь бессмысленной хвалой?

60.

Джон Китс—его убил ценитель строгий—
Погиб в начале величавых дел.
Пусть иногда темны его дороги,—
Один из всех той речью он владел,
Которой древле говорили боги.
Бедняга! Горестен его удел:
Не странно ли, что ум, исчадье света, [42])
Способна погубить статьей газета?

61.

Должны бы поумерить свой задор
Те, что так рьяно гонятся за славой:
Когда потомство даст свой приговор,
В могилах будут правый и неправый.
Без нас решится этот жгучий спор,
А кандидатов—целые оравы!
Тираны, опозорившие Рим,
Его повергли в прах числом своим.

62.

У власти—преторьянцы. Это царство
Нахалов, укрепивших лагерь свой.
Через какие тяжкие мытарства
Проходит тот, кто осужден судьбой
Их восхвалять и козни, и коварства!
Будь дома я, гремя сатирой злой,
Я показал бы этим янычарам,
Какую силу можно дать ударам!

63.

Мой верен глаз, я попадаю в цель
И их задеть с'умел бы за живое.
Но весть борьбу с бездельниками мне ль?
Не лучше ли оставить их в покое?
Меня не отуманивает хмель
Порывов желчных. Музе чуждо злое;
Она одной улыбкою разит,
Затем, присев, уйти от зла спешит.

64.

Жуана в положении тяжелом
Оставил я средь бардов и матрон,
Но он не долго шел бесплодным долом;
Ареопаг ученый бросил он,
Не подвергаясь злым его уколам;
Отделавшись от хора мудрых жен,
Жуан попал к светилам настоящим
И между ними стал лучом блестящим.

65.

Жуан делам всё утро посвящал;
От них подчас рождается досада;
Ни от кого им не слыхать похвал!
Они, как платье Несса, полны яда.
Кто мелких срочных дел не проклинал,
Когда не об отчизне думать надо!
Но идут ли о ней заботы впрок?
О, нет!—как это я заметить мог.

66.

Он делал после завтрака визиты,
Окончив неотложные дела;
Затем в Гайд-Парк стремился знаменитый,
Где с голоду пчела бы умерла,
Где тоще всё, куда ни погляди ты.
Там дамы ищут света и тепла.
Всё ж в этом жалком Парке воздух чище,
Чем в Лондоне, где скучены жилища.

67.

Затем Жуан, переменив костюм,
Обедать ехал, пышно разодетый.
Тогда в разгаре жизнь; повсюду шум;
Как метеоры в упряжи, кареты
Мелькают; места нет для грустных дум;
Огни горят; налощены паркеты,
И словно в рай—в палаты богачей
Толпа вступает избранных гостей.

68.

Хозяйка, стоя, сколько б их ни было,
Встречает их, весь вечер не присев;
Играют вальс; своей волшебной силой
Он научает думать юных дев;
Его нам недостатки даже милы.
Все гости, с'ехаться уже успев,
Битком набили залы; нет прохода;
А лестница еще полна народа.

69.

Блажен, кто в тихий угол попадет,
Что в стороне, но с бальной залой рядом,
Откуда пестрых масс водоворот
Во всей красе является пред взглядом;
Восторга полный иль, наоборот,
С улыбкою, пропитанною ядом,
Следить он может за игрой страстей,
Сидя в обсерватории своей.

70.

Нет в поисках за местом часто толку!
Тому ж, кто стал случайно модным львом,
Еще трудней пробраться; втихомолку
Нестись он должен опытным пловцом
Средь моря кружев, лент, алмазов, шелку,
Чтоб завладеть желанным уголком,
Порою в вальс втираясь ловко—или
В фигуры оживленные кадрили.

71.

Кто не танцор, а был бы рад пленить
Богатую невесту или с дамой—
Замужнею сиреной—в связь вступить,
Тому итти опасно к цели прямо;
Свою игру от всех он должен скрыть,
Бояся неудачи или драмы.
Декорум нам во всем необходим:
Серьезно мы и глупости творим.

72.

Старайтесь, не спуская с милой взора,
За ужином поближе к ней подсесть;
С предметом дум минута разговора
От радости с ума нас может свесть.
Такой волшебный миг забыть не скоро!
В мечте о нем и то отрада есть.
Как много бал порой приносит горя
Иль счастья, нас с судьбой миря иль ссоря!

73.

Учу лишь тех, которые борьбы
Не в состояньи выдержать со светом
И перед ним трепещут, как рабы,—
Лишь те должны внимать моим советам;
К чему они для баловней судьбы?
Им лишнее стесняться этикетом,
Когда умом иль массою заслуг
Обворожить с'умели высший круг.

74.

Мой ветреный герой, как все герои,
Был знатен, юн, любовь вселял в сердцах;
Понятно, что не мог он быть в покое
Оставлен. Говорят, как об вещах
Ужаснейших, об умственном застое,
О бедности, болезнях и стихах;
Но что б сказали люди, Боже правый,
Узнав, как наших лордов жалки нравы!

75.

Да, наши лорды, молодость сгубив,
Красивы, но изношены; богаты,
Но без гроша (именья заложив
Жидам); игрой, попойками измяты,
Они на доблесть смотрят, как на миф.
Порою, с изумлением, палаты
Внимают их речам. Затем финал—
И новый лорд в фамильный склеп попал!

76.

«Где свет, в котором человек родился?»
Так Юнг взывал восьмидесяти лет;
А я спрошу: куда же испарился
Лет семь тому существовавший свет?
Увы! как шар стеклянный, он разбился;
Он прахом стал; его погиб и след:
Министры, полководцы, королевы,
Ораторы, поэты, дэнди—где вы?

77.

Где Бонапарт великий?—средь теней!
Где Каслри ничтожный?—взят могилой;
Где Греттен, Керрен, с массою людей,
Дививших нас и мудростью и силой?
Где королева с горестью своей?
Где дочь ее, что Англия любила?
Где жертва биржи—рента? Где доход,
Что прежде обеспечивал народ?

78.

Где Лонг-Поль Вельсли? Брэммель?—смертью стерты
С лица земли. Где Ромильи?—зарыт.
Где Третий наш Георг, судьбой затертый?
(Кто смысл его духовной раз'яснит?).
Где птица царской крови, Фум Четвертый?
Ему теперь Шотландия кадит,
И он туда поехал, чтоб на месте
Отведать фимиам народной лести.

79.

Где вы, милорды, лэди, мистрисс, мисс?
Забытые толпой, одни в разброде,
Другие вышли замуж, развелись
И снова обвенчались (это в моде).
Где клики, что в Ирландии неслись?
Где лондонские вопли о свободе?
Где Гренвили?—всё скромен их удел.
Где виги?—так, как прежде, не у дел.

80.

О, «Morning Post», почтенная газета,
Оракул и изящества, и мод!
Я от тебя жду точного ответа:
Скажи, как жизнь на родине течет?
Львы лет былых сошли со сцены света;
Иные с жизнью кончили расчет;
Другие ж дни влачат на континенте,
Проклятья посылая павшей ренте.

81.

Иные мисс, искавшие связей,
Давно расстались с светлыми мечтами;
Одни, как я сказал, нашли мужей,
Другие стали только матерями;
Одни простились с свежестью своей,
Других плуты опутали сетями;
Всех смен не перечтешь; лишь то дивит,
Как быстро свет свой изменяет вид.

82.

Так много перемен в семь лет случилось,
Что, право, всякий может стать втупик.
С трудом пересчитаешь, сколько скрылось—
Не только лиц известных, но владык;
Всё в это время в мире изменилось.
Но, впрочем, к переменам я привык;
И люди изменяются, и страсти,—
Лишь виги всё достичь не могут власти!

83.

Наполеон, игравший в мире роль
Юпитера, был обращен в Сатурна.
Наш Веллингтон преобразился в ноль,
За то, что вел дела страны так дурно;
Я видел, как освистан был король
Толпою раз'яренною и бурной;
Затем, как стали все ему кадить.
(Что лучшее из двух—не мне решить).

84.

Лэндлордов разоренных слышал стоны;
Палату видел, что давала вес
Одним налогам; на шутах—короны;
Несчастной королевы злой процесс;
Пророчицу Саускот; в стенах Вероны
Дышавший лишь неправдою конгресс;
Случалось видеть также в эти годы
Свое ярмо свергавшие народы.

85.

Прозаиков я видел и гурьбы
Поэтиков; ораторов бесцветных,
Хотя речистых; грустный плод борьбы
Имений с биржей; наглость лжей газетных;
Я видел, как надменные рабы
В грязь втаптывали граждан безответных;
И слышал, как Джон Буль сознался сам,
Что может быть причислен к дуракам.

86.

Живи, Жуан, но carpe, carpe diem!
Нас завтра ж сменит новый сонм людей,
Покорный тем же бешеным стихиям.
«Жизнь—скверная актриса»,—так «ролей
Вы не бросайте, плуты!» [43]) Хитрым змием
Пред светом ползай и скрывать умей
Намеренья! Не расставаясь с маской,
Всё затемняй фальшивою окраской!

87.

В стране, что мы «моральнейшей из стран»
Зовем, но где морально всё лишь с виду,
Вращаться должен будет Дон-Жуан.
Но я, боясь создать *Аталантиду* [44]),
Не допишу, быть может, свой роман.
Мои слова сочтутся за обиду.
Всё ж я скажу (хоть это не секрет
Для англичан): в них нравственности нет!

88.

Всегда приличья строго соблюдая,
Я опишу, что видел мой герой,
Что делал; но пою, предупреждая,
Что мой роман—лишь плод мечты одной.
Хотя иных писак орава злая
Намеков будет в нем искать порой,
Мне дела нет до злобных их упреков;
В глаза я правду режу без намеков.

89.

Впоследствии узнаете о том,
Что сделает любезный мой повеса:
Помчится ль он за золотым тельцом,
Иль женится на девушке без веса,
Любовью к размножению влеком;
Иль, наконец, покорен воле беса,
Затеет грешную интригу он,
За что карает праведный закон.

90.

Лети ж, моя поэма! Все на части
Тебя, как я предвижу, будут рвать.
Ну, что ж!—тем лучше. Пусть клокочут страсти:
Всё ж белое не может черным стать;
Но злые не страшат меня напасти;
Пусть буду одиноким я стоять,
Пусть тучи над главой моей повисли—
За трон не изменю свободе мысли!

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

1.

Из средних всех веков, сознаться надо,
Что человека средние года—
Эпоха колебаний и разлада—
Всего на свете хуже. Мы тогда
Чего хотим—не знаем и с досадой
О юности, погибшей без следа,
Мечтаем. Злобный рок, насколько мог он,
Нас изменил и серебрит наш локон.

2.

Лет в тридцать пять еще не стары мы,
Но с молодежью нам нельзя резвиться,
А старость нас страшит, как мрак тюрьмы.
Возможно ль с этим возрастом мириться?!
Сознаться надо, сумерки зимы
Ужасны! Слишком поздно, чтоб жениться;
Других связей не признаем уж власть,
А к деньгам в нас еще не дышит страсть.

3.

Скупец в нас пробуждает сожаленье,
А между тем он счастлив и богат
И, обладая якорем спасенья,
Из рук не выпускает тот канат,
Что может притянуть все наслажденья.
По-нищенски скупец питаться рад;
Нам жаль его, а для него победа,
Когда сберег он корку от обеда.

4.

Терзает честолюбца много мук;
Любовь и пьянство расслабляют тело;
А страсть к азартным играм даром с рук
Нам никогда не сходит; то ли дело—
По горсточкам класть золото в сундук,
Своей мечте предавшися всецело!
О золото! сравню ли я с тобой
Бумаги, что так падают порой?

5.

Кто равновесье мира охраняет
И на конгрессах властвует один?
Кто в бой дескамизадос [45]) направляет,
Восстанья взявши на себя почин?
Кто мир то в скорбь, то в радость повергает,
Над биржею царя, как властелин?
Кто вел борьбу с самим Наполеоном?
Жид Ротшильд. Мир подвластен миллионам.

6.

Банкиры—олигархи в наши дни!
Их капиталы нам дают законы:
То укрепляют нации они,
То ветхие расшатывают троны;
Республикам готовя западни,
Они и им тяжелые уроны
Порой наносят жадностью своей:
Так Перу обобрал один еврей.

7.

За что ж к скупцу относимся мы строго?
Воздержность достохвальна и в святом,
И в цинике. Отшельников есть много,
Что святости украсились венцом
За то, что шли такою же дорогой,
Умея отказать себе во всем.
За что ж клеймить скупца? Уж не за то ли,
Что жертва он своей лишь доброй воли?

8.

Богатства, восхищающие свет,
В его руках. Хотя скупца причуды
Вам странны, всё же он в душе поэт:
Ему лучи дарят алмазов груды
И слитки золотые, много лет
Дремавшие в земле; а изумруды
Его ласкают нежностью своей,
Бросая тень на блеск других камней.

9.

Владениям его не видно края!
Ему везут богатые дары
Из Индии, Цейлона и Китая;
Ему подвластны целые миры;
Повсюду зреет жатва золотая
Лишь для него. Он задавать пиры
И королям бы мог; но он бесстрастен,
Хоть, как монарх, могуч и полновластен.

10.

Кто знает цель его? Быть может, он
Создать больницу, храм иль школу хочет
(Скупого бюст там будет помещен,
Чем за собой бессмертье он упрочит);
Быть может, он мечтою увлечен
Страдальцам, что нужда и горе точат,
Тем золотом помочь, а может быть,
Лишь мир сокровищ хочет накопить.

11.

Покорные поклонники рутины,
Глупцы, на них глядят, как на больных,
Хоть никакой на это нет причины.
Скажите, чем же лучше страсти их?
Над счетной книгою склонять морщины
Не хуже войн, любви, пиров, интриг.
Наследники! вопрос вы не решите ль:
Кто был умней—скупец иль расточитель?

12.

На свете ничего прелестней нет
Сверкающих червонцев высшей пробы;
Невольно нас чарует блеск монет,
Но старые—потерты; нужно, чтобы
На каждой ясно виден был портрет
Какой-нибудь владетельной особы:
Портрет смешон, но дорог золотой,—
С ним лампа Аладина под рукой.

13.

«*Как небо есть любовь, любовь есть небо* [46]);
«*В дворцах, дубравах, лагерях она*
«*Царит*». Так пел поэт, любимец Феба;
Но мысль его мне не совсем ясна
(Поэзия осталась бы без хлеба,
Когда бы стала ясности верна).
«Дубрава» для любви приют прекрасный,
Но «лагерь» и «дворец» ей не подвластны.

14.

Не страсть, а злато царствует над всем
И рощу на дрова порой срубает.
Дворец бы смолк, и лагерь стал бы нем—
Исчезни деньги. Мальтус научает
Без денег жен не брать. Любви Эдем,
И тот металл презренный созидает.
Не соглашусь с поэтом я никак,
Что небо есть любовь: нет, небо—брак!

15.

Под сению божественного права—
Лишь брачная любовь; хотя она
Порой для нас ужасная отрава,
Лишь ей одной душа внимать должна;
А иначе нас ждет худая слава.
Любовь иная нам запрещена,
И всякий муж почтенный, без сомненья,
Усмотрит в ней и срам, и преступленье.

16.

Поэтому «дворец», и «лес густой»,
И «лагерь»—все должны дрожать пред браком;
И если в них найдется муж такой,
Который до плодов запретных лаком,
То песнь поэта смысл утратит свой:
Безнравственность ее оденет мраком.
А Джеффри мне благой совет дает:
Уйдя от зла, писать, как Вальтер Скотт.

17.

Найду ль успех? Но мне его не надо!
Я насладиться им успел вполне
В том возрасте, когда успех—отрада:
Улыбки он дарил моей весне;
Мне в нем была желанная награда,
И блага те принадлежали мне.
Хоть не одну нанес он сердцу рану,
Я всё же проклинать его не стану.

18.

Иные, недовольные толпой,
К суду потомства обращают взоры
(К суду, что век еще не начал свой)
И будущих судей ждут приговоры.
Могу ли разделять я взгляд такой?
По-моему, слабее нет опоры;
Для нас потомство—это царство тьмы;
Пред ним в такой же роли будем мы.

19.

Ведь я—потомство; вы—потомство тоже,
А мы и ста имен не назовем,—
Споткнемся на двадцатом; так за что же
Потомство, тем же шествуя путем,
Сочтет за долг к нам относиться строже?
Плутарх, и тот солиден не во всем,
И Митфорд [47])—девятнадцатого века—
Открыл немало выдумок у грека.

20.

Теперь серьезен буду, видит бог,
И, выходок чуждаясь слишком смелых,
Как Вильберфорс и Мальтус, буду строг.
Наш Веллингтон рабами сделал белых,
Тогда как неграм Вильберфорс помог:
Великий муж освободить сумел их.
О Мальтусе скажу, что он в делах
Далеко не такой, как на словах.

21.

Серьезен я, как на бумаге все мы
Серьезны; что ж не выступить вперед,
Когда в наш век труднейшие проблемы
Решают люди, пар пуская в ход
И конституций сложные системы;
Когда от брака отклонять народ
Стараются философы, в надежде,
Что нищих будет менее, чем прежде?

22.

Подобный взгляд возможно ли хвалить?
Нам всем присуща «жажда размноженья»
(Конечно, я бы мог употребить
Весьма легко другое выраженье,
Но я хочу вполне приличным быть).
Итак, я осуждаю это мненье:
Не грех ли охлаждать тот жгучий пыл,
Который нам присущ и вечно мил?

23.

Но к делу я вернуться должен снова.
Жуан, вращаясь в избранном кругу,
Живет в стране, где для него всё ново,
Где юношей на каждом ждут шагу
Ловушки, где не скажут даром слова;
Звать новичком Жуана не могу,
Но Лондон, сквозь его наружный глянец,
Постичь вполне не может иностранец.

24.

По климату и признакам иным
Страну любую мог бы описать я,
Не насмешив людей трудом моим;
Но делаю для Англии из'ятье:
О странностях ее путем таким
Не дашь и приблизительно понятья.
В других странах и львы, и львицы есть;
В зверинце ж нашем всех зверей не счесть.

25.

Но продолжать мне, право б, не мешало!
Средь светских волн Жуан искусно плыл,
Мелей не опасаяся нимало;
Порою шашни в свете заводил
С кокетками, что пыткою Тантала
Готовы нас терзать, по мере сил;
Они, хотя невинно строят глазки,
Боятся не порока, но огласки.

26.

Но так как совершенства в мире нет,
Порой и согрешит иная дама,
И всякий раз приходит в ужас свет;
Заговори ослица Валаама —
Она б не натворила столько бед!
Деваться просто некуда от гама;
Все кумушки вопят: «Каков скандал!
«О Боже! кто бы это ожидал!»

27.

На все затеи Запада Леила
Бросала равнодушья полный взгляд
(Она себе и здесь не изменила:
Восток невозмутимостью богат);
Но свет глубоко этим поразила:
Он празден и новинке всякой рад;
И вот она, замеченная светом,
Всех разговоров сделалась предметом.

28.

О ней различны были мненья дам,—
Они ведь любят споры и шумливы;
О дамы! не с хулой иду я к вам:
Что вас люблю—заметить уж могли вы,
Но, признаюсь (как видите, я прям),
Что иногда вы чересчур болтливы.
Вопрос: как дочь Востока воспитать,
Понятно, бурю должен был поднять.

29.

Они нашли, что всякая пэресса
(Лишь в том единогласью дань платя)
Тех лет, когда не страшны шашни беса,
С'умеет лучше воспитать дитя,
Чем юный Дон-Жуан. Легко повеса,
Жемчужиной любуясь, не шутя
Современем увлечься может ею.
Кто в силах с страстью справиться своею?

30.

Засуетился, споря, дамский круг;
Вопросов много есть второстепенных,
Которых не решить, конечно, вдруг.
И вот, немало дав советов ценных,
Явились с предложением услуг
Шестнадцать вдов и десять дев почтенных
(Их всех к эпохе средневековой
Причислить бы историк мог любой).

31.

Еще два-три затертые созданья,
Покинутые жены зрелых лет,
Брались ее закончить воспитанье
И, *в ход ее пуская*, вывезть в свет,
Уча ее на раут, бал, собранье
Смотреть, как на арену для побед.
При деньгах, впрочем (этот факт замечен),
Успех девицы в свете обеспечен.

32.

И франт без средств, и обнищавший мот
Вокруг невесты с деньгами искусно
Порхают, тьму интриг пуская в ход,
Чтоб их не миновал кусочек вкусный
(Так мух голодных привлекает мед).
Для этих хватов всякий способ гнусный
Хорош: будь это ложь, обман иль лесть,—
Чтоб к барышне богатой в душу влезть.

33.

Сестрицы, тетки, маменьки, кузины,
Желая им помочь, снуют окрест.
Я дам знавал, что с хитростью змеиной
Искали для любовников невест.
Tantaene!—воспевать не без причины
Мы можем добродетель здешних мест,
Где иногда—так всех бояться надо —
Девица и приданому не рада.

34.

Иных легко поймать; такие ж есть,
Что заставляют зубы класть на полку
Всех женихов; отказов их не счесть!
За это их язвят порою колко:
«Зачем вам было с Фрэдом шашни весть?
«Зачем его всегда сбивали с толку?
«Казалось, «да» пророчит ваш привет,
«И вдруг сегодня говорите: «нет!»

35.

«Вот за любовь достойная награда!
«Он сам богат; за что такой отказ?
«Ему чужого золота не надо;
«О нем вы пожалеете не раз!
«Но, впрочем, это легкая досада, —
«Он партию найдет приличней вас;
«Отказ ему теперь развяжет руки;
«Да это всё маркизы старой штуки!»

36.

Военный, пэр, блестящий дипломат —
Все ею оставляются за флагом;
Но вечный с жизнью тягостен разлад;
Дорога всё несносней с каждым шагом;
Приходит час, когда желанный клад
Берется в плен искусным светским магом;
Вот выбран муж, и недовольных хор
Спешит о нем дать строгий приговор.

37.

Назойливой нахальностью своею
Иные побеждают господа;
Как выигрыш, что красит лотерею,
Богатая невеста иногда
Тому дается в руки, кто за нею
Совсем и не ухаживал. Всегда
Везет вдовцам лет сорока и боле [48]).
Скажите, брак—не лотерея, что ли?

38.

Вот свежий факт: правдив, но грустен он;
Я двадцати усердным волокитам
Был дамою одною предпочтен,
Хоть был не юн и праздным сибаритом
На свете жил, мечтой лишь вдохновлен.
С той дамою в разрыве я открытом,
Но нахожу, что, мой успех назвав
Чудовищным, добрейший свет был прав.

39.

Поэму не бросая, отступленья
Простите мне; ведь, мой кумир—мораль,
Что мне необходима, как моленье
Пред трапезой. Мне грешных смертных жаль,
И потому даю им наставленье,
Как тетушка-ханжа, как скучный враль,
Как проповедник или ментор строгий,
И мой Пегас степенно ставит ноги.

40.

Однакож, поневоле я впаду
В безнравственность; личину сняв с порока,
Я ряд печальных фактов приведу;
Какая будет польза от урока,
Пока мы ложь не предадим суду?
Коль почву зла не пропахать глубоко,
Лежащую нетронутой давно,
Не упадет в цене его зерно.

41.

Сперва найдем Леиле помещенье.
Чиста, как луч денницы иль как снег
(Увы! старо последнее сравненье),
Была она. Хоть снег и чист, утех
Нам мало он сулит, и наслажденье
Иных людей сравнить бы с ним не грех.
Жуан искал для девочки опору,—
Нельзя ж дитя оставить без надзору.

42.

Он счастлив был, что мысль его нашла
Поддержку: предложений было много.
У «Общества для упраздненья зла»
Спросив совет, он с лэди Пинчбэк строгой
Сошелся, и Леила ей была
Поручена. Чужд роли педагога,
Он не хотел за выбор несть ответ
И строгий соблюдал нейтралитет.

43.

Старушка, свято чтившая приличья,
Была честнейших правил, хоть о ней
Коварный свет шептал... но злоязычье
Я вынесть не могу; что сплетен злей?
Как терпят их, не в силах и постичь я:
Они, скотами делая людей,
Являются в позорной роли жзачки.
Такому злу нельзя давать готачки.

44.

Те дамы, что резвились в цвете лет
(Я наблюдать всегда любил немножко),
Хороший в состояньи дать совет,
При случае окольною дорожкой
От пропасти отвесть и знают свет;
Те ж дамы, что знакомы лишь с обложкой
Житейской книги и страстей чужды,
Предостеречь не могут от беды.

45.

Тогда как света злые недотроги—
Бичи немилосердные страстей
Неведомых, хотя желанных—строги
К порокам и шипят не хуже змей;
Те, что порой сбивалися с дороги,
Являться любят в ролях добрых фей
И, чуждые жеманности суровой,
На выручку прийти всегда готовы.

46.

Не потому ли дочери тех дам,
Что свет не по одним печатным книгам
Старались изучать, а, вняв страстям
И им служа, по собственным интригам,
Пригоднее к супружеским цепям
И менее их тяготятся игом,
Чем дочери бесчувственных ханжей,
Дививших свет холодностью своей?

47.

Когда-то лэди Пинчбэк уязвляла
Молва, что рада молодость хулить;
Но у злословья притупилось жало,
И хором стали все превозносить
И ум ее, и качества. Немало
Она добра старалася творить;
К тому ж, была супругою примерной
(С которых пор—никто не знал наверно).

48.

В своем кругу любезна и мила,
Она средь высших сфер держалась чинно;
К ошибкам снисходительна была
(Когда же молодежь в них не повинна?).
Когда б ее все добрые дела
Я перечел, то чересчур уж длинной
Поэма вышла б. Нежности полна,
С Леилой стала няньчиться она.

49.

Старушка полюбила и Жуана
За то, что он не очерствел душой,
Хоть жертвою коварства и обмана
Бывал не раз. Увы, гоним судьбой,
Превратности ее узнал он рано,
Но не был смят тяжелою борьбой.
Другой бы, злому року не противясь,
К дурным страстям давно б попал на привязь.

50.

В дни юности, коль горе сушит грудь,
Его считая достояньем общим,
Миримся с ним. Страданье—к правде путь;
В годах же зрелых, скорбь узнав, мы ропщем;
Но можно ль миг спокойно отдохнуть?
Мы вечно тяжкий путь страданья топчем,
И опыт—этот горький дар судьбы—
Лишь плод лишений, горя и борьбы.

51.

Жуан был рад, что дело воспитанья
Леилы обеспечено вперед:
Старушка, обратив на всё вниманье,
Ей передаст, полна о ней забот,
Все совершенства, все свои познанья.
Так свой корабль лорд-мэр передает;
Но есть и поэтичнее примеры:
Передается так ладья Цитеры.

52.

Таким путем девицам целый ряд
Передается качеств и талантов;
Иные вальсом головы кружат;
Бренча, другие корчат музыкантов;
Одни умом и грацией блестят;
Другие принимают вид педантов;
Случается и на таких напасть,
Что признают одних истерик власть.

53.

Но дело в том, что все таланты эти
(Такая масса их, что всех не счесть!)
Всегда одно имеют лишь в предмете—
Их нежных обладательниц привесть
К той цели, что все барышни на свете
Преследуют: супруга приобресть.
Пускай порой их жребий крайне жалок,
Скорее выйти замуж—цель весталок.

54.

Вернусь к своей поэме; верно свет,
Язвя меня, о том поднимет толки,
Что до сих пор как следует в сюжет
Я не вошел (упреки эти колки!),
Хоть целый ряд уж песен мною спет.
Настраивая лиру, только колки
Я закреплял, но миг уж настает,
Когда пущу и увертюру в ход.

55.

Пою, но мне успех совсем не нужен!
Хочу «великий нравственный урок»
Преподнести. Я думал, что двух дюжин
Мне грозных песен хватит, чтоб порок
Склонился в прах, совсем обезоружен;
Но я, увы, от истины далек.
Такой предел мне в полном смысле тесен:
Спою, коль Феб позволит, до ста песен.

56.

Вернувшись вновь к герою моему,
Я «свет большой» описывать вам буду;
Он мал, но на ходулях, потому
Он кажется большим простому люду,
Который повинуется ему,
Как рукояти меч. Царя повсюду,
Он для народа—рукоять меча,
Он солнце, месяц, сальная свеча.

57.

Героя моего, без исключенья,
Ласкали все; хотя сердечный тон
Не подкреплял такие отношенья,
Жуан встречал от всех мужей и жен
Привет, радушья полный. Приглашенья
К нему, что день, неслись со всех сторон.
Так пышный свет свои утехи множит,
Что эта жизнь пленить на время может.

58.

Холостяку, при средствах, в том кругу
Вращаться не легко. Игру, что в свете
Ведут, с «игрой в гуська» сравнить могу;
У каждого наверно на примете
Особый план; на всяком вас шагу
Хотят поймать в раскинутые сети;
Девицы страстно рвутся к женихам,
Меж тем ловить мужчин—забота дам.

59.

Нет правила, конечно, без из'ятья;
Иные девы стойче всяких стен,
Но грустный факт обязан всё ж признать я,
Что большинство забрать насильно в плен
Старается мужчин, в свои об'ятья
Маня с искусством опытных сирен.
С одной из них, раз шесть иль семь, не боле,
Поговорив,—готовьтесь к брачной доле!

60.

То маменька вам об'яснить спешит,
Что дочку вы ее пленить сумели;
То нежный брат, принявши грозный вид,
Приходит к вам, желая ваши цели
Узнать верней; вам в рот кладут, что стыд
Не сделать предложенья; вы б хотели
Спастись от них, бежать куда-нибудь,
Но к отступленью уж отрезан путь.

61.

Не раз так налагались цепи брака;
Подобных свадеб знаю целый ряд,
Но храбрецы такие есть, однако,
Которых, что ни делай, не страшат
Ни пройда мать, ни братец забияка—
И что ж?—боясь скандала, их щадят;
А жертвы, хоть их сердце и разбито,
Товару всё, как прежде, ищут сбыта.

62.

Для новичков еще опасность есть,
Хоть перед нею менее я трушу,
Чем перед той, что может к браку весть.
Узнав ее, всё ж выбраться на сушу
Из волн порой возможно. Счеты свесть
Намерен я, тем облегчая душу,
С амфибией балов, couleur de rose,
Которой царство полно мук и слез.

63.

Чужда любви, бездушная кокетка,
Боясь промолвить «нет», не шепчет «да».
Она то рай сулит, то шуткой едкой
Терзает вас. Ее триумф—когда
Разбито ваше сердце. Так нередко
Со сцены света сходит без следа
Ряд Вертеров, ей сгубленных до срока.
Так что ж—за то она чужда порока!

64.

(О боги, как я делаюсь болтлив!)
Когда ж, об'ята страстью роковою,
Свихнется дама, долгу изменив,—
Здесь над ее не сжалятся судьбою,
И с гордым светом ей грозит разрыв.
В других странах прощают грех порою,
Но здесь проступок с яростью клеймим.
Паденье Евы меркнет перед ним!

65.

В стране, где всяких низостей так много,
В стране процессов, сплетен и клевет,
Мгновенно поднимается тревога,
Когда хоть что-нибудь заметит свет.
Малейший грех преследуется строго,
И вот, чтоб переполнить чашу бед,
Пускают в ход процесс и ваши нравы
Бичуют для читательской забавы.

66.

Кто опытен, тому в такой капкан
Нельзя попасть, и всё ж грешкам нет счета!
Издревле лицемерье и обман
Спасают грешниц высшего полета;
Судьбою им завидный жребий дан:
Они царят, и в том их вся забота,
Чтобы остался скрыт печальный факт;
У них есть вкус, а главное—есть такт.

67.

Любви святой лишь чары признавая,
Себя легко Жуан мог уберечь
От пыла чувств поддельных. Не желая
Насмешкой на себя ваш гнев навлечь,
Всё ж не скрываю язв родного края,
Где столько белых скал и белых плеч,
Чулков и глазок синих, шашен разных,
Процессов и налогов безобразных.

68.

Покинув знойный край сердечных гроз,
Где за измену часто ждет могила,
А не процесс, исполненный угроз,
Жуан попал в страну, где в деньгах сила,
Где увлеченье—модный лишь вопрос,
И потому в нем тихо сердце стыло;
К тому ж, на первый взгляд (о, стыд и срам!)
Он не был поражен красою дам.

69.

Здесь тороплюся сделать заявленье,
Что я сказал: «на первый только взгляд».
Впоследствии переменил он мненье
И в Англии нашел красавиц ряд;
Выходит, что поспешные сужденья
Порою против истины грешат,
Доказывая общества готовность
Законом вкуса признавать условность.

70.

Я не видал ни африканских рек,
Ни Тимбукту, что для Европы диво,
Хоть странствовал немало целый век
(Тех стран не знаем мы; как вол, лениво,
В глубь Африки плетется человек);
Но если б я попал в тот край счастливый,
Сказали бы мне там, сомненья нет,
Что цвет красы—бесспорно черный цвет.

71.

Я на ветер бросать не стану зерен
И утверждать, что черное бело;
Но дело в том, что цвет-то белый черен.
Слепец решит наш спор. Склонив чело,
Сознаетесь, что взгляд такой не вздорен:
Не ведая о том, что днем светло,
Слепец знаком с одним лишь черным цветом,
А вы и тусклый луч зовете светом.

72.

Но бредни метафизики сходны
С лекарствами, что слабого больного
От злой чахотки вылечить должны,
А потому оставлю их и снова
К жемчужинам родимой стороны
Я обращу приветливое слово.
Они блестят, как солнце, но притом,
По холоду, сходны с полярным льдом.

73.

Еще могу подобье им прибрать я:
С сиренами—полрыбами—их всех
Сравнить бы надо. Хладны их об'ятья.
И если даже ими правит грех,
То это лишь из правила из'ятье.
Как русские из бани лезут в снег [49]),
Они всегда раскаяться готовы,
На дне души клеймя греха оковы.

74.

По виду чувств британки не узнать!
Она строга, и для нее отрада
Достоинства свои от глаз скрывать,
Поклонников щадя, как думать надо.
Она не штурмом сердце хочет брать,
А исподволь к нему прокрасться рада;
Но, кладом завладев, что дорог ей,
С добычей не расстанется своей.

75.

С ней поступью сравнится ль дочь Гренады,
Когда она идет молиться в храм,
Иль аравийский конь? Носить наряды
С изящной простотой французских дам
Возможно ль ей? Не жгут британки взгляды;
Ей не пропеть бравурных арий вам
(В семь лет со мной сдружиться не могли вы,
Италии бравурные мотивы!).

76.

Ей многого того недостает,
Что привлекает общее вниманье;
Она улыбкам ходу не дает
И уж наверно в первое свиданье
Интригу до конца не доведет.
Над нею верх лишь время да старанья
Берут. За то обильные плоды—
Впоследствии награда за труды.

77.

Действительно, ее сдержать нет средства,
Когда в ней страсть кипит; почти всегда
Ее любовь—каприз, мечта, кокетство;
Минутный пыл, что создает вражда
К сопернице; привычка с малолетства
Игрушкой забавляться; но когда
В ней вспыхнет страсть могучим ураганом,
Пределов нет ее порывам рьяным.

78.

Понятно это: светский приговор
Богинь за грех преобразует в парий
(Ведь свет то сам белее, чем фарфор!).
К тому же, и газетный комментарий
Усугубляет тяжкий их позор.
Так выгнан был из Карфагена Марий.
Здесь женщин честь—такой же Карфаген,
Что воссоздать не мог упавших стен.

79.

Вполне неправы праведники света,
Пуская в ход карающий закон,
Когда Господь, не признавая это,
Сказал блуднице: «Грех тебе прощен!»
В других странах с улыбкою привета
Встречает свет раскаявшихся жен,
И, по моим понятьям, преступленье—
Отрезывать для грешниц путь спасенья.

80.

Как строг бы ни был праведный юрист,
Насильственно нельзя исправить нравы;
Лишь с виду будет свет душою чист;
Порока разновидные отравы
Не в силах уничтожить скорбный лист
Казненных жертв. Нет; палачи неправы,
Отчаянье вселяя в душу тех,
Что искупить могли б случайный грех!

81.

Но не было Жуану вовсе дела
До нравственных уроков, и притом
Толпа красивых лэди не с'умела
Разжечь любви отрадный пламень в нем;
Его душа немного очерствела;
Он утомлен был пройденным путем
И, не забыв утех былого счастья,
Чуждался упоений сладострастья.

82.

К тому ж, он сплошь не знал свободных дней.
Бывал на заседаниях Палаты
И ночь за ночью слушал шум речей;
Когда-то, мир, заслышав их раскаты,
Дивился блеску северных огней,
Пугался их и овцебык рогатый [50]);
Порою и за троном он стоял,—
Но Питт был мертв, а Грей еще молчал.

83.

Ему предстал, в последнем заседаньи
(В стране *свободной* этот миг высок),
Король в конституцьонном обладаньи
Престола (Если б каждый деспот мог
Постичь, как много в этом достояньи!
Свобода их научит в должный срок).
Величие властительного рода
Не в пышности,—в доверии народа.

84.

В парламенте встречался он порой
И с юным принцем, в полном смысле сходным
С богатою надеждами весной.
Послушный лишь порывам благородным
(То было прежде!), юный принц, собой
Чаруя всех, кумиром был народным;
Притом, сердца все забирая в плен,
Он с ног до головы был джентельмэн.

85.

Жуан, как свой, был принят высшим кругом;
Везде встречал он ласку и привет;
Все обращались с ним, как с добрым другом;
Талантами обворожил он свет,
Что всех ценить умеет по заслугам.
Понятно, что, обласкан и пригрет,
Жуан подвергся искушеньям разным,
Хоть поддаваться не хотел соблазнам.

86.

Но наскоро поговорить о них
Не в силах я. Моральные уроки
Давая всем, читателей своих
Заставлю лить я горьких слез потоки.
Их потрясет дышащий скорбью стих:
Я памятник воздвигну ей высокий,
Как тот, что Александр возвесть хотел,
Чтоб обессмертить славу громких дел [51]).

87.

Двенадцатую песню предисловья
Кончаю здесь. Самой поэмы план
Почти готов. Я уличу злословье,
Вас введшее насчет ее в обман,
Хоть не могу поставить, как условье,
Чтоб вы прочли правдивый мой роман;
Искать презренья мощный ум не станет,
Но на него всегда без страха взглянет.

88.

Хоть не всегда пороки я громил,
Но сколько уж раскинул перед вами
Картин ужасных! С вами в бурю плыл
И вас знакомил с грозными боями.
Ростовщику и то б я угодил!
Но впереди всё лучшее: стихами
Созвездья опишу я и потом
Вас приведу в восторг, как агроном.

89.

Так сделаю я публике в угоду,—
Она в наш век иных не любит тем;
Не дурно б указать, притом, народу,
Как чрез преграды, сгнившие совсем,
Ему пройти, чтоб приобресть свободу.
Мой план—секрет, но угожу я всем,
А вы читайте мудрые трактаты
О том, как сократить долги и траты.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

1.

Преступен смех! твердит наш век серьезный
И шуток даже над пороком он
Не переносит, их бичуя грозно;
Поэтому приму я важный тон
(Исправиться ведь никогда не поздно);
Хочу признать серьезность, как закон.
И храм напомнят вам мои октавы—
Разрушенный, но всё же величавый.

2.

Милэди Амондвиль была знатна,
Немногие у нас столь древни роды
(Их род известен был в те времена,
Когда норманны делали походы).
Красавицей считалася она
В стране, где красота—закон природы
(Ведь каждый патриот уверен в том,
Что совершенна Англия во всем).

3.

Пусть будет так; считаю спор напрасным;
Пред красотой склоняется весь свет;
Пред нею наблюдателем бесстрастным,
Конечно, оставаться средства нет;
Прекрасный пол останется прекрасным,
И верить мы должны до зрелых лет—
О, дочери пленительные Евы!—
Что красотою свет дивите все вы.

4.

Но жизнь течет; дожив до грустных дней,
Когда в нас нет уж прежнего задора
И равнодушье гасит пыл страстей,
Не отдаем мы сердца без разбора
И рассуждаем, делаясь умней.
Но всё ж нельзя с годами вынесть спора;
Они на нас кладут свою печать,
И молодежи надо место дать.

5.

Есть люди, принимающие меры,
Чтоб скрыть от всех гнетущий их разлад;
Но их желанья—жалкие химеры:
Дни юности нельзя вернуть назад;
Но можно орошать струей мадеры
Сухую степь, где гаснет наш закат;
Есть также и другие утешенья:
Парламент, сходки, выборы и пренья.

6.

Религия, налоги, мир, война
Занять собою могут наше время;
Порою (страсть к отличиям сильна!)
Честолюбивых дум нас давит бремя.
Да наконец, нам ненависть дана;
Когда ее запало в душу семя,
Лишь ей одною дышит человек;
Он любит миг, а ненавидит век.

7.

«Люблю лишь тех, что ненавидят смело!»
Так Джонсон, критик грубый, но прямой,
Служенью правде преданный всецело,
Открыто говорил в сатире злой.
Шутил ли он—мне до того нет дела;
Я не актер, а зритель лишь простой,
Такой же, как у Гете Мефистофель:
Мне любопытны и лицо, и профиль.

8.

И пыл любви, и ненависти яд
В моей душе изгладились с годами;
Смеюся я, но правдой смех богат;
К тому ж с моими свыкся он стихами.
В беде помочь я был бы людям рад,
Хотел бы зло искоренить словами,
Но как такой ошибочен расчет—
Нам доказал бессмертный Дон-Кихот...

9.

Печальнее рóмана нет на свете,
Тем более, что он толпу смешит;
Герой его имеет лишь в предмете
Борьбу со злом; пороки он клеймит
И хочет, чтобы сильный был в ответе,
Когда неправ. Безумен лишь на вид
Друг чести, Дон-Кихот! Грустней морали
Той эпопеи сыщем мы едва ли.

10.

Карать несправедливость; слабых жен
Поддерживать; спасать от угнетенья
Народы, признавая как закон
Лишь правду—вот высокие стремленья!
Ужели доблесть—только светлый сон,
На деле ж—миф иль светлое виденье
Из царства грез? Ужель Сократ—и тот
Лишь мудрости злосчастный Дон-Кихот!

11.

Дух рыцарства сатира Сервантеса
В Испании сгубила. Едкий смех
Направил бедный край на путь прогресса,
Но в нем—увы!—героев вывел всех.
Как только романтизм лишился веса,
Исчезла доблесть. Дорого успех
Писателя его отчизне стоил:
Насмешкою он жизнь ее расстроил.

12.

Опять признал я отступлений власть;
Однакож вновь займусь той милой дамой,
С которою пришлось Жуану пасть.
Неудалося им спастись от ямы,
Что вырыли для них судьба и страсть
(Судьбу жестокосердую всегда мы
Виним во всем: всесильна, ведь, она).
Я не Эдип, но с сфинксом жизнь сходна!

13.

Не мне вскрывать сокрытые причины,
Я просто повествую—«Davus sum».
Как вкруг царицы пчел, вкруг Аделины
Не умолкал в веселом улье шум:
Многоречивы делались мужчины;
Но женщины, полны тревожных дум,
Немели перед ней. Явленье это,
Конечно, редкость в летописях света.

14.

Злословье прикусило язычок:
Она была примерною женою;
Супруг ее, невозмутим и строг,
Доволен был и ею, и собою;
Он важен был и холоден, но мог,
Разгорячившись, действовать с душою;
Обоих свет лелеял и ласкал
И не жалел для них своих похвал.

15.

Жуана с лордом сблизили сношенья
Служебные. С ним видясь, как с послом,
Надменный лорд, не знавший увлеченья,
Был восхищен талантами, умом
И ловкостью Жуана. Уваженье
К искусному послу вселилось в нем;
Затем приязнью это чувство стало
(Не раз приязнь нам дружбу заменяла).

16.

Надменен был и крайне сдержан лорд;
В него с трудом вселялось убежденье;
Но, взгляд себе составив, был он тверд,
И для него был вовсе без значенья
Вердикт молвы общественной. Кто горд,
Тот никогда не изменяет мненья
И, повинуясь взгляду своему,
В любви и злобе верен лишь ему.

17.

В суждениях излишнюю поспешность
Лорд Генри гнал, и потому в обман
Его ввести была бессильна внешность;
Незыблем в мненьях, как закон мидян,
Он в собственную верил непогрешность
И ставил произвол на первый план;
Припадков лихорадочных пристрастья
Не ведал он, даря свое участье.

18.

„*Семпроний! лишь судьба дарит успех,*
„*Но ты схитри: не будь его достоин!*“ [52])
И удивишь своей удачей всех;
Терпи и унижайся; будь спокоен;
Лови момент и не считай за грех
Пред силой отступать. Кто в поле воин,
Когда один? О совести забудь;
Ей выправкой укажешь правый путь!

19.

Первенствовать лорд Генри, без сомненья,
Любил; да кто ж бежит от льстивых слов?
Те даже, чье ничтожно положенье,
Стараются найти себе льстецов;
Гнет гордости тяжел в уединеньи,
И потому гордец всегда готов,
Веля другому везть себя послушно,
Чрезмерный груз делить великодушно.

20.

Как лорд, богат и знатен был Жуан
И с ним был равен саном и чинами;
Но лорд считал славнейшею из стран
Британию, гордясь ее правами;
Кто в мире был свободней англичан?
К тому ж лорд Генри старше был годами
И славился пространностью речей
(Парламент оставлял он всех поздней).

21.

Гордился лорд и тем, что знал немало
Интриг придворных (он министром был);
С дворцовых тайн срывая покрывало,
О них распространяться он любил
И думал, что ничто не ускользало
От зоркости его; трудов и сил
Он не жалел, чтоб родине оплотом
Служить, и был горячим патриотом.

22.

Его пленил серьезностью своей
Любезный Дон-Жуан; в пустые споры
Он не вступал, касаясь мелочей,—
И, с знаньем дела, вел переговоры
Без резкостей. Лорд Генри знал людей
И юность не лишал своей опоры
За промахи, не видя в этом бед.
Созреет хлеб—и плевелия нет.

23.

Они вели беседы меж собою
О тех странах, где без контроля власть
И где рабы покорною толпою
Всегда готовы в прах пред нею пасть;
О скачках речь они вели порою;
К езде верхом питал лорд Генри страсть;
Жуан же, отпрыск крови Андалузской,
Владел конем, как царь землею Русской.

24.

Они встречались всюду; с каждым днем
Их дружба всё росла. Усвоив взгляды
И тон большого света, модным львом
Стал Дон-Жуан; все были видеть рады
Посла, что красотою и умом
Всем головы кружил. Сознаться надо,
Что всякий мог вельможу в нем признать,
И потому к Жуану льнула знать.

25.

Близ площади Трех Звезд... Я из приличья
Не назову той улицы, боясь
Присущего всем людям злоязычья;
А то, пожалуй, к сплетникам как раз
Меня причтут, не делая различья
Меж фикцией и правдой. Мой рассказ
Любовных тайн коснется, и нарочно
Я улицы не называю точно.

26.

Еще причина есть не называть
Той улицы: без крупного скандала
Сезон проходит редкий; наша знать
Семейных драм уж видела немало.
Случайно сквер могу я указать,
Где приключился грех, злословья жало
Как будто в ход пуская. Чтоб ничем
Не заслужить хулы—останусь нем.

27.

На Пикадилли, не прибегнув к лести,
Я мог бы указать. Невинность там
Царит; но умолчу об этом месте
(Причин на то не сообщу я вам).
Когда б я угол знал, где можно Весте
Воздвигнуть, чтя невинность, светлый храм,—
Конечно, я б не скрыл его от света;
Но сам не знаю я, где место это.

28.

Итак скажу, что лорда Генри дом
Собою красил площадь «Без названья».
Жуан, как друг, всегда был принят в нем.
В том круге обращают лишь вниманье
На знатность и богатство. Кто притом
Взлелеян модой—светского собранья
Всегда кумир. Там редкий гость—талант,
И всюду первенствует модный франт.

29.

Премудрый Соломон сказал когда-то,
Что тем дела успешнее идут,
Чем более советников. Палата
Прямой пример того, а также суд.
Не оттого ли Англия богата,
Не оттого ль все блага к ней текут
И счастлива она, что без стесненья
В ней царствует общественное мненье?

30.

Полезно многолюдство и для дам;
Когда следят за женщиною строго,
Ей страшен грех, и выбор труден там,
Где налицо поклонников есть много.
С опаскою несется по волнам
Пловец, когда неведомой дорогой
На скрытый риф наткнуться может он;
Толпа вздыхателей—охрана жен.

31.

Но добродетель лэди Аделины
В таком щите нуждаться не могла;
Опасность представляют ли мужчины
Для дамы твердых правил? Козней зла
Бояться ей, конечно, нет причины;
Пустая лесть и жалкая хвала
Для гордой лэди были без значенья:
Уж ей давно прискучили хваленья.

32.

Ее привет был холодно-учтив;
Она умела выказать вниманье,
Но ей был чужд несдержанный порыв,
И вид ее, средь пышного собранья,
Всегда был величав и горделив.
Ее привет был лестное признанье
Заслуг и славы, только в нем, увы!
Искать души напрасно стали б вы.

33.

Как слава тяжела! Одни мученья—
Удел молвой прославленных людей,
Что слава им приносит?—лишь гоненья!
Они вкушают яд, сроднившись с ней;
Взгляните и на тех, что исключенье:
Что эта слава солнечных лучей,
Которой озаряется могучий?
Всего лишь блеск позолоченной тучи.

34.

Была еще особенность одна,
Сроднившаяся с нравом Аделины:
Равно скрывать имела дар она
И радость торжества, и гнет кручины
(В бесстрастии порядочность видна).
Так держатся в Китае мандарины,
Не удивляясь ничему. Пример
Не с них ли взяли люди высших сфер?

35.

Признав «nil admirari» тайной счастья,
На тот же путь Гораций нас ведет.
(Увы! счастливцам чуждо беспристрастье,
И разны мненья их на этот счет).
Опасно выражать свое участье,—
И сдержанность, порой, прямой расчет;
К тому же «свет» твердит, исполнен чванства,
Что энтузиазм—лишь нравственное пьянство.

36.

Но холод лэди был лишь напускной!
Так иногда (избитое сравненье!)
Под снегом лава огненной струей
Проносится. (Вулкана изверженье
Воспето уж в поэме не одной,
И мне всегда противны повторенья).
Вулкан, мне жаль тебя! Твой вечный дым,
Встречаяся в стихах, невыносим!

37.

Старинное сравнение отбросьте;
Другое есть и лучше, и новей:
Шампанского бутылку заморозьте,
И вы найдете *вымороэки* в ней;
Вкушая их, в восторг приходят гости:
Напитка нет приятней и ценней;
Клокочет он под ледяной корою,
Сверкая искрометною струею.

38.

Те капли—квинт-эссенция вина
Искусно замороженной бутылки.
Так иногда лишь с виду холодна
Красавица, ее же чувства пылки;
Под маскою скрывает их она,
И лед играет только роль настилки.
Кто раздробить с'умеет этот лед,
Тот драгоценный клад под ним найдет.

39.

Однакож не легко сквозь эти льдины
Найти проход, чтоб в душу заглянуть.
Обманчивы опасные пучины;
Носясь по ним, не трудно утонуть!
Вверяться им, конечно, нет причины.
Так, к полюсу отыскивая путь,
Уж не один корабль терпел крушенье;
Средь вечных льдов возможно ли спасенье!

40.

Лишь в юности легко крейсировать
По океану страсти; скрыться надо
В надежный порт, когда на вас печать
Кладет седое время; хуже яда
Безрадостное fuimus спрягать,
Когда лишь в прошлом теплится отрада,
Когда подагра скоро скосит вас,
Наследникам даря счастливый час.

41.

Но небу нужны тоже развлеченья;
Что ж делать, если тягостен их гнет!
Людская жизнь всё ж стоит изреченья,
Что «к лучшему на свете всё идет».
Доктрина персов—странное ученье
О двух началах жизни—не дает
Нам на вопросы жгучие ответа;
Но не темней других доктрина эта.

42.

Прошла зима; прощаемся мы с ней
В июле, чтоб к ней в августе вернуться.
То время—сущий рай для почтарей.
В свои поместья все тогда несутся,
Почтовых не жалея лошадей.
Ведь люди о себе одних пекутся.
(Отцы, порой, жалеют и сынков,
Когда за теми нет больших долгов).

43.

В июле—иногда еще позднее—
Конец условной лондонской зимы;
Клянусь, я прав! Барометра вернее,
Чем сессии палат, не знаем мы.
Пусть радикал, от злости пламенея,
Парламент называет царством тьмы
И о его плачевной доле тужит,—
Он всё же лучшим альманахом служит.

44.

Во все концы, лишь кончится сезон,
Летят фургоны, кэбы и кареты;
Густая пыль стоит со всех сторон;
Не рыщут львы, по моде разодеты,
На Ротен-Ро: от'езд для всех закон;
Купцы снуют, надеждою согреты
По счетам получить; но в этот миг
Длиннее длинных счетов лица их.

45.

Платить долги нет никому охоты,
И к чорту отсылают торгашей,
А вместе с ними дутые их счеты.
Без денег, в ожиданьи лучших дней,
Приходится им посвящать заботы
Дисконту долгосрочных векселей.
Одно их утешает в этом горе,
Что длинные их счеты с правдой в ссоре.

46.

«Вперед, вперед! давайте лошадей!»
Все, суетясь, спешат в свои усадьбы,
И лошади меняются быстрей,
Чем пламенные чувства после свадьбы.
Все щедро награждают почтарей,
Издержек не жалея,—только гнать бы
Во весь опор, несясь стрелой вперед,
Что для возниц и конюхов доход.

47.

Подачки бар их оживляют лики;
В дормезе едет лорд с своей женой,
А сзади камердинер—плут великий—
С служанкою, вострушкой продувной,
Сидят. «Cossì viaggino i ricchi!»
Слова я иностранные порой
Пускаю в ход, чтоб публика узнала,
Что в жизни я пространствовал немало.

48.

Кончалася столичная зима,
И вместе с ней уж проходило лето;
Скажите—разве город не тюрьма,
Когда природа пышно разодета?
Пустым речам, без проблесков ума,
Легко ль внимать и несться в вихре света,
Тогда как соловей в саду поет?
(Но лорды не спешат: ведь нет охот

49.

До осени). Простите отступленье.
Опять вернусь к рассказу. Высший свет
Отправился искать уединенья,
Слуг тридцать взяв с собою и в обед
Гостей сзывая столько ж. Приглашенья
Мы щедро рассылаем; спора нет,
Что радуют нас гости, но не очень
Их качеством британец озабочен.

50.

Лорд Амондвиль был знатен и богат;
В свой замок родовой, согласно с модой,
Уехал он. Там предков длинный ряд
Напоминал, что древнего он рода;
Вблизи от тех готических палат
Дубовый лес, что пощадили годы,
Стоял, как Славы памятник немой:
В нем каждый дуб надгробной был плитой.

51.

От'езд вельможи занял все газеты;
Вот современной славы жалкий плод,
Что быстро поглощают волны Леты;
О нас трубят, а нас забвенье ждет!
Сам «Morning Post», кумир большого света,
О факте том подробный дал отчет.
«Лорд Амондвиль»—гласило так известье—
«Уехал с лэди А. в свое поместье.

52.

«Обширный круг знакомых и друзей
«Почтенный лорд созвал в свое именье
«И в пышной резиденции своей
«Всю осень проведет. Уж приглашенья
«Разосланы. В числе других гостей,—
«Охотничьи деля увеселенья,—
«Там будет герцог Д. На весь сезон
«Посланник русский также приглашен».

53.

В известья «Morning Post»'а верить твердо,
Как в догмат англиканский, мы должны;
Итак, Жуан в роскошном замке лорда,
Пленяя всех, пробудет до весны
Средь светской знати, чопорной и гордой.
Не странно ль, что в тяжелый год войны
Газеты об обедах толковали
Пространней, чем о тех, что в битвах пали?

54.

Вот вам пример: «В четверг большой обед
Давал граф Х.» Затем на пол-странице
(Ведь всех интересует высший свет!)
Перечтены все бывшие там лица.
А ниже—точно нам и дела нет
До тех, что не находятся в столице—
Лишь в двух строках передает журнал,
Что полк такой-то сильно пострадал.

55.

В свой замок, бывший некогда аббатством,
Уехал лорд. Готических времен
Исчадьем замок был. Своим богатством
И красотой пленял туристов он.
Построенный благочестивым братством,
Не на горе он был расположен.
Монахи, вероятно, не хотели,
Чтоб ветра вой тревожил мир их келий.

56.

Стоял тот замок, сумрачен и тих,
В долине живописной. Он лесами
Был окружен. Дубы, времен иных,
Шептали о друидах и ветвями
Стремились в небеса. Из чащи их
Олень-самец с ветвистыми рогами
Пред стадом выбегал, на водопой
К волнам ручья его ведя, зарей.

57.

Пред самым замком озеро красиво,
Сверкая, расстилалось. С ним смешав
Свои струи, что в даль неслись бурливо,
Река смирялась, силу потеряв.
Мирьяды птиц ютились суетливо
Среди прибрежных зарослей и трав.
До озера спускался лес дремучий,
Волшебно отражен волной певучей.

58.

Из озера стремглав неслася вниз
Река с зловещим грохотом и треском;
Как водопад, струи ее лились,
Чаруя взор молниеносным блеском;
Затем река, как девочки каприз,
Смиряла гнев и дальше с тихим плеском
Среди лесов струилась,—неба свод
И зелень отражая в лоне вод.

59.

Развалины готического храма
Виднелись в стороне. Один лишь свод
От зданья уцелел и вел упрямо
Борьбу с толпою лет и непогод.
Среди руин один стоял он прямо,
Удерживая времени полет.
Невольно этот памятник искусства
Будил в артисте горестные чувства.

60.

Ряд ниш пустых виднелся вдоль стены.
Там изваянья некогда стояли
Двенадцати святых; но в дни войны,
Когда Стюарта лорды защищали,
Их в прах повергли. Верные сыны
Престола кровь напрасно проливали
За короля, что, потерявши власть,
Ни править не умел, ни славно пасть.

61.

Не тронута войною и годами,
Мадонна уцелела лишь одна
Каким-то чудом. С этими местами,
Их освятив, сроднилася она.
Когда руины храма перед нами,
Душа благочестивых чувств полна.
Религиозность, суеверье ль это?—
Я не могу дать точного ответа.

62.

В былые дни огромное окно
Блестело в храме стеклами цветными;
Теперь зияло пропастью оно;
Не оглашался гимнами святыми
Разрушенный тот храм, где уж давно
Лишь мрак царил под сводами немыми,
И заменяли пение псалмов
Унылый ветра вой и крики сов.

63.

Когда ж луна таинственно сияла
И ветер дул с известной стороны,
Руина вдруг как будто оживала:
Грустна, как тихий стон иль плеск волны,
Там дивная мелодия звучала;
Иные говорили, что слышны
Лишь отзвуки далекого каскада
И что других причин искать не надо.

64.

Народ же был глубоко убежден,
Что местный дух, носяся по руине,
Молчанье ночи будит (как Мемнон,
Согретый солнцем пламенным пустыни).
Я слышал сам протяжный этот стон
И звук его я помню и доныне;
Ах, слишком долго я внимал ему,
Но всё ж его причины не пойму.

65.

Фонтан среди двора своей структурой
Шептал о веке, что давно угас;
Его и украшенья, и скульптуры
Причудливостью форм кололи глаз.
Из странных ртов гранитные фигуры
В бассейн струили воду, что, дробясь,
Вся в брызги разлеталась; так бесследно
Минутной славы гибнет призрак бледный.

66.

Следы давно забытой старины
Кой-где в огромном зданьи уцелели;
Местами были ясно в нем видны
Остатки комнат, трапезы и келий.
Удары лет и бедствия войны
Всё ж не вполне своей достигли цели:
Часовня сохраняла вид былой,
Среди руин сияя красотой.

67.

Но не изящность древнего строенья
Дивила всех, а колоссальность зал.
(Глядя на великана, без сомненья,
Никто, любуясь им, в расчет не брал:
Естественно ль подобное явленье?).
Так всякого невольно поражал
Массивностью своих громадных рамок
Готических времен старинный замок.

68.

Портреты предков в рамках золотых
Служили украшеньем галереи:
Здесь рыцари в доспехах боевых;
Там графы с пышным кружевом вкруг шеи;
Красавицы, в костюмах дней иных,
Блистали между ними, словно феи;
Богато разодетых старых дам
Немало также виделося там.

69.

Пестрели тут и судьи с строгим взором
В обшитых горностаем епанчах;
Встречались вы и с мрачным прокурором,
Который целый век, внушая страх,
Давал лишь ход тяжелым приговорам;
Там красовались также на стенах
Духовные отцы, которых нравы
Не умножали пастырской их славы;

70.

Бароны тех эпох, когда булат
Одерживал победы над врагами,
А не свинец; военные без лат,
Но в париках напудренных, с кудрями
Мальбруковских времен; придворных ряд
С ключами золотыми иль жезлами.
Встречался и угрюмый патриот,
Вкушавший неудач унылый плод.

71.

Картины Карло Дольче, Тициана,
Пленяя взор, встречались также там;
Амуры сладострастные Альбана
С улыбками неслись навстречу вам;
Вернета кисти—волны океана
Рвались, покрыты пеной к берегам;
А вот и Спаньолетто; он с любовью
Живописал не красками, а кровью!

72.

Тут и пейзаж, что подписал Лоррен;
Здесь Рембрандт тени смешивает с светом;
Там Каравадж, любитель мрачных сцен,
Является с седым Анахоретом;
А дальше, лет не знающий измен,
Теньер веселым тешит вас сюжетом;
Так симпатичен вид его пивных!
Как датчанин [53]), я вечно пил бы в них.

73.

Условий надо выполнить немало,
Чтоб заслужить читательский диплом.
(Опять дорогу Муза потеряла
И понеслась проселочным путем!).
Для этого читайте всё с начала
И пропусков не делайте притом;
А если вы начнете с заключенья,
Всё ж до начала доводите чтенье!

74.

Читатель! длинной описью своей
Я надоесть успел тебе не в меру.
Смутил и Феба тон моих речей:
В оценщика, переменив карьеру,
Не превратился ль я на склоне дней?
Хоть перечни присущи и Гомеру,
Всё ж я тебя, читатель, пощажу:
Об утвари ни слова не скажу.

75.

Настала осень; жатва золотая
Давно вся убрана; гостей синклит
Уж с'ехался, чтоб, время убивая,
Охотиться. Не мало лес таит
Зверей и птиц; ягдташ свой наполняя,
Охотник за собакою спешит.
Но вы не попадайтесь, браконьеры!
Холопам с бар опасно брать примеры!

76.

Хотя у нас не зреет виноград,
Как в солнечных странах, где климат жарок,
Но погреб англичанина богат
И клэретом, и ромом лучших марок.
(Менять товар на деньги кто ж не рад?).
Пусть не дала природа нам в подарок
Пурпурных гроздий—плакать нет причин:
Сравнится ль виноградник с складом вин?

77.

Увы! не щеголяет наша осень
Теплом и ярким светом южных стран;
Деревьев обнаженных, мрачных сосен
Печален вид; невыносим туман,
Гнетущий нас, и вечный дождь несносен—
Всё это так—за то нам комфорт дан;
А он мирит нас с скучным желтым цветом,
Что зелень заменяет нам и летом.

78.

Сезон охот веселием богат;
Так хороша у нас villeggiatura,
Что ею и святой увлечься б рад;
Нимрод, не устрашен погодой хмурой
И облачивши Мельтона наряд,
Явиться б мог, покинув степи Дура [54]).
Нет кабанов у нас в лесах густых,
Но всякой *дичи* много и без них.

79.

Вот список тех, кому достался жребий
Быть приглашенным (этот длинный ряд
Я начинаю с дам): графиня Крэбби
И герцогиня Фиц-Фольк; мисс Эклат,
Мисс Бомбэзин, мисс Макстей, мисс О'Тэбби
И миссис Рэбби (ведь банкир богат);
А миссис Слип, что агнца вид имела,
Вы с козлищем сравнить могли бы смело:

80.

Но что перечислять по именам
Семейства графов, герцогов, баронов
И важных лиц, в то время бывших там?
То были сливки лондонских салонов.
Я умолчу о прошлом милых дам;
Их свет ласкал. Рабам его законов
Не угрожает тяжкий приговор;
Их в свете ждет почет, а не позор.

81.

Наш высший свет похож на фарисея:
Кто лицемер—тот у него в чести.
Всегда великосветская Медея
Себе Язона может завести—
Приятное соединять умея
С полезным и приличья соблюсти.
Так думает Гораций; так же Пульчи:
«Omne tulit punctum quae miscuit utile dulci».

82.

Порою свет пустяшную вину
Безжалостно клеймит, как преступленье;
Я видел безупречную жену,
Которую втоптали в грязь гоненья;
Притом знавал матрону не одну,
Что, несмотря на странность поведенья,
Как Сирия [55]) блестя, свершала путь,
Насмешками не смущена ничуть.

83.

(Еще о многом мог бы передать я,
Да не о всем, что знаешь, говори!).
Все гости лорда были, без из'ятья,
Брамины мод и высших сфер цари;
Но не о всех вам ясное понятье
Могу я дать—их было тридцать три!
Мой список был, сознаюсь в том, нечистый:
Попали в рифму и абсентеисты.

84.

Тут Парольс был—законовед-наглец,
Всех изумлявший смелостью запросов,
Хоть трусости являл он образец.
Тут был и Рэкрейм—мало ценных взносов
Принесший Музам, юноша певец;
Был и лорд Пирро, критик и философ,
А также—забулдыга и буян—
Сэр Поттельдип, что редко был непьян.

85.

Был герцог Дэш, что с головы до пяток
Был герцогом; там всякий знатный пэр
Носил происхожденья отпечаток,
Собой являя доблести пример.
Шесть Раубольдс, сестры, (мой отчет не краток!)
Всех поражали скромностью манер,
Но женихов имели лишь в предмете
Поймать в искусно брошенные сети.

86.

Почтенных лиц (решить я не берусь,
Заслуженно ль встречали их с почетом)
Немало было там. Один француз,
Известный по уму и по остротам,
Всё общество смешил. Маркиз де-Рюз,
Однако, не любил платить по счетам
И в клубах он успеха не имел,
Играя и словами, и на мел.

87.

Там были вольнодумцы-сибариты;
Ученый, давший сам себе диплом;
Там был и проповедник знаменитый,
Что с грешниками больше, чем с грехом
Боролся; там же, лаврами увитый,
Был спортсмэн, он на скачках слыл царем;
Там лорд Плантадженет, вивер опасный,
Блистал к пари своей любовью страстной.

88.

Там был один гвардеец великан
И старый генерал, военный гений,
Но на словах почтенный ветеран
Разил успешней, чем в пылу сражений
(Сопротивляться мог ли вражий стан!).
Там был судья, охотник до глумлений
И прибауток; так он был остер,
Что юмором смягчал свой приговор.

89.

Как с шахматной доскою жизнь людская
Сходна! В ней короли и пешки есть,
Шуты и королевы; но слепая
Судьба должна те куклы к цели весть.
О Муза! ты, как бабочка порхая,
Для отдыха нигде не можешь сесть;
Будь у тебя при крыльях также жало—
Как от тебя бы зло затрепетало!

90.

Я позабыл—а это, право, грех!—
Оратора, что заслужил хваленья
За первый свой дебют; его успех
Газеты подтвердили; впечатленье
Он произвел громадное на всех;
Из речи той явились извлеченья,
И всеми «образцовою» она
Была единогласно названа.

91.

Утешен Цицероновскою славой,
Он был всегда порисоваться рад
И вид имел надменно-величавый;
Хоть не был он познаньями богат,
Но был уверен, что имеет право
Ученостью гордиться. Ряд цитат
Он помнил наизусть и зачастую
Их вклеивал усердно в речь пустую.

92.

Два юных адвоката были там,
Что рознились по взглядам и по мненьям;
Один был сдержан, холоден и прям,
Другой дышал одним воображеньем;
Но все внимать любили их речам;
Один бы смело выдержал сравненье
Со скакуном; другой же был Катон:
Красноречив, но холоден был он.

93.

Один из них был сходен с фортепьяно,
С эоловою арфою—другой;
Один всегда вперед стремился рьяно;
Другого был невозмутим покой;
Известность им в удел досталась рано,
И свет встречал их с лаской и хвалой.
Они не шли дорогою избитой
И были безусловно даровиты.

94.

Быть может вы найдете, что гостей
В деревне собралося уж не в меру;
Но скучный *tête-à-tête* еще скучней.
Все изменили нравы, тон, манеру;
Прошла пора, когда смешить людей
Конгриву удавалось и Мольеру
Обильем типов глупости людской;
Теперь—увы!—все на один покрой.

95.

Конечно, дураков еще немало,
Но стороны смешные отошли
На задний план; так жизнь плетется вяло,
Что дни обильных жатв давно прошли;
Всё в обществе однообразным стало,
И люди до того теперь дошли,
Что на два вида их делить сподручно:
На скучных и на тех, которым скучно.

96.

Приходится—так скуден жизни путь—
Довольствоваться колосом помятым;
Читатель! ты на ниве жизни будь
Воозом, благодетелем богатым,
Мне ж Руфью быть не совестно ничуть.
Я б и к дальнейшим перешел цитатам,
Но миссис Адамс запретила нам
Вне церкви обращаться к письменам.

97.

За неименьем зерен, и соломой
Довольствоваться надо. Всё ж извлечь
Из мелких крох должны свое добро мы.
Когда о приглашенных вел я речь,
Мной был забыт один болтун знакомый,
Старавшийся вниманье всех привлечь
И для того, чтоб быть на первом плане,
Свои bons-mots готовивщий заране.

98.

Но как неблагодарен труд такой!
Ведь нужен остряку удобный случай,
Чтоб выступить с готовой остротой,
Всех удивляя фразою трескучей.
Он часто даром труд теряет свой—
И, вместо лавров, только терн колючий
Сжинает!—В дни иные, как на грех,
Его не хочет радовать успех!

99.

Я мог бы дать вам описанье пира;
Лорд Генри каждый день своих гостей
Банкетом угощал; поэта лира
Никак не пала б в мнении людей,
Обеды воспевая. Счастье мира,—
С тех пор как Ева жадностью своей
Сгубила нас, запретный плод отведав,—
Как знают все, зависит от обедов.

100.

Не потому ль евреям Бог сулил
«Кипящую и молоком, и медом»
Страну? Лишь ты нам так же мил,
Звон золота! Старея с каждым годом,
Забыв любовь, утратив свежесть сил,
Мы равнодушно к жизненным невзгодам
Относимся: но можно ли тебя,
О золото! лишиться. не скорбя?

101.

Охотились мужчины утром рано,
Стараясь от ennui себя спасать;
Пусть скука—плод британского тумана,
Названья ей мы не с'умели дать.
Хотя она мучительна, как рана,
И, дух гнетя, мешает даже спать,
Однако, чтобы дать о ней понятье,
Французский термин должен был прибрать я.

102.

Иные занимались чтеньем книг
Иль о картинах важно рассуждали;
Другие же, в тени аллей густых,
Любуясь садом, медленно гуляли;
Одних газеты тешили; других
Оранжереи замка занимали;
Но всякий был итти к обеду рад:
Ведь в шесть часов в деревне есть хотят.

103.

Никто не знал малейшего стесненья;
Лишь звоном возвещавшийся обед
Служил для всех звеном соединенья;
Свободно вы могли вставать чуть свет
Иль в поздний час; искать уединенья
Иль общества; свой делать туалет
По усмотренью; двигаться без цели
И завтракать, когда и как хотели.

104.

Верхом катались дамы по утрам,
При тихой и безоблачной погоде;
А в дождь они читали по углам
Иль пели; спорили о новой моде;
Учили новый па иль язычкам
Давали волю; или, на свободе,
Писали письма толщиной с трактат,
Чтобы в долгу остался адресат.

105.

Им было всем, кому писать, конечно.
О, что с тобой сравнится, женский лист!
Едва ль и небо столь же бесконечно.
Загадочен, таинственно-тенист,
Он, словно догмат, недосказан вечно.
Коварен он, как Одиссеев свист,
Долона заманивший. Если можно,
Ответ всегда пишите осторожно!

106.

У лорда Амондвиля для гостей
На всякий вкус нашлось бы развлеченье:
Бильярд и карты (низменных костей
Вне клубов невозможно примененье);
Коньки в мороз; в теченье теплых дней
Езда, катанье в лодках иль уженье.
(Уолтоном прославленный порок;
Ему бы в горло самому крючок!) [56])

107.

За ужином шутили и смеялись
(Там розами был устлан жизни путь);
По вечерам дуэты раздавались...
Кому они не волновали грудь!
Порой две мисс на арфах отличались,
Чем случай представлялся им блеснуть,
При исполненьи модуляций нежных,
Красою плеч и ручек белоснежных.

108.

Когда же не случалося охот,
По вечерам усердно танцовали;
Любезный мадригал пускался в ход,
И дамы с грациозностью порхали;
Но бальных дней—увы!—был краток счет:
До танцев ли мужчинам, что устали
От травли и езды? К прискорбью дам,
Все расходились к десяти часам.

109.

Политик, где-нибудь в углу, подробно
Воззренье развивал; остряк иной
Старался уловить момент удобный,
Чтоб поместить bon-mot готовый свой;
Но это для терпенья камень пробный!
Как редко миг является такой...
Но вот он наступает; всё готово,
А тут-то прерывают острослова!

110.

Условна, монотонна, холодна
В среде великосветской жизнь неслася,
По внешности пленительной сходна
С роскошным изваяньем Фидиаса.
Там увлечений дама ни одна
Не знала. Уж давно перевелася
Порода забулдыг и легких львиц:
Мы видим сборища лишь строгих лиц.

111.

В деревне раньше лунного захода
Все дамы расходились по углам,
Заботясь о здоровьи. Это мода
В столице не ложиться по ночам;
Но хуже яда жизнь такого рода.
Нет ничего полезнее для дам,
Живых цветов, как спать ложиться рано:
Ведь сон здоровый—лучшие румяна.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1.

О, если б мы могли из недр природы
Иль из себя луч истины извлечь,
На правды путь вступили бы народы,
Но сколько бы пришлось трактатов сжечь!
Философы от тягостной невзгоды
Себя не в силах были б уберечь...
Друг друга пожирают их системы;
Так ел Сатурн детей, как знаем все мы;

2.

Проглатывал и камни он порой;
Но тут своих отцов с'едают детки,
С трудом справляясь с пищею такой.
Не больше знаем мы, чем наши предки;
Туман одел былое пеленой.
А в наши дни ошибки разве редки?
Не верить и себе—всего верней;
Но к правде что же приведет людей?

3.

По моему, нет правды непреложной;
Я ничего не знаю и в расчет
Беру, что в этом мире всё возможно.
А что известно нам?—что смерть нас ждет?
Но, может быть, и это станет ложно,
Коль вдруг эпоха вечности блеснет.
Мы, ужаса полны, на смерть взираем,
Однакож сну треть жизни посвящаем.

4.

Когда устали мы, как сон хорош,
Без всяких сновидений, сон глубокий!
А вечный сон людей приводит в дрожь...
Самоубийца даже, долг до срока
Платящий (что нередко острый нож
Для кредиторов), гибнет одиноко,
Стеня с тоской,—но не о жизни стон:
Кончая путь, боится смерти он.

5.

Со всех сторон разинутою пастью
Нам каждую минуту смерть грозит;
Ее считая карой и напастью,
Навстречу к ней, однакож, мир спешит,
Порабощен ее всесильной властью.
Нас поражает бездны мрачный вид:
Когда клокочет пропасть под ногами,
В нее хотим мы погрузиться сами.

6.

С испугом мы бежим от бездны прочь,
Но позабыть былое впечатленье
Не в силах мы; холодной смерти ночь
Манила нас; тревожное стремленье
Проникнуть в мир незримый превозмочь
Нам было не легко... одно мгновенье—
И тайну бытия узнали б мы!
Но для живущих это царство тьмы.

7.

За отступленья сердится читатель
И осуждать меня за них готов;
Но это мой обычай. Я мечтатель,
Не признающий никаких оков;
Отметив мысль, не спрашиваю, кстати ль
Я посвятил ей ряд своих стихов;
Моя поэма—лишь мечты забава,
Что обо всем писать дает мне право.

8.

«Пустите вверх соломинку; она
«Укажет тотчас ветра направленье»—
То Бэкона слова. Как с ней сходна
Поэзия! По воле вдохновенья
Она летит, отрадных грез полна;
Но для меня иное в ней значенье,
Не славы я ищу—пою шутя;
Так пузырями тешится дитя.

9.

Весь свет передо мной или за мною;
Достаточно его я изучил,
Чтоб не забыть его; страстям, порою,
Немало я мирволил и служил,
За что был встречен яростной хулою.
(Друзьям своим я этим угодил).
Я славен был, но сам же славу эту
Разрушил тем, что льстить стыдился свету.

10.

Толпа и духовенство целый ряд
Мне посвящали пасквилей суровых;
Но смело всё пишу я, хоть навряд
Читателей себе добуду новых;
А старым приедается мой яд;
Но мыслей не могу держать в оковах.
В дни юности душа была полна
Надежд и грез; теперь хандрит она.

11.

Так для чего ж печатать? Ждать ли славы
И пользы, если вас на части рвут?
Легко вам доказать, что вы неправы:
От скуки ведь играют в карты, пьют
Иль чтенью предаются. Для забавы
Пишу и я, бросая в реку труд.
Пойдет ли он ко дну, всплывет ли смело—
Мне до того нет никакого дела.

12.

Я написать не мог бы и строки,
Когда бы я в успехе был уверен;
Пускай паду—бороться мне с руки,
Но музе я своей останусь верен;
Мы с нею от уступок далеки,
Я отступать пред силой не намерен.
И выигрыш, и проигрыш—дары
Отрадные случайностей игры.

13.

К тому ж, воюя с ложью и пороком,
Одни лишь факты я пускаю в ход,
Давая волю нравственным урокам;
А свет не любит правды и клянет
Мои стихи; нападкам и упрекам,
Что мне дарят, я потерял уж счет.
Гонись за славой я—другие темы
Легко бы мог избрать я для поэмы.

14.

Но, впрочем, (в том сознаться вы должны)
В моем труде разнообразья много;
Любовь, картины бури и войны
Дают уму занятие; дорогой
Мы с Музой никогда не стеснены;
Но если приговор раздастся строгий
И мой роман в обертку превратят—
Служить хоть тем торговле буду рад.

15.

Никто не воспевал большого света.
Увы! однообразностью своей
Втупик поставить может он поэта;
Хоть много драгоценных в нем камней
И мантий горностаевых—сюжета
Для описанья не найти скучней:
Всё в нем рутинно, чопорно, условно...
Возможно ль отнестись к нему любовно?

16.

В нем царствуют и пустота, и мрак;
Он сердце подчинить умеет воле;
Его грешки прикрыл блестящий лак,
В его речах искать напрасно соли.
Бездушен свет; он искренности враг
И лишь твердит заученные роли.
Характеры, манеры, взгляды, тон,
Всё в цвет один окрашивает он.

17.

Но и ему, порой, свободы надо,
Хоть ей он служит миг, а век цепям.
Так, отдохнув немного, в час парада
Солдаты вновь бегут к своим местам.
Конечно, нет блестящей маскарада,
Но скоро он надоедает вам;
Я никогда не уживался с светом
И пропадал с тоски в Эдеме этом.

18.

Кто кончил счеты с страстью и с игрой,
Кто надышался атмосферой бальной,
Кто видел дев продажных целый рой
И много жалких свадьб с подкладкой сальной,
Тот может лишь скучать, своей хандрой
Другим надоедая; вот печальный
Удел отцветших львов; у них нет сил
Забыть тот свет, который их забыл.

19.

Все говорят, что в описаньях бледен
Выходит свет; что мало он знаком
Писателям; из россказней переден
Они имеют сведенья о нем;
Талантами к тому ж синклит их беден,
И слог творений их так груб притом,
Что в вас закрасться могут подозренья—
Не горничных ли это рассужденья?

20.

Но как несправедлив подобный взгляд!
Писатели на пышные собранья
Являются и в обществе блестят;
Они вступают даже в состязанье
С военными, и свет их видеть рад.
Так почему ж так бледны описанья
Великосветских сфер? Причина та,
Что верно в них царит лишь пустота.

21.

Haud ignara loquor. Всё это—«*Nugae*»
Quarum pars parva fui. Во сто раз
Описывать мне легче на досуге
Гаремы, бури, битвы, чем рассказ
Вести о том, что в моде в высшем круге:
Но почему?—то скрою я от вас.
«*Vetabo Cereris sacrum qui vulgarit*»—
Не всякий корм желудок черни варит.

22.

Штрихи шероховатые смягчать
Всегда, как вам известно, мне отрада,
И мистицизм кладет свою печать
На все мои творенья. Хуже яда
Есть истины; их долг велит скрывать,
Иные тайны черни знать не надо,—
Поэтому порой необходим
Непосвященным ключ к словам моим.

23.

Все женщины, с тех пор как Ева пала,
Ей подражать готовы; для борьбы
У них нет сил; но как отрады мало
Им жизнь дает, по прихоти судьбы!
Как часто их язвит злословья жало!
Они мужей—то жертвы, то рабы;
К тому же роды мучат их жестоко
(Так бриться мы должны по воле рока).

24.

(Бритье, что каждый день терзает нас,
Родов, положим, стоит!). Женской доли
Всё ж с нашей не сравнить: жена подчас
Игрушка эгоизма; в жалкой роли
Рабы она являлася не раз;
Ее краса, таланты, сила воли
Какие же права даруют ей?
Быть ключницей и распложать детей!

25.

Роль женщин не легка. Судьба без счета
Им муки посылает с детских дней;
С оков их скоро сходит позолота.
В врагах подчас приветствуя друзей,
Они не знают твердого оплота...
Спросите даму (если только ей
Лет тридцать), чем быть лучше: королевой
Иль школьником? мужчиной или девой?

26.

Мириться с «властью юбки» средства нет
И тем, что знают рабства злые муки;
Упреки в том тяжеле всяких бед,
От них бегут, как караси от щуки;
Но так как из-под юбки мы на свет
Являемся—к ней простираю руки,
Платя всегда ей уваженья дань;
Одежды той мне безразлична ткань.

27.

Я к ней стремлюсь мечтою легкокрылой;
Сокровища, что в ней затаены,
Влекут к себе с неотразимой силой;
Она клинка дамасского ножны!
Любовное письмо с печатью милой;
Бальзам, дарящий сладостные сны;
В присутствии ее хандра проходит.
(Что скрыто от людей—с ума их сводит).

28.

Когда сирокко, гневен и могуч,
Проносится, бушуя на просторе,
Когда не виден солнца светлый луч,
Когда густой туман скрывает море
И нас пугает сонм зловещих туч,
Когда стихии меж собою в ссоре,—
Тогда и лик крестьянки молодой
Приятно увидать перед собой.

29.

Вернуться не мешает мне, однако,
К своим героям. Я оставил их
В стране, где мало знаки зодиака
Имеют веса; где слагает стих
С трудом поэт средь копоти и мрака,
Где небо—в темной ризе туч густых—
Лишь нагоняет тягостные думы,
Имея кредитора вид угрюмый.

30.

Там жизнь в семье поэзией бедна;
Вне дома дождь и слякоть; вдохновляться
Там нечем барду; роль его трудна;
Итти вперед всё ж должен он стараться;
Справляться с делом муза так должна,
Как дух привык с материей справляться;
Пускай борьбу стихии с ним ведут—
Всё ж до конца доводит он свой труд.

31.

Вращаясь при дворе, в глуши селенья,
На корабле иль направляясь в бой,
Со всеми одинаков в обращеньи,
Всегда Жуан доволен был судьбой.
Равно любя и труд, и развлеченье,
Не унывал и в горе наш герой,
И, хоть побед одерживал немало—
Не корчил он ни фата, ни нахала.

32.

Не трудно новичку в просак попасть,
Гоняясь на охоте за лисою:
Смеша людей, легко с коня упасть;
Но Дон-Жуан случайностью такою
Не мог быть озадачен; с детства страсть
Питал он к всяким спортам и ездою
Похвастаться бы мог; притом был смел
И ловко управлять конем умел.

33.

Все на Жуана обращали взоры,
Когда он на охоте гарцовал;
Чрез рвы, плетни, канавы и заборы
Он с ловкостью наездника скакал,
Порою обгоняя даже своры
Борзых собак. Высокий идеал
Охотника он представлял собою,
Хоть против правил и грешил порою.

34.

Всех удивлял охотников Жуан,
Несясь, как вихрь, к победному трофею;
Он изумлял и ловчих, и крестьян.
Другой себе сломал наверно б шею,
Рискуя так; он старых англичан
С ума сводил отвагою своею:
Ведь и они так отличались встарь!
Хвалил Жуана даже главный псарь.

35.

Хоть он трофеи забирал без счета,
Охотясь,—всё же Честерфильда взгляд
Он разделял вполне. (Фальшивой нотой
Такие мненья в Англии звучат).
Почтенный лорд, в конце одной охоты,
Где одержал побед блестящих ряд,
Сказал: «Ужель не согласится каждый,
«Что смысла нет так забавляться дважды!»

36.

В Жуане было качество одно,
Что редкость в том, кто каждый день с зарею
Привык вставать; пленяет дам оно;
Охотно занимаясь болтовнею,
Им нужен собеседник: все равно,
Святой ли он, иль с грешною душою;
Тем качеством герой мой обладал:
Он, пообедав, никогда не спал.

37.

Напротив, в оживленном разговоре
Блистать он остроумием любил;
Умел болтать о всяком модном вздоре
И был всегда внимателен и мил,
Не горячась напрасно в легком споре;
Хоть на лету он промахи ловил,
Но дамам расточал одни улыбки,
На вид не выставляя их ошибки.

38.

Искусно танцовал притом Жуан,
А танцы—это камень преткновенья
Для грубых и серьезных англичан:
Они отстали в этом отношеньи
От модных селадонов прочих стран.
Без вычур, но в порыве увлеченья
Жуан порхал, как лев придворных сфер,
Пленяя всех изяществом манер.

39.

В нем замечались грация и сила;
Чуть до земли касаясь, несся он,
Танцуя, как воздушная Камилла;
Природой верным слухом одарен,
Он несся в такт с изысканностью милой.
Всем нравился его изящный тон.
Кто видывал блестящей кавалера?
Он был одушевленное болеро.

40.

По грации сравнить я мог бы с ним
Лишь Ору пред Авророй Гвидо Рени.
(Она одна могла б прославить Рим;
Не много свет видал таких творений).
Художника талант необходим,
Чтоб передать изящество движений;
Перо—не кисть; без красок средства нет
Создать вполне законченный портрет.

41.

Он стал любимцем всех—понятно это—
И так умно повел свои дела,
Что дама целомудренная света
(А грешница подавно) с ним могла
Весть дружбу, не боясь за то ответа
Нести; и вот игру с ним завела,
Шутя, супруга герцога Фиц-Фолька,
Молвы и сплетен не боясь нисколько.

42.

Весь высший круг уж не один сезон
Она своей изящностью пленяла
И красотой, давая моде тон;
О ней ходило россказней немало,
Но сплетнями всегда я возмущен;
Ведь ложь молва не раз распространяла.
Судя по слухам, лорд Плантадженет
Ее любви последний был предмет.

43.

Нахмурилися гневно брови лорда,
Когда Жуана ясен стал успех;
Но вольности такого рода твердо
Переносить обязанность для всех;
Скрывая скорбь, любовник должен гордо
Себя держать; не то случится грех:
Расчитывать смешно на верность дамы;
Вспылив—ответ за то несем всегда мы.

44.

От шуток перешел к насмешкам злым
Лукавый свет; шушукались девицы,
А дамы явно гневались; иным
Чудовищным поступок модной львицы
Казался; как мириться было с ним!
Одни считали сплетню небылицей;
Другие сожалели от души,
Что лорда так дела нехороши.

45.

Но странно, что никто о бедном муже
Во время этих бурь не вспоминал;
Он, впрочем, был в отлучке и к тому же
Жене свободу полную давал,
Глядя на всё сквозь пальцы; как же, вчуже,
Ехидный свет смел поднимать скандал,
Супругов ухудшая отношенья?
Но труден там разрыв, где нет сближенья.

46.

Моя Диана, лэди Амондвиль,
К подруге также отнеслася строго,
Заметив, что глухих проселков пыль
Милее ей, чем торная дорога;
Так поступать все дамы не должны ль,
Карая зло? Об'ятая тревогой,
Она к подруге стала холодней
(Обманчиво сочувствие друзей).

47.

А всё без дружбы грустно жить на свете;
Участья вздох нам сладостен подчас,
Притом нежнее кружев дружбы сети.
За промахи в тяжелый жизни час,
Имея нашу пользу лишь в предмете,
— Не будь друзей—кто укорял бы нас?
Кто повторял бы нам всегда при этом:
«Зачем не вняли вы моим советам?»

48.

У Иова два друга было. Нам
И одного довольно в час невзгоды;
Друзья тогда подобны докторам,
Которых знанья меньше, чем доходы;
Они подобны блекнущим листам,
Что в даль несет дыханье непогоды;
Когда ж дела у вас пойдут на лад,
В любом кафе вас новый ждет Пилад [57]).

49.

Увы, я не искал их там, и что же?
Немало мук я в жизни испытал,
Но черепахой не был крепкокожей,
Что утонуть не может даже в шквал.
Жить сердцем было мне всего дороже.
Кто ж виноват, что я весь век страдал?
Тот проживет счастливее, конечно,
Кто на людей взирает бессердечно.

50.

Ужаснее, чем ветр иль крик совы
Той фразы ядовитые упреки,
Которые не раз слыхали вы:
«Ведь я вам говорил!» Друзья—пророки
Прошедшего; их песни не новы,
Но как порой докучны их уроки,
Что заменяют помощь иль совет!
До ваших нужд друзьям и дела нет.

51.

Обрушилась суровость Аделины
Не на одну подругу; ей хвалить
И Дон-Жуана не было причины;
Как мог он глаз с кокетки не сводить,
Ее опутан хитростью змеиной!
Всё ж в гневе не могла она забыть,
Что зелен он еще и молод тоже
(Дней на сорок он был ее моложе).

52.

Заботиться о юноше, как мать,
Что любит сына, право ей давало
Такое старшинство. Оберегать
От козней злых она за долг считала
Жуана; но года свои скрывать
Во цвете лет ей было толку мало;
Разлуки с днями молодости срок
От лэди Аделины был далек.

53.

Для женщин злая старость хуже яда;
Их возраста предел тридцатый год,
Так, двадцать семь; затем любая рада
Скрывать года. Останови полет,
О время! И тебе вздохнуть бы надо,
Чтоб поточить косу; потом вперед
Опять ты полетело б с рвеньем новым;
Ведь ты косцом прослыло образцовым.

54.

Зимы бояться лэди не могла,
Сияя лучезарною весною,
Но опытна не по летам была
И знала свет, что так лукав порою,
В котором столько зависти и зла.
Я возраста ее от вас не скрою;
Когда ее года хотите счесть,
Из двадцати семи откиньте шесть.

55.

В шестнадцать лет ей «свет» открыл об'ятья;
Она, явясь, очаровала всех.
В семнадцать не могу вам дать понятья
О том, как был велик ее успех.
Побед ее не в силах сосчитать я!
В восьмнадцать лет она, из сонма тех,
Что таяли пред ней, избрав супруга—
Царицей своего осталась круга.

56.

С тех пор, и безупречна, и чиста,
Она три года в обществе блестела;
Ее не смела жалить клевета:
Без пятнышка был этот мрамор белый,
Которого пленяла красота.
Блистая всюду, лэди всё ж успела
Среди своих триумфов и побед
Наследника произвести на свет.

57.

Вокруг нее, как мухи, шумным роем
Кружилась молодежь; но пустота
Всех модных львов—мы этого не скроем—
Претила ей. Им был бы не чета
Счастливец, ею выбранный героем!
Не всё ль равно, коль женщина чиста,
Что создает ее принципов твердость—
Холодность, добродетель или гордость?

58.

Мотивы мне противны, как бутыль
В руках болтливого амфитриона,
Который дразнит нашу жажду, гиль
Неся про будущее Альбиона;
Как стадо, подымающее пыль,
Самумом взвитую до небесклона;
Как ода Саути, длинный аргумент
Иль пэра раболепное «content».

59.

Зачем, при виде дуба-исполина,
Что зеленью роскошною одет,
Мне вспоминать, что жолудь—та причина,
Благодаря которой он на свет
Явился? Что мне тайная пружина,
Когда не изменяется предмет?
В том мудрый Оксеншерна, я уверен [58]),
Вас убедит; я ж спорить не намерен.

60.

Чтоб Дон-Жуан в ловушку не попал,
Став грустной жертвой ухищренья злого,
И для того, чтоб прекратить скандал,
Милэди в бой была вступить готова.
(Как иностранец, мой герой не знал,
Что в Англии относятся сурово
К грехам любви. Присяжных приговор
Сулит и разоренье, и позор).

61.

Она вредить решилась герцогине,
Заботясь лишь о прекращеньи зла,—
И не боялась бед по той причине,
Что в свете и наивна, и смела
Всегда невинность. Лэди Аделине
Явиться мысль, конечно, не могла
Прибегнуть к плутням тем, что зачастую
От бед спасают грешницу любую.

62.

Не герцога боялася она—
Он дела не довел бы до развода,
И верх над ним всегда б взяла жена.
Нет, у нее забот иного рода
Немало было: прелести полна
Была ее подруга и свободой
Располагала; к довершенью бед
Затеять ссору мог Плантадженет.

63.

К тому же интриганкою опасной
Слыла ее подруга; мучить всех
Поклонников она любила страстно;
Им обходился дорого успех!
Любовник перед ней был раб безгласный
Ее безумных прихотей; за грех
Она его тиранить не считала,
Но жертв своих из рук не выпускала.

64.

Так создаются Вертеры порой;
Их в гроб кладет тяжелая кручина;
Легко понять, что от судьбы такой
Спасти хотела друга Аделина;
Отраднее, чем связь с сиреной злой,
Женитьба, даже ранняя кончина:
Как не бежать от ядовитых жен!
Иная *bonne fortune* совсем не *bonne*.

65.

И вот, чужда коварства и обмана,
Решилась безупречная жена
Супруга упросить,чтоб он Жуана
Советом спас. Хоть цель была ясна,
Не мог одобрить он такого плана,
Найдя, что непрактична и смешна
Затея эта. Лорд в недоуменье
Привел жену, отстаивая мненье.

66.

Он так ответил: «Только королю
«Даю советы я и не намерен
«Других учить; я сплетен не люблю:
«Не всякий слух бывает достоверен.
«Жуан умен, хоть юн, и роль свою
«Сыграет без суфлера, я уверен.
«Кому ж советы нужны? Пусть хорош
«Чужой совет—его не ставят в грош!»

67.

Чтоб подтвердить такое заключенье,
Он добрый дал совет жене своей
Оставить это дело. «Увлеченье
«Само собой пройдет с теченьем дней.
«Жуан ведь не монах; к тому ж гоненье
«Усиливает только пыл страстей.
«Опасно прибегать к тяжелым мерам».
Тут ряд депеш он получил с курьером.

68.

К себе ушел, приняв серьезный вид,
Лорд Генри, член Верховного Совета.
(Пусть будущий Тит Ливий раз'яснит,
Как он уменьшил дефицит бюджета
И на ноги поставил наш кредит).
Я не читал депеш—причина эта
Мешает мне их сущность передать;
Узнав ее, пущу ее в печать.

69.

Но всё ж две-три инструкции, рутиной
Внушенные жене, лорд Генри дал
Пред тем, как вскрыть депеши с важной миной;
Он, уходя, жену поцеловал.
Спокойно он расстался с Аделиной;
Смотря на них, никто б не отгадал,
Что он ей муж; сестер, уж лет известных,
Целуют так, но не супруг прелестных.

70.

Гордился лорд и саном, и родством,
Принадлежа всецело высшим сферам;
Изящества так много было в нем,
Что он, казалось, создан камергером,
Чтоб во дворце блестеть пред королем;
По тону, по фигуре и манерам
Ему была присуща эта роль.
Он верно б ключ имел—будь я король.

71.

Хоть редкой для мужчины красотою
Он обладал и был, как тополь, прям,
Того, что называется «душою»
На языке условном милых дам,
Недоставало в нем. Владеть собою
Всегда он мог; житейским мелочам
Не придавая лишнего значенья,
Не ведал он, что значит увлеченье.

72.

Но это *je ne sais quoi*, что не имел
Лорд Генри—ценный дар, того не скрою;
Достанься Менелаю он в удел,
Не повезло б дарданскому герою,
Елену он увлечь бы не сумел,
И воспевать Гомер не стал бы Трою.
Да, изменяли женщины не раз,
Когда «души» не находили в нас.

73.

Кто скажет нам, к чему стремиться надо,
Ища любовь? Что горе для одних,
То для других блаженство и отрада.
Но чувственность пленяет только миг;
А платонизм—лишь жалкая услада,
Хоть дольше держит нас в сетях своих;
Когда ж они в союз вступают тесный,
С таким Центавром шутки неуместны.

74.

Все женщины мечтают лишь о том,
Чтоб сердцу дать занятье; но легко ли
Найти любовь со светом и теплом?
Их утлый челн несется без бусоли
Среди пучин, дыханьем бурь влеком.
Бороться нет у них ни сил, ни воли;
Когда-нибудь найдет же пристань челн!
Но вот утес, и гибнет он средь волн.

75.

Цветок «*Любовь от праздности*» Шекспиру
Обязан появлением на свет,
И с той поры он стал известен миру.
Но мне ль в саду певца похитить цвет!
Не прикоснусь к британскому кумиру—
На это у меня отваги нет;
Но я с Руссо способен взять реванш
И с ним воскликну *Voilà la Pervenche*! [59]).

76.

Eureka! но прошу слова мои
Как следует понять. Я не намерен
Доказывать, что праздность—мать любви;
Но с ней она в союзе, я уверен.
Не вспыхнет в том минутный жар в крови,
Кто трудится, своим занятьям верен.
В одной Медее не утихла страсть,
Хоть в кормчие случилось ей попасть.

77.

Beatus ille qui procul negotiis [60]),
Сказал поэт, хоть верится с трудом
Такому мненью. *Noscitur a sociis*—
Вот строгий стих, но сколько правды в нем!
Опасные соблазны и эмоции
Сулит нам праздность, спорить ли о том!
О, трижды счастлив тот, могу сказать я,
Кто любит труд и у кого занятья.

78.

Когда на пашню райские сады
Сменил Адам,—костюм скроила Ева
Из листьев. Вот те первые плоды,
Что людям принесло познанья древо.
От мук и бед спасают лишь труды;
Всегда зависит жатва от посева;
Коль светским дамам скучно целый день,
То потому, что им трудиться лень.

79.

Вот почему так дамы пусты наши,
И «свет» пропитан скукою одной.
Нельзя ж всегда пить счастье полной чашей:
Довольство пресыщение с собой
Приносит людям. Жизнь лишений краше,
Чем эта жизнь с блестящей мишурой,
Где психопатки с синими чулками
Царят, дивя нас жалкими страстями.

80.

Клянуся! я романов не читал
Таких, как мне случалось видеть в свете;
Когда б их описать, какой скандал
Произвели б разоблаченья эти!
В глаза б сказали мне, что я солгал.
Прослыть лжецом могу ль иметь в предмете?
Чтоб правду не язвила клевета,
Пускаю в ход лишь общие места.

81.

«И устрицы в любви несчастье знают!»
Причина та, что дни они влачат
В бездействии и под водой вздыхают,
Вкушая вечной лени горький яд.
Им в келиях монахи подражают;
Но с праздностью нейдет молитва в лад;
Так трудно им нести безделья бремя,
Что часто эти злаки идут в семя.

82.

О Вильберфорс! великий человек,
Чьи подвиги воспеть бессильна лира!
Ты рабство негров в Африке пресек
И низверженьем грозного кумира
Прославил *черной* славою свой век.
Но ты забыл другие части мира:
Ты черным дал свободы светлый луч,—
Теперь же белых ты запри на ключ!

83.

Запри плешивого любимца славы;
Всю «Троицу» бы в Сенегал отвезть,
Им доказав, что под одной приправой
И гуся, и гусыню можно с'есть;
Запри и саламандр, что для забавы
Из-за гроша в огонь готовы лезть;
Запри не короля, а Павильоны:
Они стране уж стоят миллионы!

84.

Запри весь мир, но дай свободу тем,
Которые в Бэдлэме. Будь уверен,
Что всё пойдет по старому затем;
Давно людьми уж здравый смысл потерян.
Будь свет умен, то ясно было б всем;
С глупцами ж в спор вступать я не намерен.
И так как у меня опоры нет,
Я поступлю, как мудрый Архимед.

85.

Свободно было сердце Аделины;
Оно ничью не признавало власть;
В нем не сумел поклонник ни единый
Оставить след и пробудить в нем страсть.
Для слабых незначительной причины
Достаточно, чтоб их заставить пасть;
Но гибельно, как взрыв землетрясенья,
Для сильных духом каждое паденье.

86.

Приветливый она бросала взор
На мужа; но старалася напрасно
Его любить. Итти наперекор
Природе и бесцельно, и опасно.
Скалы Сизифа вынесть ли напор?
Они, однакож, жить могли согласно,
И свет считал примерным их союз,
Хоть льдом несло от этих брачных уз.

87.

Хотя во многом рознилось их мненье,
Меж ними распрей не было. Сравнить
Могу с их жизнью плавное движенье
Двух звезд, которых связывает нить
Одной орбиты. Вот еще сравненье:
Не может Леман с Роной волны слить;
Струи текут, не смешиваясь, рядом,
Как ленты двух цветов блестя пред взглядом.

88.

Хоть лэди Аделина и была
Уверена в себе, но увлеченье
Могло ей причинить немало зла;
Определяя силу впечатленья,
Она легко в ошибку впасть могла,
Тем более, что сладость упоенья
Вторгалась в душу ей, как горный ключ,
Спадающий стремглав с отвесных круч.

89.

Когда порой опасность ей грозила,—
На выручку двуличный демон к ней
Являлся; в час успеха эта сила
Зовется *властью духа* у людей,—
Упрямством, если счастье изменило.
Героев, полководцев, королей—
То губит эта сила, то спасает;
Но всё ж никто границ ее не знает.

90.

Когда б при Ватерло Наполеон
Победу одержал, за силу воли
Молвою был бы он превознесен;
Теперь он выступает в жалкой роли
Упрямца! Случай создает закон;
Условность—злая язва нашей доли;
Но не хочу об этом рассуждать
И к Аделине обращусь опять.

91.

Я чувств ее описывать не стану;
Могу ль их знать, когда загадка в них
Была и для нее? Она к Жуану
Питала лишь симпатию и в миг
Сумела б положить конец роману,
Явись опасность вдруг от чувств иных.
Ей иностранцу-юноше, как другу,
Хотелось оказать в беде услугу.

92.

К Жуану—так воображалось ей—
Она лишь дружбу нежную питала;
Стараясь брать пример с мужчин-друзей,
Она, чиста душой, не признавала
Опасных платонических затей,
Сгубивших бедных женщин уж немало,
И, в дружбе той не замечая зла,
Без страха предаваться ей могла.

93.

В подобной дружбе видно, без сомненья,
Влияние различия полов;
Но если чуждо страсти то влеченье
(Бич дружбы—страсть!) и от любви оков
Подобные свободны отношенья—
Нет лучше друга женщины. Таков
Мой взгляд; но чтоб вполне союз был тесен,
Не надо другу петь любовных песен.

94.

Зародыши измен в себе несет
Любовь, вселяясь в нас. Понятно это:
Тем к холоду быстрее переход,
Чем пламенней любовью грудь согрета;
Сама природа в том пример дает;
Всегда ль сияньем молнии одета
Лазоревая высь? Любовь нежна,—
Так может ли не хрупкой быть она?

95.

Нередко тот, кто отдавался страсти,
Жалел, что признавал ее закон;
За то, что был ее покорен власти,
В глупца преобразился Соломон.
Любовь сулит тяжелые напасти;
Встречать случалось мне примерных жен,—
И что ж? Они мужей сживали с света,
За это не боясь нести ответа.

96.

Друзей нет лучше женщин; в дни, когда
Меня и на чужбине, и в отчизне
Язвила беспощадная вражда,
Лишь женщины-друзья отрадой жизни
Являлися моей. Они всегда,
Не веря ни хуле, ни укоризне,
На помощь шли ко мне, вступая в бой
С шипящею змеею-клеветой.

97.

Впоследствии о дружбе Аделины
С Жуаном речь пространней поведу;
Теперь я песнь кончаю, и причины
Прервать рассказ удачней не найду.
Пускай пред неоконченной картиной
Стоит читатель. У меня в виду
Тот факт, что чем загадочней интрига,
Тем интересней делается книга.

98.

Гуляли ли, катались ли они?
Читали ль по-испански «Дон-Кихота»?
(Отрадней нет занятья в наши дни!).
Могли ль они себя спасти от гнета
Тяжелых дум средь светской болтовни?
Мириться с ней была ль у них охота?
На эти все вопросы вам поэт,
Быть может, даст талантливый ответ.

99.

Серьезный тон в сатиру-эпопею
Введу я с новой песни; чтоб в обман
Вам не пришлося впасть—просить вас смею
Вперед в мой не заглядывать роман.
Грешат всегда предвзятостью своею
Догадки. Аделина и Жуан
Невинны; если ж им грозит паденье—
От гибели им не найти спасенья.

100.

Безделица порой плодит напасть.
Вот дней давно былых воспоминанье,
Что пустяков доказывает власть:
Я от любви лишился раз сознанья,
Но что раздуло вдруг такую страсть?
Вы отгадать никак не в состояньи —
Держу пари хотя б на миллиард:
Меня сгубила партия в бильярд.

101.

Вам может показаться странным это—
Но дело в том, что вымысел бледней,
Чем истина. Вы не узнали б света—
Явись возможность высказаться ей.
Добра и зла смешалась бы примета.
И кто б не отшатнулся от людей,
Когда б Колумбу нравственной природы
Людских сердец предстали антиподы?

102.

Какие бы тогда в душе людской
Открыли мы «пустыни и пещеры»!
В груди могучих—ледяной покой,
Таящий себялюбие без меры!
Средь тех, кто правит царствами, какой
Дикарской кровожадности примеры!
Когда бы всё назвать по именам,
Отверг бы славу даже Цезарь сам.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

1.

Ах! Что должно тут следовать—не знаю;
Но пусть меня сомненье не смутит:
Всё à propos; итак, я продолжаю,
Как будто мысль свободная летит
Сама собой. Вся наша жизнь земная
Из междометий разных состоит:
В ней «ха, ха, ха!» иль «ох!»—печаль иль радость—
Но «тьфу» верней рисует эту гадость.

2.

Всё это вместе—лишь волненья след;
Волненье—пена жизненного моря
И в малом виде—вечности портрет:
Оно нас оживляет, с скукой споря,
И часто, отстраняя чашу бед,
Дарует нам блаженство вместо горя.
Когда оно сродняется с душой,—
Успешно свет бороться может с тьмой.

3.

Отрадней волноваться, чем под маской
Скрывать следы томящих нас тревог.
Всё затемнять фальшивою окраской
Привыкли мы, и в сердце уголок
Всегда есть для притворства. Правда сказкой
Нам кажется. От истины далек
Лукавый свет, и потому понятно,
Что ложь хвалить ему всегда приятно.

4.

Возможно ль позабыть минувших дней
Погибшие мечты и увлеченья?
Не вычеркнуть из памяти своей
Былые сны и прошлые волненья;
Хоть Лета умеряет пыл страстей,
Всё ж не дарит нам полного забвенья.
Порой наш кубок полн—и что же?—в нем
Всегда осадок времени найдем.

5.

Что ж до любви касается мятежной...
Но к Аделине вновь вернуся я;
Не правда ли, как имя это нежно?
(Есть музыка в журчании ручья
И в колыханьи заросли прибрежной;
Гармонии полна природа вся;
Об этом лишь одни глухие спорят:
Мелодьям сфер земные звуки вторят).

6.

Увы! опасным лэди шла путем!
Ведь женщины не знают твердых правил,
И многие из них сходны с вином
Испорченным. Кого втупик не ставил
Обманчивый ярлык? Мечтой влеком,
Прекрасный пол когда же не лукавил?
Брожение до старости—закон
Не только для вина, но и для жен.

7.

Когда с вином сравню я Аделину—
В таком вине был лучших гроздий сок;
По чистоте алмазу иль рубину
Красавицу я б уподобить мог;
Сатурн и тот сгибал пред нею спину,
А он для всех безжалостен и строг;
На свете нет счастливей кредитора:
Он в должнике найти не может вора!

8.

О смерть! ты кредитор лукавый наш!
Ты робко в нашу дверь стучишь сначала,
Как знатных бар боящийся торгаш;
Затем стучишь сильней; терпенья мало
Тебе дано; пощады ты не дашь,
Когда тебе прийти пора настала!
Людские просьбы ты не ставишь в грош:
Необходим немедленный платеж.

9.

Всё в плен бери, но сжалься над красою!
Она редка, а ты по горло сыт
И без нее. Она грешит порою,
Так что ж—ей потому и нужен щит.
Обжорливый скелет! весь мир тобою
Порабощен; умерь свой аппетит!
Героев пожирай с зловещей силой,
Но красоту цветущую помилуй!

10.

Какой-нибудь мечтой увлечена,
Дурных страстей не признавая жгучесть,
Ей лэди Аделина, грез полна,
Всецело отдавалась. Это участь
Восторженных натур. Притом она,
Держась надменно, верила в живучесть
Тех правил, что ведут на правый путь;
Одним добром ее дышала грудь.

11.

Молва, газета сплетен, протрубила
О похожденьях юноши; и что ж?—
Не рассердилась лэди; дамам мило
Порою то, что нас приводит в дрожь;
Но многое в Жуане изменила
Жизнь в Англии. С Алквивиадом схож,
Он в край чужой не шел с своим уставом
И применяться мог ко всяким нравам.

12.

Он увлекал, не думая увлечь,
Приветливою искренностью тона;
Без вычуров его лилася речь;
Он из себя не корчил Купидона,
Который хочет все сердца привлечь,
Не веря, что возможна оборона.
Мечтая о победах, фат пустой
Лишь думает, что с ним немыслим бой.

13.

Но может ли к успеху тон нахальный
Кого-нибудь привесть? Прямой отказ—
Вот способа такого плод печальный!
Жуан был чужд искусственных прикрас,
К тому ж имел он голос музыкальный;
Из стрел, что ловко бес пускает в нас,
Неотразимей всех приятный голос.
Где дама, что успешно с ним боролась?

14.

Жуана не испортила среда;
Хоть робок не был он, но видно было,
Что ложь ему противна и чужда;
Казался скромным он, а скромность—сила;
Она, как добродетель иногда,
В себе самой награду находила.
Отсутствие претензий красит всех
И часто в дар приносит нам успех.

15.

В весельи тих, без лести мил, он ловко
Все слабости людские примечал,
Скрывая то с искусною сноровкой.
Он с гордыми был горд и цену знал
Себе и им. Картинной позировкой
Морочить свет он вовсе не желал
И шел вперед, не увлечен мечтою
Первенствовать над чопорной толпою.

16.

Для дам же мой герой был сущий клад:
Он с их всегда соображался мненьем
И взглядам их был подчиняться рад;
Они живут одним воображеньем,
Ему ж пределов нет... но verbum sat.
Давая ход своим «Преображеньям»,
Им нипочем и Санцио затмить.
Кто скажет нам, чем их умерить прыть?

17.

Глядя на мир сквозь грань условной призмы,
Легко в ошибку впасть, а оступясь
Над бездною, стремглав несемся вниз мы.
В такой беде спасет ли опыт нас?
Философов бесценны афоризмы,
Но голос мудрецов—«в пустыне глас»:
Глупцам пойти не могут впрок уроки,
Которых им невнятен смысл глубокий.

18.

Великий Бэкон, Локк и ты, Сократ!
Как люди вас за труд вознаграждали?
Каких ты удостоился наград,
Еще Божественнейший [61]), чьи скрижали
Над миром, словно светочи, горят?
Не раз твое ученье искажали,
Чтоб зло творить! Примеров много есть,
Но в целом томе их не перечесть.

19.

Моя скромнее роль; я с возвышенья
Слежу за тем, что может видеть глаз;
Затем вношу в поэму наблюденья,
За славою нисколько не гонясь.
Мои стихи текут без затрудненья,
И я пишу без вычур и прикрас,
Как стал бы разговаривать я с другом,
Гуляя с ним и пользуясь досугом.

20.

Большой талант не нужен, чтоб писать
Шутливый вздор; всё ж труд мой не бесплоден;
К тому ж люблю порою поболтать;
Хотя мой стих игрив и сумасброден—
Подобострастья в нем не отыскать;
Пою, с импровизаторами сходен,
И всё, что мне порой взбредет на ум,
Вношу в октавы я без дальних дум.

21.

«Omnia vult *belle* Matho dicere—dic aliquando
«Et *bene*, dic *neutrum*, dic aliquando *male*». [62])
Но belle—непосильная команда;
Второе—исполняется едва ли;
Для третьего—потребна пропаганда;
Четвертое—мы каждый день встречали;
А целым—я хотел бы для приправы
Залить мои шутливые октавы.

22.

Могу ль наглядней скромность проявить?
Но в скромности я черпаю значенье
И силу, хоть умею гордым быть.
Ужасно разрослось мое творенье!
Когда б хотел я деспотизму льстить
И слушаться зоилов—без сомненья,
До крайности я б труд свой окорнал,
Но не сдаюсь: борьба—мой идеал.

23.

К тому ж всегда я защищаю бедных
И слабых; но случись паденье тех,
Что давят мир теперь в венках победных,
Я изменил бы фронт; и пусть мой смех
Вначале поязвил бы их, безвредных,—
Я под защиту принял бы их всех.
Я всякой тирании враг заклятый,
Хотя бы и царили демократы.

24.

Я был бы славным мужем, но—увы!—
Теперь о том не может быть и речи...
О, цепи брака, мне знакомы вы!
Постричься б мог, но манят жизни сечи;
К тому ж ломать не стал бы головы
Над рифмами, грамматику калеча,
Когда б во время оно злой зоил
Знакомства с Музой мне не запретил.

25.

Laissez aller! Пусть воспевает лира
Встречающихся рыцарей и дам!
Нужна ль тут помощь мужа из Стагира [63])
Иль Лонгина? Не выходить из рам
Должна, однако ж, всякая сатира,
И не легко условным нравам нам
Придать какое надо освещенье,
При этом обобщая исключенья!

26.

Нас жизнь гнетет условностью своей;
Когда-то люди создавали нравы,
Теперь же нравы создают людей;
Их с овцами сравнив, мы будем правы.
Все люди меж собою с детских дней
Вполне сходны. Ждать можете ль добра вы
От новых описаний старых лиц,
Когда однообразью нет границ!

27.

Итти не всё ж придется степью голой.
Итак, вперед! О Муза, ты порхай,
Когда летать не можешь; будь веселой
Иль чопорной (министрам подражай!),
Коль дивные тебе чужды глаголы!
Непочатый еще отыщем край.
При помощи флотильи небогатой
Америку открыл Колумб когда-то.

28.

Участье Аделины с каждым днем
К Жуану всё росло. Ее волненье
Отчасти виновато было в том,
Отчасти же и друга положенье.
Казалось ей, невинность дышит в нем,
Что и невинность вводит в искушенье.
Не любят дамы жалких полумер,
И Аделина в том дала пример.

29.

И вот она, любя его, как брата,
Решилась дать ему благой совет.
(За лучшие лишь благодарность плата:
Дешевле на земле товара нет!)
Заботливостью нежною об'ята,
Она, обдумав тщательно предмет,
Дала совет жениться Дон-Жуану,
Чтоб разом положить конец роману.

30.

Жуан сказал, что брак глубоко чтит
И был бы рад сродниться с жизнью новой,
Но Аделине выставил на вид,
Что с ним судьба обходится сурово,
Что та, к которой страстью он горит,
К несчастию, давно жена другого.
Возможно ли, чтоб он сгубил себя
И в брак вступил, подругу не любя?

31.

Свою судьбу устроив чрез интриги,
Затем судьбу детей, сестер, кузин,
И разместив их, как на полке книги,
Все женщины охотно на мужчин
Накладывают брачные вериги,
Устраивая свадьбы; нет причин
Их осуждать за то: хоть брак и страшен,
Но он спасает нас от грешных шашен.

32.

У всякой дамы свадьбы план готов—
Ведь женихов немало на примете!
(Не тешат свадьбы только старых вдов
И старых дев). Забота дамы: в сети
Поймать холостяка—и брак готов!
В восторге все, но сколько видят в свете,
Благодаря супружествам таким,
И мелодрам, и жалких пантомим!

33.

У дам подобных, кстати мы заметим,
Всегда жених богатый припасен;
Как возятся они с счастливцем этим!
Лорд Джордж хорош; недурен и сэр Джон.
Где счастье этих лиц в виду иметь им!
Лишь был бы брак скорее заключен;
Что ж,—от греха счастливый муж отпрянет,
А дело за невестами не станет!

34.

У этих дам запас невест не мал;
Для одного богатую девицу
Готовят; для другого—идеал
Невинности, для этого—певицу...
Одну невесту красит капитал,
Другую—связи; третья же столицу
Своими совершенствами дивит,
Не увлекаться ею просто стыд!

35.

Известный Рапп, супружество не чтущий, [64])
Колонию сектантов основал,
И стала та колония цветущей.
Скажите—разве это не скандал?
В безбрачьи жизнь влачить не грех ли сущий?
Колонию «Согласьем» он назвал.
Какой абсурд! Замечу без прикрас я:
Где брака нет—смешно искать согласья!

36.

Он верно посмеяться лишь хотел
Над браком и согласьем, так сурово
Их разделив. Я вовсе не имел
Намеренья трунить над сектой новой;
Завиден и блестящ ее удел.
Религия и нравственность основой
Ей служат. Не над ней смеялся я,—
Названья лишь ее хвалить нельзя.

37.

Но с Раппом несогласны те матроны,
Которые, над Мальтусом смеясь,
Лишь размноженья чествуют законы;
Их торжество приводит в трепет нас;
Вы эмигрантов слышите ли стоны?
Вот результаты размноженья масс.
Неурожай картофеля и страсти
Приносят в дар тяжелые напасти!

38.

Читала ль лэди Мальтуса? Увы!—
Не знаю сам. Он заповедь оставил:
«Без денег не женитесь». Это вы
В труде прочтете, что его прославил.
Его воззренья смелы и новы;
Но как мириться с смыслом этих правил?
Теория его, расчета плод,
Нас прямо к аскетизму приведет.

39.

Супружество Жуану без опаски
Сулила лэди. Будучи богат,
Он мог всегда к разводу, как к развязке,
Прибегнуть, если б встретил дома ад;
Коль можно положить семейной пляске
Конец, то цепи брака не страшат.
Припомните Гольбейна «Пляску смерти»:
Семейных уз она портрет, поверьте!

40.

Чтоб друга уберечь от вражьих пут,
Его женить решила Аделина.
Немало было мисс прелестных тут;
За выбором лишь дело! Нет причины
Всех называть; такой бесцелен труд;
Одно лишь я скажу: все до единой
Его достойны были, и с любой
Обресть он мог бы счастье и покой.

41.

Мисс Мильпо́нд, в сонме их лучи бросая,
Была с густыми сливками сходна,
По снятии которых смесь плохая
Простой воды и молока видна
С оттенком сизым. Брак не страсть слепая:
Ему такая жидкость не вредна;
Хоть морщась, но ее вкушайте смело:
Молочная диэта лечит тело.

42.

Богатая мисс Шустринг всё гналась
За мужем с синей лентой иль с звездою;
Но редки стали герцоги у нас;
К тому ж попытка их увлечь собою
Несчастной мисс вполне не удалась;
И вот она, гонимая судьбою,
За русского иль турка (в этом нет
Различья) вышла замуж, бросив свет.

43.

Хоть перечни в стихах неблагодарны,
Аврору Рэби можно ль позабыть:
Она такой звездою лучезарной
Блестела, что ей зеркалом служить,
Хотя б и тусклым, свет не мог коварный.
Недавно ей досталось в свет вступить.
Сходна с нераспустившеюся розой,
Она казалась воплощенной грезой.

44.

Она была сиротка; много благ
Сулил ей свет, пред ней широко двери
Свои раскрыв; но грусть в ее очах
Всегда читалась; в счастие не веря,
Она вступала в жизнь; в чужих дворцах
Вдвойне невыносимее потеря
Родного очага. Как грустен свет,
Когда в живых любезных сердцу нет!

45.

Ребенок и по виду, и годами,
Она была грустна, как серафим,
Который, обливаяся слезами,
Сочувствует страданиям людским,
Земными опечаленный грехами;
Мы светлого с ней ангела сравним,
Что у дверей потерянного рая
Стоит в тоске, об изгнанных вздыхая.

46.

Тверда в вопросах веры и строга,
Католицизм мисс Рэби свято чтила,
И вера та была ей дорога:
Традициям служить ей было мило;
Последняя из рода, что врага
Не устрашась и не склонясь пред силой,
Религии не изменил своей,—
Мисс Рэби, предков чтя, гордилась ей.

47.

Блестящий свет казался ей пустыней;
Она в уединении росла,
Как нежное растенье; в светской тине
Красавица завязнуть не могла.
Она казалась светлою богиней
Каких-то высших сфер. Не зная зла,
Она спокойно шла к заветной цели,
И в свете все пред ней благоговели.

48.

Хоть из девиц, там бывших, ни одна
Не обладала даже половиной
Достоинств мисс Авроры—всё ж она
Не значилася в списке Аделины.
За что она была исключена,
Без всякой уважительной причины,
Из списка тех, что в брак могли вступить—
Я, право, не берусь вам об'яснить.

49.

Смущен был Рим, не видя бюста Брута
В процессии Тиверия. Жуан,
Заметив, что мисс Рэби почему-то
Забыта, изумленьем обуян,
Спросил: за что с ней поступили круто?
И вот ему такой ответ был дан:
«О девочке угрюмой и жеманной
«Весть разговор по меньшей мере странно».

50.

Жуан сказал: «Мы веры с ней одной,
«Жениться мы могли б без затрудненья;
«Меж тем я не добьюсь на брак с другой
«Ни матери, ни Папы разрешенья».
Но Аделине чужд был взгляд такой;
Она свои лишь признавала мненья—
И, верная теории своей,
Лишь повторила сказанное ей.

51.

Чем дурны повторенья? Почему же
К их помощи не прибегать подчас?
Хороший аргумент не станет хуже,
Хотя б он в ход пускаем был не раз.
Несносны пререканья даже вчуже;
Упрямством часто побеждают нас;
Коль к цели нас привел известный довод,
Трунить над ним, скажите, есть ли повод?

52.

Чем вызвало прелестное дитя
Предубежденья лэди горделивой?
Я не могу, признаюсь не шутя,
На тот вопрос ответить щекотливый;
Всегда великодушью дань платя,
Она ко всем бывала справедливой,
А тут так изменила странно тон.
Увы! каприз для женщины закон.

53.

Быть может, показалось ей обидно,
Что равнодушно к светским мелочам
Относится Аврора. (Не завидна
Судьба пустых великосветских дам!).
Мы вне себя, когда нам ясно видно,
Что те, которых взгляд на вещи прям,
Хотят наш ум унизить. (Шуткой едкой
Антония так Цезарь злил нередко).

54.

Проснулась ли нежданно зависть в ней?
(Такой вопрос позорит Аделину!).
Мутило ли ее, шипя, как змей,
Презренье? Но легко ль найти причину,
Чтоб презирать ребенка в цвете дней!
Была ли это ревность? И помину
О ней быть не могло! Как на беду,
Названья чувству лэди не найду.

55.

Авроре и не снилось, что с враждою
И завистью за нею свет следил;
Она была чистейшею волною
Среди потока знатных, юных сил,
Который ярко отражал собою
Блеск времени. Ее бы удивил
Нежданный спор. На рассужденья эти
Она бы улыбнулась лишь, как дети.

56.

Аврору пышной внешностью своей
И блеском Аделина не пленила;
Так, встретив светляка среди ветвей,
Она бы к небу взоры обратила,
Чтоб посмотреть на блеск иных лучей.
Хотя Жуан был яркое светило,
Она его души не поняла—
Ее увлечь наружность не могла.

57.

Своею соблазнительною славой
(Такая слава в роли сатаны
Вливает в сердце женщины отравы
И ей дарит мучительные сны) —
Не мог он с толку сбить рассудок здравый
Авроры милой. Чинно-холодны
Их были отношенья; мы не скроем,
Что не был Дон-Жуан ее героем.

58.

До этого он не встречал нигде
Такого типа. Сходства не имела
С Авророю погибшая Гайдэ,
В которой клокотала и кипела
Бушующая кровь. В иной среде
Аврора и сложилась, и созрела;
Гайдэ была цветок, что тешит глаз;
Она же—драгоценнейший алмаз.

59.

Такое дав прелестное сравненье,
К рассказу я вернуться б смело мог,
Пуская в ход (то Скотта выраженье)
«Сзывающий на брань походный рог».
Читая Скотта дивные творенья,
Переживаешь жизнь былых эпох;
Не существуй Вольтера и Шекспира,
Писателем он был бы первым мира.

60.

Итак, на помощь Музу вновь зову,
Чтоб свесть неправду света с пьедестала.
Когда-то *снилось* мне, что наживу
Поэмою своей врагов не мало;
Теперь я это вижу *наяву*.
Но никогда меня не устрашала
Людская злость. Пусть негодует свет—
Я всё ж, бесспорно, истинный поэт!

61.

Конгресс иль разговор Жуана с лэди,
Как все конгрессы, кончился ничем,
Но горечь примешалась к их беседе:
Не уважала лэди спорных тем
И, не щадя врагов, рвалась к победе.
Но дело не испортилось совсем:
К обеду звон как будто по заказу
Раздался и прервал беседу сразу.

62.

Сраженье, где играют роль щитов
Серебряные вазы, а приборы
Оружьем служат, я воспеть готов.
(Беда с Гомером встретиться, который
Так силен в описании пиров!).
Дерзну ли обратить я к Музе взоры?
В наш век так сложны все рецепты блюд,
Что может не по силам выйти труд.

63.

Обед был в полном смысле об'яденье:
Potage Beauveau и *soupe à la bonne femme*
Сперва явились. (Их приготовленья
Кто передать с'умеет тайну нам?)
О Господи! Как трудно продолженье
Обжорливой строфы!.. Затем гостям
Индейку с трюфелями предложили;
Притом, конечно, рыбу не забыли.

64.

Но с описаньем должен я скорей
Покончить, чтоб брюзги меня не с'ели!
Я враг гастрономических затей,
А потому их славословить мне ли?
Хоть и резвлюсь я с Музою своей,
Другие с ней преследуем мы цели;
Но подкрепиться следует подчас,
Чтобы не слишком утомлял рассказ.

65.

Там подавались: дичь и лососина,
Volaille à la Condé; окорока,
Достойные Апиция; а вина,
Способные увлечь и знатока,
Могли б опять лишить Аммона сына.
(Явись он вновь—мне б жить с ним не рука!).
Шампанское белело, пенясь дружно,
Как Клеопатры дар—раствор жемчужный.

66.

От описаний блюд *à l'espagnole*,
A l'allemande, *timballes*, с начинкой чудной,
Читатель, пожалев меня, уволь!
Все яства и припомнить даже трудно.
Salmis и *entremets* играли роль;
Но был венцом трапезы многоблюдной
Из куропаток трюфельный рагу,—
За что Лукулла похвалить могу [65]).

67.

Пред этим блюдом вянет лавр победы!
Он—тряпка, прах. Дела минувших дней
Забыты, как прошедшие обеды.
Они—увы!—из памяти людей
Исчезли, как полуночные бреды.
А вы, герои наших эпопей,
Оставите ль малейший отпечаток,
Хотя бы лишь рагу из куропаток?

68.

Теперь опять займет меня обед.
Не спорю: трюфелей поесть не худо
Особенно, когда за ними вслед
Идут *petits puits d'amour* [66]). На это блюдо,
Как говорят, совсем рецепта нет:
По вкусу всякий их готовит. Чудо
Как хороши *petits puits!* В них сладость есть:
Их даже без варенья можно есть.

69.

Немало мир потратил размышлений,
Чтоб выдумать, обжорливость ценя,
Ряд целый кулинарных изощрений!
Адама примитивная стряпня,
Служа для многих темой вдохновений,
В искусство превратилась. Для меня
Проблема, как в науку было можно
Преобразить еды процесс несложный!

70.

Работали уста, звенел хрусталь,
От жадности дрожали гастрономы;
Но дам так угощать, конечно, жаль;
Они с любовью к яствам незнакомы;
И юноши мечтой стремятся в даль;
До пищи ль им? Надеждою влекомы,
Они лишь бредят сладостью побед.
Для старца ж рай изысканный обед!

71.

Увы! не мог я дать вам описанья
(Хотя стихи я посвятил стряпне)
Всех тонких блюд обеда: их названья
Вклеить в октавы было б трудно мне;
С капустою и ростбиф без вниманья
Оставил я. Приличен я вполне!
Теперь бекаса даже я бы не дал
Себе труда воспеть: я отобедал!

72.

О фруктах я ни слова не сказал,
И о десерте тоже. Всех обедов—
Увы!—подагра горестный финал.
Блажен, кто век свой прожил, не изведав
Тех мук, что свет через нее узнал!
Как мучила она отцов и дедов,
Помучить ей сподручно и детей.
О, как огня, знакомства бойтесь с ней.

73.

Молчать ли об оливках, что при винах
Необходимы? Да, хотя оне
В Испании, и в Лукке, и в Афинах
Обедом много раз служили мне,
Закусывал я ими на вершинах
Гимета или Суния, вполне
Подобен Диогену, чьи воззренья
Всегда во мне встречали одобренье.

74.

Расселись гости шумною гурьбой
Вокруг стола, где красовались груды
Тончайших яств, украшенных рукой
Волшебника. Жуан сел возле блюда
«*A l'espagnole*». Сияло красотой
И прелестью убранства это чудо
Искусства кулинарного. Оно
Могло б как раз быть с дамой сравнено.

75.

Жуан меж Аделиной и Авророй
Сидел, что неудобно, если вы
Хотите есть; к тому же разговоры
Его с милэди были таковы,
Что он совсем терялся. Часто взоры
Бросая на Жуана (не новы
Приемы те!), она следила строго
За ним, хотя не говорила много.

76.

Я не один могу пример привесть
Того, что глаз не хуже слышит уха.
Внимать речам у дам способность есть
И тем, что их достичь не могут слуха;
Чужие мысли трудно ль им прочесть?
(Так песни сфер, прибегнув к мощи духа,
Мы можем услыхать). Лишь кинут взор—
И даме ясен всякий разговор!

77.

Сочувствия хотя б малейший атом
Жуан к себе в Авроре не нашел;
Легко ль с таким мириться результатом?
Обидно, если нас прекрасный пол
Холодностью язвит! Хоть не был фатом
Мой ветреный герой, но злой укол
Его смутил. Корабль, затертый льдами,
С ним сходен был, скажу я между нами.

78.

Отрывисто и на него едва
Бросая взор, Аврора отвечала
На все Жуана острые слова
И даже их улыбкой не встречала;
Ужели выходило, что права
Милэди, говорившая, что мало
В мисс Рэби привлекательных сторон!
Жуан был и взволнован, и смущен.

79.

Победа восхищала Аделину;
Она с трудом скрывала свой успех;
Но плохо подстрекать порой мужчину:
Так можно натолкнуть его на грех,
Когда б о нем и не было помину
Без этого; догадки тешат всех;
И мы нежданно делаемся строги,
Когда нам станут поперек дороги.

80.

Задетый за живое, мой герой,
Чтоб овладеть вниманием Авроры,
Стал речью остроумной и живой
Соседку занимать. Ее он скоро
Задумчивость рассеял болтовней;
Ее нежданно оживились взоры...
И, слушая шутливые слова,
Аврора улыбнулась раза два.

81.

Она (случалось это с нею редко!)
К вопросам от ответов перешла;
Ужель Жуана милая соседка
Растаяла, как лед? Ужель была
Мисс Рэби, как другие, лишь кокетка?
Милэди волноваться начала:
Сливаются ж контрасты при движеньи!
Но тщетны были эти опасенья.

82.

Смиреньем гордым (если только есть
Смирение такое) и сноровкой
Себя держать—Жуан мог в душу влезть
Какой угодно дамы. В свете ловко
Пускал он в ход то шуточку, то лесть,
Всегда соображаясь с обстановкой;
Людей на откровенность вызывать
Имел он дар, хоть то умел скрывать.

83.

Себе о нем превратное понятье
Составила Аврора. Видеть в нем
Ей не хотелось светлого из'ятья;
Он ей казался светским болтуном,
Что занят лишь покроем модным платья,
Как прочие; но, тронута умом,
А также задушевностью Жуана,
Себя признала жертвою обмана.

84.

К тому ж он был весьма красив собой,
А женщины теряют хладнокровье,
Невольно увлекаясь красотой;
Замужних же в тяжелые условья
Случается ей ставить; хоть порой
Обманчива она, без прекословья
Ей женщины внимают, и для них
Она красноречивей всяких книг.

85.

Успешнее Аврора молодая
Читала в книгах, чем в сердцах людей,
Минерву больше Граций уважая
(Особенно в эстампах); но и в ней
Могла заволноваться кровь живая.
Сократ признался раз на склоне дней,
Что нежность к красоте в нем не угасла
И жжет его, в огонь вливая масло.

86.

Когда Сократ семидесяти лет
Таким мечтам мог посвящать свой гений
(Платон, любовью к истине согрет,
Их описал в одном произведеньи),—
Какой резон девицам в цвете лет
Таких же не испытывать волнений,
Лишь скромность признавая как закон?
(Она—условие *sine qua non*).

87.

Противоречье в этом, без сомненья,
Вы рады усмотреть. Когда предмет
Мне высказать два разные сужденья
Дал случай—не смущайтесь! Спора нет,
Что лучшее всегда второе мненье.
Когда б вполне логичен был поэт,
Как ухитрился б он воспеть на лире
Весь тот сумбур, что существует в мире?

88.

Противоречье царствует кругом,
Но мне ль вступить на путь бесспорно ложный?
Тому, кто сомневается во всем,
Предаться отрицанью невозможно!
Могла бы правда светлым бить ключем;
Но люди поступают с ней безбожно,
Ее мешая с грязью; потому
Теперь мы видим в ней не свет, а тьму.

89.

Параболы, и басни, и поэмы
Стремятся свет неправдой обмануть;
Без светоча идем во мраке все мы.
Кто к истине укажет светлый путь?
Есть многие зловещие проблемы,
Что не дают свободно нам вздохнуть;
Но разрешенья жизненных вопросов
Не даст ни проповедник, ни философ.

90.

Мы в вечном заблуждении живем.
Пробьет ли час, когда мы будем правы?
Мы тщетно проявленья правды ждем,
Вкушая лишь безверия отравы.
Пора бы небесам с царящим злом
Вступить в борьбу; исчез бы дух лукавый,
И пал бы торжествующий порок.
Явись к нам, небом посланный пророк!

91.

Завязнул в метафизике я снова,
Хотя боюся споров, как огня;
К несчастию, судьба всегда готова
Лбом на угол наталкивать меня
В вопросах, потрясающих основы;
Но всем равно добра желаю я—
И тирским полководцам, и троянцам
(Всегда я был в душе пресвитерьянцем!).

92.

Хотя от крайних мнений я бегу,
Хоть беспристрастен я и бескорыстен,
Но для Джон Буля свято берегу
Значительный запас печальных истин.
Мириться с деспотизмом не могу,
И произвол всегда мне ненавистен;
Как Гекла клокочу, когда народ
Безропотно свой переносит гнет.

93.

Не для того порок громил не раз я,
Преследуя тиранов и ханжей,
Чтоб достигать в стихах разнообразья;
Нет! я обязан исправлять людей
И смело обличаю безобразья
Для восхваленья нравственных идей:
Теперь, чтоб все довольны были мною,
Загробный мир пред вами я открою.

94.

Все доводы оставив в стороне,
Пойду вперед, чуждаясь жалких бреден.
Я поклялся исправиться вполне;
За что ж поэт живьем врагами с'еден?
Я вовсе не опасен, верьте мне!
Как многие другие, я безвреден,
Однако не язвят поэтов тех:
Хоть их и больше труд—слабей успех!

95.

Читатель, ты встречался ль с привиденьем?
А если нет, то ты слыхал не раз,
Что духи есть. Вооружись терпеньем,—
Теперь о них я поведу рассказ.
Не думай, что к чудесному с глумленьем
Я отнесусь! Насмешек не боясь,
Признаться должен я, что верю духам—
Вполне по убежденью,—не по слухам.

96.

Причины есть,—серьезные притом...
Читатель! ты смеешься; но с тобою
Смеяться я не буду; в страшный дом,
Где духи появляются порою,
Тебя привесть я мог бы, но о нем
Забыть стараюсь я. «*Лишить покою*
«*Ричарда могут духи*». Я не рад
Порой, как Гоббс, когда ко мне стучат. [67])

97.

Темна глухая ночь; ее покровы
Одели мир. Пою лишь ночью я;
Вокруг меня кричат уныло совы;
С старинных стен портреты на меня
Бросают взгляд угрюмый и суровый.
Всё спит кругом; в камине нет огня,
Лишь угли тлеют, искорки бросая;
Меня приводит в трепет ночь глухая.

98.

Я слишком засиделся, спать пора;
Хоть днем я не пишу стихотворений
(Тогда другим я занят)—до утра
Сдержу поток кипучих вдохновений;
Меня страшит полночная пора;
Того гляди, явиться могут тени!
Читатель, на мое ты место стань
И сам заплатишь суеверью дань!

99.

На грани двух миров, средь тьмы и света
Мерцает жизни тусклая звезда.
Что мы такое? Не найти ответа;
Грядущее темно. Бегут года;
Безжалостно нас в даль уносит Лета;
В ее волнах мы гибнем без следа;
Проносятся столетий вереницы:
Наследье ж их лишь павших царств гробницы!

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

1.

Учили персов встарь: стрелять из лука,
Владеть конем и гнать сурово ложь.
Взрощен был славный Кир такой наукой;
Сроднилась с ней и наша молодежь;
Но только ей коня загнать не штука,
И для нее тогда лишь лук хорош,
Когда с двойной он сделан тетивою;
Все лгут притом, но спины гнут дугою.

2.

«Печальный факт немыслим без причин» [68],
Но недосуг мне заниматься ими.
Хотя грешок за мною не один,
Хоть я бродил проселками глухими,
Всё ж мною создан целый ряд картин,
Что поражают красками своими;
Притом всегда я искренность ценил
И с ложью вел борьбу по мере сил.

3.

Я в мненьях тверд: что сказано, то свято.
Всегда я к цели смело шел вперед,
И песнь моя лишь правдою богата.
Хоть желчь я подливал порою в мед,
Но горечи, однако, маловато
В моих словах, коль примете в расчет,
Что с Музой говорить мы не стеснялись
De rebus cunctis et quibusdam aliis.

4.

Провозгласил немало истин я,
Но будет всех бесспорней, без сомненья,
Та, о которой речь пойдет моя.
Вы верить не хотите в привиденья,—
Но знаете ль вы тайны бытия?
Необ'яснимы многие явленья.
Я докажу, что призраки—не дым;
Колумб был прав, а кто ж не спорил с ним?

5.

Иные верят хроникам Тюрпина
И Мóнмута; а всех сказаний их
Чудесное—основа и причина.
Сомненья все рассеять может в миг
Авторитет святого Августина;
Он, что вполне религию постиг,
Чудесное условьем веры ставит
И «quia impossibile» лишь славит.

6.

Итак всему, что невозможно, свет
Обязан смело верить. Это ясно;
К тому же верить нà слово совет
Я всем даю. Есть темы, что напрасно
Оспаривать; от прений толку нет;
Вопросы есть, что поднимать опасно;
Чем яростней нападки, тем сильней
Пускает корни ложь в сердца людей.

7.

Заметьте, что уж шесть тысячелетий
В явленья духов верит род людской;
Хоть здравый смысл, бичуя бредни эти,
Воюет с ними—тщетен жаркий бой:
Всё ж суеверье царствует на свете;
Наверно, что-то сильное горой
Стоит за духов, им служа защитой—
Так как же их преследовать открыто?

8.

И танцам, и веселой болтовне
Настал конец; порядком все устали
И разошлись, мечтая лишь о сне;
Окончен пир; уж речи нет о бале;
Как облако, что тает в вышине,
Последняя исчезла дама; в зале
Всё смолкло; только были в ней видны
Блеск догоравших свеч и свет луны.

9.

Конец пиров веселых схож с бокалом,
Что пеной серебристой не одет;
С системой философскою, что жалом
Язвит сомненье злое, тяжкий вред
Тем нанося заветным идеалам;
Иль с содовой водой, где газа нет;
Иль с волнами, что после бури стонут,
Хоть небеса в лазури яркой тонут.

10.

И опиум с ним сходен. Таково
И сердце человека. Дать понятья
О нем нельзя. Сравненья для него
Не в состояньи даже и прибрать я—
Так нам никто не скажет, из чего
Приготовлялся тирский пурпур. [69]) Платья
Он украшал тиранов. Дай-то Бог,
Чтоб так, как он, их след исчезнуть мог!

11.

Несносно одеваться; скучно тоже
Снимать наряд; печален наш удел!
Халат, хотя с ним платье Несса схоже,
Наш верный друг и нам не надоел;
В часы хандры он нам всего дороже.
О дне, погибшем даром, Тит скорбел;
А дней таких как много в жизни нашей!
(Бывают, впрочем, ночи, что их краше).

12.

Придя к себе, взволнован был Жуан;
Невольно он всё думал об Авроре;
Чтоб облегчить тоску сердечных ран,
Он мог бы философствовать, чем в горе
Нам утешаться легкий способ дан;
Но дело в том, что мы всегда с ним в ссоре,
Когда он оказать бы помощь мог.
Жуан вздыхал, но часто грустен вздох!

13.

Итак, вздыхал он томно, взор бросая
На полную луну. Как часто в ней
Подругу находила скорбь немая!
Луна—всех вздохов грустный мавзолей;
Слова «О, ты!» бессчетно повторяя,
Он от нее не отводил очей
И был готов ей посвятить посланье—
Луна ведь любит нежные признанья.

14.

Любовник, астроном, поэт, пастух
На лунный свет глядят с любовью нежной;
Он их живит и укрепляет дух.
(При этом и простуды неизбежны!).
Он нежных тайн поверенный и друг;
Мечты людей и океан безбрежный
Ему подвластны; также свой закон
Дает сердцам (коль верить песням) он.

15.

Жуан не спал, пленен мечтой игривой;
Под сводами готических палат
Был слышен плеск озерного залива;
Заснувший мир молчаньем был об'ят.
Как водится, дрожа, шумела ива
Под окнами; вдали звучал каскад
И, освещенный бледною луною,
То вспыхивал, то вновь сливался с тьмою.

16.

Горела на столе в тот поздний час
У Дон-Жуана лампа (В самой спальной?
В уборной ли? не знаю; мой рассказ
Всегда правдив и точен). Взор печальный
Вдаль устремляя, к нише прислонясь,
Стоял Жуан. Красой монументальной,
Резьбой и рядом стекол расписных
Она являла след времен былых.

17.

Дверь настежь отворив, хоть было поздно,
Жуан прошелся рядом галерей,
Любуясь ночью ясной, но морозной.
Портреты дам и доблестных вождей
Глядели неприветливо и грозно
При тусклом блеске месячных лучей.
(Портреты мертвых в сумраке туманном
Пугают взор невольно видом странным).

18.

Когда луна бросает тусклый свет,
Живыми представляются нам лики
Героев и святых минувших лет;
Нам чудится, что мы их слышим крики,
Что призраки бегут за нами вслед,
Носясь в пространстве, сумрачны и дики,
И шепчут: «Что же сон бежит от вас?
«Теперь для мертвых бодрствованья час!»

19.

Улыбки дам, что стерло время злое
С лица земли, румянец их ланит
И взглядов выражение живое
На полотне—всё это говорит
О царстве вечной тьмы. Портрет, былое,
Всё быстро в мире изменяет вид;
Еще картина в раму не попала,
А прежнего уж нет оригинала!

20.

О суетности жизни мой герой
Мечтал, а может быть о глазках милой,
Что, впрочем, очень сходно. Тишиной
Об'ят был замок мрачный и унылый.
Какой-то шорох вдруг, смутясь душой,
Он услыхал: не мышь ли пол точила?
Шум мыши за обоями не раз
Смущал своей таинственностью нас!

21.

Нет! мыши не избрали местом сходки
Ту залу. Тихо шел по ней монах,
Пугая взоры странностью походки.
Завешен капюшоном, он в руках
Перебирал, храня молчанье, четки;
Он шел, купаясь в месячных лучах;
И вот, с Жуаном очутившись рядом,
Его окинул он сверкавшим взглядом.

22.

Жуан на месте замер. Он слыхал,
Что в замке бродит тень; но в это чудо
Не верил он. Когда же свет не лгал?
Лишь правду трудно вырвать из-под спуда.
(Так редок в обращении металл,
А между тем бумажных денег—груда!).
Жуан стоял взволнован и смущен—
Ужель тот странный призрак был не сон?

23.

Три раза дух прошелся пред Жуаном,
Который не спускал с него очей
И сходен был с безмолвным истуканом;
На голове его, как груда змей,
Сплетались волоса. Как бы арканом
Его душило что-то. Без речей
Стоял он перед духом, страхом скован;
Не мог сорвать с себя его оков он.

24.

Три раза дух являлся. Без следа
Затем исчезло в мраке привиденье;
Исчезло незаметно—но куда?
Дверей там было много; без сомненья,
Не только дух—и смертный без труда
Уйти бы мог, не возбудив смятенья;
Но Дон-Жуан, попав в волшебный круг,
Не мог понять, как скрылся мрачный дух.

25.

Недвижно он стоял, как изваянье,
Вперяя взор туда, где дух предстал.
Как долго продолжалось ожиданье—
Жуан, об'ятый ужасом, не знал.
Казался веком миг. Придя в сознанье,
Себя хотел уверить он, что спал,—
Нет, наяву он увидал монаха!
И в свой покой ушел, исполнен страха.

26.

Как прежде, лампа там бросала свет,
Но не было в нем синего отлива,
Чем духов обнаруживался след
Во время оно. Очи торопливо
Протер Жуан и, пачку взяв газет,
Две-три статьи прочел без перерыва.
В одной из них встречали власть хулой;
Рекламу ваксе делали в другой.

27.

Действительность опять пред ним предстала,
Но руки продолжали всё дрожать;
Он запер дверь; еще статью журнала
О Туке [70]) прочитал и лег в кровать;
Прижался он к подушке; одеяло
Накинул на себя и стал мечтать
О виденном. Хоть опиум, без спора,
Верней нагнал бы сон—заснул он скоро.

28.

Чуть свет, Жуан проснулся и не знал,
Как поступить; поведать ли о тени,
Таинственно бродившей в мраке зал,
Иль умолчать о ней? Он ряд сомнений
Боялся возбудить; иной нахал
Мог осмеять рассказ; в недоуменьи,
Жуан не знал, как лучше поступить;
Но вот слуга пришел его будить.

29.

С обычным прилежанием не мог он
Одеться; быстро платье он надел;
На лоб его небрежно падал локон;
Пред зеркалом минуты не сидел
В тот день Жуан; казалося, поблек он
За эту ночь и так оторопел,
Что галстуком себя совсем сконфузил:
Чуть-чуть кривил замысловатый узел.

30.

За чайный стол уселся он, смущен,
И верно б не заметил чашки чая,
Что перед ним стояла, если б он
Ей не обжегся. Бледность гробовая
Его лица, его унылый тон—
Всех тотчас поразили; но какая
Была причина тех его тревог—
Никто, конечно, угадать не мог.

31.

Внезапно Аделина побледнела,
Заметив, что Жуан уныл и нем;
В то время лорд нашел, что неумело
Тартинки приготовлены; меж тем
Молчала герцогиня и глядела
Всё время на Жуана; он никем
Не занимался, занят тайной думой;
Смутил Аврору вид его угрюмый.

32.

Заметя, что над ним стряслась беда,
Здоров ли он?—спросила Аделина.
Жуан, вздохнув, ответил: «нет» и «да».
Была ж его волнению причина!
Домашний врач, что в замке жил всегда,
Испуганный Жуана грустной миной,
Его пощупать пульс уж был готов,
Но Дон-Жуан поклялся, что здоров.

33.

Собравшийся кружок был чрезвычайно
Его противоречьями смущен;
Коль даже он не болен, всё же крайне
Каким-нибудь событьем потрясен;
Все поняли, что у него есть тайна,
Скрываемая им; что если он
Нуждаться в чьей-нибудь и может лепте,
То уж никак не в докторском рецепте!

34.

Тартинки с'ев, что раньше похулил,
И шоколад откушав, лорд заметил,
Что Дон-Жуан болезненно уныл,
Хоть нет дождя и день при этом светел.
Затем у герцогини он спросил,
Что герцог на ее письмо ответил;
Подагрою страдал ее супруг.
(Подагра любит мучить высший круг).

35.

Затем к Жуану обратился снова
Лорд Генри и сказал: «Глядя на вас,
«Подумать могут все—даю вам слово,
«Что к вам чернец являлся в поздний час!»
— «Я чернеца не знаю никакого»,
Сказал Жуан, как будто удивясь.
Он вид спокойный принял в той надежде,
Что скроет страх, но стал бледней, чем прежде.

36.

«Как, о монахе не слыхали вы?»
— «Нет, никогда».—«Я удивлен немало:
«Так я вам повторю рассказ молвы,
«Что, впрочем, ложь не раз распространяла.
(Обычаи такие не новы!).
«Однако тень являться реже стала,
«Не знаю, почему. Быть может, ей
«Отвага изменила прежних дней.

37.

«В последний раз явился инок черный»...
Тут лэди прервала рассказа нить,
Заметя, что Жуан молчит упорно
И страха своего не в силах скрыть.
«Я вас прошу, я вас прошу покорно»,
Так молвила она: «коль вы шутить
«Хотите—лучше темы есть для шуток;
«Несносно повторенье старых уток».

38.

— «В год нашей свадьбы дух явился нам;
«Вы знаете, что говорю серьезно».
— «Зачем же, волю дав своим мечтам,
«О прошлых днях вы вспомнили так поздно?
«Я звуками легенду передам».
Тут лэди, как Диана грациозна,
Над арфою склонилась и с душой
Сыграла песню: *Жил монах седой*.

39.

«Без слов», заметил лорд, «темна баллада;
«Вы сочинили к музыке слова,
«И, право, их теперь вам спеть бы надо!»
Как только до гостей дошла молва,
Что Муза посещать милэди рада,
На славу барда ей даря права,
Всем захотелось слышать в то ж мгновенье
Ее игру, ее стихи и пенье.

40.

Не соглашалась долго петь она
(Так принято; жеманство дамам мило;
Расстанется ли с ним хотя б одна!),—
Затем глаза милэди опустила
И, чувства неподдельного полна,
Запела, арфе вторя, с дивной силой
И простотой, что редкость в наши дни:
Мы в свете видим вычуры одни.

I

Невольный страх внушает черный инок!
В полночный час, во мгле,
Твердя слова таинственных поминок,
Сидит он на скале.
Лорд Амондвиль старинную обитель
Поверг когда-то в прах,
С тех пор остался в ней, как вечный житель,
Один немой монах.

II

Явился лорд, за тень сопротивленья
Суля огонь и меч.
(Он, короля свершая повеленье,
Мог убивать и жечь).
Но не ушел один лишь инок гордый
И часто по ночам
Стал посещать и древний замок лорда,
И опустевший храм.

III

Для всех загадка: радость или горе
Сулит его приход.
В чертоге Амондвилей, с светом в ссоре,
Всегда монах живет.
У ложа их, в веселый день венчанья,
Витает эта тень,
У ложа их—чужда слезам страданья—
Стоит в их смертный день.

IV

Когда у них в семье наследник новый,
Монаха слышен стон;
А если скорбь их посетить готова,
По замку бродит он.
Беззвучно он скользит по мрачным залам
Средь месячных лучей;
Не виден лик его под покрывалом,
Лишь ярок блеск очей.

V

Но это очи призрака! Упорно,
Живя среди руин,
Таинственный монах в одежде черной
Здесь властвует один.
Здесь только днем владыки—Амондвили,
А ночью он царит;
Его права столетья освятили—
Всё пред ним дрожит.

VI

Всегда хранит молчанье призрак странный;
Людские голоса
Не слышит он, являясь нежданно,
Как на траве роса.
Кто б ни был этот бледный гость могилы,
Дух света или тьмы,—
За упокой души его унылой
Должны молиться мы!

41.

Умолкла Аделина; рокот нежный
Звеневших струн с певицею утих;
Все замерли; но вот настал мятежный
Восторженных рукоплесканий миг.
(В салонах одобренья неизбежны;
Учтивость не обходится без них).
Стихи, игра и голос Аделины
Оваций бурных сделались причиной.

42.

Талант, пленявший силою своей,
В ее глазах имел значенья мало;
Он ей служил забавой, но друзей
Она порою голосом пленяла;
Казалось всем, что нет претензий в ней,
В душе ж она тщеславие скрывала
И доказать была всегда не прочь,
Что всякий труд легко ей превозмочь.

43.

Не так ли (не сердитесь за сравненье,
Что крайне педантично) циник раз [71])
Хотел Платона вывесть из терпенья,
Над гордостью философа глумясь?
Ковер его испортив в озлобленьи,
Свою гордыню только на показ
Он выставил; сконфуженный немало,
«Аттической пчелы» узнал он жало.

44.

То Аделина делала шутя,
Что делают, рисуясь, дилетанты,
Которые, тщеславью дань платя,
Готовы превращать свои таланты
В профессию. Не вправе ль это я
Сказать, когда девицы-музыканты
Немилосердно слух терзают наш,
Тем приводя в восторг своих мамаш?

45.

О, вечера с дуэтами и трио,
Как бесконечно длинны вы подчас!
Все эти «*Mamma mia*», «*Amor mio*»
Нам доводилось слушать сотни раз;
Забыть ли и дрожащее «*addio*»,
И «*Tu mi chamas*» португальцев, нас
Терзавшее? Мир итальянских песен,
Для меломанов-бриттов верно тесен. [72])

46.

Бравурных арий брио и задор
Равно пленяли сердце Аделины,
Как песни старые шотландских гор
Или зеленой Эрина равнины;
Напевы те, слезой туманя взор
Изгнанника, знакомые картины
Рисуют перед ним. Увы! оне
Ему являться могут лишь во сне!

47.

Она порою тешилась стихами,
Но не всегда записывала их;
Как водится, смеялась над друзьями,
Их в эпиграммах не щадя своих;
Но не якшалась с синими чулками
И Пóпа (к удивлению иных)
Считала замечательным поэтом,
Публично признаваться смея в этом.

48.

Аврора же, я бы сказал, была
Во всем значеньи слова тип Шекспира:
Она средь сфер, казалося, жила,
Что далеки от суетного мира,
И потому, душой чуждаясь зла,
Здесь не могла создать себе кумира.
Ее был всеоб'емлющ светлый ум.
Но свет не знал ее глубоких дум.

49.

С ней герцогиня Фиц-Фольк сходства мало
Имела. Эта Геба средних лет
Свой ум лишь в оживленьи проявляла.
Ее лицо ума являло след,
Ее язык язвил порой, как жало.
Так что же в том? Без яда дамы нет;
Не будь ехидством женщин свет терзаем—
Земля могла бы показаться раем.

50.

К поэзии и музам холодна,
Она читала «Батский Гид» порою
И книгу Хэйли «Кроткая жена»,
К той книге относясь всегда с хвалою;
Как в зеркале, в ней видела она
Все муки, что ей брак принес с собою;
Стихи ж она лишь признавала те,
Что дань ее платили красоте.

51.

Зачем свою балладу лэди спела,
Заметив, что таинственную связь
Тревога Дон-Жуана с ней имела?
Желала ли она, над ним смеясь,
Его сконфузить выходкою смелой,
Иль, может быть, наоборот как раз,
Желала, чтоб он верил в привиденья?
Не разрешить мне вашего сомненья.

52.

Однако ж, моментально мой герой
Пришел в себя, простясь с своей тревогой;
Кто занимает общество собой—
Обязан с ним итти одной дорогой.
С ханжами в свете надо быть ханжой,
Подчас шутить, подчас держаться строго;
Без маски лицемерья трудно нам
Не вывесть из себя капризных дам.

53.

Жуан, совсем оправясь от смятенья,
Стал уязвлять насмешками теней;
Не придавала призракам значенья
И герцогиня. Знать хотелось ей
Обычаи и нравы привиденья,
Когда оно средь мрака галерей
Является, покорно вражьей силе,
В дни свадеб и в дни смерти Амонгвилей.

54.

Но всё уж было сказано о нем;
Одни считали духа небылицей
И жалким суеверия плодом;
Другие же держалися традиций
И верили, что в сумраке ночном
Порою бродит призрак бледнолицый.
Не нравился Жуану этот спор,
И он замять старался разговор.

55.

Но пробил час, и расходиться стало
Всё общество; к безделию одних,
Других же к делу утро призывало;
Для некоторых утро длилось миг,
Для прочих же шло медленно и вяло.
Заводский конь со стаею борзых
Скакал в тот день, и большинство собранья
Пошло смотреть на это состязанье.

56.

Еще торгаш приехал. Он привез
Картину Тициана, что дивила
Красою всех художников. Хоть спрос
Был на нее большой (ведь гений—сила!),
Но даже королю не удалось
Ее купить. На это не хватило
Тех денег, что король, страну любя,
С нее берет, чтоб содержать себя.

57.

Картины той счастливый обладатель,
Узнав, что лорд—знаток и меценат
И редкостей известный собиратель,
Привез ему свой драгоценный клад;
Ему ценитель мил—не покупатель;
И дивную картину он бы рад
Такому знатоку отдать без денег,
Не будь теперь карман его пустенек.

58.

Там архитектор был; приехал он,
Чтоб привести в исправность те постройки,
Что тронули года; со всех сторон
Аббатство осмотрев, строитель бойкий
Решил, что замок должен быть снесен.
Не лучше ль, бросив к черту перестройки,
Готический чертог воздвигнуть вновь?
(Вот к памятникам древности любовь!).

59.

Потребуются скромные затраты...
(Так зодчие всегда нам говорят,
Но как их смет плачевны результаты!
Лишь шаг вперед, и тысячи летят).
Прославят лорда пышные палаты,
Что красотою прежние затмят.
Всех удивит готическое зданье—
Гиней британских гордое созданье! [73])

60.

Там были два дельца; они заем,
Залогом обеспеченный, хотели
Устроить для милорда и притом
Две тяжбы завести в виду имели,
Чтоб руки понагреть. Свинья с быком
И пахарь были там; стремяся к цели
Полезной улучшения пород,
Лорд Генри покупал отборный скот.

61.

Захваченные констэблем суровым,
Два браконьера были также там
С крестьянкой молодой в плаще пунцовом.
(Не люб мне тот наряд, признаюсь вам;
Меня он в грех вводил, а с добрым словом
Не отношуся я к былым грехам!).
Тот алый плащ, распахнутый случайно,
Двух лиц в одном порой являет тайну.

62.

(Подобный факт вполне необ'ясним;
Его лицо мы видим наизнанку;
Решить предоставляю я другим,
Как мотовило можно всунуть в склянку).
Лорд Генри был судьею мировым,
И строгий констэбль Скаут, поймав крестьянку
В любовном браконьерстве, чтя закон,
Ее привел (о нравах пекся он).

63.

Сознаться надо—судьям дела много;
Их попеченьям просто нет границ;
Они и дичь оберегают строго,
И охраняют нравственность девиц,
Стараясь их вести прямой дорогой.
Легко ль оберегать зверей и птиц,
Не забывая девушек красивых?
Заботы те из самых щекотливых.

64.

Казалось, у виновной на щеках
Не краски жизни видны, а белила;
Меж тем все лица свежи в деревнях,
И бледны только модные светила
(В минуту пробужденья!); робость, страх
Дышали в ней; бедняжке стыдно было—
Вот почему она была бледна;
Краснеть умеет только знать одна.

65.

Она склоняла долу взор печальный,
Чтоб слезы скрыть, что капали из глаз,
И плаксой не была сентиментальной,
Что выставляет чувства на показ;
Не будучи достаточно нахальной,
Чтоб злом платить за зло, она, трясясь
От страха и тяжелого томленья,
Ждала с тоской судебного решенья.

66.

Конечно, лица, собранные там,
Далеко находились от гостиной,
Где раздавался говор милых дам;
Дельцы сидели в кабинете чинно;
Крестьянам, браконьерам и быкам
Обширный двор обители старинной
Давал приют; строитель и торгаш
Над цифрами ломали карандаш.

67.

В то время, как сидел за кружкой эля
Суровый Скаут (он пива не любил
За то, что в том напитке мало хмеля,
И только с крепким элем дружен был),
Несчастная крестьянка, еле-еле
Живая и почти лишившись сил,
Ждала в огромной зале, чтоб без фальши
Судья решил, что бедной делать дальше.

68.

Как видите, лорд, не жалея сил,
Трудился, помышляя о победе
На выборах. Кому успех не мил!
В тот самый день весь округ на обеде
Присутствовать у лорда должен был:
Землевладельцы крупные соседей
Сбирают у себя в неделю раз:
Так искони заведено у нас.

69.

Не будучи приглашены заране
(Раз навсегда уж каждый зван сосед),
Являлись к лорду местные дворяне
В известный день недели на обед,
Чтоб всласть поесть, не забывая дани,
Угодной Бахусу. В те дни бесед
Мотив всегда был тот же: злы и колки,
О выборах шли за обедом толки.

70.

Лорд Генри в ход пускал уловок тьму,
Чтоб одержать победу, но затраты
Значительные делал потому,
Что с ним тягался знатный и богатый
Шотландский граф, с ним равный по уму
И дружный с оппозицией палаты.
(Хоть личный эгоизм для всех закон,
Был фракции ему враждебной он).

71.

Вот почему лорд Генри мелким бесом
Пред всеми рассыпался и душой
Казался предан местным интересам:
Одних привлечь стараясь добротой,
Протекцией других (ведь лорд был с весом),
Он рядом обещаний округ свой
Задабривал и делал их так много,
Что не с'умел бы им подвесть итога.

72.

Землевладельцев и свободы друг,
Он предан был правительству с тем вместе;
Положим, службе он дарил досуг
И находился при доходном месте,—
Но мог ли он лишать своих услуг
Монарха? Не заботясь о протесте
Противников и с ними на ножах,
Почтенный лорд был всяких новшеств враг.

73.

Лорд Генри нападал на них с отвагой
И находил, что к ним опасна страсть;
Готовый всем пожертвовать для блага
Родной страны и видя в них напасть,
Он должен был вести борьбу с ватагой,
Что рада бы в стране низринуть власть;
Не место ж он оберегал, конечно,
Что денег не дает, а мучит вечно.

74.

Он говорил, что знает только Бог,
Как против воли службою он связан,
Как рвется сердцем к жизни без тревог;
Но короля он защищать обязан,
Когда мятеж готовит демагог,
Идя путем, который не указан,—
Когда порвать те цепи хочет он,
Что связывают лордов, чернь и трон.

75.

Пусть будет лагерь смуты недоволен,—
Всё ж место он оставит за собой,
Пока не будет форменно уволен.
Он хочет только долг исполнить свой
Без помыслов корыстных. Обездолен,
Конечно, будет край его родной,
Коль должности все уничтожат разом;
Но Англию считает он алмазом.

76.

Он всё же независимее тех,
Которых не удерживает плата;
Такое мненье выразить не грех:
Ведь новобранец старого солдата
Не стоит; так блудницу ждет успех,
Когда коснется дело до разврата;
Министр, когда его надменен вид,
С лакеем схож, что нищего язвит.

77.

За исключеньем фраз строфы последней,
Всё это лорд в собраньях повторял.
Увы! для нас не новость эти бредни!
Правительству служащий либерал
Их повторяет в зале и в передней...
Но чу! звонок к обеду прозвучал,
Псалом прочтен, и мне б молиться надо,
Да слишком опоздал я—вот досада!

78.

То был большой обед, достойный дней,
Когда гордилась Англия пирами.
(Как будто можно жадностью людей
Гордиться и накрытыми столами!).
Что может быть таких пиров скучней!
Отделываясь общими местами,
Без оживленья гости речь ведут:
Яств много, но не счесть простывших блюд.

79.

В те дни мелкопоместные соседи
Развязно-чинный тон пускают в ход,
С вниманием относятся к ним лэди
И лорды (верх над всем берет расчет!).
Не по себе и слугам на обеде;
Оплошность с рук им даром не сойдет:
Ведь могут за неловкие услуги
Лишиться мест и господа, и слуги!

80.

Охотников и спортсмэнов лихих
Порядком было там; одни хвалили
Своих коней; другие—псов своих,
Немало всем в глаза пуская пыли.
Духовные особы, благ земных
Усердные поклонники, там были;
Но не псалмы на ум духовным шли:
Одни лишь песни грешные земли.

81.

У лорда остроумье проявляли
Весельчаки соседних деревень;
Встречались там и дэнди, что вздыхали
О городе, где легче холить лень,
Где по утрам они так сладко спали;
Сидел со мною рядом в этот день
Викарий Пит, что криком на обеде
Всех оглушал испуганных соседей.

82.

Находчив и остер, он был в чести
У знати. Роль играя лизоблюда,
Искусно он умел дела вести
И в ход пошел, что далеко не чудо;
Но Промысла неведомы пути;
Не знаем мы, что хорошо, что худо:
Приход он получил в стране болот,
Где лихорадки царствуют весь год.

83.

Шутя он проповедывал, и шутку
Порою в наставленье превращал;
Но там его bon mot иль прибаутку
Народ неразвитой не понимал.
Увы! пришлося краснобаю жутко;
Ни от кого не слышал он похвал,
И для того, чтоб нравиться народу,
Кривляться должен был ему в угоду.

84.

Есть разница—так песня учит нас—
Меж гордой королевой и холопкой.
(Хотя с женой венчанною подчас [74])
Обходятся грубей, чем с нищей робкой).
Простой горшок не стоит ценных ваз,
И ростбифа с спартанскою похлебкой
Сравнить нельзя, хоть не один герой
Воскормлен был как этим, так и той.

85.

Однако же ничто так не различно,
Как город и деревня. Кто ведет
Интриги и на жизнь глядит практично,
Кто хочет честолюбья горький плод
Вкусить, идя дорогою обычной—
Тот, без сомненья, город предпочтет,
Где легче скрыть мучительные раны
И выполнить свои удобней планы.

86.

Эроту скучны шумные пиры,
Хотя плоды и Вакха, и Цереры
Влюбленным милы. К смертному добры
Те боги и притом—друзья Венеры;
Шампанское и трюфеля—дары,
Которые ей любы. Чувство меры
Отрадно ей, и, не мирясь с постом,
Она его считает тяжким злом.

87.

Был скуки полн прием официальный,
Хоть лязг ножей на битву походил;
Всегда шумлив обед провинциальный.
Жуан сидел, рассеян и уныл,
Как будто занят думою печальной.
Уж дважды рыбы у него просил
Какой-то гость, что рядом с ним обедал;
Но всё ж Жуан соседу рыбы не дал.

88.

Тут в третий раз тарелку протянул
К нему сосед с заметною досадой;
Жуан, придя в себя, на всех взглянул.
И что ж? Над ним смеялись. Хуже яда
Для умных смех глупцов. Свирепо ткнул
Он вилкой в блюдо рыбы (промах надо
Поправить свой!) и, не жалея сил,
Соседу он пол-рыбы отвалил.

89.

Сосед сказал ему за то спасибо:
Он был обжора; но проснулась злость
В других, когда им улыбнулась рыба
(Не очень-то глодать приятно кость!).
Жуан к тому ж такого был пошиба,
Что цен не знал базарных. Вот так гость!
За то, что лорд зовет юнцов незрелых,
Он трех шаров в тот день лишился белых.

90.

Ведь не могли, конечно, гости знать,
Что Дон-Жуан от призрака в смущеньи;
Да это их и не могло б занять:
Один расчет имел для них значенье
И клал на лица их свою печать.
При виде их являлось подозренье,
Что нет у них души, а если есть—
Какой ей крест тяжелый надо несть!

91.

Жуана непонятная тревога
Интриговала сквайров и их жен:
Известно было им, что в свете много
Одерживал побед блестящих он.
(Ведь мелкота следит за знатью строго
И уважает высших сфер закон).
Всё то, что в замке делалось, немало
Всех этих мелких сошек занимало.

92.

Жуана не печалил неуспех:
В такой среде он был ему ненужен;
Но, увидав Авроры милой смех,
Он этим был взволнован и сконфужен.
(Причину смеха скрыть не в власти тех,
С которыми он в жизни редко дружен!).
Хоть от Авроры Дон-Жуан любви
Не ждал—огонь вспылал в его крови.

93.

Он покраснел невольно от досады,
Утратив власть над волею своей;
А уязвлять могли ль Авроры взгляды?
Он жалость в них прочесть бы мог скорей,
Чем осужденье; полон был отрады
Тот светлый факт, что он замечен ей.
Ему бы это бросилося в очи,
Не будь испуган он виденьем ночи.

94.

Но горе в том, что, не смутясь ничуть,
Она, как Дон-Жуан, не покраснела;
Пришлось ей всё же в сторону взглянуть:
Она, волнуясь, бледность скрыть хотела.
Не беспокойство ль ей сдавило грудь?
Не знаю; мне до этого нет дела...
Но, впрочем, ярких красок никогда
В ее лице не виделось следа.

95.

Усердно занимала Аделина
Своих гостей; любезна и мила,
Им предлагая кушанья и вина,
Она их всех совсем с ума свела...
Но важная на то была причина:
Она устроить мужнины дела
Старалась; чтоб на выборах скандала
Не вышло, всех она равно ласкала.

96.

Она в глаза бросала ловко пыль
И роль играла с легкостью такою,
С какой протанцовала бы кадриль,
Вполне довольная своей судьбою;
Но по душе прийтися ей могли ль
Труды такие? Беглый взгляд порою
Лишь выдавал ее, и Дон-Жуан
Подумать мог, что ей знаком обман.

97.

Умение разыгрывать все роли—
По мненью многих—знак, что сердца нет;
Но это—только живость [75]), против воли,
И не искусства в этом виден след;
Притворства в этом нет и малой доли,
Хоть сходство есть во внешности примет;
И тот, кто впечатленью мига верен—
По моему, никак не лицемерен.

98.

Поэтов, дипломатов, болтунов
Нередко это свойство создавало;
Героев иногда, но мудрецов,
Конечно, нет. Мужей великих мало,
А много умных знаем мы голов;
Ораторов когда же не хватало?
А финансисты редки в наши дни;
Лишь цифрами морочат нас они.

99.

Поэты арифметики,—задачи
Они решают странно. Доказать
Они способны, так или иначе,
Что дважды два дает в итоге пять.
Нам дорого их стоят неудачи!
Четыре в три умея превращать,
Они на части рвут доходы наши,
А всё ж нам жизнь от этого не краше.

100.

Шалунья герцогиня, между тем,
Не подавая виду, подмечала
Все стороны смешные и за всем
Следила, но скрывать умела жало.
Для светских пчел такой цветник—Эдем;
Он меду в дар приносит им немало.
Собрав его в количестве большом,
Они им наслаждаются потом.

101.

В роскошном замке день прошел отлично;
Вот подан кофе; кончился обед.
Присев, как приседать в глуши прилично,
Простились дамы; гости ждут карет.
Раскланявшись с неловкостью обычной,
За женами ушли супруги вслед,
Хваля любезность лорда на обеде
И в полном восхищеньи от милэди.

102.

Ее сердечность, такт хвалили все;
Так искренность в ее лице дышала,
Как солнца луч играет на росе;
Она по праву место занимала;
Ее уму дивились и красе;
Пред ней и зависть голову склоняла;
Хвалили также все ее наряд,
Что был так прост и вместе с тем богат.

103.

Меж тем она доказывать старалась,
Что верен взгляд уехавших гостей;
У них в долгу она не оставалась:
За скуку, что пришлось изведать ей,
Их чествуя, порядком всем досталось.
Смешных припомнив много мелочей,
Отделала милэди без пошады
Прически их, манеры и наряды.

104.

Она сама атаку не вела,
Зато других к насмешкам подбивала.
(Так Аддисона «робкая хвала»
Хвалимых им порою убивала).
Остротам, шуткам не было числа!
Когда меня язвит злословья жало,
Друзья! прошу не защищать меня:
Защиты я боюся, как огня.

105.

Не принимал участья в этом хоре
Забавных эпиграмм и шуток злых
Лишь Дон-Жуан; а также и Авроре,
Казалось, вовсе дела нет до них.
Любя блистать в веселом разговоре,
Не отставал он прежде от других;
А тут сидел унылый и угрюмый,
Какой-то удручен тревожной думой.

106.

За то, что он не расточает брань
Заочно и—в порыве озлобленья—
Злословию, как все, не платит дань,
Он заслужил Авроры одобренье.
(Должна же быть и злоязычью грань!).
Хоть не имело этого значенья
Его молчанье—всё ж Жуан был рад,
Что встретить мог Авроры добрый взгляд.

107.

Итак, могильный гость, печать молчанья
Жуану наложивший на уста,
Помог ему добиться той вниманья,
К которой всё рвалась его мечта;
Аврора воскресила в нем страданье
Минувших дней; но девственно чиста
Была такая страсть, что воплощала
В себе святую жажду идеала.

108.

Такое чувство—светлая любовь
К прекрасному, желанье лучшей доли;
С надеждой нас оно сродняет вновь;
С ним жалок «свет». Нам тяжек гнет неволи,
Когда оно нам согревает кровь.
Любимый взгляд дарит нам счастья боле,
Чем обольщенья славы. Если страсть
Клокочет в нас, как их ничтожна власть!

109.

Хоть меркнут и лучи, и дни без счета,
Хоть времени на всем видна печать,
Не перестанет мир, ища оплота,
К Венере страстной руки простирать.
Один Анакреон стрелу Эрота
Мог свежим миртом вечно украшать.
А всё ж, усердно чествуя Венеру,
Не в силах мы в нее утратить веру.

110.

Когда настала полночь, в свой покой
Ушел Жуан. Мы смело думать можем,
Что не ко сну стремился мой герой.
Не мак, а ивы веяли над ложем
Жуана. Грез его баюкал рой;
Он был такими думами тревожим,
Что в скептике лишь пробуждают смех,
Влюбленным же готовят ряд утех.

111.

Луна, как в ночь прошедшую, светила.
Жуан—по платью сущий sans-culotte—
Сидел в одном халате. Трудно б было
Костюм придумать легче. Только тот,
Кто сталкивался в жизни с вражьей силой—
Жуана положение поймет.
Он ожидал, конечно, не без страха
Вторичного явления монаха.

112.

Он ожидал не тщетно... Чу! слышны,
Вселяя страх, глухие звуки где-то...
Не крадется ли призрак вдоль стены?
Ах! Чорт ее побрал бы—кошка это!
Ее шаги чуть слышные сходны
С походкою жильца иного света
Иль барышни, что ночью в первый раз
Спешит на rendez-vous, всего боясь.

113.

Опять!.. То появленье ль силы вражьей,
Иль просто ветер? С мерностью стихов
(Мернее вирш поэтов новых даже)—
Идет монах, таинствен и суров.
Всё спит кругом; темно во всем этаже;
Глухая ночь бросает свой покров;
Лишь твердь алмазами созвездий блещет;
Жуан глядит на духа и трепещет.

114.

На скрип стекла, что мокрым пальцем трут [76]),
На шум дождя, что раздается глухо,
Похож был резкий звук, который тут
Нежданно до его донесся слуха.
Смутился он, и это все поймут;
Кого не потрясет явленье духа?
И тот, кто верит в бестелесный свет,
Боится с ним остаться tête-à-tête.

115.

С открытым ртом, глаза раскрывши тоже,
Стоял Жуан. От страха смертный нем,
А рот он раскрывает, и похоже,
Что речь сказать намерен. Между тем,
Всё приближался, страх Жуана множа,
Могильный гость. Глаза и рот совсем
Раскрыв, стоял Жуан; в нем сердце билось,
А вот и дверь таинственно раскрылась.

116.

И шум, и скрип в зловещий гул слились,
Напоминая Данта стих тревожный:
«Входя сюда, с надеждою простись!»
Пред силою бесплотной как ничтожна
Земная плоть! Герой, как ни храбрись,
Тебе бороться с духом невозможно!
Ведь плоти нет защиты от теней,—
Вот почему при них так страшно ей.

117.

Со скрипом дверь скользить на петлях стала
И растворилась тихо. Всё кругом,
Одето тьмой, таинственно молчало;
Хоть у Жуана две свечи огнем
Горели ярким, всё ж светили мало.
И вот у двери, в сумраке ночном,
Явился инок в черном капюшоне,
Играя роль пятна на темном фоне.

118.

Сначала испугался Дон-Жуан,
Затем в нем пробудилося сомненье;
Что, если этот призрак—лишь обман?
Стыдясь своей ошибки, в то ж мгновенье
Он, бодр душою, выпрямил свой стан
И, всякие отбросив опасенья,
Решился доказать, что плоть с душой
Не могут быть слабей души одной.

119.

Испуг его стал гневом. Свирепея,
Жуан к дверям направился. Монах
Попятился немного; не робея,
Жуан пошел за ним, отбросив страх;
Узнать хотел он правду. Пламенея,
В нем кровь струилась; гнев сверкал в очах;
Монах, что отступал, грозя рукою,
Остановился, встретясь со стеною.

120.

Он в статую, казалось, превращен;
Жуан хотел схватить его руками,
Но каменной стены коснулся он,
Стены, одетой лунными лучами.
Он этим был испуган и смущен.
Но можно ль—посудите только сами—
Не испугаться чуда? Мир теней
Пугает нас бесплотностью своей.

121.

А призрак всё не двигался. Могила,
Не потушив огонь его очей,
Его дыханье даже пощадила
И золотистый шелк его кудрей.
Когда ж луна волшебно озарила
Его лицо игрой своих лучей,
Как жемчуга его сверкнули зубки;
Их обрамляли розовые губки.

122.

Тогда Жуан решился протянуть
Другую руку к призраку. Волненье
Его росло, и вот он тронул грудь
Упругую и теплую; биенье
Под ней он сердца слышал, и ничуть
Не веяло могилой от виденья.
Тут понял он, что, при лучах луны,
Он первый раз касался лишь стены.

123.

То был ли дух? Сомненья неизбежны:
Бесплотность ведь для призраков закон;
А этот призрак, с шейкой белоснежной,
Казался полон жизни; также он
Душою обладал живой и нежной;
Но вот свалился черный капюшон,
И герцогини Фиц-Фольк шаловливой
Жуан, смутясь, увидел лик красивый...

Перевел с английского
П. А. Козлов

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

1.

Мир полон сирот. Прежде всех—такие,
Кто в точном смысле слова сирота;
Что ж, любят ширь деревья молодые,
Их рост глушат тенистые места;
Потом—знававшие, как все другие,
Родителей в незрелые лета,
Но их любви не ведавшие дети
И с сирым сердцем жившие на свете.

2.

Потом—«единственные дети». Им
Всю жизнь не вырасти. Ведь мы недаром
О них, как о несчастных, говорим.
И я пребуду в убежденьи старом,
Что, если мы их утра не щадим,
Не зная меры ласкам или карам,—
В их ум и сердце входит пустота;
Такой ребенок—тот же сирота.

3.

Когда мы с вами думаем огулом
О сиротах, пред нами мысль встает
О неуютной школе, о сутулом
И хилом тельце, щепке в бездне вод,
О существе, что называют «мулом» [77]),
Предмете состраданья и забот;
Но если посмотреть на результаты,
То злополучней сирота богатый.

4.

Он сам себе родитель. Что ему
Даст опекун, как бы он ни был тонок,
В сравнении с отцом? И потому
Воспитанный опекою ребенок
(Ближайшее сравнение возьму)
Лишь высиженный курицей утенок,
Ее страшащий—особливо дочь—
Тем, что к воде стремглав несется прочь.

5.

Есть общепринятое возраженье,
Для каждого удобнейший ответ,
Кто встретит в жизни новое воззренье:
«Пускай ты прав, тогда неправ весь свет!»
Переверните это положенье,
Звучавшее так много сотен лет;
«Раз ты неправ, то все другие правы!»
Но «всем другим»—не слишком много ль славы?

6.

Поэтому просить бы я желал
Для всех своих суждений полной воли.
Ведь каждый век—былые порицал
И поносил предместника по роли
За то, что тот на иглище лежал,
По тупости не ощущая боли.
Что призвана любая из химер
Стать истиной, в том Лютер дал пример.

7.

От таинств остается только пара,
Ведьм—нет и вовсе, хоть и без того
Сочли, что жечь старух (всё ж эта кара
Должна б чуть-чуть коснуться кой-кого,
И не одна бы улеглася свара,
Когда б спросили мненья моего)
Непозволительно учтивым людям
(О Мэтью Хэле вспоминать не будем) [78]).

8.

Остановивший солнце Галилей
Расстался с ним; за смелые догадки,
Что мы летим орбитою своей,
Ему в колодки заковали пятки;
Он умирал, не убедив людей,
Что мозг его не просит конопатки;
Теперь он прав, сомненья в этом нет:
Пусть утешается его скелет.

9.

Локк, Пифагор, Сократ—но можно дести,
И попусту, заполнить без труда
Переложением давнишней вести,
Что мудрецов не чтили никогда!
Они опережают лет на двести
Отсталый век, и в этом их беда;
Зато уверен одинокий гений
В признании грядущих поколений.

10.

Таков удел Гигантов бытия;
А нам, простым и маленьким, пристало
Быть гибче в жизненной борьбе, и я
Стараюсь тоже, только толку мало—
Всё эта желчь несчастная моя!
Я каждый день решаю: «Вот начало.
Я—totus, teres, стоик и мудрец».
Но легкий ветер—и всему конец.

11.

Я сдержан—но чувствителен к обидам;
Я скромен—но себе я знаю вес;
Я переменчив—но и «semper idem»;
Я терпелив—но терпелив в обрез;
Я весел—но нередко мрачен видом;
Я тих—но часто «ярый Геркулес»;
Должно быть, у меня—на то похоже—
Под внешней кожей две-три скрытых кожи.

12.

В шестнадцатой главе герой наш был
Покинут в миг пленительный и жгучий,
Когда моральных и телесных сил
Явить величье представлялся случай;
Не согрешил он или согрешил,—
Он к нации принадлежал горючей,—
Сказать не смею, разве Красота
Мне поцелуем разомкнет уста.

13.

Пусть это будет лишней тайной в мире.
Настало утро—брэкфест, чай и мед
(Кто сложит песнь о ветчине и сыре?).
Все те, чей сан, имущество и род
Мне стоили уж многих струн на лире,
Сошлись внизу; из дам недостает
Одной Фиц-Фольк; вот и она; за нею
И Дон-Жуан, похожий на камею.

14.

Что лучше встретить—призрак или нет—
Не знаю; но имел, казалось, дело
Жуан с толпою духов; серый цвет
Лица, изнеможенье, вялость тела;
Он, видимо, с трудом глядел на свет.
И герцогиня странный вид имела:
Бледна, разбита, словно и она
Всю ночь мечтала и не знала сна.

Перевел с английского
М. Лозинский

ПРИМЕЧАНИЯ

К странице 12.

[1]) „См. Уэверлей“ —*Б.*

К странице 15.

[2]) Дамы Сераля.—*Б.*

К странице 18.

[3]) „Соседние Грузию, Мингрелию и землю Черкесов природа избрала, по крайней мере на наш взгляд, для образцовой человеческой красоты, в отношении телосложения, цвета кожи, симметрии форм и выразительности лица: мужчины созданы для действия, женщины для любви“. (Гиббон).—*Б.*

К странице 27.

[4]) Из „Юлия Цезаря“ Шекспира.—*П. К.*

К странице 42.

[5]) Marrow—английское национальное блюдо из бычачьих мозгов.—*П. К.*

К странице 44.

[6]) Капитан Смит, в песне: «A Captain bold, in Halifax,—That dwelt in country quarters,—Seduc'd a maid who hang'd herself—One Monday in her garters.“ (Фарс Джорджа Colman'a „Love Laughs at Locksmiths“, 1818).

К странице 51.

[7]) Damn my eyes! т. е.: „Будь прокляты мои глаза!“ —любимое английское простонародное выражение.— *П. К.*

К странице 52.

[8]) Факт: Суворов делал это самолично.—*Б.*

К странице 64.

[9]) „Алла-гу!"—боевой клич мусульман; ударение на последнем слоге придает ему дикое и необычайное выражение.—*Б.*

[9a]) „Но у Тебя *) страшнее нет
Орудья, чтоб очистить свет,
Чем бой людской, чем взмах копья,—
Да, Битва—дщерь Твоя!"

Уордсуорт. *Благодарственная Ода.* (*18 янв. 1816 г.*).—*Б.*

К странице 66.

[10]) Это факт: см. ватерлоские газеты. Я вспоминаю, как сказал тогда одному своему приятелю: „Вот она слава! человек убит, его имя—Гроз (Grose), а печатают Гров (Grove)". Я учился вместе с покойным; это был весьма любезный и умный человек, и его очень ценили в обществе за остроумие, веселость и „chansons à boire".—*Б.*

К странице 67.

[11]) См. Генерала Валлэнси и Сэра Лоренса Парсонса.—*Б.*

К странице 68.

[12]) Португальская пословица гласит, что ад вымощен благими намерениями.—*Б.*

К странице 70.

[13]) Изобретение пороха приписывают этому монаху.—*Б.*

К странице 77.

[14]) Дэниел Бун основал первое поселение в Кентуки (Северная Америка).—*П. К.*

[15]) Джон Кэйрль (1637—1724), английский филантроп, живший в г. Россе, в Херфордшайре.

К странице 86.

[16]) Русский военный орден.—*Б.*

К странице 95.

[17]) Нечто в роде куплета; ибо он был поэт.—*Б.*

*) То-есть — у божества; лучше родословной для убийства не измыслил бы, пожалуй, и Герольдмейстер; что сказали бы, если бы подобное родство обнаружил какой-нибудь прямодушный народ?—*Б.*

К странице 99.

[18]) См. парламентские речи после сражения при Уотерло.—*Б.*

К странице 104.

[19]) В Греции мне не приходилось ни видеть, ни слышать этих животных; но среди развалин Эфеса я слышал сотни их.—*Б.*

К странице 106.

[20]) Он был убит заговорщиками, когда запоры довели его раздражительность до степени безумия.—*Б.*

К странице 109.

[21]) Он был великой страстью великой Екатерины. См. главу „Ланской" в ее жизнеописании.—*Б.*

К странице 110.

[22]) Это было написано задолго до самоубийства названного лица.—*Б*

К странице 111.

[23]) Hor., Sat., lib. I, sat. III, ст. 107—108.—*Б.*

К странице 117.

[24]) Русское имение всегда оценивается по числу крепостных.—*Б.*

К странице 124.

[25]) Доброе старое время.—*П. К.*

[26]) Мост через Дон, близ „старого города" Эбердина, единственная арка этого моста, черный, глубокий поток внизу с множеством лососей,— все это живет в моей памяти, как вчерашний день. Я помню до сих пор, хотя, может быть, и неверно передаю ее, страшную поговорку, которая заставляла меня колебаться, прежде чем перейти мост, и всетаки склоняться над ним с ребяческим упоением, потому что я был единственным сыном, по крайней мере, с материнской стороны. Вот эти слова, так, как я их помню, хотя мне не приходилось больше ни слышать, ни видеть их с тех пор, как мне исполнилось девять лет:

„Brig of Balgounie, *black*'s your *wa'*,
Wi' a wife's *ae son*, and a mear's *ae foal*,
Doun ye shall fa'!"

(„Балгунский мост, черна твоя стена. Под единственным сыном матери и единственным жеребенком кобылы ты обрушишься").—*Б.*

[27]) Стих Вальтер Скотта в „Последнем Менестреле".—*П. К.*

К странице 126.

[28]) Тиберий Гракх, будучи народным трибуном, потребовал от имени народа исполнения аграрного закона, в силу которого все лица, владевшие землей свыше известного количества, лишались излишка в пользу бедных граждан.—*Б.*

[29]) Mi ritrovai per una selva oscura.—„Inferno", Canto I.—*Б.*

К странице 128.

[30]) Метафора по образцу „сорока лошадиных сил" паровой машины. Этот сумасшедший шутник, преподобный Сиднэй Смит, сказал однажды, после обеда у одного своего собрата-священника, что его глупый сосед развивает в разговоре „двенадцать поповских сил".—*Б.*

К странице 129.

[31]) В подлиннике игра слов: hyde (земельная мера)—hide (шкура).

К странице 132.

[32]) Императрица посетила Крым, в сопровождении императора Иосифа,—не помню, в котором году.—*Б.*

К странице 134.

[33]) При Императрице Анне, Бирон, ее фаворит, принял имя и герб французских Биронов; эти фамилии еще существуют, равно как и английская. Живы и дочери герцога Курляндского, носящие это имя; помню, одну из них я видел в Англии в благословенный год Союзников (1814) —герцогиню С.,—которой английская герцогиня Сомерсет представила меня, как соименника.—*Б.*

К странице 135.

[34]) Св. Урсула и ее одиннадцать тысяч дев еще существовали в 1816 г., возможно, что и теперь, как и всегда.—*Б.*

К странице 139.

[35]) Вдруг появляется нечто горькое.—*П. К.*

К странице 149.

[36]) Игорный дом — „Hell" („Ад"). Каково теперь их число на этом свете, не знаю. В молодости я знал их все наперечет, и „золотые", и „серебряные". Один знакомый однажды чуть не вызвал меня на дуэль, потому что на его вопрос, где, по-моему, очутится его душа, я ответил—„в серебряном аду".—*Б.*

К странице 151.

[37]) Трилистник—эмблема Ирландии.

К странице 154.

38) „Drapery Misses".—Выражение это теперь едва ли таинственно. Но таким оно было для меня, когда я в первый раз вернулся с Востока в 1811—1812 г. Оно означает красивую, знатную, изящную молодую женщину, которую во всем наставили ее подруги, а модистка снабдила гардеробом в кредит с тем, чтобы долг был уплачен, по выходе ее замуж, *супругом*. Эту тайну впервые раскрыла мне одна молодая и прелестная наследница, когда я хвалил наряды „бесприданных", но „очаровательных дев" (как миссис Анна Пэдж) тех дней, ныне прошедших. Она уверяла меня, что это обычная вещь в Лондоне; так как ее собственные тысячи, цветущий вид и богатая простота туалета устраняли всякое подозрение в отношении ее самой, я, признаться, придал веру ее указаниям. В случае надобности, можно было бы привести доказательства; в этом случае я сослался бы как на наряды, так и на носительниц. Но будем надеяться, что теперь это дело прошлое.—*Б.*

К странице 156.

39) Гудсон Ло (Hudson Lowe)—бессердечный тюремщик Наполеона.—*П. К.*

40) Джордж Кроли (1780—1860), писатель, впоследствии проповедник, автор трагедии „Катилина" (1822). В строфе 58-й обозначен прозвищем „Камбиз".

41) Строфа 58-я впервые обнародована в 1837 г. В ней имеется в виду Генри Харт Мильмэн (1791—1868). Байрону казалось, что Мильмэн убедил Меррея прекратить печатание „Дон-Жуана". К этому подозрению присоединялось ошибочное мнение, будто статья в „Quarterly" „убившая Джона Китса", была написана Мильмэном. Отсюда едкость нападок.

„Дор"—неясно; но ср. у Проперция, Элег. III, VII, 44, обращение к Каллимаху: „Dore poëta". Он „вол (ох) стихотворства", ибо незадолго перед тем был назначен профессором поэзии в Оксфорде. „Толпа"—это „солдаты", кричащие: „Все, все", в „Катилине" Кроли, д. V, сц. 2.—[*Прим. к VI т. соч. Байрона, изд. John Murray. Лонд. 1903*].

К странице 157.

42) „Divinae particulam aurae".—*Б.*

К странице 163.

43) «Жизнь—скверная актриса», Шекспир—«Макбет», д. V, сц. 5. «Ролей вы не бросайте, шуты!», Шекспир—«Генрих IV», д. II, сц 4.

44) «Новая Аталантида» — сатира на высшее общество, соч. миссис Мэнли.—*П. К.*

К странице 166.

45) Испанские патриоты.—*П. К.*

К странице 168.

[46]) Стихи Вальтер Скотта в „Последнем Менестреле".—*П. К.*

К странице 169.

[47]) См. Митфордову „Грецию". „Graecia Verax". Он находит особое удовольствие в том, чтобы хвалить тиранов, поносить Плутарха, давать именам необычное начертание и писать причудливо; и, что странно, несмотря на это, его история Греции—лучшая из современных на каком бы то ни было языке, и он, должно быть, лучший из современных историков. Назвав его недостатки, справедливо отметить его достоинства—ученость, трудолюбие, тщательность, злость и пристрастность. Последние я считаю достоинством в писателе, потому что они побуждают его писать серьезно.—*Б.*

К странице 174.

[48]) Эта строчка удивит более будущих комментаторов, чем современников.—*Б.*

К странице 183.

[49]) Русские, как известно, выбегают из горячих бань и бросаются в Неву; приятная практическая антитеза, которая, повидимому, не причиняет им вреда.—*Б.*

К странице 185.

[50]) Описание и изображение этого обитателя полярной области и родины Полярных Сияний см. в «Путешествии в поисках Северо-Западного Пути» сэра Э. Пэрри.—*Б.*

К странице 186.

[51]) Один ваятель предполагал иссечь из Афонской горы статую Александра, с городом в руке, кажется, рекой в кармане и разными другими подобными затеями. Но Александра уже нет, а Афон стоит поныне, чтобы—я верю—вскоре осенить свободный народ.—*Б.*

К странице 192.

[52]) Пародия на стихи из трагедии Аддисона „Катон": „Смертные не располагают успехом; но мы, Семпроний, сделаем лучше; мы его заслужим!"—*П. К.*

К странице 206.

[53]) Если не ошибаюсь, «твой датчанин» значится у Яго в каталоге народов, «замечательно пьющих».—*Б.*

К странице 207.

[54]) В Ассирии.—*Б.*

К странице 208.

[55]) Сирия, т.-е. псица.—*Б.*

К странице 214.

[56]) Это, по крайней мере, научило бы его человечности. Этот сентиментальный дикарь, на которого принято ссылаться (среди писателей) для доказательства их склонности к невинным развлечениям и старым песням, учит, как ловить на мели лягушек и ломать им лапки в виде опыта, в придачу к искусству ужения,—самому жестокому, холодному и глупому из, так называемых, спортов. Они говорят о красотах природы, но удильщик думает только о своем рыбном столе; у него нет времени отвести глаза от воды, и один „клевок" ему дороже, чем все окружающее. К тому же, некоторые рыбы лучше всего клюют в дождь. В ловле китов, акул и скумбр есть нечто благородное и опасное; даже ловля сетью, неводом и т. п. более человечна и полезна. Но ужение!—удильщик не может быть хорошим человеком.

„Один из лучших людей, которых я когда-либо знал,—человечнее, мягче, великодушнее и прекраснее всех на свете,—был удильщиком, правда, он ловил на крашеных мух и был бы неспособен на причуды Айсэка Уолтона".

Эта приписка сделана одним другом при чтении рукописи.—„Audi alteram partem".—Я сохраняю ее в противовес моему собственному замечанию.—*Б.*

К странице 228.

[57]) Кажется, в письмах Свифта или Хорэса Уолполя упоминается, что некий всесветный Пилад ответил кому-то, кто сожалел об утрате друга: „когда я теряю друга, я иду в Сент-Джемсское кафе и беру другого". Я вспоминаю еще анекдот в том же роде.—Сэр Уильям Д. был завзятый игрок. Придя однажды в клуб, где он состоял членом, он имел печальный вид. „В чем дело, сэр Уильям?"—воскликнул веселой памяти Хэйр. „Ах!"—ответил сэр Уильям,—„я только что потерял бедную лэди Д." „Потеряли! Проиграли в кости или в пятнадцать?"—последовал утешительный ответ вопрошавшего.—*Б.*

К странице 230.

[58]) Когда сын знаменитого канцлера выразил своему отцу удивление, что в так называемых таинствах политики великие последствия происходят от ничтожных причин,—тот ответил: ты из этого можешь увидеть, сын мой, с какой ничтожной мудростью управляют земными королевствами.—*Б.*

К странице 234.

[59]) См. „La Nouvelle Héloïse."—*Б.*

К странице 235.

[60]) Hor., Epod. I, ст. 1.—*Б.*

К странице 246.

[61]) Так как в наше время необходимо избегать двусмысленности, я заявляю, что под „еще Божественнейшим" я разумею Христа. Если когда-либо бог был человеком—или человек богом—он был и тем, и другим. Я никогда не обличал его вероучения, но то употребление—или злоупотребление—которому оно подверглось. Мр. Кэннинг однажды сослался на Христианство для освящения неволи негров, и мр. Вильберфорс мало что мог возразить. Разве Христос для того был распят, чтобы черных людей бичевали? Если так, то лучше бы он родился мулатом, чтобы оба цвета в равной мере могли расчитывать на свободу или хотя бы на спасение.—*Б.*

К странице 247.

[62]) Матон хочет всегда говорить превосходно; говори иногда хорошо, иногда посредственно, иногда плохо.—Марциал.—*П. К.*

К странице 248.

[63]) Аристотель.—*П. К.*

К странице 250.

[64]) Эта необыкновенная и процветающая немецкая колония в Америке несовершенно отвергает брак, как „шэкеры", но налагает на него такие ограничения, которые не допускают более известного числа рождений в известное число лет; рождения эти (как замечает мр. Хёльм) обычно происходят „маленькими группами, как у овец на ферме, все, может быть, в течение одного месяца". Эти Гармонисты (названные так по имени их колонии) считаются замечательно цветущими, благочестивыми и спокойными людьми. См. разных новейших писателей об Америке.—*Б.*

К странице 258.

[65]) Блюдо „à la Lucullus". Этот герой, покоривший Восток, оставил по себе наибольшую славу пересадкой вишен (которые он первый привез в Европу) и наименованием некоторых отличных блюд; и я не уверен, не принес ли он человечеству больше пользы (исключая расстройство желудка) своею кухней, чем победами. Вишневое дерево может перевесить кровавый лавр; впрочем, он умел стяжать известность и тем, и другим.—*Б.*

К странице 259.

[66]) „Petit puits d'amour garnis de confitures"—классическое и знаменитое блюдо, подаваемое перед второй переменой жаркого.—*Б.*

К странице 266.

[67]) Гоббс, сомневаясь в существовании собственной души, очень любезно думал так же и о душах других людей, чтобы отклонять их посещения, которые внушали ему некоторую боязнь.—*Б.*

К странице 267.

[68]) Шекспир, „Гамлет".—*П. К.*

К странице 269.

[69]) Из чего приготовлялся тирский пурпур—из раковин, из червеца или из кермеса—до сих пор служит предметом спора. Спорен даже его цвет—одни говорят, что он был пурпуровый, другие, что алый; я ничего не говорю.—*Б.*

К странице 273.

[70]) Джон Хорн Тук (1736—1812)—английский политический деятель; его воззрения возбуждали оживленные споры в журналах.—*П. К.*

К странице 279.

[71]) Мне кажется, что Диоген попрал ковер, воскликнув: «Так я попираю ногами гордость Платона!»—«С еще большей гордостью», возразил Платон. Но так как ковры для того и существуют, чтоб на них наступали, то, вероятно, я ошибся, и очень может быть, что речь шла о плаще, занавеске, скатерти или какой-нибудь ценной и антицинической вещи.—*Б.*

[72]) Я вспоминаю, как жена мэра одного провинциального городка, пресыщенная исполнением иностранных произведений, довольно неблагопристойно нарушила аплодисменты присутствовавших ценителей—ценителей музыки, хочу я сказать—потому что слова, мало того, что они принадлежали к неудобопонятным языкам (это было за несколько лет до заключения мира, когда никто еще не путешествовал, а сам я еще учился), жестоко искажались исполнителями; итак, супруга мэра воскликнула: «К чорту итальянцев! мне больше нравится простая баллада». Россини кончит тем, что все будут того же мнения. Кто бы мог подумать, что он станет наследником Моцарта? Впрочем, я выражаю это мнение с осмотрительностью, будучи верным и преданным поклонником итальянской музыки вообще и некоторых творений Россини в особенности, но мы можем сказать, как знаток живописи в „Викарии Уэкфильдском", что „картина была бы лучше, если бы художник больше потрудился".—*Б.*

К странице 283.

[73]) „Ausu Romano, aere Veneto" гласит надпись (уместная надпись в данном случае) на морских стенах между Адриатикой и Венецией, Эти стены—республиканское сооружение венецианцев; надпись, я полагаю, императорская; и сделана она Наполеоном *Первым.* Пора опять присвоить ему этот титул—со временем явится второй, „Spes altera mundi", если он будет жив; пусть он не обманет этой надежды, подобно своему отцу. Но, во всяком случае, он будет предпочтительнее „Imbéciles". Для него есть славное поле, лишь бы он сумел его возделать.—*Б.*

К странице 289.

[74]) Намек на процесс английской королевы, жены Георга IV.—*П. К.*

К странице 292.

[75]) По французски „mobilité". Я не уверен, можно ли сказать по-английски „mobility"; этим словом выражается качество, свойственное скорее другим странам, хотя оно встречается иногда сильно выраженным и у нас. Его можно определить, как крайнюю восприимчивость к непосредственным впечатлениям—в то же время без утраты прошлых; свойство это, хотя оно порой, повидимому, полезно его обладателю,—весьма мучительное и злосчастное.—*Б.*

К странице 297.

[76]) См. рассказ о духе дяди Принца Карла Саксонского, вызванном Шрепфером—„Karl—Karl—was willst du mit mir?"—*Б.*

К странице 300.

[77]) Итальянцы, по крайней мере, в некоторых частях Италии, зовут внебрачных детей и найденышей *мулами*,—почему, не знаю; не потому ли, что рожденных в браке они считают ослами?—*Б.*

К странице 301.

[78]) Сэр Мэтью Хэль (1609—1676), верховный судья Англии, приговорил к смерти двух женщин, обвиненных в колдовстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие автора к песням VI, VII и VIII 7
Песнь шестая 9
Песнь седьмая 40
Песнь восьмая 62
Песнь девятая 98
Песнь десятая 120
Песнь одиннадцатая 142
Песнь двенадцатая 165
Песнь тринадцатая 188
Песнь четырнадцатая 216
Песнь пятнадцатая 242
Песнь шестнадцатая 267
Перевод (1-й—16-й песен) с английского *П. А. Козлова*
Песнь семнадцатая 300
Перевод с английского *М. Лозинского.*
Примечания 304

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТРОГРАД—МОСКВА

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Петроград, ДОМ КНИГИ. Просп. 25 Октября, 28. Тел. 132-44.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Художественная литература.

Андреев-Нексе, М. — Пассажиры пустых мест. Рассказы. Перевод А. Н. Горлина. 115 стр. Ц. 60 к.

Брюсов, Валерий. — Кругозор. Избранные стихи. Обложка худ. Н. Вышеславцева. 331 стр. Ц. 50 к.

Верхарн, Э.—Полн. собр. поэм в пер. Георгия Шенгели. Том 3. „Призрачные деревни", „Появившиеся на моих путях", „Лозы моей стены". 130 стр. Ц. 70 к.

Его же. — Полн. собр. поэм в пер. Г. Шенгели. Том 5-й „Галлюцинирующие селения", „Города-спруты". 123 стр. Ц. 70 к.

Зденко фон Крафт. — Баррикады. Роман. Пер. с немецкого под ред. А. Н. Горлина. 271 стр. Ц. 75 к.

Никитин, Ник. — Рвотный форт. Рассказы. Обложка художника Ю. Анненкова. 296 стр. Ц. 80 к.

Орешин, Петр. — Корявый. Рассказы. 128 стр. Ц. 35 к.

Островский, А. Н. — Бедная невеста. Ком. в 5 д. Вступ. статья Н. Эфроса. 154 стр. Ц. 57 к.

Его же. — Гроза. Драма в 5-ти д. Вступительн. статья Н. Эфроса. 115 стр. Ц. 35 к.

Островский, А. Н. — Лес. Ком. в 5-ти действ. 120 стр. Ц. 35 к.

Его же. — Свои люди сочтемся. Комедия в 4-х действиях. Вступительная статья Н. Эфроса. 98 стр. Ц. 40 к.

Сетон-Томпсон, Эрнест.—Джек—король Таллакский. Рассказы. Пер. с английского Ад. Острогорской. С рис. 288 стр. Ц. 75 к.

Социалистический народ. театр.— Пьесы Э. Прецанг. I. Дочери труда; II. Его юбилей. Перевод с немецкого под ред. А. Н. Горлина. Обложка Е. Белухи. 116 стр. Ц. 35 к.

Степняк-Кравчинский, С. М. — Штундист Павел Руденко. Дополнено по рукописи. С написанными для настоящего изд. воспоминаниями П. А. Крапоткина. Обложка Е. Белухи. 183 стр. Ц. 75 к.

Толстой, Алексей Н. — Лунная сырость. Повести двадцать первого года. 79 стр. Ц. 27 к.

Его же.—Приворот. 88 стр. Ц. 40 к.

Цветаева, Марина.—Версты. Стихи. 122 стр. Ц. 50 к.

Истории литературы.

Гроссман, Л. П. — Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. 119 стр. Ц. 1 р.

Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Пер. с нем. Л. Я. Круковской, под ред. и с предислов. А. Г. Горнфельда. 105 стр. Ц. 25 к.

Оввет, Анри.—Итальянская литература. Пер. проф. С. И. Соболевского. 356 стр. Ц. 40 к.

Пушкинский Сборник памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова („Пушкинист", IV, под ред. Н. В. Яковлева) с портр. С. А. Венгерова. 363 стр. Ц. 2 р.

Сборник Пушкинского Дома на 1923 г.—Пушкин, Дельвиг, Крылов, Жуковский, Тургенев, Писарев, Герцен, Чернышевский, Полонский, Стасов, Л. Толстой. Обл. А. Лео. 332 стр. Ц. 2 р. 20 к.

Уоллес, Дж.—Уот Уитмен и мировой кризис. Пер. под ред. А. Н. Горлина. 32 стр. Ц. 6 к.

Искусство.

Дидро, Д. — Парадокс об актере. Пер. с фр. VII+78 стр. Ц. 45 к.

Плутарх.—О музыке. Серия „Мыслители о музыке" под ред. Е. М. Браудо. Вып. I. Обл. худ. М. Соломонова. 91 стр. Ц. 50 к.

Сабанеев, Л.—Скрябин. 2-ое изд., перераб. авт. 208 стр. Ц. 1 р. 40 к.

История.

Галактионов, И.—Первопечатник Иван Федоров. 88 стр. Ц. 30 к.

Молок, А. И.—Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 г. Под ред. и с предислов. Б. Б. Беккера. 56 стр. Ц. 15 к.

Тахтарев, К. М.—Очерки по истории первобытной культуры. Первобытное общество. С рис. 143 стр. Ц. 50 к.

Шиковский, Д. — Люди и нравы французской революции. Пер. с нем. А. М. Ловягина. Под ред. и с примечан. А. Н. Горлина. Обложка Е. Белухи. 2-ое изд. 163 стр. Ц. 40 к.

Книги для детей и юношества.

Древняя Ассирия.—Картины из ее жизни. Сказания о богах и героях. Перевод и обработка М. А. Дьяконова для детей книги Дж. Байки. 100 стр. Ц. 25 к.

Журналы.

«Архив Биологических Наук». Т. XXII. VII+196 стр. Ц. 2 р. 30 к.

«Вестник Рентгенологии и Радиологии». Т. II, в. I. 72+31 стр. Ц. 2 р.

«Естествознание в Школе». Журнал по вопросам естественно-исторического образования. № 3—5. 88 стр. Ц. 35 к.

«Записки Научн. Общества Марксистов». № 3. 191 стр. Ц. 60 к.

«Книга и Революция». Ежемесячный критико-библиографический журнал. № 8 (20). 80 стр. Ц. 40 к.

«Книга и Революции». № 9 — 10 (21 — 22). 116 стр. Ц. 90 к.

«Красная Летопись». Ежемесячный исторический журнал. № 5. 440 стр. Ц. 90 к.

«Красный Петроград». Журнал иллюстраций. 5-я годовщина Окрябрьской революции. 32 стр. Ц. 60 к.

«Мироведение». Известия русского общества любителей мироведения. Т. XI, № 2 (43). 79 стр. Ц. 56 к.

«Новая Книга». Бюллетень Государственного Издательства. № 5. 32 стр. Ц. 25 к.

«Просвещение». Педагогический сборник. № 2. 238 стр. Ц. 80 к.

«Трудовая Школа». Педагогический сборник. № 3. 57 стр. Ц. 30 к.

Розничная продажа всех поименованных изданий производится в московских и петроградских магазинах Государственного Издательства.

Оптовая продажа производится в Торговом Секторе Государственного Издательства.

Телефон № 549—32.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Вышли в свет:

Каталог Западно-Европейской и Американской литературы.
Каталог Литературы Востока.
Принципы художественного перевода (Сборн. статей).
«Литература Востока» сборники I-й и II-й.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

Д. Г. Байрон	— «Драмы».
»	— «Дон-Жуан», ч. 1-я.
О. де-Бальзак	— «Крестьяне».
Лили Браун	— «Письма маркизы».
Э. Верхарн	— Поэмы.
Г. Гейне	— «Путевые картины», ч. 1-я и 2-я.
В. Гете	— «Фауст», ч. 1-я и 2-я.
»	— «Страдания юного Вертера».
И. Гердер	— «Сид».
К. Гольдони	— Комедии, т. 1-й и 2-й.
Бр. Гонкур	— «Братья Земганно».
Т. Гоффман	— «Музыкальные новеллы».
В. Гюго	— «93-й год».
Ч. Диккенс	— «Повесть о двух городах».
Э. Зола	— «Западня».
Бласко Ибаньес	— «Проклятый хутор».
» »	— «Власть мертвых».
Ибн-Туфейль	— «Роман о Хайе сыне Якзана».
Г. Клейст	— Собрание сочинений, т. I.
Эса де-Кэйрош	— «Реликвия».
Ш. де-Костер	— «Легенды об Уленшпигеле», ч. 1-я и 2-я.
К. Лемонье	— «Завод».
»	— «Рог призыва».
А. Р. Лесаж	— «Хромой бес» и «Тюркарэ».
Ляо-Чжай	— «Лисьи чары».
К. Ф. Мейер	— «Новеллы».
П. Меримэ	— «Театр Клары Газуль».
Монгольские сказки	— «Волшебный мертвец».
Г. де-Мопассан	— «Милый друг».
»	— «Сильна, как смерть».
Новалис	— «Гейнрих фон Офтердинген».
Р. Роллан	— «Театр революции».
»	— «Трагедии веры».
О. Уитмэн	— «Листья травы».
Усама ибн-Мункыз	— «Книга назидания».
Г. Уэллс	— «Война в воздухе».
Г. Флобер	— «Воспитание чувства».
»	— «Саламбо».
А. Франс	— «Восстание ангелов».
»	— «Остров пингвинов».
»	— Рассказы.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Б. Шо — Пьесы.
Антология Китайских Лириков.

Печатается и готовится к печати:

Г. Клейст. — Собрание сочинений, т. 2-й.
К. Гоцци — «Сказки для театра».
Д. Дефо — «Робинсон Крузо».
Э. Зола — «Труд».
Стендаль — «Пармский монастырь».
А. Вольтер — «Орлеанская дева», с фототипиями.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

1. *О. Мирбо* — «Деревенские рассказы».
2. *Мультатули* — Рассказы.
3. *М. Твэн* — «Приключения Тома».
4. *Г. Д'Аннунцио* — «Пескарские рассказы».
5. *А. Шамиссо* — «Чудесная история Петера Шлемиля».
6. *А. Франс* — «Дело уличного торговца».
7. *Г. Гейерстам* — «Любовь».
8. *Баллады о Робин Гуде*
9. *Г. Деледа* — «Сардинские рассказы».
10. *О. Уайльд* — «Счастливый принц».
11. » — «Гранатовый дом».
12. » — «Кэнтервилльское привидение».
13. *Дж. Лондон* — «Сын волка».
14. *Г. Уэллс* — «Спящий пробуждается».
15. *В. Скотт* — «Черный карлик».
16. *А. Вольтер* — «Кандид».
17. » — Повести.
18. *Беранже* — Песни.
19. *Кольридж* — «Поэма о старом моряке».
20. *Р. Хаггард* — «Копи царя Соломона».
21. *Ф. Шиллер* — «Разбойники».
22. *Дж. Лондон* — «Закон белого человека».
23. *Вольтер* — «Белый бык».
24. *Бл. Ибаньес* — «Валенсианские рассказы».
25. *И. Иенсен* — «Гиммерландские рассказы».
26. *А. Франс* — «Чудо Св. Николая».
27. *В. Гюго* — «Последний день осужденного».
28. *К. Мейер* — «Святой».
29. *А. Додэ* — «Письма с моей мельницы».
31. *Л. Нордстрем* — «Обыватели».
32. *Г. де-Мопассан* — «В деревне» и др. рассказы.
33. *Г. Федерер* — «Прометей».
34. *Ю. Юргенсен* — «Африканские рассказы».
35. *Вольтер* — «Принцесса Вавилонская».
36. *Г. Уэллс* — «Машина времени».
38. *Г. Банг* — «Четыре дьявола».
39. *А. Франс* — «Сказка о сорочке».

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

41. *Г. Уэллс* — «Невидимка».
42. *Ш. де-Костер* — «Тиль Уленшпигель».
43. *Дж. Лондон* — «Путь морозных солнц».
44. *Ж. Мишле* — «Кордельеры и Дантон».
45. » — «Жанна д'Арк».
46. *Г. Гейерманс* — «Город брильянтов».
47. *М. Твэн* — «Принц и нищий».
48. *Дж. Лондон* — «Любовь к жизни».
49. *Дж. Барри* — «Белая птичка».
50. *Р. Саути* — Баллады.
52. *А. Иркулано* — Исторические повести.
53. *Иенсен* — «Ледник».
54. *Мудрость Хикара и басни Лукмана.*
57. *Ф. Шиллер* — «Вильгельм Телль».
58. *Диккенс* — «Колокола».
59. *Л. Стерн* — «Сентиментальное путешествие».

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

П. Бенуа — «Атлантида», роман
С. Бржозовский — «Зарево», роман из эпохи народовольцев.
Г. Верфель — «Человек из зеркала», пьеса.
К. Гамсун — «Соки земли», роман.
Г. Гауптман — «Зимняя баллада», пьеса.
П. Гзелль — «Беседы А. Франса».
О. Генри — Рассказы.
Г. Гольст — Лирические драмы.
С. Лагерлев. — «Гномы и люди», рассказы.
Р. Моран — «Батуала», африканский роман.
М. Маркс — «Женщина», роман.
К. Мейринк — «Голем», роман.
Ж. Ромэн — «Доногоо-Тонка», кинематографический роман.
Р. Роллан — «Кола Бреньон», роман.
» — «Пьер и Люс», роман.
Синг — «Герой», пьеса.
Э. Синклер — «Сто процентов», роман.
А. Франс — «Жизнь в цвету», роман.
Г. Уэллс — «Неугасимый огонь», роман.
К. Эдшмид — «Шесть притоков», новеллы.

Печатается и готовится к печати:

Г. Д'Аннунцио — «Ноктюрн», роман.
О. Генри — «Короли и капуста», роман.
М. Метерлинк. — «Белая невеста», пьеса.
Р. Роллан — «Клерамбо», роман.
Экспрессионизм — Сборник статей с иллюстрациями.
К. Эдшмид — «Тимур».
Ф. Бремер — «Туманность Андромеды».

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Вышли в свет издаваемые

„ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“

ЖУРНАЛЫ:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

КНИГА 1-Я И 2-Я

ПОД РЕДАКЦИЕЙ *Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова* и *К. И. Чуковского.*

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3.

„ВОСТОК“

КНИГА 1-Я И 2-Я

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА *С. Ф. Ольденбурга*, АКАДЕМИКА *И. Ю. Крачковского*, ПРОФЕССОРА *В. М. Алексеева*, ПРОФЕССОРА *Б. Я. Владимирцова* и *А. Н. Тихонова.*

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3.

Оптовая продажа

В ТОРГОВОМ СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1) Москва, Ильинка, Биржевая площадь, угол Богоявленского пр., № 4.
2) Петербург, Проспект 25 Октября, № 28, тел. 549-32.